

ЭПОХА ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

1917 - 2017

**Александр
Резник**

**Т Р О Ц К И Й
И Т О В А Р И Щ И
ЛЕВАЯ ОППОЗИЦИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА РКП(б)
1 9 2 3 - 1 9 2 4**

«Странная, неформальная политическая коалиция» — так назвал один из большевистских вождей оппозиционную группу, которой посвящена данная книга. На рубеже 1923–1924 годов Российская коммунистическая партия (большевиков) пережила серьезный кризис. Вспыхнувшая политическая борьба между левой оппозицией и большинством Центрального комитета партии в итоге радикально повлияла на судьбу революционного коммунистического проекта. Сводилась ли сущность этих процессов к «борьбе за власть» между Троцким и Сталиным? Была ли оппозиция «троцкистской»? Чем в действительности была оппозиция? Кем были оппозиционеры? Что значило для них быть в оппозиции? Как они понимали демократию? Существовали ли «троцкисты по психологии»?.. На эти и другие вопросы автор книги отвечает, опираясь на источники, многие из которых впервые вводятся в оборот. Основное внимание уделяется политическим практикам и смыслам, формировавшим динамичную политическую коммуникацию, политическую культуру и, в конечном итоге, суть политики в большевистской партии в момент, когда эпоха тоталитаризма приходила на смену эпохе войн и революций.

Александр Резник — кандидат исторических наук, выпускник факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, ассоциированный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований в Перми, постдокторант в Университете Базеля. Область научных интересов — политическая культура Гражданской войны, политика памяти в России.

ISBN 978-5-94380-224-9

**Александр
Резник**

**Т Р О Ц К И Й
И Т О В А Р И Щ И
ЛЕВАЯ ОППОЗИЦИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА РКП(б)
1 9 2 3 – 1 9 2 4**

Санкт-Петербург
2017

ЕВРОПЕЙСКИЙ

УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

*Книга издана при поддержке
Комиссии по научному планированию ЕУСПб*

УДК 329(47)

ББК 66.61(2)

Р 34

*Утверждено к печати Ученым советом Европейского
университета в Санкт-Петербурге*

*Рецензенты: А. В. Гусев, канд. ист. наук,
И. Халфин, PhD in History*

Резник А.

Р 34 Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы / Александр Резник. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 382 с. : ил. — (Эпоха войн и революций; вып. 10).

ISBN 978-5-94380-224-9

Книга посвящена левой оппозиции в Российской коммунистической партии — одной из сторон напряженной внутрипартийной борьбы, развернувшейся на рубеже 1923–1924 годов. Нередко эта оппозиция обобщенно называется «троцкистской», по имени ее самого известного лидера, заложившего новую политическую традицию. Но сложная политическая коммуникация не исчерпывалась борьбой за власть среди вождей большевизма, в нее были вовлечены и многие другие.

На страницах этой книги оппозиция предстает одновременно и как определенная группировка сторонников демократизации режима внутри партии, и как широкое движение, совокупность локальных оппозиционных выступлений рядовых членов партии. Большое внимание в книге уделено тому, что связывало и разъединяло «верхи» и «низы» оппозиции, а также разнообразию практик: дискуссий, заявлений, конфликтов, голосования, идентификации, слухов и эмоций.

Исследование опирается на документы московских и региональных архивохранилищ, многие из которых введены автором в научный оборот впервые. История внутрипартийной борьбы проливает свет на политическую культуру переходного времени, наступившего вслед за эпохой войн и революций 1914–1922 годов.

УДК 329(47)

ББК 66.61(2)

© А. В. Резник, 2017

© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2017

ISBN 978-5-94380-224-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
Глава I. Борьба за власть	21
1. «Междоусерствие»	21
2. «Письма» и «петиции»	27
3. «Декабрьская революция»	45
4. «Новый курс»	52
5. «Права или не права партия...»	68
Глава II. Троцкий и оппозиция	81
1. «Вопросы быта»	81
2. «Авторитет всей партии»	102
3. «Неверный термин»	118
4. «Неформальная политическая коалиция»	129
Глава III. Технологии политической борьбы	143
1. Демократия: борьба за большинство голосов	143
2. Секреты и слухи	161
3. Партийное право и конфликты	175
4. «По психологии троцкист»	191
Глава IV. Топография оппозиции	204
1. Roma locuta, causa finita	204
2. В провинции: случай Перми	226
3. У власти: случай Хамовнического района Москвы	241

Заключение	256
От автора	265
Примечания	268
Введение	268
Глава I	273
Глава II	296
Глава III	315
Глава IV	335
Заклучение	348
Хроника	350
Список сокращений	353
Литература	356
Указатель имен	369
Summary	381

Моим родителям

ВВЕДЕНИЕ

В больших нарративах, равно как и в общественном мнении, история Советского Союза и Коммунистической партии часто сводится к проблемам борьбы за власть и «тоталитаризма». По мере временного отдаления от советской эпохи не только множатся интерпретации и факты, но и растет спрос на широкие обобщения, чаще всего заполняемый мифами. Историкам приходится отвечать на «простые» вопросы о том, были ли *неизбежны* революция, диктатура, сталинизм, террор и, наконец, перестройка и распад СССР, и т. д. На их фоне теряются отдельные, порой важные аспекты, которые могли бы если не приблизить к новым ответам, то, по крайней мере, прояснить старые вопросы и поставить новые. Так, история внутрипартийной борьбы в Российской коммунистической партии (большевиков) в 1923–1924 годах чаще всего сводится к верхушечной борьбе за власть и не рассматривается как самостоятельный отдельный период. Еще меньше повезло одной из ветвей этой борьбы — оппозиции 1923 года, называемой в разных традициях «левой» и «троцкистской». Представления об оппозиции зачастую ограничены ее символом — Львом Троцким, еще реже — несколькими его сподвижниками — «троцкистами». В настоящее время такой взгляд потерял актуальность. Но историю оппозиции можно рассматривать в широком смысле — как историю политической культуры большевистской партии и как историю политики на переломном этапе развития советской истории.

Политический философ Жак Рансьер, менее известный в качестве историка повседневной жизни французских рабочих XIX века¹, называл один из своих важнейших сборников трудов «На краю политического». Оригинальная идея Рансьера заключается в понимании *политики* как процесса «взаимодействия практик», подвижного идей

равенства. Такая политика-эмансипация противостоит *полиции* как внешнему иерархичному способу управления, а *политическое* служит местом встречи политики и полиции «при разборе несправедливости»². Живой аналогией рансьеровской политики предстает та конфигурация внутрипартийной борьбы, которая сложилась на краю политического — аппарата партии — и стала таковой благодаря факту существования оппозиции.

Начать разговор о внутрипартийной оппозиции 1923 года по традиции следует с историографии вопроса³. Однако в случае советской историографии следует говорить скорее о политике историоописания, чем об истории изучения *per se*. История оппозиции в СССР «писалась» в кабинетах господствующей верхушки партии, диктовавшей «теоретическую основу». Нет нужды повторять критику ангажированного, догматического и ненаучного подхода советской политической историографии, равно как и отрицать преимущества отдельных, как правило сугубо фактографических, исследований. В то же время нельзя обойти вниманием рубежные даты. Печально известный «Краткий курс истории ВКП(б)» (1938), над которым работал лично Сталин, содержал требование обоснования «трансформации троцкизма из идейного течения внутри партии в анти-советскую, контрреволюционную группу, в передовой отряд контрреволюционной буржуазии»⁴. Хотя решения XX съезда КПСС, в особенности «разоблачение культа личности И. В. Сталина», смягчили риторику, канон «Краткого курса» укоренился глубоко и надолго⁵. Факты не могли не фильтроваться сообразно главному критерию — партийной точке зрения, общий тон задавали специалисты по идеологической схоластике, основанной на толковании авторитетных текстов⁶. Каноничными для истории КПСС служили и такие формулировки: «Все крупнейшие организации дали троцкистам решительный отпор, одобрили политическую линию ЦК РКП(б) по экономическим и внутрипартийным вопросам, осудили раскольнические действия оппозиционеров и их попытки ревизовать ленинизм»⁷. Эта риторика, как будет показано в ходе исследования, вела свое происхождение от политики редакции газеты «Правда» по конструированию образа ничтожного уровня поддержки оппозиции.

Однако историю писали не только «победители». Трактовки «проигравшей» стороны тоже были «партийными» (или фракционными), и кредо «троцкистской» историографии было сформулировано самими участниками и свидетелями внутрипартийной борьбы⁸. Основной вклад в становление «троцкистской» историографии внес Макс Истман. В 1925 году в нескольких странах публикуется его книга «После смерти Ленина» (в том же году вышел его биографический

очерк о молодых годах Троцкого), ставшая сенсацией и спровоцировавшая конфликт в партийном руководстве в 1925 году. Американский публицист находился в СССР с 1922 по май 1924 года и был приближен к политическим кругам. Внимание Истмана было сфокусировано на борьбе в верхах и личности Троцкого, а понятие оппозиции либо не употребляется, либо ставится в кавычки как ярлык оппонентов⁹. Уже Истман подверг тактику Троцкого дружественной критике, а позже Исаак Дойчер сделал это уже в широком контексте внутрипартийной борьбы. В 1930-е годы Дойчер был видным участником польского троцкистского движения. Отойдя от политики, он прославился биографической трилогией «Разоруженный пророк», вторая часть которой была особенно интересна тем, что в ней были впервые использованы отдельные материалы архива Троцкого, хранящиеся в США¹⁰. Хотя последователи Троцкого и разных течений IV («троцкистского») Интернационала неоднократно обращались к тем или иным аспектам программы и деятельности лидеров оппозиции¹¹, их работы были далеки от степени влияния Дойчера на «непартийную» историографию.

Западная историография времен «холодной войны», не будучи, как советская, партийной в узком смысле слова, была инструментом и продуктом идеологического противостояния. Так, «тоталитаристы», составлявшие костяк советологии, фокусировались на безальтернативности «коммунистического режима». Они обращались к таким аспектам деятельности Троцкого, которые больше всего контрастировали с либерально-консервативным идеологическим консенсусом¹². Это обусловило низкий интерес к истории внутрипартийной оппозиции как таковой. Российская постсоветская историография испытала сильное влияние «тоталитаристской» школы, хотя ее оппоненты внесли гораздо более важный вклад. Историки-«ревизионисты», искавшие третий путь между советской и «тоталитаристской» школами, черпали вдохновение из многотомной «Истории Советской России» (1950–1978) Эдварда Карра, бывшего дипломата, работавшего в СССР. Блистательный историк продемонстрировал оригинальный и непредвзятый анализ советской истории на основе всех доступных опубликованных источников. Он первым посвятил цельное исследование периоду 1923–1924 годов, которое он назвал «Междущарствием»¹³. Вскоре появляется объемная работа Ричарда Дэниэлса «Совесть революции», в которой автор реконструировал все спектры оппозиционных групп¹⁴. Книга послужила своеобразным концептуальным дополнением к фактографической работе Карра. Оппозиция 1923 года была для Дэниэлса «ультралевой» и нереалистичной¹⁵. Карр и Дэниэлс оказали большое влияние на

современную историографию, однако не только «тоталитаристы», но и «ревизионисты» не выходили за рамки исследования борьбы за лидерство и власть в верхах партии¹⁶. Феномен оппозиционности в низах оставался практически неисследованным.

События рубежа 1987–1988 годов — перестройка, гласность в СССР, и в частности политическая реабилитация большинства репрессированных оппозиционеров, — нашли выражение в бурном росте интереса к партийной истории. Идеологический диктат постепенно сходил на нет¹⁷. «Архивная революция» в СССР открыла доступ к ранее закрытой партийной документации. С крахом власти КПСС авторы, оставаясь на привычных сюжетных линиях предшествовавшей историографии (часто это были бывшие историки КПСС и их ученики), стремились переосмыслить те или иные аспекты внутрипартийной борьбы¹⁸. Все дальше отрываясь от дискредитируемых «марксистско-ленинских» шаблонов и схем и активно используя архивы, историки окинули свежим взглядом традиционные сюжеты борьбы в верхах партии. Историография начала 1990-х была увлечена «большими» вопросами истории («Кто был прав», «истоки тоталитаризма» и т. д.), ответы на которые зачастую искали как в предшествующей, так и в современной публицистике¹⁹. В противоположность такой тенденции была предпринята попытка написать беспристрастную историю партийных организаций²⁰.

Социально-экономические аспекты внутрипартийной борьбы получили новое освещение в целом ряде исследований²¹. По замечанию Клейтона Блэка, типичные нарративы об исследуемых событиях посвящаются, как правило, либо экономическим проблемам, либо борьбе за власть, вопреки необходимости их синтеза²². Это позволило расширить контекст социальных, рабочих, заводских историй²³. Расширению представлений об оппозиции способствовали исследования внутрипартийной борьбы в регионах. Так, Г. Л. Олех и В. В. Демидов в своих монографиях представили широкую панораму политических дискуссий вокруг «внутрипартийной демократии», проиллюстрировав период 1923–1924 годов примерами парторганизаций Сибири²⁴. Панорамная картина, однако, не уберегла авторов от излишней дескриптивности. В центре внимания оставались традиционные сюжеты циничной борьбы за власть в верхах, активность партийных функционеров на фоне безгласных рядовых партийцев²⁵. Приходится констатировать, что и сейчас основное внимание все еще приковано к элитам, и даже в большинстве профессионально-исторических исследований ощущается нехватка конкретных фактов либо их слабая аргументация²⁶.

Точка зрения «победителей» теряла популярность вместе с государственной поддержкой. Это, разумеется, не означало полного исчезновения «марксистско-ленинского», а точнее сталинистского, взгляда на оппозицию. В. А. Сахаров выдвинул идею о том, что предсмертные негативные отзывы Ленина о Сталине — это фальсификация, выгодная Троцкому²⁷. Конспирологическая версия происхождения «завещания» не нашла сколь бы то ни было весомой поддержки специалистов, но спрос широкой публики на сталинистскую литературу все возрастает²⁸. На противоположном фланге важное место занимает В. З. Роговин, предпринявший концептуальную реконструкцию истории левой оппозиции как «троцкистского» международного движения²⁹. Масштабное историческое полотно социолога-троцкиста, считающееся в левых кругах своего рода ликбезом, тем не менее устарело как в фактическом, так и в концептуальном отношении.

Личности отдельных оппозиционеров изначально удаивались лишь кратких этюдов, в основном — в эпоху политической реабилитации рубежа 1980–1990 годов³⁰. Исключение составила фигура лидера оппозиции — Льва Троцкого, которому посвящены многие биографии, наиболее известные из них были остро критическими³¹. В 1989 году В. И. Старцев нарушил негласный запрет на публикацию биографических очерков, посвященных деятельности Троцкого, а не «истории борьбы с троцкизмом»³². Но даже такие профессиональные историки, специалисты по истории большевизма, как Р. Сервис, Ю. Г. Фельштинский и Г. И. Чернявский, делали поверхностные, предвзятые и просто ошибочные выводы³³. Они выдвинули нелепое утверждение, что оппозиции в 1923 году «еще не существовало», а Троцкий «сфальсифицировал» ее оформление³⁴.

Британский историк Саймон Пирани, автор крупного исследования о рабочем классе Москвы полагает, что оппозиция 1923 года была оторвана от «низов». Бюрократия, составившая «новый правящий класс», по Пирани, политически экспроприировала рабочий класс, и решающая победа этого «отступления революции» пришлась на разгром оппозиции в 1924 году³⁵. Игал Халфин предпринял другую попытку соединить изучение «верхов» и «низов» партии, но исходя из радикально иной перспективы. В центре его внимания — «демонизация оппозиции», прочитываемая из политического языка, дискурсивных практик большевизма, составлявших «большевицкую герменевтику души». Новаторская работа Халфина, при всех многочисленных достоинствах, имеет и недостаток: оппозиционеры рассматриваются как объект, а не как субъект деятельности, многие сюжеты политической борьбы *per se* опускаются автором в пользу «риторических игр» дискуссии³⁶.

В целом историография со времен Истмана продвинулась далеко вперед. В первую очередь выявлены все основные документы, освещающие важнейшие события внутрипартийной борьбы. Также происходит переоценка роли политических лидеров, углубляются знания о локальных (региональных, национальных) особенностях политических процессов, переосмысливаются проблемы соотношения идеологии и «реальной» политики. Однако большинство исследователей сфокусировали внимание на трех аспектах истории оппозиции. Во-первых, это «текстоцентризм», т. е. первоочередное внимание к программным и официальным документам, подчас перерастающее в текстолатрию — невольное обожествление текстов. Централистское устройство партийной и государственной систем повлияло и на исследовательский «центроцентризм», когда основное внимание сосредоточивается на борьбе столичных политических элит как первоочередном и решающем факторе. Наконец, «троцкоцентризм» явился выражением повышенного внимания к «великим личностям», влияющим на политику и сознание людей: так, левая оппозиция «считывается» с документов и деятельности ее наиболее известного лидера. К этим аспектам тесно примыкает большой вопрос об исторических альтернативах 1920-х годов, который скорее балансирует на грани ретропрогнозирования и откровенной публицистики, чем расширяет понимание оппозиции как таковой.

Узость этой проблематики лишь отчасти объясняется корпусом доступных источников. Действительно, «архивная революция» пока что не открыла документы, которые могли бы радикально изменить наши представления о внутрипартийной борьбе, будь это дневники оппозиционеров или протоколы тайных собраний. Возможно, они еще ждут своего «освобождения» из архивов спецслужб. Основу данной книги составляют хорошо известные источники. Из них первостепенные по значимости были опубликованы в сборнике документов «РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы, 1923»³⁷. Он особенно интересен перепиской и стенограммами выступлений партийных лидеров³⁸. В относительно свободной атмосфере 1923–1924, когда дискуссионные выступления в печати и на собраниях не считались преступлением, традиционно важными и надежными источниками остаются стенограммы и протоколы собраний, конференций и съездов партии³⁹. Партийная периодика выражала позиции сторон не менее ясно, а порой и более разносторонне. Газета «Правда» служила не только главной трибуной, но и основным источником информации об общепартийной дискуссии⁴⁰. Ее значимость лишь подчеркивается историей превращения в рупор борьбы с оппозицией.

Среди источников личного происхождения воспоминания Троцкого должны были бы занять важнейшее место, но деятельность оппозиционеров в 1923–1924 годы в них была практически не отражена⁴¹. Книга содержит яркие зарисовки важнейших исторических деталей и эпизодов, но Троцкий фактически избегает вспоминать о событиях, в которых потерпел поражение. Хотя ко времени написания мемуаров многие лидеры оппозиции перестали быть его союзниками, даже после того, как они были репрессированы, Троцкий не обращался к деталям интересующих нас вопросов ни в письмах, ни в дневнике, ни в многочисленных статьях. Еще менее многословны мемуары Виктора Сержа, принадлежавшего к оппозиции, а также более молодых, переживших сталинский террор оппозиционеров⁴². Хотя для них, как и для Троцкого, годом рождения оппозиции был 1923 год, их воспоминания об этом времени теряются в дебрях противостояния 1926–1928 годов. Еще бледнее выглядят мемуары сторонников Сталина, «отполировавших» их в соответствии с политической линией⁴³. На их фоне важнейшим источником предстает книга Бориса Бажанова, бывшего в 1923 году техническим секретарем Политбюро и личным секретарем Сталина. Сбежав за границу в 1928 году, Бажанов делился полускандальными воспоминаниями, достоверность которых, впрочем, не всегда может быть проверена⁴⁴.

Реальная структура аппарата РКП(б) представляла собой пирамиду следующей иерархии: триединство Политического и Организационного бюро ЦК и Секретариата ЦК, с центром тяжести на последнем, составляло верхушку, чья политика могла оспариваться Пленумом ЦК. Для контроля центра над регионами существовали назначаемые Северо-Западное, Уральское, Сибирское, Дальневосточное и Закавказское бюро ЦК. Партийные комитеты губерний (губкомы), областей (обкомы) и республик возвышались над городскими комитетами (горкомами) и уездными комитетами (уездкомами), а те, в свою очередь, над районными комитетами (райкомами) и — в «низах» партии — над ячейками. Начиная с районного уровня существовали контрольные комиссии, о которых будет сказано отдельно. Учитывая известную озабоченность большевиков инструментализацией прошлого, не следует удивляться тому, как комплектовался архив внутрипартийной борьбы.

Гигантский фонд Центрального комитета РКП(б), хранящийся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), содержит в первую очередь делопроизводственную документацию: секретную переписку, резолюции, протоколы и выписки из протоколов собраний, обзоры и сводки о ходе дискуссии по вопросам внутрипартийной демократии. Особенно ценно,

что это не только документы о борьбе в верхушке партии, но и о ситуации в отдельных крупных ячейках. Так, в описи Организационно-инструкторского отдела ЦК был включен ряд дел, которые специально подбирались в качестве «материалов» Секретариатом ЦК в период внутрипартийной борьбы и при подготовке к конференциям и съезду РКП(б) в 1924 году. Наряду с этим в дела описи вошли информационные материалы с мест, информационные письма секретарей, а также обзоры и характеристики, составленные Информационным отделом ЦК. Чисто политический принцип комплектования архива можно обнаружить в коллекции дел 171-й описи 17-го фонда, в которой были собраны наиболее важные документы о всех внутрипартийных течениях⁴⁵. Ситуация в армейских партийных организациях, немало беспокоившая правящую в ЦК группу, нашла свое отражение в сводках и других документах Политического управления Революционного военного совета (ПУР РВС)⁴⁶.

Архивы нижестоящих звеньев партийного аппарата не только содержат оригиналы документов, посылаемых в центр, но и множество других, оставшихся неизвестными традиционно уповающим на анналы ЦК исследователям. Учитывая данное обстоятельство, я обратил особое внимание на фонды губкомов, горкомов, райкомов и отдельных ячеек Москвы, Петрограда (Ленинграда) и Перми. Хотя пермская парторганизация была относительно крупной, не составило труда досконально изучить ее архив и констатировать бедность и отрывочность источников. В то же время не только «закрытые письма» секретарей и протоколы собраний, но и мелкая россыпь отдельных документов позволяют реконструировать ход событий⁴⁷. Несравнимо более ответственно подходили к документированию внутрипартийной борьбы в Петрограде, где торжествующее большинство старалось фиксировать немногочисленные, но компактно сконцентрированные группы оппозиционеров, преимущественно студентов⁴⁸. Реальную силу оппозиция представляла в Москве, ресурсы которой позволили стенографировать важнейшие дискуссии. Хотя столичная оппозиция имела большую поддержку в среде рабочих, это исследование сфокусировано на ячейках народных комиссариатов и вузов, где внутренняя жизнь документировалась более детально⁴⁹.

Архивы контрольных комиссий партии содержат во многих отношениях наиболее любопытные документы, чему посвящен параграф книги о практиках «партийного суда». Не только высшая инстанция этого политического «суда», Центральная контрольная комиссия (ЦКК), но и губернские, краевые, окружные и районные комиссии Москвы, Петрограда, Екатеринбургa и Перми дают пред-

ставление о наиболее конфликтных эпизодах политической борьбы⁵⁰. Не случайно и то, что брошюра «Стенографический отчет Пленума ЦКК РКП(б)» от 12–13 января 1924 года была обнаружена среди дел ЦКК на «секретном хранении» — ведь она красноречиво демонстрирует «судебную» риторику осуждения оппозиции⁵¹.

Следует отметить, что, несмотря на известную склонность историков КПСС утаивать, искажать и даже фальсифицировать факты политической истории, достоверность абсолютного большинства опубликованных в советское время источников бесспорна. Так, мной были просмотрены направленные стенограммы речей оппозиционеров на январской конференции и XIII съезде РКП(б) в 1924 году, а также заявления, предложения и записки, поданные в ее президиум⁵². Правда, исследователя может заинтересовать более живая атмосфера дебатов, исчезнувшая при редактировании. Гораздо больше вопросов вызывает редакция «Правды», о чем в книге сказано отдельно (глава IV, 1). К сожалению, документы из архива газеты не выдают читателям, но, как показывает архив «Рабочей газеты» (орган ЦК РКП(б) с 1922 года), специфические документы могли не отложиться или, возможно, даже были изъяты⁵³.

Личные архивные фонды, на которые опирается данное исследование, уместнее назвать личностно-политическими, так как абсолютное большинство документов не имеет отношения к мирам субъективного или межличностного. Наиболее крупным и с недавнего времени доступным является фонд Сталина в РГАСПИ. Однако подавляющее число писем генеральному секретарю касается более поздних событий⁵⁴. Фонд Каменева особенно интересен благодаря хранимым в нем стенограммам московских дискуссий⁵⁵. Наконец, нельзя обойти вниманием документы главы ОГПУ Дзержинского⁵⁶. Что касается Троцкого, то он успел позаботиться о сохранности своего архива, поэтому важнейшие документы конфликта в верхах хорошо известны⁵⁷. Для этой книги были использованы документы личного фонда Троцкого в РГАСПИ, многие из которых были введены в научный оборот впервые⁵⁸. Не меньший интерес представляет «военный» архив лидера оппозиции, оставшийся в СССР⁵⁹. Среди документов и личного, и ведомственного архивов Троцкого можно обнаружить не только его рукописные и машинописные материалы, но и переписку с самыми разными корреспондентами, резолюции отдельных собраний, и т. д.

Проблема источников состоит уже не в их дефиците или недоступности: современный историк, исследующий внутривластную борьбу, располагает десятками периодических изданий, стенограмм заседаний и тысячами листов партийной документации. Расширение

круга источников, впрочем, делает необходимым их сбалансированный отбор с учетом критерия соответствия новым и старым исследовательским вопросам. Зададим лишь некоторые из них. Почему и когда возникла оппозиция? Чего хотела оппозиция? Где и почему оппозиция была сильна? Что значила оппозиция? Что значил для оппозиции Троцкий? Чем оппозиция отличалась? Из кого состояла оппозиция? Была ли оппозиция единой? Какие практики были оппозиционными? И наконец, почему и как оппозиция проиграла?

Чтобы понять, где искать ответы на все эти вопросы и как на них отвечать (равно как и уточнить сами вопросы), требуется перестроить исследовательский инструментарий. Отдавая должное исследователям внутрипартийной борьбы, я хочу отметить подходы Пирани и Халфина как наиболее продуктивные: оба автора, несмотря на почти диаметрально противоположные различия в теории, стремились увидеть действующих субъектов поверх институциональных громад партийного аппарата. Пирани опирался на марксистский подход великого историка Эдварда П. Томпсона, пропагандировавшего взгляд *history from below* («истории снизу/истории низов»). В его понимании «классовое сознание» это не структура, а опыт социальных и политических «отношений», наделяемых смыслами самими низами в динамичных контекстах культуры⁶⁰. Для Халфина, следующего лингвистическому повороту, важно деконструировать политический язык и выявить дискурсивные практики, обнажающие субъективность участников дискуссий. Несмотря на привлекательность критики Халфина, не следует отрицать способность *прагматично* использовать господствующий дискурс, даже большевистский. Томпсон наилучшим образом продемонстрировал, что современный марксистский подход не сводится к простому выведению политики из социальных и экономических отношений. Он не располагает и отмычками ко всем замкам царства политического, скорее он служит ориентиром материалистической истории, в рамках которой можно взглянуть на оппозицию как на процесс постоянной «работы» самих акторов в пересекающихся контекстах событий и смыслов. Другими словами, на страницах этой книги предпринята попытка написать *антропологическую* политическую историю, или *политическую антропологию* оппозиции 1923 года.

Многие направления и подходы антропологически ориентированных исследований объединены под зонтичным понятием «Новая политическая история». Главное отличие «новой» политической истории от «старой» — в особом внимании к символическим, ритуальным, повседневным и неформальным аспектам политики. Возможно, наиболее ясным, конвенциональным и популярным из них стало изуче-

ние образов и репрезентации. Разумеется, в контексте современной историографии «новые истории» достаточно быстро стареют, и одним из таких новых-старых понятий является *политическая культура*, которое, как бы то ни было, лучше всего представляет широкое понимание политики, если трактовать политическую культуру вслед за Линн Хант как «ценности, ожидания и неявные политические правила, выражавшие и определявшие коллективные намерения и действия»⁶¹. К этому классическому определению можно добавить, что в основании политической культуры лежит и деятельная сторона взаимодействия, производящая правила игры посредством набора приемов, техники (технологии) политической борьбы, иначе говоря — политических *практик*. Коммуникация, исследуемая в этой книге, оказывала широкое и устойчивое воздействие на события, была направлена на определенное долженствование властных отношений, правил, границ и ссылалась на воображаемые коллективные объекты, т. е., в соответствии с подходом Билефельдской группы исследователей, была *политической коммуникацией*⁶². Такой подход позволяет взглянуть поверх дихотомий открытого и закрытого, низов и верхов, формального и неформального, и т. д., вобрав в себя внимание не только к демократии или конфликтам, но и к слухам и секретности, клиентелизму и дружбе⁶³. Особенности политической культуры оппозиции также закодированы в эмоциях, поворот к исследованию которых историки пережили сравнительно недавно⁶⁴. Как и в случае изучения конфликтности, меня интересуют не социологические или психологические «законы», а культура и прагматика эмоций в политической борьбе. Отдавая дань локальным исследованиям в двух углубленных кейс-стади, я привожу в этой книге также картографию воображаемого пространства внутрипартийного противостояния.

Расширение источниковой базы и современные подходы к изучению политической истории позволяют восполнить пробелы в исследовании оппозиции как сложного, внутренне неоднородного и противоречивого феномена. Иначе говоря, оппозиции, не сводимой к фигуре Троцкого или событиям в Москве, политическому прагматизму борьбы за власть или идеологическим постулатам. Исходя как из узкого, так и широкого понимания оппозиции, ее следует рассматривать и в качестве политической общности с определенной политической программой и стратегией действий, и как многообразие локальных политических практик, в равной мере оказывавших влияние на исход внутрипартийного противостояния. Причем первостепенное внимание уделяется вопросам, которые в наибольшей степени волновали исторических акторов на протяжении всего

периода политической борьбы, при этом проблемы экономики и внешней политики не рассматриваются.

Таким образом, цель данной книги — реконструировать многообразие оппозиции как субъекта внутрипартийной борьбы 1923–1924 годов. Поэтому в первой главе представлены традиционные сюжеты историографии оппозиции — борьба за власть в верхах партии, ее причины, этапы и результаты. Главный фокус направлен на состав оппозиции, ее программные документы, различия в политической программе и деятельности лидеров оппозиции, сосредоточенных в Москве. Во второй главе показано, что Троцкий был и объектом, и субъектом оппозиционной политики, понимание которой не может быть полным без учета особенностей политической коммуникации, а структура и образ оппозиции находились в сложных отношениях с фигурой ее наиболее известного представителя. Многообразие политических практик оппозиции, технология ее политической борьбы в наибольшей степени представлены в третьей главе: управление конфликтами и эмоциями, оперирование секретами и слухами составляли прагматику демократических практик внутрипартийных дискуссий. В четвертой главе анализируется пространственное измерение оппозиции, в том числе воображаемое, показано, что оно имело свои важные особенности. Иными словами, предпринята попытка преодолеть разрыв в исследовании традиционных сюжетов борьбы за власть в верхах и политической активности в низах партии.

ГЛАВА I

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

1. «МЕЖДУЦАРСТВИЕ»

Понятие «междущарствие» — это, возможно, лучшая метафора исторической ситуации 1923 года. Не случайно, что в передовых статьях «Правды» наличие междущарствия власти отрицалось, а в более поздних мемуарах Троцкого — лишь констатировалось¹. Для Российской коммунистической партии (большевиков) шестой год революции стал рубежным. Ранее большевики претерпели как минимум две крупные трансформации на пути к власти и во власти². Но именно в 1923 году авторитарные процессы, в явной степени обозначившиеся в 1921–1922 годах, получили свое дальнейшее развитие.

В марте 1921 года делегаты X съезда РКП(б) поддержали предложение Владимира Ленина о роспуске и временном запрете внутрипартийных группировок и фракций. Тогда же была принята резолюция «О единстве партии», которая наложила на привычные способы внутрипартийной борьбы серьезные ограничения. Впрочем, они были поддержаны делегатами единодушно, в том числе наиболее критически настроенными фракциями — «Демократический централизм» («децисты») и «Рабочая оппозиция». Впервые стремление к «единству» партии победило в концептуальном отношении, что имело глубокие последствия для судьбы советского проекта. На тот момент это произошло в первую очередь благодаря усталости от затянувшейся фракционной борьбы и антибольшевистскому восстанию

в Кронштадте³. Одновременно на X съезде была принята резолюция «По вопросам партийного строительства», содержавшая развернутую программу «внутрипартийной демократии», или, как ее иначе называли, — «рабочей демократии»⁴. Важно и то, что на фоне резкой критики в адрес «Рабочей оппозиции», отдельно осужденной за «анархо-синдикалистский уклон», сам термин «оппозиция» еще не применялся ко всем выразителям политического свободомыслия⁵.

Важнейшим условием появления новых оппозиций была фракционная история большевистской партии — история постоянного оспаривания власти внутрипартийными группами и фракциями⁶. Опыт политической деятельности в поздней имперской России не ограничивался подпольной работой, за плечами многих партийцев были выступления в печати и на массовых собраниях. Партия профессиональных революционеров формировалась в конкурентной борьбе за общественное мнение⁷. Социальный, национальный и политический состав партии включал выходцев из всех крупных общественных классов и сословий, территорий обширнейшей Российской империи и сопредельных стран, а также групп и партий, инкорпорированных большевиками (в основном социал-демократов, эсеров и анархистов)⁸. К этому можно добавить опыт членства в международных социалистических организациях. Формальное признание партийного устава и программы не гарантировало полного единомыслия, к отрицанию самой возможности которого были склонны интеллектуалы-социалисты. Моше Левин справедливо отмечал, что «...внутри направления, именуемого “большевизмом”, на самом деле сосуществовали две разные политические и культурные вселенные»⁹. Постепенно эти и другие вселенные приобретали ясные очертания.

Переход от «военного коммунизма» 1918–1920 годов к новой экономической политике (нэп) для партии как организации оказался чрезвычайно болезненным, в первую очередь из-за восприятия его как «отступления» перед буржуазными отношениями. НЭП, предполагая определенные уступки капиталистическому рынку, включал проект государственного строительства социализма. Весомая часть большевистской элиты сделала ставку на укрепление и расширение *центрального партийного аппарата* и жесткую субординацию *аппаратчиков* во властной иерархии. Процесс бюрократической централизации вменял в обязанность местным партработникам беспрекословное подчинение директивам вышестоящего начальства¹⁰.

3 апреля 1922 года Пленум ЦК РКП(б) учредил должность генерального секретаря ЦК, на которую был назначен Иосиф Сталин. Тогда же, с формированием в партаппарате группы работников в составе Сталина и секретарей Вячеслава Молотова, Валериана Куйбы-

шева и Лазаря Кагановича, начался широкомасштабный процесс смены провинциального партийного руководства¹¹. Важным шагом по вытеснению коллегиальности бюрократическим централизмом стала фактическая подмена выборного Организационного бюро ЦК Секретариатом ЦК и т. н. совещаниями заведующих отделами ЦК, которые вместе решали важнейшие кадровые вопросы¹².

Пользуясь своим неоспоримым авторитетом, председатель СНК и Политбюро ЦК Ленин был способен поддерживать в партии систему «коллективного руководства» и единства, однако его тяжелая болезнь предопределила наступление «междоусобия» власти. Первый инсульт настиг Ленина 25 мая 1922 года, но прежде чем очередное ухудшение здоровья в декабре навсегда лишило его возможности непосредственно участвовать в политических баталиях, он внес свой вклад в формирование внутривнутрипартийной оппозиции¹³. По утверждению Троцкого, в октябре 1922 года Ленин предложил ему «блок для борьбы с бюрократизмом вообще и против Оргбюро в частности»¹⁴. В пользу этого свидетельствуют многие факты.

На рубеже 1922–1923 годов Ленин надиктовал ряд записок, главной мишенью которых был Сталин. В «Письме к съезду» от 25 декабря 1922 года прозвучала одна из самых известных формулировок политического завещания Ленина: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». 4 января 1923 года Ленин уже прямо предложил «товарищам обдумать способ перемещения Сталина» с поста генсека. Подвергнув разгромной критике политику Сталина в национальном вопросе и в особенности остро его роль в «грузинском инциденте» (грубые нападки Орджоникидзе на местных руководителей), Ленин демонстративно поддержал предложение Троцкого о придании законодательных функций Госплану¹⁵. 5 марта 1923 года он в «секретном и личном порядке» направил Троцкому свою статью «К вопросу о национальностях или об “автономизации”» и попросил «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии». Уже на следующий день, в соответствии с идеями Ленина, Троцкий предложил значительные поправки к тезисам доклада Сталина по национальному вопросу, в соответствии с которыми генеральный секретарь был вынужден изменить доклад для предстоящего XII съезда¹⁶.

Эти действия были восприняты «триумвиратом» в лице Зиновьева, Каменева и Сталина как враждебный политический акт, на который они ответили своими поправками к докладу Троцкого о промышленности¹⁷. Наличие властной тройки членов Политбюро не являлось ни для кого секретом даже за рубежом страны¹⁸. Существование

могущественного политического блока — генеральный секретарь ЦК Сталин, глава Петроградского Совета и председатель Исполкома Коммунистического Интернационала Григорий Зиновьев¹⁹, глава Московского Совета и заместитель председателя Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны Лев Каменев — было сложно утаить. По предложению последнего на Апрельском пленуме ЦК 1922 года Сталин был избран генеральным секретарем. Впрочем, рычаги реальной власти быстро сконцентрировались в Секретариате ЦК, и уже летом 1923 года Зиновьев в личном письме выражал Каменеву свое возмущение: «На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина»²⁰. Как бы то ни было, в 1923 году их всех сплачивал общий враг, и Зиновьев мог говорить от имени «большинства ЦК»²¹. Уже в январе 1923 года Зиновьев впервые противопоставил формулу Ленина «союз рабочих и крестьян» теории «перманентной революции» Троцкого²². По воспоминаниям современника, «весной 1923 года в Москве сильно поговаривали о том, что “ленинское ядро” подготавливается к борьбе с Троцким»²³.

На XII съезде РКП(б) в апреле 1923 года ряд будущих оппозиционеров выступили с критическими выпадами в адрес «тройки»²⁴. Троцкий, вопреки заключенному блоку с Лениным, не призвал сместить генсека. Среди делегатов съезда распространялся анонимный документ, автором которого был лидер децистов Николай (Валериан) Осинский. В нем содержались требования размежевания советской и партийной власти и уничтожения монополии коммунистов на занятие ответственных государственных постов, протесты против полицейских мер по обеспечению «единства партии», а также призывы к развитию низовой самодеятельности и к удалению «тройки» из ЦК²⁵. Молчание Троцкого может быть объяснено нежеланием выносить борьбу за пределы ЦК или стать первым, кто сделает это. Троцкий мог ощущать и некоторое ослабление своего авторитета: так, по сравнению с предыдущим съездом, результаты выборов нового ЦК отразили резкое падение числа голосов, поданных за него и его сторонников²⁶. Кроме того, становилось ясно, что несогласие с тройкой вело к серьезным конфликтам. Зиновьев прямо угрожал с трибуны съезда: «Всякая критика партийной линии, хотя бы так называемая “левая”, является ныне объективно меньшевистской критикой»²⁷. Вскоре, 8 мая 1923 года, губкомы получили письмо за подписью секретаря ЦК РКП(б) Молотова, в котором ставилась задача борьбы с членами партии, выдвигающими «левацкие лозунги», — требовалось сообщать о них напрямую в ОГПУ²⁸.

Впоследствии, в первом своем оппозиционном письме, Троцкий будет утверждать, что многие члены партии «...с величайшей

тревогой относились к тем способам и приемам, при помощи которых созывался XII съезд. Этой же тревогой было проникнуто большинство делегатов съезда». Сложно оценить степень тревожности «большинства», но мотивы группы «тревожащихся» делегатов были отражены Троцким реалистично:

Неоспорим тот факт, что подавляющее большинство партии, считаясь и с международной обстановкой и особенно с болезнью т. Ленина, было преисполнено готовности поддержать новый ЦК. Именно это стремление обеспечить возможность единодушной и успешной работы партии, заставило многих подавить недовольство и не выносить своей законной тревоги на трибуну съезда²⁹ *.

Принимая решение не выносить свою «законную тревогу» на обсуждение товарищей, Троцкий мог понизить свой престиж среди «недовольных» однопартийцев³⁰. В частности, его репутация могла пострадать в связи с тем, что он не оправдал ожиданий национальных компартий в борьбе с «великодержавным шовинизмом»³¹. Хотя, следует принять во внимание контекст. В дискуссиях 1923–1924 годов национальный вопрос избегали обсуждать. Случай Христиана Раковского, председателя правительства Украины и члена ЦК, имел уже другие основания. В июле 1923 он лишился поста председателя правительства Украины и был отправлен послом в Великобританию. Тогда же произошла расправа с Евгением Преображенским, который был отстранен от работы в редакции газеты «Правда» (подробнее см. в главе II, 1). Оба они являлись ближайшими единомышленниками и друзьями Троцкого³². Вскоре Троцкий открыто поставит вопрос *«о систематически проводящийся изо дня в день внутривластной политике, преследующей цель изолирования, блокирования целого ряда сотрудников, повинных лишь в том, что они не считают такого рода внутривластный режим здоровым...»*³³ **.

Нездоровой была и экономическая ситуация: весной 1923 года проявились симптомы экономического кризиса, полностью разразившегося летом. Факт кризиса ни для кого не являлся секретом. Информационный отдел ГПУ, поставлявший сводки партийным верхам, дал емкую и точную формулировку ситуации: «Важнейшим вопросом момента является резкое ухудшение в состоянии нашей промышленности,

* Здесь и далее в цитатах сохранены орфография и пунктуация оригинала.

** Здесь и далее, если не указано особо, курсив и выделение источника.

выразившееся в свертывании предприятий по многим ее отраслям, как результат отсутствия сбыта и сырья, создавшего финансовый кризис». В условиях несовершенства государственного ценообразования и спекуляций возрастали «ножницы цен» между товарами государственной промышленности и сельскохозяйственной продукцией крестьян, выброшенной на рынок. Дороговизна промтоваров отразилась на настроениях крестьян, недовольством которых «заражались» и рабочие. Феликс Дзержинский отмечал на сентябрьском Пленуме ЦК: «Характерно, что после летних отпусков все рабочие прохоровцы и цинделевцы, побывавшие в деревне, приехали с оппозиционным настроением»³⁴. Это весьма точно отразило обеспокоенность начальника ОГПУ ростом социального недовольства низов. Кризис подстегивал рост если не политической оппозиционности, то политически окрашенных протестов. Из-за невыплаты зарплаты в ключевых индустриальных районах начались рабочие волнения³⁵. Бастовали практически все шахты Донбасса³⁶. 15 сентября зампред Моссовета Михаил Богуславский, будущий оппозиционер, постарался успокоить бастующих рабочих Трехгорной мануфактуры³⁷. В ходе последовавших дискуссий часто обсуждалось, что коммунисты на предприятиях не знали о готовящихся забастовках, они были «оторваны» от рабочего класса.

Внутреннее политическое отчуждение в партии проявилось в оформлении двух подпольных оппозиционных групп. «Рабочая группа РКП» была основана весной 1923 года и возглавлена бывшими сторонниками «Рабочей оппозиции» (1920–1921) Николаем Кузнецовым и Гавриилом Мясниковым, исключенными из партии в 1922 году. Программа «Рабочей группы» сводилась к решительному реформированию партии и государства в русле принципов «рабочей демократии». Особенно радикальны были их требования организации управляющих Советов рабочих депутатов на фабриках и заводах, выбора правлений хозяйственных учреждений на съездах Советов, оставления за партией функции контроля решений вместо непосредственного управления хозяйством и, наконец, «устранения господствующей в партии группы», которая «окончательно оторвалась от рабочего класса» (судя по всему, имелось в виду большинство членов ЦК). Несмотря на отсутствие свидетельств о подстрекании к забастовкам со стороны членов группы, в сентябре–октябре 1923 года практически все они были арестованы³⁸.

Другая группа под названием «Рабочая правда» сформировалась еще весной 1921 года и была в основном молодежной и «интеллигентской». Несмотря на то что «правдисты» подчеркивали растущий раскол партии и пролетариата и обсуждали вопрос о создании новой рабочей партии, ее деятельность сводилась к просветительской про-

паганде³⁹. Впоследствии один из лидеров оппозиции проводил прямые параллели между точкой зрения некоторых сторонников ЦК и «Рабочей правды», меньшевиков и эсеров: и те и другие, по мнению Сапронова, сходились в признании недостаточной для овладения властью грамотности рабочих⁴⁰. Сообщение о принятых мерах в отношении «Рабочей группы» было опубликовано в «Правде» в разгар внутривнутрипартийной борьбы, 2 декабря 1923 года, а через две недели глава партийного контроля Ярославский заявил, что «такого рода группировки возникают в нашей партии не от чрезмерного усиления партийного “аппарата”, а от его слабости»⁴¹. Со стороны оппозиционеров можно было услышать (на примере «Рабочей правды»), что «объективно она контрреволюционная, но субъективно она дала толчок» будущей резолюции о внутривнутрипартийной демократии 5 декабря. Троцкий предлагал XIII партийной конференции принять резолюцию, в которой говорилось, что «возникновение и развитие» этих группировок «относится к прошлому периоду»⁴².

Таким образом, формирование оппозиции в РКП(б) происходило в условиях социально-экономических и политических противоречий и конфликтов. Противостоящим сторонам требовался лишь повод для того, чтобы развернуть политическую борьбу. Прогноз главы ОГПУ Дзержинского, прозвучавший за закрытыми дверями Сентябрьского пленума ЦК, был откровенен:

Мы видим, что основной причиной, вызывающей недовольство рабочих, находящее известное выражение и выраженное именно оппозиционно по отношению к Советскому государству, это оторванность наша от низовых ячеек и низовых ячеек от масс»⁴³.

2. «ПИСЬМА» И «ПЕТИЦИИ»

В январе 1924 года Каменев мельком упомянул, что оппозиция «собралась» в июле 1923 года⁴⁴. Возможно, он имел в виду упомянутый ранее конфликт с Раковским, Преображенским, а следовательно, и с Троцким. Один из лидеров «Рабочей оппозиции» Сергей Медведев именовал оппозицию «сентябрьской»⁴⁵. По словам Троцкого, он «продумал и проверил свои впечатления [о внутривнутрипартийном положении] через десяток испытанных товарищей» не позднее начала осени 1923 года⁴⁶. К тому времени были сделаны какие-то начальные шаги

по формированию оппозиции. Это не прошло мимо внимания тройки, которая нанесла удар первой.

На Пленуме ЦК 23–25 сентября 1923 года в коллегию Революционного Военного Совета Республики (РВСР) были введены новые кадры: кроме дружественных Троцкому, как председателю, Эфраима Склянского, Георгия Пятакова, Николая Муралова и, скорее всего, нейтрально настроенных по отношению к нему военспецов Сергея Каменева и Павла Лебедева, в их число вошли Михаил Лашевич и Климент Ворошилов — люди Зиновьева и Сталина соответственно⁴⁷. Очевидно, что со стороны тройки это было демонстративным выражением недоверия. «Значение этой меры было для Троцкого совершенно ясно, — вспоминал свидетель сцены Бажанов. — Он произнес громовую речь: предлагаемая мера — новое звено в цепи закулисных интриг, которые ведутся против него и имеют конечной целью устранение его от руководства революцией»⁴⁸. Для Троцкого это была «картина полной изоляции», разъяснял он на следующем пленуме в октябре, «...когда убирают от меня людей, с которыми я могу работать, и окружают людьми, активно против меня настроенными»⁴⁹. Критикуя предложение новой коллегии как одну из очередных «внутрипартийных комбинаций», «занимающих все больше и больше места в политике руководящего ядра ЦК», Троцкий в письме членам ЦК и ЦКК 4 октября призвал вскрыть разногласия: «По крайней мере, в рамках ЦК следовало бы открыто сказать, что дело идет о продолжении той внутрипартийной борьбы, которая систематически ведется сверху за спиной партии»⁵⁰. Об общепартийной аудитории еще вопрос не ставился, но ответственные партийцы, как входившие в руководящие органы, так и не входившие туда, должны были иметь право голоса. Решение Сентябрьского пленума ЦК послужило для Троцкого поводом приступить к активной самообороне. По справедливому замечанию Бажанова, «это был разрыв... С этого решения пленума о Реввоенсовете борьба между тройкой и Троцким вступает в открытую фазу»⁵¹. Как вскоре признал сам Троцкий, он «слишком долго недостаточно энергично реагировал на режим, ставший... чрезвычайной опасностью для успехов партии»⁵².

8 октября 1923 года Троцкий направил в ЦК и ЦКК обширное письмо, в котором возложил ответственность за кризис на «оторванное от партии» большинство ЦК (точнее, большинство членов Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК) и призвал сменить «в корне неправильный партийный режим». Указав на невыполнение резолюций XII съезда об усилении плановости, Троцкий сделал вывод, что «руководства хозяйством нет, хаос идет сверху». Он констатировал факты назначения руководящих партийных кадров снизу до-

верху («назначенства») и «переброски» членов партии из одной парт-организации в другую «в случае оппозиции, критики, недовольства». Вместо развития «рабочей демократии» после X съезда РКП(б) укрепилась «бюрократизация» партаппарата. С одной стороны, возросло число «воздержавшихся», а с другой — «оппозиционные группировки ожили и усилились. Их недовольство обострилось...». Троцкий провозглашал необходимость «партийной демократии» и возможности «произвести перегруппировку партийных сил»⁵³.

Намечая программу изменений, Троцкий заявил, что кризис партии не мог «быть исчерпан репрессивными мерами», намекая не только на недавнюю переброску Раковского, но и на аресты членов оппозиционных групп. В этом отношении неверно полагать, что Троцкий «поддерживал репрессивные меры против ультралевых», в частности «приветствовал» предложение Дзержинского членам партии немедленно сообщать в ГПУ о группировках⁵⁴. В действительности же Троцкий высказался обтекаемо, чтобы не вступить в противоречие с решениями X съезда партии: «Казалось бы, что извещение партийной организации о том, что ее рамками пользуются враждебные партии элементы, является настолько элементарной обязанностью каждого члена партии, что об этом нет надобности выносить особое постановление...»⁵⁵. Таким образом, Троцкий ушел от прямого ответа, перейдя к более важным вопросам, используя факт постановки вопроса об ОГПУ как лишнее доказательство оторванности верхов⁵⁶.

Основную часть своего письма, как это следует из черновика, Троцкий написал 6 октября, при этом он целиком вычеркнул последний пункт, написанный за день до отправки документа в ЦК и ЦКК. Этот фрагмент был посвящен объяснению причин неучастия Троцкого в заседаниях Оргбюро ЦК, куда он был, вместе с Зиновьевым, введен только что состоявшимся Пленумом ЦК. Назвав это решение формальным, он заявил: «Внутрипартийная политика, и прежде всего работа Оргбюро и Секретариата, проводилась не только без меня, но и — во всех существенных вопросах — против меня. Назначение меня в Оргбюро сейчас — без фактической перемены внутрипартийной политики — может иметь своей целью только одно: сделать меня в глазах партии ответственным за последствия той политики, в выработке которой я не участвовал, против проведения которой я боролся, считая ее губительной». Троцкий заявил о готовности за это «формальное нарушение дисциплины, если потребуются, дать открытый ответ перед партией»⁵⁷. Решив вычеркнуть этот фрагмент, Троцкий мог руководствоваться и осознанием двойственности своего положения с точки зрения норм «партийного права», и нежеланием усугублять конфликт с большинством ЦК.

Через два дня, 10 октября, Троцкий отправил второе письмо, обозначив «большие вопросы», по которым он имел разногласия с оппонентами как до XII съезда партии, так и после него:

1. Вопрос об организации промышленности и плановом руководстве хозяйства. 2. Вопрос о соотношении политики финансовой и общехозяйственной. 3. Вопрос о монополии внешней торговли. 4. Национальный вопрос (письма т. Ленина). 5. Вопрос о ЦКК (статьи т. Ленина). 6. Вопрос о соотношении между военными планами и хозяйственными. 7. Вопрос о развитии водочной системы с фискальными целями. 8. Кардинальные вопросы, связанные с германской революцией. 9. Вопрос о методах нашей внешней политики в настоящее время⁵⁸.

Троцкий намеренно расширил список вопросов и акцентировал свой союз с Лениным. Это не могло не встревожить тройку. 11 октября собрание Политбюро приняло к сведению заявление Троцкого, что «содержание письма... сообщено им небольшому кругу ответственных товарищей, не входящих в ЦК и ЦКК». Со своей стороны, большинство Политбюро, обсудив письмо Троцкого, высказало просьбу задержать его рассылку до очередного заседания⁵⁹. Однако оппозиционеры уже начали мобилизацию сил, в соответствии ли с желанием Троцкого или вопреки ему, но объективно в его интересах⁶⁰.

Секретарь Московского комитета (МК) партии, сторонник ЦК Исаак Зеленский, получил копию письма Троцкого от дециста Иннокентия Стукова не позднее 13 октября. Ссылаясь на некие сообщения, он заявил, что письмо имеется также у лидера децистов Тимофея Сапронова и Ивана Смирнова, поддерживавшего Троцкого в дискуссии о профсоюзах 1920–1921 годов⁶¹. Уже 14 октября бюро МК вынесло категорическое постановление: «Письмо тов. Троцкого, распространяемое среди членов московской организации, является по сути дела платформой, на основе которой делаются энергичные попытки к образованию фракции (распространение письма, обход работников, собирание подписей, требование созыва съезда)»⁶². Через два дня Бюро Петроградского губкома присоединилось к резолюции МК, выразило «безусловную солидарность» с ЦК и постановило пригласить Троцкого и Преображенского «как первого подписавшего коллетивное письмо» на пленум губкома, если Политбюро не будет против⁶³. Таким образом линия большинства ЦК была поддержана руководством крупнейших парторганизации. 15 октября Политбюро решило

немедленно разослать «письмо-платформу» Троцкого всем членам ЦК и ЦКК⁶⁴.

Осуждение прозвучало и в резолюции президиума Центральной контрольной комиссии 15 октября, «рабочая тройка» которой состояла из давних недругов Троцкого: Валериана Куйбышева, Емельяна Ярославского и Сергея Гусева⁶⁵. Троцкий, которого не пригласили на заседание этого органа, вскоре сделает заявление, что решение ЦКК по форме и содержанию свидетельствовало о продолжении борьбы против него⁶⁶. Действия представителей ключевых партийных органов были хорошо скоординированы. Закреплением этой тенденции послужило образование «семерки»: 8 декабря к Зиновьеву, Сталину и Каменеву присоединяются Куйбышев, редактор «Правды» Бухарин⁶⁷, глава ВЦСПС Томский и фактический глава правительства Алексей Рыков.

В это время оппозиционеры собирали подписи под наиболее известным документом оппозиции — «Заявлением сорока шести»⁶⁸. Троцкий не только располагал его текстом уже 10 октября, но и переслал его Крестинскому, дав ему следующую характеристику: «...документ есть коллективное письмо, которое рядом работников разных группировок, а также и работников, не принадлежавших ранее ни к какой группировке, адресуется ЦК. Сейчас идет собирание подписей»⁶⁹.

В отличие от письма Троцкого, «Заявление» было адресовано исключительно членам Политбюро ЦК, которые получили документ 15 октября. Подписанты, словами одного из них — Муралова, «считали своей обязанностью и необходимостью предупредить... катастрофу»⁷⁰. Но сторонники ЦК имели основания воспринимать документ иначе. Их едва ли могла успокоить звучащая в «Заявлении» оговорка, что «нынешние руководители при всяких условиях не могут не быть поставлены партией на передовые посты», ведь, по словам подписантов, «продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии». В заявлении указывалось на «случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК, не сводящего концов с концами в области хозяйства», ставящего власть под угрозу «полного паралича» внешнеполитической, революционной деятельности. «Режим фракционной диктатуры внутри партии», установленный X съездом в качестве «временной меры», утверждали они, «изжил себя» уже к XII съезду и стал «совершенно нестерпим». Этот режим, по их мнению, обернулся «прогрессирующим... разделением партии на секретарскую иерархию и “мирян”», не участвующих в принятии решений. Произошла «подмена партии подобранным чиновничьим аппаратом». Недовольные решениями губкома или ЦК стали бояться открытых обсуждений даже между собой.

Как и в письмах Троцкого, в «Заявлении» допускались сравнительно умеренные формулировки относительно причин появления «антипартийных групп», например: «Крайне оппозиционные, уже явно болезненные течения внутри партии стали приобретать антипартийный характер, ибо внутривнутрипартийного товарищеского обсуждения наболевших вопросов не было». Несмотря на выражение лояльности Политбюро, подписанты констатировали наличие «узкого кружка» партруководства, в соответствии с взглядами которого осуществлялся «подбор людей и действий». Декларируемое большинством «официальное единство» лишь прикрывало «фракционный режим», и оно должно было быть заменено «режимом товарищеского единства внутривнутрипартийной демократии», причем «это должны сделать в первую очередь его насадители»⁷¹.

«Заявление» не содержало обещаний материального благополучия пролетариату⁷²; авторы даже избегали «откровенно “пролетарской” риторики»⁷³, т. е. выступать от имени класса-гегемона партии во имя достижения его исторических задач. Это можно объяснить тем, что, несмотря на остроту большинства формулировок «петиции», документ предназначался коллегам-однопартийцам, способным отнестись к нему по-деловому. В отличие от президиума ЦКК, предложившего в «кратчайшие сроки» созвать пленум ЦК и ЦКК, заявители «как первый и неотложный шаг» предложили «созвать совещание членов ЦК с наиболее видными и активными работниками», включая несогласных с «большинством ЦК».

Первым подписавшимся был Евгений Преображенский, он же, скорее всего, был основным автором. Большевик с 1903 года, публицист, написавший вместе с Бухариным популярную «Азбуку коммунизма», он возглавлял Уральское бюро ЦК в 1918–1919 годах, а с 1920 по 1921 год занимал кресло секретаря ЦК. В 1918 году он был в числе фракции «левых коммунистов», а в «дискуссии о профсоюзах» поддержал платформу Троцкого, после чего не был избран в ЦК, но остался одним из редакторов «Правды» и возглавлял финансовый комитет ЦК и СНК РСФСР. Виктор Серж, хорошо знавший оппозиционеров, вспоминал, что Преображенский «руководил» оппозицией, в то время как Троцкий ее «вдохновлял»⁷⁴. Однако механика этого «руководства» на данный момент не может быть в точности реконструирована⁷⁵.

В мемуарах Троцкий писал, что о заключенном с Лениным «блоке» он сразу же сообщил «Раковскому, И. Н. Смирнову, Сосновскому, Преображенскому и др.»⁷⁶. Он не упомянул своего ближайшего единомышленника Леонида Серебрякова, возможно, потому, что тот к 1930 году полностью капитулировал перед «генеральной линией»

ЦК. Вместе с Преображенским и Николаем Крестинским, назначенным полпредом в Германию в октябре 1921 года, Серебряков в свое время был секретарем ЦК, а с 1922 года стал заместителем наркома путей сообщения. Политик такого уровня не мог не сохранить авторитет и связи. Именно Серебряков будет впоследствии обвинен сторонниками ЦК в руководстве «фракцией».

Как и Преображенский, большинство подписантов — Борис Бреслав, Леонид Серебряков, Аркадий Альский, Александр Венедиктов, Иван Смирнов, Георгий Пятаков, Валериан Осинский, Николай Муралов, Тимофей Сапронов, Владимир Максимовский, Лев Сосновский, Карл Данишевский, Павел (?) Месяцев, Тарас Харечко, Александр Воронский, Владимир Смирнов, Евгения Бош, Иосиф Бык, Владимир (Владислав) Кассиор, Филипп Локацков, Яков Дробнис, Петр Коваленко, Александр Минкин, Вера Яковлева, Отто Шмидель, Вагаршак Ваганьян (Тер-Ваганян), Иннокентий Стуков, Михаил Лобанов, Рафаил (Р. Б. Фарбман), Семен Васильченко, Михаил Жаков, Алексей Пузаков, Николай Николаев (приведены в порядке поступления подписей) — приняли текст без каких-либо замечаний. Специально отметили свое полное согласие с предложениями Аркадий Розенгольц и Борис Эльцин, высокопоставленные комиссары в Гражданскую войну (Розенгольц был активным «троцкистом» в эпоху X съезда).

С документом «в основном» согласился Владимир Антонов-Овсенко, глава Политического управления (ПУР) армии и член РВС, близко работавший с Троцким еще в дореволюционные годы, когда он также был «межфракционным социал-демократом»⁷⁷. С «некоторыми пунктами... объясняющими причины создавшегося положения» отметил несогласие народный комиссар внутренних дел Александр Белобородов. В то же время он присоединился к заключительному выводу письма, считая, что «практиковавшиеся до сих пор методы» не помогут в разрешении актуальных вопросов. Начальник Главного управления электротехнической промышленности Абрам Гольцман, в 1920–1921 годах — опора Троцкого в президиуме Всероссийского центрального совета профсоюзов (ВЦСПС), приложил к «заявлению» отдельную краткую записку, в которой акцентировал необходимость партийного единства: «Естественно, что в настоящий момент не может быть и речи о внутрипартийной борьбе в какой бы то ни было форме». «Совершенно необходимо немедленно принять меры для сохранения единства партии», — вторил ему Михаил Богуславский, зампред московского Совета. Характерно, что он, бывший децист, согласившись с анализом хозяйственного и политического положения, отметил «некоторое сгущение» в части внутрипартийного положения. Можно предположить, что настроение Гольцмана

и Богуславского было созвучно мнению члена правления Центросоюза П. К. Когановича: «Ослабление политической диктатуры в настоящий момент считаю опасным, но освежение необходимо»⁷⁸.

Члены большинства Политбюро были не далеки от истины, увидев в петиции «соглашение» двух групп. Первая из них — группа «демократического централизма». Эта, по формулировке авторов, «фракция» была представлена «Осинским, Сапроновым, Максимовским, В. Смирновым, Дробнисом, Рафаилом, Богуславским и др.». Вторая — «группа тов. Троцкого» была представлена «Преображенским, Серебряковым, И. Н. Смирновым, Пятаковым, Белобородовым, Вл. Косиором, Эльциным, Альским, Данишевским и др.»⁷⁹. Ни тогда, ни позднее целиком персональный состав этих групп не уточнялся. В первоначальном проекте документа говорилось, что «к этим группам прибавляются еще подписи отдельных товарищей — Альский, Данилов (Данишевский. — А. Р.), Эльцин и т. п., которые давным давно оторвались от всякой серьезной партийной работы в массах и никого, кроме себя, не представляют»⁸⁰.

Ни члены Политбюро, ни последующие историки не объяснили, что значило это «соглашение» двух групп, однако важен вопрос, воспринималась ли децистами и троцкистами поддержка «Заявления» как групповой, а не индивидуальный акт? Большинство Политбюро никак не прокомментировало факт наличия подписи бывшего сторонника «Рабочей оппозиции», профсоюзного работника Лобанова⁸¹. Преследуя цель приписать к своему главному оппоненту как можно больше фракционеров, авторы письма заявили, что все петиционеры являлись «сторонниками» Троцкого. Не останавливаясь на каждом из перечисленных, авторы, однако, к числу его сторонников относили всех, кто поддерживал «фракцию Троцкого» на X съезде.

Утверждение Дойчера, что все петиционеры «занимали важные посты в правительстве и партии»⁸², в целом верное, но все же нуждается в одной важной корректировке: среди них не было ни одного сотрудника Секретариата и Оргбюро ЦК, а также, что немаловажно, сотрудников ОГПУ. Но многие действительно занимали высокие должности в СНК. Так, наряду с наркомвнуделом Белобородовым, наркомом являлся Иван Смирнов, отвечавший за почту и телеграф. Заместителем председателя Народного комиссариата просвещения Анатолия Луначарского была известная коммунистка, первая женщина в руководстве ВЧК Варвара Яковлева, в прошлом — «левая коммунистка», затем «троцкистка». Тимофей Сапронов был секретарем ВЦИК, председателем Малого СНК и президиума ВЦСПС, т. е. входил в руководство центральной государственной власти и профсоюзного ведомства. Многие подписанты состояли в коллегиальных органах

ключевых хозяйственных структур (ВСНХ, СТО, Госплан, Центросоюз), однако они не обладали непосредственной политической властью.

Подписи под «Заявлением» поставили известные военные работники. Среди них, помимо Антонова-Овсенко, были командующий войсками Московского военного округа Николай Муралов и его заместитель Борис Бреслав, занимавший также должность главы Политуправления округа, и Аркадий Розенгольц, начальник Главного управления Воздушного флота РККА. Многие петиционеры, до того как они ушли с военной службы, прославились в годы Гражданской войны: Иван Смирнов, Серебряков, Борис Эльцин и др.⁸³

Партийцы, занимавшие важные посты в сферах культуры и образования, также оказались в числе «сорока шести». Так, Александр Воронский был редактором журналов «Красная новь» и «Прожектор», основателем литературной группы «Перевал». Вагаршак Ваганьян (Тер-Ваганян), знаток литературного наследия основателя русской социал-демократии Георгия Плеханова, был редактором теоретического журнала «Под знаменем марксизма» и преподавателем. Прозаик Семен Васильченко возглавлял издательство «Московский рабочий»⁸⁴. Заведовал редакционной частью и экономическим отделом Госиздата Александр Венедиктов. Наконец, широко известный публицист Лев Сосновский, ранее руководивший Агитпропом ЦК, возглавлял редакции газет «Беднота» и «Коммунар». Заместителями наркома просвещения являлись Владимир Максимовский и Варвара Яковлева, председателем коллегии Главполитпросвета — Борис Эльцин, заведовал Московским отделом народного образования один из лидеров децистов Рафаил (Рафаил Фарбман)⁸⁵. Не случайно, что брошюра Троцкого «Новый курс», о которой пойдет речь далее, была оперативно опубликована в январе 1924 года в двух издательствах: Главполитпросвета и в «Красной нови». 15 декабря 1923 года председатель редколлегии «Красной нови» Эльцин попросил Троцкого написать брошюру, предварительно указав, что издательство выпускает 5 сборников по вопросам партстроительства⁸⁶.

Подписал «Заявление» заведующий хозяйством московского завода «Каучук» и секретарь его парторганизации Отто Шмидель. Утверждение, что из всех «сорока шести» он был «самым нижним чином»⁸⁷, представляется несправедливым. Так, Николаев был заместителем председателя правления издательства «Красная новь», а Коваленко значился лишь сотрудником «Правды». Шмидель же возглавлял парторганизацию завода, что давало ему определенную фору перед партийными интеллектуалами. Тем более что он, рабочий эвакуированного рижского завода, вступил в партию в январе 1917 года и заработал свой авторитет в качестве участника московского

подпольного парткомитета вместе с Сапроновым⁸⁸. Этот политический капитал был использован Шмиделем для последующего завоевания большинства как в ячейке завода, так и во всем Хамовническом районе Москвы.

Наконец, есть основания предполагать, что в какое-то время под «Заявлением» подписывались и другие люди, по крайней мере — фигурально. Так, в дни траура по Ленину старый большевик Федор Чучин отправил в «Правду» заявление о том, что он подписывается под неким «письмом т.т. Назарова, Кринкина и Муралова и призывает к этому всех... вместе со мной подписавших» ранее главный документ оппозиции⁸⁹. Их подписи на доступных оригинальных документах не известны, и также не ясно, почему в первоначальной версии ответа на письмо Троцкого большинства Политбюро говорилось о 53 подписях⁹⁰.

Остается открытым вопрос о том, какие факторы повлияли на численность петиционеров. В декабре Преображенский аргументировал необходимость группового, а не индивидуального обращения необходимостью «показать, что нас, кто требует этого перехода, много»⁹¹. Среди «сорока шести» значились практически все ключевые оппозиционеры. Однако представляется, что фактор времени — необходимость скорейшего сбора подписей — продиктовал именно такой состав петиционеров, который не включал находившихся за границей Раковского и Крестинского. Не случайно в списке был всего один представитель «низов» партийного аппарата и совершенно отсутствовали рядовые члены партии — ведь сбор подписей в партийных «массах» послужил бы доказательством «фракционной» деятельности оппозиционеров.

«Заявление сорока шести» стало одним из важнейших программных документов оппозиции, отразившим критический настрой представителей партийной элиты⁹². Как и письмо Троцкого, вопреки своему «секретному» характеру, оно нелегально распространялось из рук в руки среди доверенных партийцев, а затем обильно цитировалось обеими сторонами конфликта.

В октябре 1923 года политический контекст года определялся ожиданием исхода революционного кризиса в Германии. Говоря о том, «почему в октябре 1923 г. вдруг заварилась эта каша с письмом сорока шести», член ЦК Карл Радек назвал две основные причины: экономический кризис и «возможность в ближайшие недели Германской революции», которая подтолкнула оппозиционеров спросить «себя с какими силами мы пойдем в бой»⁹³. Рыков даже утверждал, что Сосновский хотел обсуждать на собраниях ячеек «вопрос, достаточно ли у немецких рабочих оружия, чтобы произвести перегово-

рот». Осинский утверждал, что его подтолкнуло подписать «Заявление» увиденное на Пленуме ЦК совместно с секретарями губкомов. Тогда ЦК поставил вопрос о том, что «в связи с германскими событиями придется поставить на карту судьбы нашей страны», но никто не взял слова. Такое положение, по словам Осинского, «недопустимо». Каменев указывал на несвоевременность «обвинительного акта», полученного за три недели до восстания, запланированного на 9 ноября. И наоборот, вскоре была получена возможность «дискутировать», потому что потерпела поражение Германская революция»⁹⁴. Вскоре руководство Коминтерна под влиянием большинства ЦК РКП(б) утвердило представление, что поражение германского Октября привело к «мелкобуржуазным уклонам»⁹⁵.

Помимо коллективных заявлений, оппозиционеры практиковали и индивидуальные обращения. «11 октября я подписал вместе с другими товарищами письмо в Политбюро», — начал свое послание в ЦК Белобородов. Нарком внутренних дел, отталкиваясь от впечатлений, полученных на двух партсовещаниях руководителей агитпропов 26 сентября и 3 октября 1923 года в связи с германскими событиями, на которых не обсуждались собственно политические вопросы и практически никто не записался в прения, констатировал: «...налицо имеется пассивность партийной мысли, все сто процентов беспрекословного согласия с тем, что скажут “старшие”, готовность принять и осуществить любую директиву в порядке партдисциплины». Приведя конкретные примеры отрыва партии от «низов», Белобородов заявил, что, в отличие от авторов «заявления сорока шести», видевших причины неудач в политике ЦК и Политбюро, для него было «совершенно бесспорно, что здесь вся партия в целом как часть рабочего класса испытывает глубочайший кризис и руководящим органам партия может бросить упрек в том, что явления этого кризиса недостаточно полно и всесторонне учитываются...». Примечательным аспектом письма явилось отношение автора к феномену, который он назвал «мясниковщиной», точнее, к репрессивным мерам в отношении Мясникова и всей «Рабочей группы»: «Мясниковцы ставят по-своему, сумбурно и безграмотно, ряд больших для рабочего класса вопросов, имеют успех среди членов партии, сбивая неустойчивых и объединяя вокруг себя недовольных. В партийном арсенале находится одно оружие — арест и высылка. Фабрикуются мученики мясниковщины, и все это движение в глазах рабочих и партийцев окружается ореолом страданий». Уже сформировав неблагоприятную внутрипартийную «обстановку», репрессии, по мнению Белобородова, не оставляют места для «самых жестоких ударов — идейных». Он заключил, что «предпосылкой к деловой постановке [вопросов]

должен быть отказ от постоянного расточения угроз об исключении из партии». Сквозной темой письма была неэффективность партаппарата⁹⁶. Характер критики был вызывающий, но Белобородов не получил прямого ответа. Возможно, отзвуком этого письма стало решение заведующих отделами ЦК отклонить «просьбы НКВД об изменении порядка назначения, смещения и перемещения работников его местных органов в сторону предоставления больших прав НКВД»⁹⁷. Даже если этот акт не являлся прямым следствием внутрипартийной борьбы, он ярко иллюстрировал бюрократический централизм.

Намного большее значение имело письмо Карла Радека в Политбюро 16 октября. Секретарь Исполкома Коминтерна, отвечавший за Германию, не скрывал своих личных симпатий Троцкому⁹⁸. Вместе с Пятаковым он был направлен в Германию для содействия вооруженному восстанию. Оценив внутрипартийное положение как «угрожающее для судеб русской и германской революции», Радек выдвинул четыре предложения. Во-первых, Политбюро должно было внутри себя «локализовать и ликвидировать конфликт», т. е. «запретить дискуссию, печатание платформ» (sic!), не рассылать письма Троцкого даже членам ЦК. Более того, в своем письме Радек, в отличие от «петиции» сорока шести, предложил «наотрез отказать» привлечению к обсуждению не входящих в ЦК. Во-вторых, Троцкий должен быть назначен председателем Совета военной промышленности, что явилось бы своеобразной уступкой ему после сентябрьского наступления на позиции председателя Реввоенсовета. В-третьих, пересмотреть решение о посылке Раковского в Лондон. Наконец, в-четвертых, в тесной связи с предыдущим предложением, пересмотреть ряд «неправильных перемещений» тех коммунистов, которые считались единомышленниками Троцкого. Радек подчеркнул необходимость «боевой готовности» партии в связи с международной ситуацией, которая предполагала, с одной стороны, невозможность «коренных реформ» (уступка большинству), а с другой — ряд кадровых уступок Троцкому. Однако относительная умеренность требований была уравновешена угрозой: «Я заявляю Политбюро, что если спор не удастся локализовать в Политбюро, а в крайнем случае в ЦК, если будет угрожать опасность сделать его публичным, то я обращусь к руководящим товарищам западноевропейских компартий с требованием их немедленного вмешательства с целью остановить это безумие»⁹⁹.

Радек не получил ответа Политбюро. Бесславно вернувшись из Германии, он включился во внутрипартийную борьбу. По сравнению с другими оппозиционными лидерами, он использовал более ком-

промиссную риторику и занимал скорее «буферную» позицию. На одной из партийных конференций в январе 1924 года Алексей Рыков скажет, что Радек «играл на обе стороны». Сам Радек в те же дни утверждал, что он «не мог получить этого письма сорока шести», и то, что «если в этом письме упрекается ЦК, что он привел страну на край гибели, то я заявляю, никогда я такого утверждения не подписал бы, потому что... это не верно»¹⁰⁰. Если судить по письму Пятакова Сталину 1 ноября 1923 г., то заявление Радека могло быть написано совместно с Пятаковым. Важность, которую Пятаков придавал ситуации в ЦК, подчеркивают следующие его слова: «Только ради бога не устраивайте драку — иначе все пропадет. Если Вы будете драться, то мы бросим работу здесь (это не угроза, а вывод из того, что при таких условиях наша работа здесь бессмысленна)»¹⁰¹.

18 октября Политбюро постановило в недельный срок созвать экстренный совместный пленум ЦК и ЦКК и пригласить на него по 2 представителя от 10 «пролетарских» парторганизаций¹⁰². На следующий день Троцкий заявил о необходимости вызова на пленум Раковского. Он сказал, что получил письмо, в котором новоиспеченный полпред «говорит о полной оторванности его от работ ЦК, о не получении им протоколов и выражает намерение присутствовать на ближайшем пленуме ЦК...». Примечательно, что, помимо Секретариата, в адресатах послания значился Президиум ЦКК — это была еще одна попытка привлечь внимание партийного суда. Не известно, когда Сталин направил в Лондон запрос, но 22 октября Раковский ответил шифротелеграммой: «Физически невозможно прибыть 25 октября»¹⁰³.

К пленуму готовились обе стороны. В первом ответном Троцкому заявлении членов Политбюро 19 октября прозвучало обвинение в «претензиях» Троцкого на «его диктатуру в хозяйственном руководстве»¹⁰⁴. В итоговый документ целиком не попали «практические выводы» черновика, среди которых, наряду с жесткими мерами в отношении оппозиционеров, тем не менее звучала необходимость «усилить момент свободной дискуссии внутри партии» или, при контрольных комиссиях, «поставить периодически издаваемые дискуссионные листки, где бы члены партии могли свободно обсуждать спорные вопросы»¹⁰⁵.

Ответное письмо Троцкого 23 октября заслуживает отдельного внимания: это был не только программный документ, но и лично окрашенный. Автор заявил, что письмо Политбюро говорит о нежелании создавать «нормальные условия здоровой коллективной работы в руководящих учреждениях партии». Он отверг обвинения в создании фракционной платформы, в то же время дав свое понимание

их границ: «Что существование фракций, т. е. организованных объединений единомышленников внутри партии, представляет чрезвычайную опасность, это совершенно бесспорно. <...> Но отсюда еще очень далеко до провозглашения фракцией каждой попытки отдельного члена партии или группы членов партии обратить внимание ЦК на неправильности и ошибки проводимой им политики». Очерчивая правила честной борьбы, Троцкий указал на двустороннюю политику руководящих учреждений: с одной стороны — «скрытый фракционный подбор», с другой — «ликвидация всякой самостоятельной мысли партии обвинением во фракционности»¹⁰⁶. Этим аспектам политики большинства ЦК вскоре предстояло оказаться в центре оппозиционной критики.

Троцкий обращал внимание на противоречия оппонентов. Так, он выразил удивление тому, что, вопреки необходимости демократизации, озвученной на заседании Политбюро 11 октября, в «Ответе» его оппонентов внутрипартийный режим объявлялся по сути здоровым. Троцкий представлял себе внутрипартийный режим таким, «... при котором партия изо дня в день формулировала бы свое мнение по важнейшим вопросам и тем самым наилучшим образом могла бы определить свою волю через посредство своих съездов». Он не случайно упомянул выражение «изо дня в день» — именно по отношению к глубине и продолжительности дискуссий проходила линия расхождений¹⁰⁷. Что касается режима «ограничений» демократии, наложенных X съездом, то Троцкий заявил, что они «должны сохраниться, пока опыт не обнаружил их неправильности»¹⁰⁸. Троцкий использовал понятие «опыта» во всех своих основных публикациях эпохи внутрипартийной дискуссии, в политическом отношении противопоставляя ему общую теорию, из которой его оппоненты выводили неизменность режима запретов¹⁰⁹.

Свой удар Троцкий нанес по тройке и персонально по Сталину, которому были припомнены разногласия с Лениным по национальному вопросу и реорганизации РКК—ЦКК. Политбюро назвало его выступление «неслышанным в большевистской среде», на что Троцкий напомнил о несогласии Зиновьева и Каменева с решением партийного руководства взять власть в октябре 1917 года¹¹⁰. Впрочем, Троцкий, по сравнению со своими оппонентами, нечасто прибегал к инструментализации истории партии. Он скорее отвечал на утверждаемую «тройкой» политику того, «как делается история и как она пишется». Троцкий зафиксировал в письме членов Политбюро одну из главных системообразующих мифологем — «...попытку вовлечь в нынешние спорные вопросы имя т. Ленина, представляя дело так, будто бы, с од-

ной стороны, есть продолжение политики т. Ленина, а, с другой стороны, — борьба против этой политики». Троцкий тщетно указывал на недопустимость «сегодняшние оценки чисто формально выводить из тогдашних разногласий»¹¹¹. В скором времени «борьба за прошлое» стала одной из основных форм политической деятельности внутрипартийных оппозиций, которым в той или иной степени приходилось отвечать на вопрос о соответствии господствующей модели «ленинизма»¹¹². Именно в связи с нарождающейся политикой памяти Троцкий впервые дал волю эмоциям:

Каким же все-таки образом, спрашиваю я, можно задним числом изменять всю предшествующую историю? Как примирить цитированные предложения т. Сталина с его подписью под последним «Ответом» [Политбюро]? Как сочетать приведенное заявление т. Рыкова с его нынешним отпором моим будто бы претензиям захватить ВСНХ? Откуда все это? Для чего все это? Я отказываюсь это понимать¹¹³.

25–27 октября 1923 года в Большом Кремлевском Дворце состоялся совместный пленум ЦК и ЦКК с представителями крупнейших пролетарских центров страны. Перед его участниками Сапронов заявил, что на квартире Сталина заранее состоялось «фракционное совещание»¹¹⁴. Неизвестно, совещались ли перед Пленумом оппозиционеры, но от группы «сорока шести» было допущено лишь 11 человек¹¹⁵. Атмосфера заседаний была напряженной¹¹⁶. Важно отметить, что за несколько дней до пленума свою позицию обозначило руководство второй крупнейшей национальной компартии — украинской. Призвав осудить «дезорганизаторские действия» Троцкого и «сорока шести», большинство участников собрания украинского руководства употребило понятие «бесплодная оппозиция ЦК»¹¹⁷. На Пленуме Троцкий и «группа сорока шести» впервые были публично названы «оппозиционерами», а Сталин с иронией окрестил их «демократами». Некоторые удостоились персонального упоминания генсеком: «Нет дискуссий — говорит Яковлева. Как чеховская дама: “дайте мне атмосферу”. Бывают моменты, когда не до дискуссий». Более того, Сталин заявил: «Дискуссия в центре сейчас необычайно опасна. И крестьяне, и рабочие потеряли бы к нам доверие, враги учли бы это как слабость. Мы испытали такую дискуссию в 1921 г. Мы тогда страшно много проиграли». По словам генсека, в то время, когда партия «ушла в огромную и важнейшую работу

по мелочным вопросам», а стране угрожала война, оппозиционеры поставили вопросы «через голову ЦК», чтобы «пошуметь». Троцкий был повинен в создании обстановки, грозящей расколом¹¹⁸.

«Многие ораторы на Пленуме намекали, — расскажет впоследствии Сапронов, — что Троцкий стремится к единоличию, забежали вперед — к бонапартизму»¹¹⁹. Проблема бонапартизма и в целом политического авторитета Троцкого, как будет показано в следующей главе, была важной темой во время политических дебатов 1923–1924 годов. Популярность наркомвоенмора могла действовать раздражающе и провоцировать опасения. Многие помнили панегирик Радека, опубликованный в «Правде» (номер посвящался 25-летию партии), перед XII съездом, в котором воспевалась «гениальность» Троцкого и образцовость военного ведомства, или репортаж о рабочем дне «универсального человека» и «вождя революции», появившийся в первом же номере журнала «Огонёк», а также воспоминания Ларисы Рейснер о первых боях Красной армии¹²⁰. Даже Емельян Ярославский опубликовал панегирик в журнале «Сибирские огни», который Троцкий впоследствии процитирует в мемуарах¹²¹. Тройка, формировавшаяся, по выражению Макса Истмана, в качестве «антибонапартистской фракции», подогревала враждебность по отношению к мнимому диктатору Троцкому¹²².

Троцкий, судя по записи его экспромтной речи, высказался намного откровеннее, чем в письмах. В начале он заявил, что был «устранен» от «фактического обсуждения» ключевых вопросов, так как «в Политбюро есть другое Политбюро и в ЦК есть другой ЦК». Это было недвусмысленное обвинение во фракционности. На вопрос, почему он не обращался в ЦКК, Троцкий ответил резко: у него «не было доверия к большинству ЦКК», учитывая «ряд перемещений и смещений так называемых “троцкистов”»¹²³. Троцкий обвинил тройку в превращении ЦКК в орудие Секретариата во внутрипартийной борьбе. Неизвестно, всерьез ли он полагал, что большинство ЦК не поддерживало тройку в деле «углубления разногласий», но, по-видимому, рассчитывал найти поддержку. Прежде чем высказаться по вопросу о фракционности, Троцкий, не скрывая своих эмоций, призвал «понять» его «положение»:

Я был в очень трудных условиях. Я не мог выступить против тех, кто создавал иллюзию, что я борюсь против традиций Владимира Ильича. Товарищи, я был в отчаянно трудном положении, поистине трагическом. В то время, как эта сеть опутывала меня,

я ничего не мог объяснить, не мог никому раскрыть, что правда, не мог принять бой. Но эту сеть разорвать было нужно. В этот момент, в такой ответственный, может быть, в мировой истории момент, тот, кто заподозрил бы меня в личных мотивах, в смешном стремлении взять на свои плечи всю громадную ответственность, взять только на себя, единолично, тот счел бы меня трижды подлецом и трижды сумасшедшим¹²⁴.

Такие искренние, почти лирические обороты, могут показаться излишними в устах партийного вождя на собрании большевистского «ареопага». Хотя нет серьезных оснований полагать, что Троцкий позволил себе нечто резко противоречившее представлениям членов ЦК о допустимой культуре выступления, он все же недвусмысленно противопоставил свою индивидуальность:

Здесь приходится считаться и с моими личными особенностями. Уж так я устроен, что я не могу подписать безграмотно сделанной бумажки, приказ ли это или что-нибудь другое, просто ли она безграмотна или экономически безграмотна. Я не выношу неточности, необдуманности, подхода с кондачка. Может быть, это очень плохо, но повторяю, я так уж устроен, и переделать меня невозможно¹²⁵.

Подобными приемами объединения личностного и политического Троцкий резко отличался от большинства своих оппонентов. Впоследствии Зиновьев, не менее эмоциональный человек, включит в число недостатков оппозиционера «откровенный индивидуализм»¹²⁶. Претензия Троцкого на обладание им большего профессионализма не могла не задеть некоторых участников пленума, хотя это и было второстепенной причиной их нежелания его поддержать.

Троцкий ранее не отличался интересом к вопросам внутрипартийной демократии. Ему не нужно было напоминать о своем недавнем противостоянии «военной оппозиции» в 1919 году или жесткому «военно-коммунистическому» курсу в области управления на рубеже 1920–1921 годов, чтобы сказать: «Создалось такое положение, что Троцкий... между прочим, выступает за “демократизм”. Вы, товарищи, прекрасно знаете, что я никогда не был “демократом”». Но одновременно он подчеркнул, стремясь найти формулировки, которые убедили бы аудиторию в принципиальности его предложений: «Из этого не следует, что я не позволял критической мысли, игнорировал

мнение товарищей по работе» (в пример была приведена дискуссия с Михаилом Фрунзе о «единой военной доктрине»). Стремясь обогнать необходимость «поворота в сторону партийной демократии», Троцкий сказал откровенно, что он «не берет патента на демократизм»¹²⁷.

97 из 117 участников пленума поддержали постановление о заявлениях Троцкого и «сорока шести», содержащее обвинения, сформулированные ранее большинством Политбюро. Проект компромиссной резолюции члена ЦКК Николая Гончарова, стремившегося исключить категоричные обвинения, собрал лишь 7 голосов. Преображенский представил альтернативный проект резолюции, вобравший в себя ключевые тезисы оппозиционной программы развития внутрипартийной демократии¹²⁸. Во-первых, это «принцип выборности», противопоставлявшийся «практике назначения сверху». Над руководством должен осуществляться «постоянный контроль», в том числе — посредством губернских и уездных конференций не реже двух раз в год, должна практиковаться «систематическая отчетность» перед «низовыми ячейками и общепартийными собраниями»¹²⁹. Во-вторых, это «свобода выражения партийного мнения»: дискуссия должна являться «основной формой внутрипартийной практики», а запреты на ее проведение должны быть сняты. В-третьих, «вовлечение в активную работу партийной периферии», т. е. рядовых партийцев: все актуальные вопросы должны подвергаться «широкому обсуждению» и ставиться «по инициативе самих ячеек и отдельных товарищей». В-четвертых, это коренное изменение характера работы партийного аппарата, что в первую очередь должно выразиться в уничтожении «системы подбора работников... по степени их законопослушности». Пятый пункт был сугубо практическим: пересмотр и отмена переброек и назначений, сделанных из фракционных соображений. Все эти мероприятия не были принципиально новыми — они в той или иной форме цитировали резолюцию X съезда «По вопросам внутрипартийного строительства». Отличия же состояли в отношении к оппозиционности как таковой. Как и Белобородов в своем письме в ЦК, автор констатировал «разочарование и ожесточение со стороны групп недовольных товарищей» и выражал сожаление по поводу неиспользования возможностей «идейной борьбы» с ними¹³⁰.

Единственный голос, отданный за эту резолюцию, по всей видимости, принадлежал ее автору. Воздержались 12 человек, т. е., судя по всему, представители группы «сорока шести» и Троцкий. Впоследствии Преображенский объяснил такое решение атмосферой Пленума: «...на нас смотрели как на людей, которые вносят дезорга-

низацию. Я делал от имени подписавших [документ «сорока шести»] заявление... но на нем даже не останавливались»¹³¹. Отказываясь от солидарного голосования за резолюцию Преображенского, оппозиционеры могли руководствоваться нежеланием давать лишний повод обвинить их во фракционности, но это в любом случае было следствием осознания поражения.

8 ноября Сталин ответил на упомянутое выше письмо Пятакова, в котором обрисованная ситуация после Пленума выглядела благополучной: «Впоследствии было частное совещание с Л. Д. [Троцким], где мы договорились, или почти договорились по практическим вопросам улучшения ВСНХ, Госплана и пр. Я думаю, что дело пойдет в дальнейшем без толчков и эксцессов. Прискобрно, что недавно Л. Д. захворал и пока-что, к сожалению, не имеет возможности встать»¹³². В действительности борьба в верхах, начавшись с сентябрьского наступления тройки на позиции Троцкого, к концу октября имела своим результатом первое открытое столкновение двух политических повесток, и ко дню написания этого письма она вошла в новый этап. Получив поддержку большинства ЦК, МК и партаппаратов ключевых индустриальных регионов, тройка сделала вывод, что борьба с оппозицией может быть вынесена на общепартийную арену¹³³.

3. «ДЕКАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Дискуссионной статьей называется такая статья, с которой редакция не согласна.

*«Красный перец»*¹³⁴

7 ноября 1923 года в «Правде» была опубликована статья Зиновьева «Новые задачи партии», в которой ставились вопросы, обсуждавшиеся на Пленуме¹³⁵. В статье констатировался «чрезмерный штиль, местами даже прямо застой» внутрипартийной жизни. «Главная наша беда состоит часто в том, что почти все важнейшие вопросы идут у нас сверху вниз *предрешенными*», — признавал автор. Но анализ Зиновьева сводился к необходимости «централизма» из-за «слишком сильно отставшего» «культурно-политического уровня всей массы членов партии» от уровня «руководящих слоев ее». Как бы то ни было, Зиновьев подчеркнул необходимость того, «чтобы внутрипартийная демократия, о которой мы так много говорили, стала в большей степени облекаться плотью и кровью»¹³⁶. Хотя официально была провозглашена

внутрипартийная дискуссия, партийное руководство подчеркивало, как это отчетливо видно на примере Сибири, что речь не должна была идти о «политической дискуссии»¹³⁷. Позднее Сапронов так описывал ситуацию с появлением статьи:

...вы помните, как встречали эту статью на многих и многих собраниях. Говорили, что эта статья помещена в Октябрьском Праздничном Номере и что какая же может быть речь о демократии, что это просто для праздника написано...¹³⁸

В Москве широкая дискуссия развернулась примерно лишь через месяц, но критические отклики были опубликованы в «Правде» уже 11 и 13 ноября¹³⁹. Статья Зиновьева расшевелила и тех провинциальных партийных руководителей, которые изначально не были вовлечены в политическую борьбу¹⁴⁰. Впервые за долгое время в «Правде» можно было ознакомиться с действительными представлениями партийцев о внутрипартийном положении.

Оппозиция обозначилась 16 ноября в большой статье «Новые решения или исполнение старых?». Автор, скрывавшийся за псевдонимом Г. Я., опроверг тезис Зиновьева о более низком культурном уровне рядовых коммунистов по сравнению с «верхами», ссылаясь на свои наблюдения в замоскворецкой районной парторганизации Москвы: «Если в партийной организации, как отмечает т. Зиновьев, был штиль, то в этом виновны руководящие парторганы, в первую очередь, райкомы и МК (по Москве). *Значительных вопросов за время с партсъезда было много. Партийная масса очень живо откликалась на них, но ни райкомы, ни МК не давали этому выхода*»¹⁴¹. Упрек был адресован также Центральному комитету, который не ставил свои решения на обсуждение «широких партийных масс», в то время как, по мнению Г. Я., «широкая дискуссия» «в громадной степени оживила бы партийную жизнь». Автор отдельно подчеркнул, что «*никакой фракционностью это нам не грозит*». Выделение этого вопроса выглядит не случайным и дает основания предполагать, что Г. Я., по меньшей мере, был в курсе борьбы в верхах, если не являлся одним из ее активных участников. Об этом же свидетельствует предостережение против продолжения «субъективной ошибки» руководства в управлении партией¹⁴². Вскоре последовал ответ на статью Г. Я. от «Исп[олнительной] комиссии Зам[москворецкого] райкома РКП», авторы которого дезавуировали утверждения о недостатках партийной работы и указали на некую «заинтересованность» критикующего¹⁴³. Уже на следующий же день в «Правде» была опубликована статья под

характерным заголовком «Аппарат обороняется», автор которой, назвавшийся «Не-замрайонцем», вступился за Г. Я., призывая аппаратчиков к самокритике. Однако обстановка на тот момент, даже по замечанию того же автора, выглядела спокойной¹⁴⁴.

«Не-замрайонец» мог иметь в виду и статью от 18 ноября, которая во многом перекликалась с предшествующей критикой. Так, в ней констатировалось, что «часто по пустяшному поводу товарища зачисляют по линии “оппозиции”, несогласие с распоряжением парторганов квалифицируется “уклоном”». Протестуя против «регулирования партийной мысли» верхами, автор представлял иное видение другого ключевого вопроса:

Свобода дискуссий внутри партии будет ли предполагать вторжение враждебных настроений и взглядов? Конечно, нет. Возможно допустить, что будут иметь место ошибочные воззрения, неправильные, даже смелые предположения, но в этом нет вреда¹⁴⁵.

Разумеется, критика и даже обличение не обязательно свидетельствовали о причастности к оппозиции. Так, статья К. Розенталя содержала недвусмысленные обвинения партаппарата в «запрещении» дискуссии вопреки широковещательным призывам к ее проведению. Конкретно обличалась «рекомендация воздержаться» от постановки дискуссионных вопросов на партсобраниях московской парторганизации, высказанная аппаратчиками. Однако полным диссонансом прозвучал вывод Розенталя о «своевременности» дискуссии в связи с германскими событиями¹⁴⁶. Кто скрывался за псевдонимом Розенталя, судя по всему, не было известно современникам, но вскоре была выдвинута версия, что эта статья — «искусный ход» аппаратчиков по дезорганизации дискуссии¹⁴⁷.

Преображенский первым открыто выступил в «Правде». Он сформулировал разногласия с политикой ЦК в одной фразе: «*Партия вот уже два года ведет в основном неверную линию в своей внутрипартийной политике*». Вместо «объективной возможности» и «настоятельной необходимости» перехода к внутрипартийной демократии после X съезда, «в партийной политике возобладал автоматизм раз взятого курса» по углублению «милитарных методов». Своеобразным этапом внутрипартийной демократии объявлялась эпоха первого года Октябрьской революции. Несмотря на то что в целом Преображенский воспроизвел ранее высказанные тезисы, рефреном повторялось: именно «*верхи*» были тотально неправы перед «*низами*», даже когда

Троцкий Л. Д.
Рис.: Ю. Анненков

Известный художник Юрий Анненков создал этот и другие портреты Льва Троцкого к пятилетию основания Красной армии, широко отмечавшемуся 23 февраля 1923 года и ставшему вершиной популярности Троцкого в СССР.

тех захватывали «антипартийные течения». В заключение Преображенский дал понять, что в партийном аппарате есть принципиальные противники «рабочей демократии». Совсем не случайно было отмечено «усиление махаевских настроений в некоторых слоях» партии, т. е. враждебность к интеллигенции, ведь ее представителями являлись как раз многие видные оппозиционеры¹⁴⁸ (подробнее об этом см. главу II, 3). Статья Преображенского привлекла к себе благосклонное внимание, в том числе рабочих¹⁴⁹. Согласно официальной точке зрения аппарата, Преображенский «наметил основные положения оппозиции»¹⁵⁰. Уже на следующий день Политбюро приняло меры и круто изменило редакционную политику «Правды»¹⁵¹.

8 декабря публикуется статья Сапронова — другого лидера оппозиции. Он справедливо заметил, что из более чем тридцати опубликованных дискуссионных материалов, касающихся статьи Зиновьева, большая их часть имела «резко отрицательный тон»¹⁵². Причина, по мнению Сапронова, заключалась в «чувстве глубокого недоверия» к тому, что за словами о рабочей демократии последуют реальные дела. Автор сравнил отношения рядовых и ответственных работников партии с иерархичными отношениями учеников и учителей. Критикуя «партийных педантов», насаждавших «школьный дух», он прибегал к классово-риторике: «Смотреть на рядовых членов партии, как на несмышленных ребят, за которыми надо, прежде всего, следить, чтобы они не наделали глупостей, это значит, гарантируя полное формальное единомыслие в партии, оторвать партию от рабочего класса...»¹⁵³ Сапронов первым поставил наиболее острый вопрос внутрипартийной борьбы — «пересмотра нашего “офицерского” состава с точки зрения соответствия его новым задачам... начиная с самых низов... Эта работа по обновлению аппарата, без “назначения”, без “рекомендации” и “согласования”, а путем действительных выборов, должна быть начата немедленно». Осуществить немедленное обновление партаппарата предлагалось до очередного партсъезда¹⁵⁴. В этом отношении Сапронов внес важный элемент в оппозиционную программу действий. Призыв Сапронова угрожал в первую очередь назначенцам и всевластию партаппарата в целом. Статьи и выступления Преображенского и Сапронова воспринимались в единстве. Так, партийное руководство Украины в своей резолюции призывало «резко отмежеваться от позиции тт. Преображенского, Сапронова и др. ...»¹⁵⁵.

На этом фоне первые выступления Троцкого в печати звучали не так радикально. 4 декабря была опубликована его статья «О казенщине, военной и всякой иной», по форме и по сути являвшаяся отчетливым призывом к активной борьбе с бюрократизмом¹⁵⁶. Статья

была задумана Троцким, видимо, не позднее августа 1923 года¹⁵⁷. В ней обсуждался феномен казенщины в армии, но Сталин, перечитывая ее позднее, подчеркнул фрагмент, в котором указывалось на «явные черты сходства с теми взаимоотношениями, какие имеются, скажем, между партийным молодняком и партийной гвардией»¹⁵⁸. Через два дня вышла еще одна небольшая публикация Троцкого — «О смычке», в которой автор опроверг приписываемую ему «недооценку крестьянства» и настаивал на усилении плановости в хозяйстве¹⁵⁹.

Провинция отставала в деле выражения партийных настроений на несколько недель: до первой декады декабря в изданиях центральной части страны появилось 9 публикаций в 6 газетах, а в восьми изданиях Урала из 5 статей 4 являлись перепечаткой «Новых задач партии» Зиновьева¹⁶⁰. Как бы то ни было, процесс был запущен. Продолжали распространяться письма Троцкого и «Заявление сорока шести». Параллельно с дискуссией в печати, с конца ноября волнующие партию вопросы включались в повестки дня партийных собраний.

Судя по всему, первая крупная схватка в парторганизациях Москвы произошла 20 ноября на общегородском собрании групповых организаторов (группоргов) совместно с секретарями ячеек МК, на котором секретарю МК Зеленскому оппонировал известный оппозиционер Стуков¹⁶¹. Впоследствии работники ЦК справедливо называли этот день «началом борьбы за аппарат», так как Стуков потребовал «гарантий проведения внутрипартийной рабочей демократии»¹⁶². Такое требование, конечно, воспринималось как прямое выражение недоверия аппаратчикам.

Выступив в Коммунистическом университете им. Свердлова 28 ноября, Зиновьев поделился со Сталиным тревожными мыслями: «Прочитавши записки свердловцев... вижу, что дело хуже, чем я думал. Университет *взбаламучен*. Ряд элементов злобных и злостных. Куча сплетен и легенд. Большое озлобление против Цека (против меня — особая кампания, как водится). Группа Преображенского, видимо, организовалась и действует по всей Москве. Свердловцы могут наделать больших бед в Московской организации. Нужны *серьезнейшие* меры в одной Московской организации. *Иначе будет поздно*»¹⁶³.

Сталин столкнулся с недоверием, выступая в районе Красная Пресня 2 декабря. После доклада Сталина студентка Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова «Розенберг в своей речи прямо заявила, что письма т. Троцкого и 46-и не составляют секрета и что т. Троцкий пострадал за демократию, против которой якобы боролись пленумы ЦК и ЦКК в октябре». Даже сообщение о болезни Троцкого, по словам Сталина, «было встречено ироническими смешками

и возгласами сомнения со стороны целого ряда участников собрания»¹⁶⁴. Судя по процитированному заявлению Сталина, рядовые сторонники могли различаться по степени информированности, если они могли знать о «секретных» документах и не доверять тому факту, что Троцкий продолжительно болел с начала ноября¹⁶⁵.

На тот момент дискуссия, по оценке аппарата, еще носила «мирный характер»¹⁶⁶. Но уже 3 декабря коммунисты Бауманского района наблюдали схватку Каменева и Преображенского, в результате которой, по словам последнего, против резолюции оппозиции проголосовало лишь 6 человек, из которых 5 были членами райкома. Выступая несколькими днями позже, Преображенский назвал последние события «Декабрьской революцией в партии»¹⁶⁷. Получить представление о начале этой революции можно, ознакомившись со следующим обзором аппарата ЦК:

Дискуссия проходила весьма бурно. Особенно резкой критике ЦК подвергли Мдивани, [Владислав] Кассиор и И. Н. Смирнов. Назначенство подверглось самой ожесточенной критике. Были подняты вопросы о верхах и низах, о материальном неравенстве членов партии, о старой гвардии и молодых членах и т. п. <...> Атмосфера была не в пользу линии ЦК, и 5 декабря была принята резолюция, предложенная т. Преображенским. Дискуссия в Баумановском районе была самой типичной в том смысле, что она впитала в себя все то, что можно было собрать против ЦК, и те недовольства, которые имелись в партийных низах. Другие районы были слабым отражением того, что выявилось в Баумановском районе, и не носили такого страстного и обостренного характера¹⁶⁸.

Важным фактором, отличавшим Бауманский район от прочих, были события 1920–1921 годов: в октябре 1920 года контроль над этим районом взяла «организованная оппозиционная группа», близкая по духу «Рабочей оппозиции», выражавшая недовольство верхами и боровшаяся за руководство Московским комитетом. В сентябре 1921 года «Бауманская группа» потеряла контроль над райкомом и распалась, но конфликт не мог не повлиять на настроения рядовых партийцев¹⁶⁹. Разумеется, это не единственная причина «страстной» дискуссии. На настроения собрания мог повлиять и состав оппозиционеров, представленный более левой его составляющей. В этой связи показателен и факт участия Буду Мдивани, ранее переброшенного решением ЦК в Москву из Грузии, где он возглавлял оппозицию по национальному вопросу¹⁷⁰.

На этом этапе партийные дискуссии районного масштаба проходили следующим образом. 6 декабря на собрании бюро ячеек Хамовнического района с докладом выступил Каменев, содоклад представил Сапронов. Тон и стиль всех выступлений был неформальный. Для участия в прениях записалось 23 человека. По экономическим вопросам выступил бывший децист Владимир Смирнов, неизбежно затронув и политику. Следом взял слово Стуков, живописно противопоставивший «живых людей» «мертвецам-чиновникам». Затем прозвучали критические выступления бывшего лидера «Рабочей оппозиции» Юрия Лутовинова, заядлого оппонента большинства Давида Рязанова, а также других ораторов, не выражавших солидарности ни с оппозиционерами, ни с их оппонентами. Лишь в заключение Каменев сообщил, что ЦК была единогласно принята резолюция, которая будет вскоре опубликована. В связи с этим неожиданным известием собрание не вынесло никаких постановлений — дискуссия была воспринята как незавершившийся процесс¹⁷¹. В тот же день началось собрание активных работников Замоскворецкого района (его окончание перенесли на 9 декабря), где Каменеву вновь, как в Бауманском районе 3 декабря, оппонировал Преображенский. В результате бурных дискуссий большинство проголосовало за резолюцию ЦК, а меньшинство за оппозиционера и, отдельно, за Рязанова¹⁷².

Атмосфера внутри партии постепенно накалялась, происходила поляризация по степени радикализма. Метафора Преображенского о «декабрьской революции» оставалась метафорой, но вожди большинства стремились не допустить легитимации этого дискурса:

Товарищи, тот внутрипартийный поворот, который сейчас делает партия, она может сделать двумя путями: она может реорганизовать свою внутрипартийную жизнь путем внутрипартийной реформы, она может реорганизовать свою внутрипартийную жизнь путем внутрипартийной революции¹⁷³.

4. «НОВЫЙ КУРС»

Активность внутрипартийных революционеров и их успехи косвенно подтверждались экспрессивным обращением Зиновьева к членам и кандидатам в члены Политбюро 8 декабря: «Они действуют по всем правилам фракционного искусства. Если мы **немедленно** не создадим своей настоящей архисплоченной фракции — все пропадет»¹⁷⁴.

Расширение тройки до семерки произошло через несколько дней после появления формально примиряющего документа. Как позднее поведал Зиновьев, в ноябре — «в момент обострения борьбы» — по инициативе Политбюро было создано два частных совещания «...для того, чтобы попытаться разрешить спорные вопросы и попытаться разубедить тов. Троцкого, что против него есть предвзятое мнение, создать более приемлемую обстановку»¹⁷⁵.

В результате 7 декабря в «Правде» была опубликована резолюция «О партстроительстве», единогласно принятая членами ЦК и ЦКК двумя днями ранее. Она повторяла на новый лад решения X съезда о «рабочей демократии», а по сути — вобрала в себя многие критические отзывы и предложения из оппозиционных документов и партийной печати¹⁷⁶. Документ, ознаменовавший новый курс внутрипартийной политики, имел двухмесячную предысторию¹⁷⁷. Итоговая работа над текстом была поручена подкомиссии в составе Каменева, Сталина и Троцкого. Их разногласия были зафиксированы в специальном документе, который не получил в историографии должного внимания. Члены подкомиссии сошлись на том, что среди них

...наблюдались две различные тенденции, выразившиеся в том, что т. Троцкий со своей стороны считал необходимым гораздо более решительную и категорическую формулировку новых намеченных шагов с целью устранения у партии каких бы то ни было сомнений относительно стремления ЦК действительно воплотить провозглашенное начало в жизнь. С особой настойчивостью т. Троцким подчеркивалось опасение того, что под фракционные группировки будут подводиться и впредь коллективные заявления вполне дисциплинированных работников, адресованные Центральному Комитету партии, как это было сделано на октябрьском Пленуме ЦК и ЦКК в отношении к Заявлению 46-ти, которое, по мнению т. Троцкого, было в основе своей совершенно правильно и представляло здоровый голос ответственных работников, предупреждавших ЦК и о необходимости своевременно пересмотреть курс. Рядом с этим т. Троцким выражалось опасение того, что консерватизм партийного аппарата, привычка к бюрократическим методам управления партией станут серьезнейшим препятствием на пути осуществления нового курса и тем самым могут вызвать организационные потрясения и фракционные группировки¹⁷⁸.

По сути это был договор о признании «различных тенденций», который, в случае его публикации, мог бы внести ясность в суть конфликта¹⁷⁹. Не зная об этом документе, историки могли предположить, что, подписываясь под резолюцией, Троцкий пошел на уступки¹⁸⁰. Наоборот, Каменев неоднократно утверждал, что тройкой были приложены «все уступки», чтобы оппозиционер не пошел на это. Он лишь «не обострял» тех формулировок, которые казались тройке «опасными для того, чтобы эта внутрипартийная реформа не превратилась во внутрипартийную революцию»¹⁸¹. Реальные политические действия значили больше декларативных, к тому же избежать компромисса было непросто в ситуации, когда никто не хотел представлять врагом единства. Кроме того, Троцкий, обозначив свои «опасения», открыто солидаризировался с группой «сорока шести», легитимируя дальнейшую оппозиционную деятельность. Справедливо полагая, что его оппоненты не будут следовать резолюции даже в таком усеченном виде, он заявил через 2 дня после публикации она была, «в виду запоздалости ее появления, слишком неоформленной и недостаточной»¹⁸².

6 декабря Троцкий обратился к членам Политбюро с просьбой «скорейшего решения Политбюро по вопросу, имею ли я право, в ответ на посылаемые мне многочисленные письменные и устные запросы, разъяснять членам партии, в чем состояло содержание моего письма, какую резолюцию вынесли объединенные Пленумы и в каком отношении эта резолюция стоит к нынешней перемене партийного курса»¹⁸³. Поводом для этого обращения послужило выступление Сталина на упомянутом выше собрании в Красной Пресне 2 декабря. Отвечая на вопросы о секретных документах (письмах Троцкого и др.), генсек не только перечислил важнейшие из них, но и сказал, что угроза фракций состояла в возможности раскола правительства и гибели советской власти¹⁸⁴. Последний тезис вскоре можно будет услышать все чаще и чаще¹⁸⁵. Не получив какого-либо ответа от Политбюро, лидер оппозиции решил начать борьбу. Вследствие своей затянувшейся болезни он мог сделать это только через печать.

5 декабря Троцкий пишет краткое письмо ко всем членам партии в связи с идущей дискуссией. Неизвестно, когда и в каком виде автор планировал опубликовать этот документ. Из пяти пунктов плана «дальнейшей работы» два звучали особенно остро: «Реформа или революция?» и «Недоверие к лозунгам»¹⁸⁶. Возможно, растущее напряжение в отношениях с тройкой подтолкнуло его значительно расширить и радикализировать текст. Датированный 8 декабря, он был опубликован в «Правде» 11 декабря в качестве «письма к партийным

совещаниям» — первого из цикла статей под общим заголовком «Новый курс».

В письме воспроизводились тезисы оппозиционеров об ошибочности старого курса и необходимости обновления партийного аппарата¹⁸⁷, но его публикация прозвучала громче и вызывающе в силу ряда причин. Огромное значение имел символический статус автора, о чем подробнее говорится в следующей главе, но не менее важной оказалась постановка вопроса возможности — условий и последствий — «аппаратного перерождения» большевистской «старой гвардии». Остроту последнему придавал «исторический пример» вождей II Интернационала (Бebel, Каутский, Бернштейн и др.), которых большевики считали откровенными предателями революционного движения. Хотя Троцкий писал об угрозе перерождения по аналогии с вождями германской социал-демократии в предисловии к немецкому изданию своих статей и речей, появившемуся 4 мая 1923 года¹⁸⁸, подобные сравнения до сих пор не были приняты в большевистской полемике, и они звучали совершенно иначе в политическом контексте внутрипартийной борьбы. Каменев открыто указал на «недвусмысленный намек» на то, что «Каменев, Зиновьев, Сталин и другие, непосредственные ученики Маркса, впали в оппортунизм»¹⁸⁹.

Сопутствующей темой «Нового курса» были взаимоотношения партийных поколений в связи с бюрократизацией партаппарата: «Поскольку в партийный аппарат входят неизбежно более опытные и заслуженные товарищи, постольку бюрократизм аппарата тяжелее всего отзывается на идейно-политическом росте молодых поколений партии. Именно этим объясняется тот факт, что молодежь — вернейший барометр партии — резче всего реагирует на партийный бюрократизм». Из утверждения о барометре партии, однако, не следовало, что молодежь должна занимать привилегированное положение¹⁹⁰. Письмо было написано 8 декабря, но из-за задержки его публикации в «Правде» было направлено на районные партсовещания Москвы¹⁹¹. В газетах оно появилось уже с примечанием, в котором Троцкий называл противниками нового курса на демократию тех, кто увидел в постановке вопроса о поколениях «противопоставление молодежи старикам»¹⁹². Вскоре ему также пришлось пояснять, что под «молодыми» он понимал не только учащихся, «но вообще все пооктябрьское поколение партии, начиная, прежде всего, с заводских ячеек»¹⁹³. Это явно перекликалось с названием его книги «Поколение Октября»¹⁹⁴, анонс которой появился в «Правде» 18 ноября, и в целом отражало его взгляд на эту проблему.

Для Сапронова правильность постановки Троцким вопроса о молодежи сама по себе была «академическим» вопросом¹⁹⁵. Но в той же

мере этот вопрос был и политическим. Обе стороны были осторожны в привлечении к дискуссии молодых по возрасту. Сталин высказался против перенесения дискуссии в комсомольские организации во время встречи с членами Бюро ЦК РКСМ 8 декабря, он ограничился рекомендацией разработать тезисы, которые могли бы одобрить комсомольцы¹⁹⁶. Отдельные комсомольские организации не стали дожидаться директив и выступили против оппозиции¹⁹⁷.

Именно в связи с «молодежным» аспектом статьи Троцкого ярче всего обозначились индивидуальные особенности того, что сам автор называл «партийной культурой»¹⁹⁸. Важнейший ее элемент может быть назван активизмом. Милитарная метафора едва ли была простым литературным приемом — Троцкий выдвигал определенную программу действий, и это понимал Сталин, подчеркивая соответствующие фрагменты текста: «Нужно, чтобы молодежь брала революционные формулы с боем... вырабатывала себе собственное мнение, собственное лицо и была бы способна бороться за собственное мнение с тем мужеством, которое дается искренней убежденностью и независимостью характера»¹⁹⁹. Не случайно и образ большевика рисовался Троцким в связи с необходимостью легитимности оппозиционности, даже на случай поражения:

Большевик есть не только человек дисциплины, нет, это человек, который, глубоко сверля, вырабатывает себе... твердое мнение и мужественно и независимо отстаивает его не только в бою против врагов, но и внутри собственной организации. Он сегодня окажется в своей организации в меньшинстве. Он подчиняется, потому что это его партия. Но это, разумеется, не всегда значит, что он не прав. Он, может быть, только ранее других увидел или понял новую задачу или необходимость поворота. Он настойчиво поднимает вопрос и второй раз, и третий, и десятый. Этим он оказывает услугу партии²⁰⁰.

Троцкий критиковал не только «старую гвардию», но и партийный аппарат провинции. В первом проекте письма 5 декабря Троцкий отдельно ссылаясь на «Петроградскую правду» и харьковский «Коммунист», в которых озвучивалась неверная, с его точки зрения, линия по развитию демократии²⁰¹. Не преминув отметить, что дискутируемые вопросы поднимались уже два-три месяца назад, он сослался на «некоторых ответственных провинциальных товарищей», которые были склонны «снисходительно пожимать плечами: это, мол, все московские выдумки, в провинции

все благополучно». Троцкий обосновывал возможность борьбы и в «благополучной» провинции: «Противопоставление зараженной или взбаламученной Москвы спокойной и разумной провинции представляет собою не что иное, как яркое выражение того же бюрократизма, хотя бы и провинциального издания». Как бы то ни было, осозная, что в регионах практически не было авторитетных оппозиционеров, Троцкий сделал ставку на победу в московской парторганизации, надеясь, что «вся партия пройдет, вслед за Москвою, через необходимую стадию переоценки кое-каких ценностей истекшего периода»²⁰². После оглашения «Нового курса» публичное противостояние стало неизбежным.

День публикации статьи-письма Троцкого пришелся на первое крупное поражение оппозиции. 11 декабря собрание бюро ячеек и активных работников московской организации наблюдало схватку вождей. В отличие от Каменева, защищавшего ЦК и «аппарат», даже не упоминая Троцкого, Сапронов, основной содокладчик, одобрителем цитировал «Новый курс». Впрочем, в отношении радикальных тезисов лидера оппозиции в рядах его сторонников полного единства не было. Так, Радек, только что вернувшийся из Германии, заявил, что не согласен со сравнением старых большевиков и германских социал-демократов, а также открыто заявил о несогласии с предложениями Стукова, в частности постановки вопроса о недоверии ЦК в целом²⁰³. Речь Зиновьева, как и Каменева, свидетельствовала об отсутствии ясного плана действий «тройки» даже в отношении последнего выступления Троцкого. Впрочем, атмосфера вообще не была благоприятной для критики лидера оппозиции, судя по факту шумного негодования, вызванного словами Ярославского о намерении Троцкого уничтожить партийный аппарат²⁰⁴. Участники собрания аплодировали и сторонникам ЦК, и оппозиционерам, в чем можно увидеть и благожелательное отношение к последним²⁰⁵. Однако Преображенский не получил существенной поддержки своей резолюции, которая сводилась к приветствию вышеупомянутой резолюции ЦК и ЦКК о внутрипартийной демократии²⁰⁶. Через полгода на XIII съезде РКП(б) Преображенский скажет, что его резолюция признавала исчезновение разногласий по вопросу об изменении партийного курса и даже Сталин на конференции якобы признал: «Непонятно, почему эта резолюция была отвергнута — нужно было ее принять»²⁰⁷.

Во время этой дискуссии Преображенский поставил один из ключевых вопросов, по которому не могло не быть разногласий. Подвергнув критике сам факт существования тройки, он представил такой образ «нормальной партийной жизни», при котором «...сегодня Сапронов и я группируемся с тов. Сталиным или Зиновьевым по

вопросу о Госплане, завтра — с тов. Троцким по вопросу о войне и т. д. Затем проходит год деловой работы, и снова происходит перегруппировка из совершенно новых людей». Он открыто выступил за легализацию «идейных группировок», т. е. таких, которые не являются «зародышами партии чуждого класса». По сути, он предлагал легализовать то, что уже де-факто существовало. Преображенский не отрицал, что могли появиться «не только прогрессивные, но и регрессивные, реакционные, отсталые идейные группировки», приводя в пример возможность появления уравнилельных настроений как реакцию на НЭП. «Неужели, — спрашивал Преображенский, — по отношению к таким рабочим мы будем применять резолюцию X съезда и загонять внутрь уклоны, которые мы могли бы путем дискуссии рассеять в несколько месяцев...» Отдельные коммунисты в провинции, ознакомившись с речью Преображенского, открыто признали допустимость «идейных группировок». Даже Каменев выразил теоретическое допущение, что «демократия» в ее «развитой форме» не исключает «группировок по мнению». В контексте этих настроений не удивительно, что Радек мог открыто признать существование оппозиционной «группировки»²⁰⁸. Каменев и его союзники не позволяли себе такой откровенности.

Троцкий в черновом варианте постскриптума к «Новому курсу», датированном 11 декабря, планировал «ответить на вопрос» о том, что он понимал под возвращением партии «права организационного самоопределения». Он подчеркнул, что лишь «неопытные товарищи» могли ошибочно трактовать это как право «фракционного» самоопределения, в то время как правильная его трактовка заключалась только в «праве каждой ячейки... строить свою организацию — в рамках партийного устава — путем самостоятельной проверки работников и на началах выборности»²⁰⁹. По той или иной причине Троцкий предпочел не высказываться по этому вопросу, оставляя своим союзникам пространство для маневров.

После «Нового курса» Троцкого и дискуссии 11 декабря тройка и ее сторонники развернули наступление. Дал плоды крутой поворот редакционной политики «Правды», наметившийся еще в решении Политбюро 29 ноября²¹⁰. Знаковым его проявлением стала передовая статья Бухарина в «Правде» 13 декабря, в которой он направил критику на «не в меру ретивых оппозиционеров» за намерение «разрушить аппарат». Важнее был личный выпад в адрес Троцкого за его тезис о «перерождении» и партийных поколениях²¹¹. Допуск «оппозиционных» авторов (в особенности рядовых) к публикациям резко ограничивается — на фоне неизменно воинственных статей их оппонентов. Яркой иллюстрацией начавшейся кампании служат названия

статей из номера газеты от 23 декабря: «Против травли» — Сапронова и «За травлю» — сторонника ЦК А. Работникова. Кроме того, редакция активно спекулировала на «истории партии», отдельных цитатах Ленина и отзывах заграничной антисоветской прессы, наиболее одиозные выдержки из которой публиковались для того, чтобы подчеркнуть недопустимость нарушения «единства партии»²¹². Наконец, оппозиция подвергалась осмеянию, в чем особый «талант» проявил Демьян Бедный: «Мастера нашей оппозиционной болтологии // Надрывались, чтобы выковать форму чуждой идеологии, // Вооружив тех, кто с головою понуро // Плетется за пролетарской диктатурой»²¹³.

Многие лидеры партии высказывались на страницах «Правды». 15 декабря публикуется статья Сталина, открывшая «широкую идейно-политическую кампанию» против Троцкого²¹⁴. Особенно важным стало обвинение в нарушении Троцким единогласно принятой резолюции о внутривнутрипартийной демократии и тем самым нарушении организационных принципов большевизма. В своей критике Сталин сосредоточился на тех представителях «сорока шести», которым можно было припомнить авторитарные методы:

...Белобородов, «демократизм» которого до сих пор остался в памяти у ростовских рабочих; Розенгольц, от «демократизма» которого не поздоровилось нашим водникам и железнодорожникам; Пятаков, от «демократизма» которого не кричал, а выл Донбасс; Альский, «демократизм» которого всем известен; Бык, от «демократизма» которого до сих пор воет Хорезм²¹⁵.

Эхом этой резонансной статьи стало ироничное восклицание Сапронова: «Даже Розенфельд (Розенгольц. — А. Р.) и другие, какие уж они демократы, — и то заговорили о внутривнутрипартийной демократии, а... если уже они заговорили, то, значит, камни заговорили». Хотя они осознали необходимость «демократии» позднее, важнее то, что теперь они хотят проводить ее «немедленно», считал Сапронов²¹⁶. Богуславский придал статье Сталина значение катализатора оппозиционных настроений, выросших с 5–10 до 40 %. «На другой день после появления статьи т. Сталина те товарищи, которые накануне со мною грызлись, говорили: “Вы правы, нужно зубами вырвать эту самую демократию”. Отсюда все и пошло»²¹⁷.

Не менее важную роль сыграло «Письмо петроградской организации членам нашей партии», принятое по докладу Зиновьева на общегородском собрании бюро ячеек и активных работников 15 декабря

почти всеми голосами (примерно из 3 тысяч) против 5 и при 7 воздержавшихся и опубликованное в «Правде» 18 декабря. Главным объектом ее критики стал персонально Троцкий²¹⁸. Именно вследствие такой стремительной персонификации дискуссии сложилось устойчивое представление о верхушечной «борьбе за власть» между Сталиным, Зиновьевым и Троцким. В таких условиях от внимания участников начинали ускользать принципиальные вопросы²¹⁹.

Из оппозиционных статей, опубликованных после «перехода на личности», выделяется статья Сапронова «О единстве и оппозиции», заголовок которой повторял название одной из резолюций X съезда РКП(б) — «О единстве партии». По мнению автора, «лозунг борьбы против фракций и группировок» использовался не для «единства партии», а для борьбы с «новым курсом» — в первую очередь посредством борьбы с «оппозицией». Вновь был поставлен вопрос об опасности «перерождения» советской власти, хотя она и была, по мнению Сапронова, «объективно ничтожной». «Дух единства в партии сейчас силен, как никогда, — провозглашал Сапронов. — Только до смерти напуганной новым курсом части партийного аппарата может чудиться в происходящей дискуссии угроза раскола. Вся партия понимает это. И именно поэтому она не считает нужным говорить сейчас о единстве». Не известно, понимал ли автор, что рядовые партийцы могли соглашаться с аргументами сторонников ЦК о единстве, но он не противопоставлял этому принципу свой позитивный образ оппозиции. Наоборот, «настоящей» и «подлинной» внутрипартийной «оппозицией» демократизации провозглашались сторонники большинства, в том числе персонально Зиновьев, Каменев и — через связь с «Правдой» — Бухарин. Защищая себя и «ряд товарищей» от обвинений во фракционности, Сапронов предпочел не уточнять, является ли оппозиция фракцией или группировкой, оставляя простор для таких выводов. Обращаясь к истории, он доказывал, что Ленин во время X съезда не завещал партии нерушимых обетов, хотя в той исторической ситуации «партия вручила ему мандат на диктатуру» в силу его правоты. В отличие от Зиновьева, которому досталось больше всего острых слов, Сапронов не уповал на те или иные цитаты отсутствовавшего Ленина. Выгодно отличал вождя децистов и язык полемики: например, фразы вроде «партийное единство *превыше* всего» он комментировал с плохо скрываемой издевкой: «Какой стиль! даже славянский язык вспомнили»²²⁰.

По количеству публикаций в «Правде» оппозиционеры не могли конкурировать со своими оппонентами в первую очередь из-за политики редакции. 23 декабря в «Правде» появилось небольшое заявление Сапронова «Против травли», ставшее его

последним выступлением в печати. Он особенно громко протестовал против спекуляций вокруг отношения зарубежной антисоветской печати к выступлениям оппозиционеров и даже прямого сопоставления содержания статей Сапронова и Стукова и эмигрантской газеты «Дни»²²¹. Редакция «Правды», в ответ на обвинение в отказе публиковать статьи, заявила, что «все статьи и речи “оппозиционеров” в тех случаях, когда они содержали в себе принципиальные суждения... всегда находили место на страницах» газеты²²². После 13 декабря таких набралось, вместе с процитированными выше, лишь одно письмо оппозиционера Богуславского и «Ответ тов. Сталину» Рафаила²²³. Более того, Политбюро наложило запрет на публикацию статей Пятакова и Владимира Смирнова²²⁴. В этой связи особенно характерным для политической культуры умеренной части оппозиции стало заявление Пятакова в ЦК и ЦКК 17 декабря:

До сих пор, несмотря на мое большое желание, я не принимал участия в партийной дискуссии, за исключением участия в коллективном обращении 46-ти в ЦК и высказывании своих взглядов по некоторым коренным вопросам нашей внутривнутрипартийной жизни на заседании Политбюро, кажется, 11 декабря.

Исходя из соображений Цекистской дисциплины, я не считал для себя удобным публично выявлять свои расхождения с Центральным комитетом. Статья т. Сталина... в которой тов. Сталин дважды открыто в печати причисляет меня к оппозиции и к тому же пытается, будучи генеральным секретарем партии, дискредитировать меня, как члена партии, дает мне возможность выступать в печати, не считаясь с тем, что я являюсь членом Центрального комитета.

Считая себя обязанным довести об этом до сведения ЦК и ЦКК, я настоящим заявляю, что в одном из ближайших номеров «Правды» я помещу статью против статьи тов. Сталина. Я считаю возможным воспользоваться формальным правом... только потому, что вся статья... грозит перевести ту, в общем полезную, партийную дискуссию, из которой, как я глубоко убежден, партия выйдет еще более окрепшей и сплоченной (главное — идейно сплоченной, действительно продумав все коренные вопросы), на нездоровые рельсы личной травли, извращения исторических фактов...²²⁵

Если Пятаков совершал своеобразный джентльменский жест, уведомляя своих товарищей из ЦК о намерениях, то Владимир

Смирнов, обратившись в Политбюро 22 декабря, выразился более жестко: «Полагая, что отказ в напечатании [редакцией «Правды»] фактически является попыткой закрыть рот так называемой оппозиции во время объявленной той же редакцией дискуссии, я заявляю свой категорический протест против такого поступка, в корне противоречащего резолюции Политбюро и ЦКК о партийном строительстве»²²⁶.

На членов Политбюро, пусть даже оппозиционеров, эти запреты еще не могли распространяться. 17 декабря Троцкий отправил в «Правду» письмо, в котором, «в ответ на запросы», коротко заявил, что не реагирует на критику в его адрес, так как это «более соответствует интересам партии и, в частности, ведущейся дискуссии о новом курсе». Редакция заявила в постскриптуме о готовности «в любую минуту» предоставить Троцкому свои страницы для ответа²²⁷. С минуты вышла заминка: 24 декабря Троцкий отправил три статьи, объединенные общим заглавием «Новый курс» (как и его письмо 8 декабря), чтобы они были опубликованы на следующий день и не подвергались бы критике хотя бы два последующих праздничных рождественских дня, но редакция «Правды» задержала ее публикацию до 28 декабря²²⁸.

В первой статье «Группировки и фракционные образования» автор сосредоточился на разъяснении своего письма к партийным совещаниям 8 декабря, а также на отпоре кампании обвинений во фракционности. Троцкий открыто заявил, что «сторонники старого курса» в партаппарате, несущие опасность «консервативно-бюрократической фракционности», рассматривали резолюцию ЦК «О партстроительстве» либо как «политическую ошибку, которую можно замять», либо как «аппаратную уловку, которую нужно использовать». Половину статьи Троцкий посвятил осмыслению истории РКП(б) в контексте фракционной борьбы и «опасности» раскола. Он справедливо отметил, что политика партии никогда не исчерпывалась формальным осуждением и запрещением оппозиционного меньшинства. По сравнению с предшествовавшими публикациями оппозиционеров в этой статье Троцкий впервые публично начал широко использовать понятие «бюрократизм»²²⁹, с которым он призвал бороться: «...если есть сейчас серьезная опасность единству... так это неистовствующий бюрократизм. Именно из этого лагеря раздавались голоса, которые нельзя иначе назвать, как провокационными. Именно отсюда осмеливались говорить: мы не боимся раскола! Именно представители этого лагеря шарят в прошлом, выискивая все, что могло бы внести побольше ожесточения в партийную дискуссию... Потребность партии в единстве хотят сшибить лбом

с ее потребностью в менее бюрократическом режиме». Хотя в то же время Троцкий вскользь высказал неприятие «оппозиционных излишеств» и «вульгарно-демократических тенденций», основной враг был определен — «бюрократизм»²³⁰. Через несколько дней большинство Политбюро выступит с заявлением, что в статье «...содержится прямое признание т. Троцкого о том, что фракция им действительно создана. Для каждого опытного политика это ясно...»²³¹.

Тон второй статьи «Вопрос о партийных поколениях», опубликованной на следующий день, вряд ли мог успокоить «штаб» бюрократии. Конечно, Троцкий и раньше не призывал к насильственной ломке партаппарата. Если судить по черновику статьи, датированному 14 декабря, он даже хотел подчеркнуть: «Разумеется, в партийной жизни — об этом я писал не раз — нам не нужна революция»²³². В опубликованном варианте Троцкий уделил немалое место оговоркам, что аппарат не состоял «сплошь из бюрократизированных элементов, а тем более из каких-либо закоренелых и неисправимых бюрократов», что аппаратчики «искренно не замечали бюрократической опасности, носителями которой они были сами», и т. д. «Бюрократичность — не случайная черта отдельных провинциальных организаций, а общее явление, — теоретизировал Троцкий. — Идет она не от уезда через губернию к центру, а скорее — наоборот... Она вовсе не является “пережитком” военного периода, а представляет собою результат перенесения на партию методов и приемов администрирования, накопленных именно за последние годы» (в последнем многие оппозиционеры могли бы не согласиться, среди них был Преображенский). Поэтому для Троцкого не было речи и о том, чтобы «сдать в архив» старшее поколение и зажечь сразу по-новому», он призывал своих оппонентов «сознательно переменить курс» и таким образом обеспечить себе «руководящее влияние»²³³. Бросается в глаза, что статьи 28 и 29 декабря, по сравнению с предыдущими, были выполнены в более строгой, «коллективистской» стилистике — Троцкий повсеместно говорил о партии, практически не позволяя себе вкрапления индивидуализма, отличавшие многие его тексты. Впрочем, эти статьи были опубликованы, когда сторонники ЦК успешно конструировали образ Троцкого в качестве отщепенца.

Выступления в печати не могли заменить живого присутствия на дискуссионных собраниях, а сил офицерского состава оппозиции было недостаточно. Их аргументация так же не всегда звучала убедительно. Так, 14 декабря Преображенский выступал оппонентом Бухарина на дискуссионном заседании ячейки курсов секретарей уездных комитетов, говоря словами Троцкого — еще не «закоренелых и неисправимых бюрократов». Они услышали от Преображенского, что именно

оппозиционерами на XII съезде партии был впервые поставлен вопрос о необходимости смены курса, с принятием которого «все-таки опоздали». Также они узнали, что форма выступлений Косиора и особенно Осинского, возможно, была ошибочной, но им принадлежала «заслуга» в самой постановке вопроса. Преображенский критиковал начавшуюся кампанию против Троцкого и «сущее безобразие» новой политики редакции «Правды», говорил о «свободе критики» и увлекал многочисленными примерами одобрения московскими ячейками оппозиционных резолюций. Он даже сформулировал кредо: «...партия должна иметь хорошее большинство и хорошую, доброкачественную оппозицию, которая выступает как революционер»²³⁴. Но даже эта, сама по себе редкая попытка создания позитивного образа «оппозиции» не привела к успеху — большинство пошло за Бухариным²³⁵.

Итоги голосований большинства партийных собраний и конференций были не в пользу оппозиции²³⁶. Но зная это, Троцкий и его союзники не спешили капитулировать. Основным источником информации о ходе внутрипартийной борьбы для большинства членов партии оставалась «Правда». 29 декабря Троцкий, Пятаков и Радек направили заявление в ЦК, обвинив отдел партийной жизни газеты в фальсификациях и подлогах:

*Дело идет на этот раз не о каком-либо одностороннем подборе статей и даже не просто о выдвигании одних резолюций и задержке в печатании других, а о сознательном и злонамеренном искажении текста официальных документов с целью придать им смысл, иногда прямо противоположный тому, который вложен был в эти резолюции теми, кто за них голосовал*²³⁷.

Заявители указывали на «исключительное значение» этих «преступлений перед партией», ведь главный обвиняемый ими аппаратчик — Амаяк Назаретян, заведовавший отделом партийной жизни газеты, — являлся также заведующим Бюро Секретариата ЦК, секретарем на заседаниях Политбюро и личным помощником Сталина. Требование отстранения виновных и проведения расследования в 24-часовой срок было выполнено лишь частично (устранен Назаретян), но было полностью проигнорировано «предложение» «пересмотреть все уже опубликованные материалы и опубликовать... исправления и дополнения»²³⁸. Более того, Президиум ЦКК и Политбюро, невзирая на справедливость заявления, в очередной раз обвинили Троцкого, Пятакова и Радека во «фракционности»²³⁹. К концу декабря — началу января атмосфера в партийной верхушке максимально накалилась.

27 декабря последовало самое конфликтное заявление — письмо главы ПУР и подписанта «Заявления» Антонова-Овсененко в Президиум ЦКК и Политбюро. Его предыстория проиллюстрирована следующим высказыванием во время дискуссии в Свердловском университете:

*Мы должны призвать к порядку товарищей из ЦК, которые так ставят вопрос [о дискуссии, фракциях и т. д.] (аплодисменты). Мы должны т. Каменеву сказать: как бы мы вас не призвали к порядку за эту ошибку. И в любой момент готовьтесь перед партией снести ответ. Если ЦК не мог т. Сталину указать на роковой характер постановки его вопроса, мы должны за него это сделать*²⁴⁰.

По-видимому, уже летом 1923 года Секретариат ЦК подготавливал смещение главы Политуправления в рамках общего наступления на военное ведомство²⁴¹. По словам Радека, Антонова-Овсененко по аналогии с Раковским хотели послать в Италию из-за того, что он был «ближайшим сотрудником Троцкого»²⁴². В современной историографии часто встречаются безосновательные утверждения, что политорганы армии во главе с Антоновым-Овсененко «организованно поддерживали оппозицию и превратились в ее координирующий центр» или что «политруководство РВСР искало социальную базу для Троцкого»²⁴³. В действительности же Троцкий ограничился поручением послать Антонову-Овсененко его статью «Новый курс», когда она уже стала достоянием партийных совещаний²⁴⁴.

В своем письме начальник ПУРа резко протестовал против травли оппозиции и в особенности Троцкого, повторив сказанное во время дискуссии в университете, что голос до сих пор молчавших партийцев, включая его самого, «когда-нибудь призовет к порядку зарвавшихся вождей». Сторонников тройки не могло не насторожить подобное заявление от высокопоставленного военного комиссара, тем более что именно одной из московских военных парторганизаций была вынесена наиболее радикальная резолюция²⁴⁵. Однако нет никаких оснований утверждать, что Антонов-Овсененко действительно угрожал использовать армию против «зарвавшихся вождей»²⁴⁶. Для этого никто не имел реальной возможности. Радикализм сторонников оппозиции в военных организациях был невысок. Так, резолюция, принятая 12 декабря по докладу Антонова-Овсененко ячейками ПУРа и Главного продовольственного управления военного ведомства, была очень умеренной²⁴⁷. Репортер «Правды» писал, что на одном крупном дискуссионном собрании Антонов-Овсененко

«к концу собрания, несомненно, уловил общее настроение и старался “мягкой” тактикой привлечь на свою сторону значительную часть курсантов. Он старался затушевывать существо разногласий. Он очень мягко “стелил” и прикидывался “ангельчиком”, по выражению т. Зиновьева». Если верить репортажу, то сначала Антонов-Овсенко выступал за резолюцию «в духе оппозиции, очень резкую по существу», но затем присоединился к другой, «одобрявшей линию ЦК партии в общем, но подчеркивающей плохие стороны, которые приняла дискуссия, осуждающей личные нападки и проч.»²⁴⁸ Судя по всему, это было собрание в школе ВЦИК 18 декабря, где с резкой критикой Зиновьева выступил помощник Антонова-Овсенко, бывший активный эсер Яков Дворжец. 11 января по требованию ЦКК, расследовавшего его активную оппозиционную деятельность в частях, охранявших Кремль, он был арестован, помещен во внутреннюю тюрьму ОГПУ и даже приговорен к смертной казни, замененной на 5 лет ссылки, хотя чекисты и не нашли доказательств подготовки «дворцового переворота»²⁴⁹. Над Дворжецом, имевшим за спиной небольшое шевистское прошлое, была с легкостью осуществлена показательная расправа. 21 декабря Антонов-Овсенко направил в Президиум ЦКК и Политбюро заявление с решительным протестом против обвинения, прозвучавшего из уст Зиновьева на указанном выше собрании, что «ПУР стал фракционным штабом» оппозиции. «Ни один из инструкторов ПУР не посылался с заданиями, выходящими за пределы внутриармейской работы. В частности, ездившие для инспекции воинских частей в Нижний т.т. Донях и Подсотский категорически утверждают, что по вопросам внутрипартийного строительства даже нигде не выступали», — писал глава ведомства. При этом он сделал оговорку, «что и запрет отдельным работникам ПУР выступать с теми или иным взглядами... не давал и полагаю неудобным ограничивать в этом отношении права членов партии»²⁵⁰.

Антонов-Овсенко, как и Троцкий, не примыкавший ни к меньшевикам, ни к большевикам вплоть до июля 1917 года, выступил против складывающейся мифологии большевизма: «Знаю, что этот мой предостерегающий голос на тех, кто застыл в сознании своей непогрешимости историей отобранных вождей, не произведет ни малейшего впечатления». Его письмо по форме и содержанию скорее выражало личное возмущение, чем политическую прагматику, и тем более вызывающе оно прозвучало:

Я нисколько не самообольщаюсь. Для меня ясен политический смысл известной статьи т. Сталина и передовиц «Правды». Именно эти статьи задали тон всей кампании, смысл которой —

мобилизовать вслепую поддержку линии большинства Политбюро, все силы «старой гвардии большевиков», все лучшие традиции и наисквернейшие предрассудки, вынесенные большевиками из старой дореволюционной борьбы, — дабы изолировать т. Троцкого от старых большевиков, лишить его серьезной партийной опоры в проведении его взглядов²⁵¹.

31 декабря на заседании Оргбюро главе ПУРа было вынесено порицание за якобы несогласованные с ЦК сроки и состав партийной конференции высших военных учебных заведений. «Вы всерьез полагаете, что я превращаю ПУР в “штаб фракции”? Мобилизую общественное мнение Красной армии “против ЦК?” — спрашивал в личном письме Сталину Антонов-Овсенко. — Или просто — Вам представляется нетерпимым, что во главе одного из ответственных отделов ЦК стоит настолько самостоятельно мыслящий партиец, что осмеливается высказывать (хотя б и во время разрешенной предсъездовской дискуссии) свое недовольство...» Последний вопрос был риторическим. Закончил написанное в «товарищеском порядке» письмо Антонов-Овсенко все же на резкой ноте: «Дипломатии с ЦК я никогда не вел»²⁵². Официальное решение Оргбюро о снятии его с должности главы ПУРа и исключении из Реввоенсовета последовало 12 января 1924 года. История Антонова-Овсенко и его помощника дала понять, что даже подозрения во фракционности и неуважение к верхам могут привести к репрессивным мерам. Оппозиционеры не стремились развернуть кампанию вокруг дела Антонова-Овсенко не в последнюю очередь и потому, что сам он считал себя «примиренцем, а не активным фракционером»²⁵³.

К тому времени большинство членов Политбюро окончательно сформулировало обвинение во фракционности. 31 декабря в письме членам и кандидатам ЦК они заявили: «Сапронов, Рафаил, Преображенский, Смирнов и другие выступают, как фракция, более или менее открыто. Тов. Троцкий объявляет себя “нефракционным”, но *целиком поддерживает* указанное выступление [«сорока шести»], аттестует этих фракционеров как “образцовых партийцев” и т. д.»²⁵⁴. Через несколько дней Зиновьев почти дословно воспроизвел текст «Заявления» перед делегатами районной партконференции, сказав, что «в Москве действует нелегальный фракционный центр, секретарем которого является тов. Серебряков, политическим руководителем является т. Троцкий, пропагандистами... Сапронов, Радек и другие»²⁵⁵. Даже Рыков, входивший во фракционную «семерку», высказал мнение, что роль Серебрякова была

«преувеличена»²⁵⁶. Информация о «секретаре» оппозиции, возможно, прозвучала особенно неожиданно для слушателей за пределами партийных верхов, но это не смутило Зиновьева, сказавшего: «Серебряков не ходил к нотариусу заверить, что он секретарь, но все товарищи знают, что это не непорочное зачатие, что на всех районах и кружках это организовано как по ниточке». Оппозиционеры продолжали отрицать фракционность своих действий, но некоторые из них, подобно Преображенскому, могли откровенно сказать перед делегатами районной конференции: «Мы представляем из себя определенную группу, борющуюся за новый курс, и мы будем существовать только до партийного решения, мы — определенная партийная группировка, после партийного решения закончим свое существование...»²⁵⁷ Преображенский настойчиво повторял эту формулу в ситуации, когда большинство членов Политбюро уже провозгласило этот принцип стоящим за рамками легальности.

5. «ПРАВА ИЛИ НЕ ПРАВА ПАРТИЯ...»

10–12 января 1924 года состоялась XI Московская партконференция. Каменев вновь обвинил оппозицию и Троцкого в намерении провести «внутрипартийную революцию» вместо «реформы»²⁵⁸. Проект резолюции Преображенского, бывший вдвое короче и на две трети состоявший из экономических предложений, получил в пять раз меньше голосов, чем сугубо политический текст большинства. Не могло помочь и признание того, что ЦК «сбросил 80 процентов разногласий», приняв необходимость «перехода на рабочую демократию, на большую плановость». Остальные разногласия имели значение, в частности, ошибка большинства состояла в раздувании «угрозы» раскола. «Мы представляем ту часть нашей партии, которая более верно реагировала на старый курс и раньше [других] требовала поворота и больше настаивает...» на последовательности действий, говорил Преображенский. Важно и его замечание, что «при нормальном режиме часто будет и оппозиция в партии»²⁵⁹.

Выступавшие от оппозиции Тер-Ваганян, Осинский, Назаров, Богуславский и Сапронов продолжали настаивать на своей правоте, но все же считались с фактом поражения. Наиболее резок был Рафаил, неоднократно провоцировавший шум в зале. Среди прочего он обвинил «так называемое большинство, и в частности аппарат» в отбрасывании партии «еще на более далекую позицию, чем старый курс»²⁶⁰.

Следующей ступенью к осуждению оппозиции стал Пленум ЦКК 12–13 января. Во время прений никто не защищал оппозицию, но перед голосованием слово для заявления попросил Василий Манцев, в прошлом глава ОГПУ Украины, переведенный в Москву для работы в коллегии ОГПУ СССР. Манцев мотивировал свой отказ поддержать резолюцию тем, что курс большинства ЦК и Президиума ЦКК «ставило под удар» проведение резолюции о внутрипартийной демократии. Это, по его словам, «...создавало почву для откола нестойких элементов в нашей партии и образование нелегальных группировок на манер “Рабочей группы” и т. д.; затем создает атмосферу, которая не гарантирует нас от возможности раскола»²⁶¹. Не поддержанный никем Манцев вскоре был уволен из органов, что может служить аргументом в пользу его оппозиционности²⁶². Но следует также учитывать, что его имени не было в списках Дзержинского, отмечавшего «колеблющихся» сотрудников ОГПУ, а Троцкий в 1938 году утверждал, что «Манцев, близкий сотрудник Дзержинского, начальник ЧК, никогда вообще не принадлежал к троцкистам и меньше всего в тот период, когда троцкизм не существовал»²⁶³.

Члены ЦК собрались на пленарное заседание 14–15 января, чтобы подвести итоги для общепартийной конференции. Пятаков и Радек, по статусу членов ЦК имевшие право голоса, безуспешно пытались вносить «деловые» поправки и повторяли старые аргументы. В закрытом от широкой публики кругу критика оппозиции звучала все более и более жестко. В какой-то момент Пятаков отказался брать слово, посетовав на отсутствие привычной «товарищеской обстановки» и намеки на «меньшевизм». Пятаков, как ранее Преображенский, заявил, что «каждый из них» подчинится решению ЦК, но все же выразил возмущение «курсу на организационный разгром оппозиции»²⁶⁴. Радек также вел оборонительные бои, призывая отказаться от «зубодробительной» политики и не завершать дискуссию «репрессиями», в частности смещением Антонова-Овсеенко²⁶⁵. Неудачную попытку самозащиты предпринял и сам экс-глава ПУР, настаивавший на принципиальности своих недавних заявлений. Отрицая, что через аппарат его ведомства велась фракционная борьба, он тщетно требовал от участников Пленума огласить доказательства. Антонов-Овсеенко утверждал, что «самым лояльным образом относился к дискуссии», стараясь избегать участия в собраниях вплоть до появления статьи Сталина. Он считал своим «долгом» выступить «...против того оттенка, который приобретала борьба вокруг т. Троцкого. У меня с линией ЦК расхождения в отношении к т. Троцкому». В то же время Антонов-Овсеенко подчеркнул, что, даже занимая такую важную

политическую должность, он имел право не соглашаться с линией ЦК²⁶⁶.

В дни Пленума Троцкий работал над поправками к проекту резолюции для XIII партконференции, который, возможно, был получен им от кого-то из оппозиционеров, в пользу чего свидетельствует не только содержание, но и пометка на первой странице: «...послан Сапронову, Серебрякову и Преображенскому». Добавления и правки Троцкого носили преимущественно стилистический характер, что служит главным доказательством его тесной связи с верхами оппозиции. Чуть более обширными были поправки к предложениям комиссии Пленума, в которых Троцкий попытался придать проекту резолюции более критический взгляд на ошибки, приведшие к экономическому кризису и политической дискуссии²⁶⁷. Троцкий настаивал на своих взглядах, уже осужденных большинством ЦК, и судьба его предложений была predetermined.

XIII Всесоюзная конференция РКП(б) 16–18 января, как и предполагали многие оппозиционеры, исключала возможность дискуссии. Тем не менее оппозиция вела арьергардные бои в защиту своей программы. Хотя атмосфера вряд ли была более товарищеской, чем на Пленуме, Пятаков все-таки выступил в качестве оппонента Рыкову по вопросам экономики, при этом демонстративно не касаясь политики²⁶⁸. Доказывая примат последней, делегаты отказали Пятакову и Косиору в праве войти в комиссию по выработке итоговой резолюции по экономике.

Главным политическим актом конференции, открывшим ящик Пандоры, стало обнародование Сталиным секретного пункта резолюции X съезда «О единстве партии». Теперь ЦК получил карт-бланш на принятие «...всех мер партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии»²⁶⁹. Преображенский тщетно убеждал, что это вернет партию к «старому» курсу. По той же логике «курса на организационный разгром» Сталин повторил обвинение в создании «фракционного штаба» оппозиции. В отличие от Зиновьева, Сталин ограничился именем Серебрякова как главы некоего «особого бюро» оппозиции (вероятно, аналог Секретариата ЦК, который в 1920–21 годах возглавляли Серебряков и Крестинский). Хотя ранее Преображенский признавал наличие «группировки», он не согласился бы с аргументами Сталина, что она, в порядке «групповой дисциплины», «...рассылала своих ораторов, обязуя их выступать на таких-то собраниях, возражать так-то, и когда оппозиционеры в ходе борьбы были вынуждены отступать и менять

свои резолюции по команде»²⁷⁰. Во время конференции Сталину была адресована краткая записка партийного публициста «зиновьевца» Иллариона Вардина:

«Маленькое частное совещание» происходило на квартире т. Се-ребрякова — теперешняя квартира Сталина. Обсуждался вопрос о кандидатах в ЦК и пр. Я имел честь на этом «маленьком совещании» присутствовать²⁷¹.

Сталин отправил донос Вардина в архив. Можно лишь догадываться, почему сторонники ЦК не углублялись в вопрос о «фракции», но Сталин мог усомниться в возможности Вардина, занимавшего пост главы подотдела печати ЦК, присутствовать на подобном собрании. Еще одно свидетельство, помимо Вардина, о факте проведения «совещаний» оппозиционерами было оставлено децистом Эдуардом Дуне, но эти встречи проводились децистами на квартире Максимовского²⁷².

Единственный, кто на конференции потребовал расследования, был молодой военный парторботник из Закавказья Иван Врачев²⁷³. Его выступление перебивали вопросами и репликами, так что стенографистка не могла услышать его слова: «Я предлагаю дать т. Преображенскому слово в качестве содокладчика, хотя бы от тех секторов партии, которые... (шум)»²⁷⁴. «Товарищи, может быть, у нас осталось всего несколько часов полной демократии, так разрешите нам этими часами воспользоваться», воскликнул Врачев, после чего озвучил предложение «избрать специальную авторитетную комиссию» для проверки достоверности заявления Сталина. Делегаты отклонили его, не обсуждая²⁷⁵. Гораздо важнее было осудить оппозицию идеологически и политически. В итоге она получила клеймо «ревизии большевизма» и «мелкобуржуазного уклона», ставшее основой как для последующего разгрома оппозиции, так и для его историографического сопровождения.

Участники конференции могли иметь на руках свежую брошюру Троцкого «Новый курс», содержащую наряду с ранее опубликованными статьями четыре главы, названия которых отражали их полемический характер: «Бюрократизм и революция», «Традиция и революционная политика», «Недооценка крестьянства» и «Плановое хозяйство». В качестве одного из приложений было опубликовано письмо в поддержку Троцкого, подписанное восемью известными комсомольскими лидерами (подробнее см. в главе II, 4). В предисловии Троцкий объяснил «значительное запоздание» публикации своим нездоровьем, но одновременно, вопреки господствующим

настроениям, выразил уверенность, что «вопросы в протекавшей до сих пор дискуссии только поставлены». Одновременно он сделал акцент на неправильно идущей, по его мнению, хозяйственной дискуссии, требовавшей более пристального внимания. То же касалось и необходимости проверки «огромного количества» ошибочных утверждений, пущенных в оборот во время дискуссии. В предисловии Троцкий не сказал ничего об оппозиции, но выразил оптимизм: «Полемическая пыль осядет, ложные данные будут извергнуты (sic!) партийной мыслью, а основные вопросы хозяйственного строительства уже не сойдут более с партийного поля зрения. Революция будет в выигрыше»²⁷⁶.

Судя по всему, наибольшее значение Троцкий придавал статье «Бюрократизм и революция», которая была опубликована с подзаголовком: «Конспект непрочитанного доклада». Предыстория этого текста отражена в кратком письме Троцкого Осинскому 4 января 1924 года: «Посылаю Вам первоначальный набросок мыслей о бюрократизме и бонапартизме, — не для распространения, а для критических замечаний, которые прошу сделать на полях, и вернуть мне. Стоит ли напечатать эти тезисы в “Правде”? Или ограничиться их напечатанием в брошюре? Очень прошу не задерживать отзыва»²⁷⁷. Скорее всего, Осинский был не единственным, кого Троцкий просил взглянуть на черновик, но документ служит красноречивым свидетельством доверительных отношений верхушки оппозиционной группы. Критические замечания, интересовавшие Троцкого, не известны, но сам автор много работал над оформлением своих мыслей. Первоначальная задумка тезисов, под влиянием Осинского или нет, была сильно изменена. Черновой набросок, датированный 2 января, назывался «Бюрократизм и бонапартизм», и уже первые его строки могли показаться слишком резкими для публикации в условиях поражения:

1. В партийную дискуссию *систематически и планомерно* вводится сверху тема о бонапартизме. Но вопрос этот ставится, хотя и настойчиво, но не принципиально, а в виде повторных намеков, слухов, кивков и пр. Совершенно очевидно, что в таком виде вопрос может только отравлять партийную атмосферу (курсивом выделены вычеркнутые слова. — А. Р.)²⁷⁸.

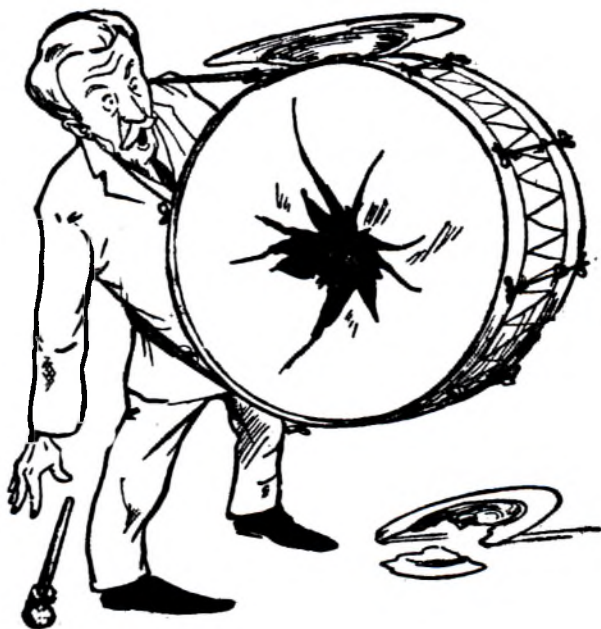
Далее Троцкий привел свои историко-теоретические рассуждения о классическом французском бонапартизме, различиях с ситуацией в России и поставил вопрос о «возможности возникновения бонапартизма, как военно-бюрократической диктатуры,

опирающейся» на союз богатых крестьян и частного капитала «при возрастающем закабалении пролетариата». Условия для этого виделись в «разрыве между госпромышленностью и сельским хозяйством, между пролетариатом и крестьянством», что актуализировало требование оппозиции обеспечить планирование. Говоря более конкретно о «политических путях» установления бонапартизма, Троцкий вновь повторяет свой тезис о возможном бюрократическом «перерождении», в первую очередь — в государственном аппарате. Он провел прямую аналогию с Великой французской революцией и якобинством, при котором «...путем все большего засилья революционного бюрократизма подготовлен был победоносный контрреволюционный переворот 9-го Термидора; из созданной им пятичленной Директории выросла тройка консульства, а из нее уже — персональная власть Бонапарта». В итоговый текст не попали даже такие весьма осторожные формулировки: «Руководство государством со стороны партии ни в каком случае не должно вести к бюрократизации партии. При прочих равных оберечься от этой опасности партия может лишь в том случае, если связь партийного аппарата с партийной массой стоит на первом месте, а связь партийного аппарата с государственным — на втором»²⁷⁹. Но принципиальное изменение состояло в том, что практически все рассуждения о бонапартизме, равно как и сам термин, не попали в итоговый текст — автор остановился на опасности бюрократизма. Хотя Троцкий подчеркивал несостоятельность либеральных и меньшевистских теорий бонапартизма, прибегая к самоцензуре, он имел право на опасения быть лишним раз обвиненным в нарушении большевистской ортодоксии.

Статья «Традиция и революционная политика» была в большей мере свободна от самоцензуры, хотя и не целиком²⁸⁰. В ней Троцкий попытался дифференцировать «консервативную» и «подлинную» традиции большевизма, связав одну с бюрократизмом, а другую — с самостоятельностью. Автор попытался предстать подлинным интерпретатором «ленинизма», в том числе вынужденно отвечая на распространившееся противопоставление его Ленину: «...я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути. Я шел к Ленину с боями, но я пришел к нему полностью и целиком»²⁸¹.

Ленин умер 21 января. К этому времени внутрипартийная борьба практически везде была прекращена. Масштабная кампания «политического траура» по вождю многократно укрепила невозможность оппозиционности, когда начали раздаваться публичные отречения

Оппозиционная музыка.

— Лопнул!..

«Оппозиционная музыка.

— Лопнул!..»

(Рабочая Москва. 1924. 13 янв.)

На карикатуре изображен лидер оппозиции Е. А. Преображенский, который только что потерпел поражение на Московской губернской партийной конференции.

целых ячеек от бывлой оппозиционности ради «единства партии»²⁸². Смерть Ленина послужила сигналом к перемирию сторон, символическим проявлением чему служило включение в Комиссию по похоронам Ленина Сапронова (от ЦИК) и Муралова (от армии)²⁸³. «В тот период, когда наши враги ждут от нас максимальных несогласий, споров и раздоров, — именно теперь мы проявим величайшее единодушие, сплоченность и совершенно сознательную железную дисциплину», — так на смерть Ленина откликнулся Преображенский в преисполненном пафоса некрологе²⁸⁴.

Последовавший «Ленинский призыв» рабочих в партию сопровождался шумной кампанией, важную роль в которой играли фетишизация «большевизма» и «ленинизма». В этих условиях дискуссия о внутрипартийной демократии могла казаться досадной нелепостью. Еще в начале января от члена фракционной «семерки» можно было услышать, что «такую же оппозицию» партия будет иметь и по другим вопросам, так как «внутрипартийная демократия отныне должна явиться спутником повседневной работы всей партии»²⁸⁵. Новая повседневность исключала возможность оппозиции, что в полной мере продемонстрировало партийное «правоприменение» (см. главу III, 3).

Еще до полного торжества большинства ЦК Преображенский утверждал, что «никогда никакую оппозицию не травили» до партийного съезда. Подобный «тон», предостерегал Преображенский, возможен лишь в «полемике» с теми, кого хотят «выгнать из партии»²⁸⁶. Ничто не указывает на то, что оппозиционеры, по крайней мере ее «офицерский корпус», всерьез готовились к масштабной чистке. В противном случае Преображенский вряд ли бы так настойчиво касался самых уязвимых мест. Например, вопрос о группировках, твердил он, должен решиться «после партийного съезда», так как «... перед съездом могут быть всякие группировки, коллективные объединения и проч., мы старые члены партии должны знать, что всегда это было и всегда это будет»²⁸⁷. Однако ко времени выборов делегатов на XIII съезд РКП(б), состоявшийся 23–31 мая 1924 года, существование оппозиционных группировок уже было невозможно. В контексте «истории борьбы за власть» особенно важно, что делегаты съезда, которым впервые огласили «Завещание Ленина», вполне предсказуемо выразили Сталину поддержку²⁸⁸. Это развязало руки критикам оппозиции, немногочисленные представители которой имели только совещательные голоса.

В атмосфере торжествующего пафоса большинства, царившего на съезде, Троцкий предпринял попытку «выделить принципиальное существо вопроса, отделив его от моментов личного порядка». В первой

части своей речи, посвященной «опасности бюрократизма», непривычно бледно, но ожидаемо осторожно он объяснял правильность изменения «партийного курса», ссылаясь на Центральный комитет и лично на Бухарина²⁸⁹. Стараясь не отступать от легитимной риторики, Троцкий отвергнул взгляд на внутрипартийную демократию «...под углом зрения того, как часто переизбирают (sic!), сколько процентов голосований, дискуссий и пр., под углом зрения статистики демократии, под углом зрения формальных принципов парламентаризма в применении к партийной жизни». В качестве критерия демократии в партии Троцкий представил невозможность «бюрократизации ее аппарата» и «отрыва партии от масс», т. е. «...такой режим, который, с одной стороны, обеспечивает идейное политическое и организационное руководство старого подпольного, богатого опытом поколения большевиков... и в то же время такой режим, который... обеспечивает, с другой стороны, младшему поколению выход на большую дорогу ленинизма не школьным путем (школьным путем этого сделать нельзя), а путем активного, самостоятельного, деятельного участия в политической жизни партии и страны»²⁹⁰. Громоздкие формулировки, состоящие из мифологем «ленинизма», виделись Троцким необходимыми, уже просто чтобы повторить излюбленные тезисы про «школьный путь» и «активное» участие масс. Хотя Троцкий никогда прямо не признавал, подобно Преображенскому, «свободы группировок», его заявление о том, что группировка тогда была «другим наименованием фракции», прозвучало предательски по отношению к оппозиции. В оправдание же последней прозвучали ссылки на резолюцию ЦК, согласно которой бюрократизация «толкала к превращению случайных, эпизодических, временных разногласий в группировки, а эти группировки — на путь фракций»²⁹¹.

И все же оборонительная тактика Троцкого на съезде исключала покаяние. Так, он выразил «величайшие опасения» по поводу того, что справедливая критика бюрократизма была «огульно охарактеризована и заклеимена» термином «мелкобуржуазный уклон». Оттолкнувшись от этого обвинения, Троцкий предпринял легкое наступление, заявив, что «...тенденции бюрократизации партийного аппарата являются не меньшим каналом мелкобуржуазных влияний и представляют притом более основную и непосредственную опасность». Далее Троцкий недвусмысленно отказался признать ошибки, как к тому призывала победившая сторона. Наоборот, он напомнил об ошибках, которые пришлось исправлять курсом на внутрипартийную демократию, и недвусмысленно заявил, что наплыв рабочих в партию «не снимает

вопроса о внутрипартийном курсе»²⁹². В завершающей части Троцкий произнес известный пассаж, который традиционно цитируют многие историки большевизма: «Товарищи, никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии». Однако слова о «невозможности», сказанные в эмоционально тяжелой атмосфере, не следует воспринимать ни как удачное, ни как буквальное выражение мировоззрения Троцкого. Продолжение этого афоризма, на которые был плодovit оратор, проникнуто противоречием его своеобразного «республиканского» взгляда, и, прочитанное целиком, позволяет составить портрет политического романтика и прагматика одновременно:

Партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату для разрешения его основных задач. Я уже сказал, что пред лицом партии нет ничего легче, как сказать: вся эта критика, все заявления, предупреждения и протесты — все это было сплошной ошибкой. Я, товарищи, однако, этого сказать не могу, потому что этого не думаю. Я знаю, что быть правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала. У англичан есть историческая поговорка: права или не права, но это моя страна. С гораздо большим историческим правом мы можем сказать: права или не права в отдельных частных конкретных вопросах, в отдельные моменты, но это моя партия. И если я, по мнению иных товарищей, напрасно сделал здесь те или другие напоминания, если я здесь, по мнению иных товарищей, напрасно рисовал те или другие опасности, то я, с своей стороны, считаю, что я выполняю только свой долг члена партии, который предупреждает свою партию о том, что считает опасностью. <...> Нам предстоит еще величайшие трудности, товарищи, и я надеюсь, что в преодолении этих трудностей мы будем идти все, как хорошие, как сплоченные солдаты-большевики. Смешно, может быть, почти неуместно делать тут какие-либо личные заявления, но я надеюсь, что если бы довелось, то и я буду не последним солдатом на последней большевистской баррикаде! <...> ...И я понимаю свой долг в настоящий момент, как долг члена партии, который знает, что партия в последнем счете всегда права, но что мнение партии вырабатывается с учетом и тех голосов, которые в отдельный момент расходятся с господствующим настроением руководящих кругов партии»²⁹³.

Сторонники ЦК оценили значение этой речи вполне определенно: Троцкий, считали они, «повторил только в более смягченной форме то, что он говорил партии в декабре в своих письмах» (Угланов), «своей ошибки не признал» (Гулый), «целиком и полностью взял под защиту оппозицию» (Андреев), и т. д.²⁹⁴

Преображенский, в отличие от Троцкого, не ограниченный высоким статусом, сразу поставил вопрос о виновности ЦК, «опоздавшего с принятием нужных решений», и правоте оппозиции, сделав особенный упор на экономической политике. Возможно, наиболее громко прозвучало обвинение в «политической чистке», когда бывших оппозиционеров исключали из партии формально не за то, в чем они были действительно «виновны» (см. главу III, 3). Преображенский не назвал конкретные факты, но указал на то, что чистка протекала в отсутствии «гласности и контроля» и привела к «потере возможности свободно обсуждать все вопросы перед партийным съездом»²⁹⁵.

Как стало очевидно, и на самом съезде не было возможности свободного обсуждения, если только под этим не понималась разгромная критика оппозиции. Окончательное осуждение «мелкобуржуазного уклона» отразилось и на новом составе ЦК: из него вышел Радек, а среди избранных Раковского, Троцкого и Пятакова последний получил наименьшее число голосов — 635 из 746 (Троцкий немногим больше)²⁹⁶. На этом история оппозиции 1923 года как политического проекта была закончена. Одинокое выступление Троцкого со статьей «Уроки Октября» осенью 1924 года спровоцировало т. н. Литературную дискуссию, которая стала беспрецедентной кампанией по дискредитации бывшего лидера оппозиции и привела его к лишению военных должностей и политическому молчанию до 1926 года²⁹⁷.

Вместо заключения к первой главе, которая служит своеобразным введением к остальной части книги, необходимо сделать несколько замечаний по основным вопросам истории «борьбы за власть». Г. И. Чернявский пришел к заключению, что «выступления [Троцкого] 1923 года еще не были оппозицией», в то время как, по его мнению, «на самом деле пока речь шла о критических выступлениях на узких анклавах высшей элиты, о критике “недостатков”, но не о противопоставлении официальному курсу принципиально иной линии»²⁹⁸. Несколько осторожнее высказался Стивен Коткин, назвав оппозицию «мнимой»²⁹⁹. Хотя адекватность понятия «оппозиция» ставилась под сомнение самими ее сторонниками, невозможно отрицать, что уже в 1923–1924 годах шла открытая напряженная борьба по таким принципиальным вопросам, как внутривнутрипартийный режим и система управления хозяйством.

Троцкий сыграл в этом процессе центральную роль, дав импульс формированию коалиции вокруг «Заявления сорока шести». Вследствие запутанных политических маневров Троцкий пошел на шаткий компромисс с тройкой, подписав резолюцию, которая декларировала, но не гарантировала внутривнутрипартийные права и свободы. Но осознав, что его оппоненты не собираются следовать резолюции, Троцкий решается на публичную критику. Тем самым оппозиция вооружалась сильным авторитетом, но и сторонники ЦК получили повод сконцентрировать внимание на личностях. Троцкий действительно не мог использовать свои таланты для живого убеждения в силу продолжительной болезни, длившейся вплоть до апреля 1924 года.

В ситуации, когда лидер оппозиции едва ли мог содействовать успешному ходу «борьбы за власть», подлинными глашатаями оппозиции были в первую очередь Преображенский и Сапронов. Давно отмечено, что оппозиционеры оказались не способны сформировать ясную «положительную программу реформ», что, вместе с недостатками руководства, вело к поражению³⁰⁰. Такой вывод справедлив, но требует оговорок. Лишь 10 лет назад стали доступны такие документы, как проект резолюции Преображенского на Октябрьском Пленуме ЦК, который содержал отчетливую программу реформ.

Подводя итог, следует уточнить хронологию оппозиции. Начало первого этапа приходится на август–сентябрь и связано с деятельностью Троцкого: не позднее июля–августа он начал обсуждения с ближайшими единомышленниками, а в конце сентября выразил резкий протест против действий «тройки» на Пленуме ЦК («сентябрьская оппозиция»). Второй, «октябрьский», этап, который обычно историками считается первым³⁰¹, был обозначен письменными обращениями Троцкого и группы «сорока шести» в ЦК и ЦКК РКП(б), стремившимися решить в первую очередь внутривнутрипартийные вопросы, не вынося их за пределы центрального руководства; этап закончился осуждением оппозиции Октябрьским пленумом ЦК и ЦКК. Третий этап пришелся на дискуссию по вопросам партийного строительства, открывшуюся публикацией статьи Зиновьева в «Правде» 7 ноября. Документы оппозиции начинают циркулировать среди рядовых членов партии, лидеры оппозиции активно и успешно выступают на многочисленных дискуссионных собраниях. После принятия 5 декабря Политбюро резолюции о «внутрипартийной демократии» оппозиция требует гарантий ее проведения — начинается «декабрьская революция» (Преображенский). Заключительный, четвертый, этап ведет отсчет от обращения Троцкого к партийным собраниям («Новый курс»). В ходе кампании перевыборов партийного руководства оппозиция терпит поражение почти на всех партийных

конференциях. XIII Всероссийская конференция 16–18 января выносит резкое осуждение оппозиции, а со смертью Ленина 21 января 1924 года и «траурной» политической кампании дискуссии и оппозиции стали на долгое время невозможны. На этом заканчивается история того, что принято называть «борьбой за власть», но которой история оппозиции не исчерпывается.

ГЛАВА II

ТРОЦКИЙ И ОППОЗИЦИЯ

1. «ВОПРОСЫ БЫТА»

«Я отнюдь не вижу причин оправдываться перед партией в том, что использовал два летних отпуска не только для лечения, но и для написания книг о литературе и быте», — заявил Троцкий в письме членам ЦК и ЦКК перед их пленарным заседанием 23 октября 1923 года¹. Через три дня на самом пленуме он выскажется еще более эмоционально:

Я должен здесь с негодованием отвести все инсинуации насчет моей работы по исследованию вопросов быта — для этой работы, которая, в конечно счете, очень и очень нелишняя, я не отнял ни минуты от своего рабочего времени — я сделал ее во время отдыха в Кисловодске, который был мне дан для лечения².

Таким образом Троцкий ответил на упрек своих оппонентов из Политбюро ЦК³. Документы умалчивают, затрагивался ли этот вопрос на пленуме, так как сохранились только неофициальные стенограммы выступлений Троцкого и Сталина (до января 1924 года заседания пленумов ЦК не стенографировались). Однако эти фрагменты выступления лидера оппозиции, несмотря на их краткость, отражают один из аспектов важнейшего политического конфликта внутри руководства партии. Почему «работа по исследованию рабочего быта» Троцкого могла спровоцировать

критику, хотя принципиальных разногласий, скорее всего, не существовало? История непродолжительной дискуссии по вопросам быта проливает свет не только на политический прагматизм, но и на механизмы и границы политической коммуникации в преддверии внутрипартийной борьбы.

10 июля 1923 года Троцкий отправил в издательство «Красная новь» рукопись, на следующий день приложения к ней, а через два дня в «Правде» появилась реклама будущей книги под названием «Вопросы быта»⁴. 17 июля по распоряжению Троцкого во все важнейшие газеты было отправлено небольшое письмо. Это был не просто анонс выхода книги, посвященной «вопросам рабочего быта и коммунистического “культурничества”», — высказывание носило явно перформативный характер. Автор поставил цель сделать эти вопросы «предметом широкого организованного обсуждения — прежде всего в нашей собственной партии». При этом обращение Троцкого было рассчитано на обратную связь, что подчеркивалось в его обращении: «Я очень прошу товарищей, которые заинтересуются поднятыми в книжке вопросами, а также и другими, родственными и смежными темами, присылать мне имеющиеся в их распоряжении материалы и соображения, не стесняясь формой изложения»⁵.

Статьи, вошедшие в книгу, публиковались первоначально на страницах «Правды»: две вышли в апреле и мае, но целая серия началась с 10 июля⁶. Несмотря на то что летом общественно-партийная жизнь замирала, внимательный читатель не мог не воспринять это как знак новой общественно-политической кампании⁷. Эта кампания не проходила утверждение партийными органами, как того требовалось⁸, что хотя и наложило определенные ограничения на ее масштабы, но не помешало формированию политической коммуникации.

Сам автор в предисловии отметил коммуникативный эффект своей книги через историю ее создания. Он попросил секретаря Московского комитета партии собрать «небольшое совещание агитаторов-массовиков», которое перешло границы первоначального замысла обмена мнениями, так как «вопросы семьи и быта захватили всех участников за живое». Заседания стенографировались, а ко второму из них Троцкий подготовил письменные вопросы, на которые получил ответы, часть из них были результатом «небольших совещаний в районах». Троцкий считал важным подчеркнуть, что в итоге состоялось три совещания, длившихся 10–12 часов, и его опубликованные материалы даже в расширенных втором и третьем изданиях брошюры составляли почти треть всего текста⁹. Среди двадцати пяти

имен значились преимущественно ответственные работники (члены МК, секретари партийных комитетов и ячеек), но было и несколько рабочих, и один агитатор при МК из Свердловского университета. Редактируя их ответы для включения в книгу, Троцкий вычеркнул лишь незначительную их долю, по-видимому, руководствуясь чисто стилистическими соображениями¹⁰.

К шестому году революции вопросы, поставленные Троцким в центр внимания, оставались для партии относительно новыми. Коллонтай, Сольц, Луначарский, Ленин и другие так или иначе затрагивали их ранее, но Троцкий, безусловно, открыл проблему быта для большинства «заинтересованных товарищей». К. Кайер в своем исследовании утверждает, что Троцкий был первым из большевиков, кто со всей серьезностью поставил вопрос о быте в публичной дискуссии. Более того, по мнению Кайер, в интеллектуальной традиции России не было прецедентов того, чтобы «автор посвятил целую книгу теоретизированию политического значения быта»¹¹. Проблема быта постепенно, но настойчиво проникала в информационное пространство и политические практики государства и партии. Троцкий не только ускорил этот процесс, но и придал ему определенное звучание.

Основные положения его понимания быта лучше всего могут быть проиллюстрированы на примере статьи «Не о “политике” единой жив человек». Само по себе название этой статьи-манифеста весьма показательно. Западные исследователи не придавали значения тому, что на английском языке кавычки вокруг слова «политика» в названии опускались¹². Троцкий же в своей статье акцентировал внимание на трансформации этого понятия: «Дореволюционная история нашей партии была историей революционной политики. Партийная литература, партийные организации, все сплошь стояло под лозунгом “политики” в самом прямом и непосредственном, в самом тесном смысле этого слова»¹³. Это обеспечило победу революции, и, хотя она еще не победила в мировом масштабе, наступили «иное время — иные песни». Троцкий не случайно привел статью Ленина «О кооперации», опубликованной 26–27 мая 1923 года, в которой ставилась задача «признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». Ленин так объяснял смысл перемен: «...раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную “культурную” работу»¹⁴. Опираясь на рассуждения общепризнанного авторитета, Троцкий развивал свой тезис:

...совершенно очевидно, что слово «политика» употребляется тут в двух разных смыслах: во-первых, в широком материалистически-диалектическом смысле, охватывающем совокупность всех руководящих идей, методов, систем, направляющих коллективную деятельность во всех областях общественной жизни; во-вторых, в узком и специальном смысле, характеризующем определенную часть общественной деятельности, непосредственно связанную с борьбой за власть...¹⁵

Потребность в таких разъяснениях, безусловно, была, если принять во внимание социальный и культурный состав советско-партийного актива, прошедшего школу гражданской войны¹⁶. Именно для них Троцкий разъяснял, что «...большая политика требует, чтобы в основе работы агитации, пропаганды, распределения сил, обучения и воспитания положены были ныне задачи и потребности экономики и культуры, а не “политики” в узком и специальном смысле этого слова». На вопрос о первоочередной задаче Троцкий отвечал формулами агитплакатов: «Нам нужно научиться хорошо работать: точно, чисто, экономно. Нам нужна культура в работе, культура в жизни, культура в быту»¹⁷. Так же и в остальных статьях, составивших брошюру «Вопросы быта», рефреном повторялись мысли о необходимости (само)деятельности снизу, важности развития советской «общественности» и «общественного мнения» и внимании к «мелочам» быта¹⁸. Иначе говоря, «Вопросы быта» посвящались повседневной стороне жизни.

Чем являлось коммунистическое «культурничество» Троцкого в контексте того, что он назвал «частью общественной деятельности, непосредственно связанной с борьбой за власть»? Троцкий, по образному выражению своего наиболее известного биографа Дойчера, «...превратил борьбу за власть в борьбу за “душу” революции, и тем самым придал новые измерения и новую глубину тому конфликту, в котором участвовал»¹⁹. Однако связующие нити этих двух конфликтов не были выявлены ни в классических, ни в современных исследованиях²⁰. Даже советские партийные историки, специализировавшиеся на всестороннем разоблачении «троцкизма», рассматривали этот вопрос поверхностно и мимоходом. Основное внимание они уделяли борьбе с «троцкизмом» по вопросам художественной культуры²¹. Элизабет Вуд, констатируя, что историки не дали объяснения поворота Троцкого к быту, предположила, что оппозиционер искал способ не прямой критики своих политических врагов, а также пытался укрепиться в роли преемника Ленина в «культурной стадии»

революции²². Действительно, отвечая на упреки членов Политбюро, Троцкий прибегал к прямому цитированию вождя: «Ленин, с которым я говорил о намеченных мною статьях, — посвященных “пролетарской культуре”, еще года полтора тому назад настаивал на ускорении этой работы»²³.

Имя Троцкого вскоре стало ассоциироваться с борьбой против «бюрократизации» партии, задачи которой он прямо связал с «культурническими» задачами в небольшой статье 4 апреля 1923 года (по каким-то причинам она не вошла в «Вопросы быта»)²⁴. Дискуссия по вопросам быта могла выполнять задачу как замены, так и «разведки» полей дискуссии по вопросам политики партии. В то же время нет оснований сбрасывать со счетов и неподдельную заинтересованность Троцкого в широком обсуждении проблем культурного строительства. Судя по всему, эту заинтересованность могли воспринимать как неискреннюю не только верхи, но и в низах оппозиции можно было услышать, что Троцкому, в силу его «изоляции» в Политбюро, «иногда не остается ничего делать, кроме как писать статьи о литературе...»²⁵. Неразрывная связь политики и культуры была частью программы революции, и марксистам представлялась очевидной связь культурного уровня и политической сознательности — а, значит, в конечном счете, поддержки «правильного» политического курса.

Троцкий являлся одним из наиболее талантливых и плодотворных социалистических публицистов — изначально Ленин узнал о нем как о «Перо». В «Политическом словаре» можно было прочесть, что Троцкий не только «выдающийся организатор, наделенный непоколебимой силой воли» и «пламенный трибун», но и «талантливый литератор»²⁶. Летом 1923 года литератор вел активную переписку по поводу издания его трудов, неизменно настаивая на ускорении и высоком качестве исполнения²⁷. Как видно из ответа Троцкого на октябрьском пленуме ЦК, процитированной выше, определенное недовольство вызвала книга «Литература и революция»²⁸. Троцкий завершил работу над книгой в 1922 году, но в продажу она поступила не ранее октября–ноября следующего года. Ее наиболее важной частью была полемика по вопросу о (не)возможности «пролетарской культуры». Импульс дискуссии, в полной мере разыгравшейся в следующем году, был дан статьей в «Правде» 14 сентября 1923 года, ключевой тезис которой и прямо и косвенно влиял на контекст дискуссии о быте:

Вся наша нынешняя хозяйственно-культурная работа есть не что иное, как приведение себя в некоторый порядок меж двух боев и походов. Главные бои впереди — и, может быть, не так уж

далеко. Наша эпоха не есть еще эпоха новой культуры, а только преддверие к ней. Нам в первую голову нужно государственно овладеть важнейшими элементами старой культуры, хотя бы в той степени, чтобы продолжить дорогу новой²⁹.

Дискуссия о пролетарской культуре, развернувшаяся с особой силой в 1924 году, заслуживает отдельного большого исследования. Здесь следует обратиться к важнейшему политическому конфликту, значимому в контексте «Вопросов быта» и «Литературы и революции»³⁰. Троцкий посвятил книгу о литературе Раковскому — «борцу, человеку, другу», незадолго до того снятому Сталиным с поста главы правительства Украины и назначенному послом в Великобританию. 29 июня Троцкий пишет членам ЦК и ЦКК с «решительным протестом против» предложения «о допущении свободной продажи питей в фискальных целях», ссылаясь на результаты анкетирования агитаторов-массовиков о рабочем быте. На следующий день он отправляет Раковскому проект резолюции Пленума, а в сопроводительном письме настаивает на «резкости, категоричности и определенности вопроса», чтобы добиться «принципиального решения»³¹. Тогда же Троцкий начинает работу над статьей «Водка, церковь и кинематограф», опубликованной в «Правде» 12 июля, в которой предложил пополнять бюджет за счет развития кинематографа, а не винной монополии. Политбюро сразу предложило редакции не публиковать «дискуссионных статей по вопросу о [свободной] продаже водки». Статья Раковского «Вырождение нэпа» на ту же тему была запрещена к печати по распоряжению секретаря ЦК³².

Реагируя на действия Политбюро, Троцкий развернул небольшую, но энергичную кампанию против «пьяного» бюджета. Еще 30 июня он попросил своего заместителя Склянского поговорить с Антоновым-Овсеенко и Мураловым, чтобы «своевременно поднять голос против антиреволюционного и антипартийного новаторства в этой области»³³. 23 и 26 июля Троцкий обращается к Пятакову, Рыкову, Серебрякову и наркомздраву Семашко с такой же просьбой. Письмо Преображенскому — тогда еще члену редколлегии «Правды» — звучало особенно симптоматично:

Я с изумлением вижу, что «Правда» никак не реагирует на вопрос о реставрации водки. В харьковском «Коммунисте» была полемика, в которой участвовали т.т. Сологуб(?), Раковский и др. Редакция закрыла полемику статьей в пользу водки и тем самым показала, на чьей стороне ее симпатии. В этих условиях молчать

противникам предлагаемой убийственной реформы — прямое преступление. Я думаю, что следовало бы подготовить небольшой сборник статей, освещающих вопрос со всех сторон. <...> Вопрос должен стать предметом самого широкого обсуждения в партии... Я очень боюсь, что многие товарищи не дооценивают (sic!) громадного, в известном смысле решающего значения этого вопроса. Введение водки врежется острым клином в историю партии и революции. В случае финансовой неудачи, которая весьма вероятна, мы получили бы сочетание финансового и политического краха. <...> Так как я надеюсь еще здесь подготовить второе расширенное издание своей книжки «Вопросы быта», то я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы черкнули мне кое-какие Ваши соображения по этому вопросу и побудили бы еще и других к этому...³⁴

Преображенский потребовал «всестороннего и публичного обсуждения вопроса» о водке и был выведен из редакции «Правды» решением Политбюро 27 июля³⁵. Вскоре Троцкий отправил новое письмо Семашко, в котором уже звучали политические характеристики: «Существование крупной и влиятельной фракции, имеющей своей программой опереть (sic!) бюджет водкой, — несомненный факт». Троцкий признался, что не был в курсе запрета дискуссии, но настаивал на необходимости сбора материалов и выдвижения программы «систематического зажима всех гаек по части алкоголизма», первый набросок которой он считал необходимым разработать до ближайшего Пленума ЦК³⁶. Эта инициатива в итоге не была реализована, возможно, из-за нежелания Семашко или из-за резкого изменения политической ситуации в связи с событиями в Германии. Если верить агенту-осведомителю ОГПУ, Федор Раскольников, пообщавшись с одной из дочерей Троцкого, пришел к выводу, что конфликт по вопросу о винной монополии стал определяющим для дальнейшего развития политической дискуссии³⁷. Как бы то ни было, 3 сентября Троцкий сообщал Муралову: «Предложение о продаже водки действительно взято обратно. Но партии необходимо удвоить энергию в борьбе с алкоголизмом, легализованным и нелегализованным, во всех его видах»³⁸. Большинство Политбюро в первоначальном проекте ответа Троцкому увидели в этой истории «поспешность, с которой т.т. Троцкий и Преображенский “ловили” первое попавшееся разногласие, чтобы раздуть его...»³⁹. Симптоматично, что эти и другие резкие характеристики в итоговый текст не попали. Публикацией статьи «Водка, церковь и кинематограф» Троцкий

не добился «широкого организованного обсуждения», но его оппоненты были вынуждены временно отступить. Этот факт отдельно упоминался в письме Троцкого 8 октября, ставшего компонентом неформальной программы оппозиции⁴⁰.

«Культурный поворот» Троцкого подогревался и спросом со стороны его потенциальных сторонников. Так, например, еще в октябре 1922 года Троцкий получил телефонограмму от Клубного отдела Коммунистического университета им. Свердлова с «убедительной просьбой» «...прочитать ряд лекций в учебном году на политико-культурные темы. Лекция т. Бухарина “Проблемы культуры в эпоху пролетарской революции”, прочитанная для свердловцев, показала, какое огромное воспитательное значение имеют подобные лекции для свердловцев, и поэтому устраивать их является крайне целесообразным»⁴¹. В ходе последующей дискуссии «Свердловия» будет отдельно отмечена сатирическим журналом «Красный перец» как «б[ывшее] учебное заведение, ныне оппозиционный аппарат»⁴².

Общим как для элитных коммунистических вузов, так и для обычных ячеек был особенный интерес к подобным лекциям со стороны молодежи. Автор статьи в журнале «Коммунистическое просвещение» утверждала: «Застрельщиком пропаганды культуры была была, есть и будет прежде всего молодежь». «По нашим личным наблюдениям, — делился автор, — большинство дискуссий о быте привлекает прежде всего молодежь и носит ярко выраженный эмоциональный характер»⁴³. О том же можно было прочесть и в главной советской газете «Известия»⁴⁴.

Молодые люди, стремившиеся заполучить Троцкого, использовали «правильную» аргументацию о практической значимости этого вопроса. Так, член правления клуба 1-го МГУ, объединявшего рабфак, медфак, факультет общественных наук и физмат, в своем письме Троцкому 2 февраля 1923 года писал:

Проводник идеологии литература (это не единственный, но важный) в наше нынешнее время путает нас часто и даже сбивает с толку. Кроме того, в искусстве почти такое же положение. <...> Нам необходима ваша одна лекция «О новой литературе». Она нам уже ясно покажет физиономию свою⁴⁵.

18 ноября, как гласил анонс в «Правде», должен был состояться диспут на Факультете общественных наук 1-го МГУ на тему «О современной литературе»; вступительное слово было отведено Г. Лелевичу, а из политических (но не литературных) сторонников Троцкого фигурировал один лишь Безыменский⁴⁶ (о нем

см. настоящую главу, 4). Составить представление о том, как выглядело бы это мероприятие при участии Троцкого, поможет красочный фрагмент воспоминаний Григория Григорова, бывшего в 1923–1924 годах студентом Института красной профессуры, о другом выступлении Троцкого:

...студенты организовали митинг в театре Зими́на на Малой Дмитровке, посвященный вопросам культуры и литературы. Было известно, что выступит Троцкий. <...> Театр был забит до предела, а Театральная площадь и Малая Дмитровка были запружены народом, люди хотели если не послушать, то хотя бы увидеть легендарного героя русской революции. Тогда в народе еще так считали. <...> Когда Троцкий подошел к трибуне, молодежь и студенты устроили небывалую овацию, продолжавшуюся минут 15–20. Троцкий никак не мог начать говорить. <...> ...И на этот раз он говорил ярко, образно, увлекательно, хотя тема доклада не имела отношения к политике. Он сделал блестящий анализ основных направлений в литературе и в заключение призвал молодежь всерьез читать старых классиков, на которых воспитывалось не одно поколение революционеров. После доклада снова овация, и, когда Троцкий сажился в машину, народ непрерывно кричал ура⁴⁷.

Разумеется, молодые «красные» интеллектуалы не имели единого взгляда на Троцкого даже в связи с вопросом о быте. Если в петербургском журнале «Красный студент» безусловно доминировал культ Троцкого, то авторы московского журнала «Октябрь мысли», включаясь в дискуссию, ссылались на Солнца, возможно демонстративно, и даже указывали, что многое в «частичной попытке» Троцкого разработать теорию быта «более чем спорно»⁴⁸. Но главное, его «Вопросы быта» вызвали к себе интерес. Одно из писем содержало утверждение, что определенный отклик на «бытовые» статьи Троцкого проявился еще до появления анонса книги. «Вопрос от “старого к новому” стал очередным во всех областях», — начал свое письмо Сурен Шадунц из г. Шуша (Нагорный Карабах), молодой работник обкома Азербайджанской компартии. В постскриптуме он добавил: «Письмо это было уже готово, когда прочел в “Правде” от 18-го июля... (следовательно, через 13 дней после того, как оно появилось). Материал имеется достаточный, но он будет касаться народов и парторганизаций Закавказья. Если угодно будет, можно писать...»⁴⁹ К счастью для Шадунца, он не испортил себе карьеру связями с Троцким: в 1930 году он был

избран в ЦКК, а в 1936–1937 годы стал первым секретарем ЦК Компартии Таджикистана.

Известен ответ некоему комсомольскому активисту Илье Лину, приславшему «анкету о быте молодежи». Инициатор кампании высказал свое суждение о недостатках анкеты и предложил распространить ее до того, как будет проведено «собеседование». Возможно, Троцкий вынашивал идею повторить то, что предшествовало публикации «Вопросов быта», но встреча с активистами комсомола так и не состоялась⁵⁰.

Книги вождей калибра Троцкого были обречены попасть в центр внимания издательского дела. Этому не могла не поспособствовать статья члена редколлегии «Правды» Вячеслава Карпинского, которая была опубликована в том же номере, что и анонс выхода книги Троцкого⁵¹. Но и без него сотрудники газет, журналов, книжных издательств, работавших по системе хозрасчета, а потому зависевших от продаж, выражали свою заинтересованность в Троцком как авторе. Так, например, редакционная коллегия издательства «Вопросы труда» просила написать брошюру на тему «Наука и труд», группа активных работников отдела работниц Московского комитета просила сотрудничать в их журнале «Делегатка», а письмо редакции «Вестника Социалистической академии» даже по-деловому заканчивалось указанием гонораров за статьи⁵². Троцкий откликнулся на просьбу Центриздата Народов Востока, обратившегося за предисловием к изданию «Вопросов быта» на татарском языке⁵³. Интересно, что Раковский поддержал просьбу украино-американского коммунистического издательства «Космос» опубликовать его книгу в США. Троцкий оставил эту просьбу без внимания, но распорядился отправить экземпляр 2-го издания книги в издательство⁵⁴.

Главный политико-просветительский комитет Республики (Главполитпросвет) включил «Новый быт» в число шести приложений к комплекту полугодовой подписки на журнал «Коммунистическое просвещение»⁵⁵. Значимость брошюры Троцкого в этом руководящем для всех политпросветов органе подчеркивалась в статьях, одна из которых, объяснявшая, как организовать дискуссию в клубе, начиналась с утверждения о значимости происходящих событий: «“Бытовая” кампания, поднятая тов. Троцким... всколыхнула столько смежных вопросов, что исчерпать их целиком еще очень нескоро удастся». Важно и другое утверждение автора статьи, свидетельствующее порой о преувеличенном восприятии масштабов кампании: «Дискуссия о быте — одна из форм пропаганды быта, повсеместно принятая как начало работы»⁵⁶.

Неразлучные.

Рис. Л. М.

На ряд статей об искусстве, напечатанных тов. Троцким в „Правде“, тов. Чичерин ответил статьей „Некоторые дополнения к статье тов. Троцкого“.

Чичерин.—Что ж, Лев Давидович,—и на этом поприще нам суждено дополнять друг друга.

«Неразлучные.

На ряд статей об искусстве, напечатанных тов. Троцким в “Правде”, тов. Чичерин ответил статьей “Некоторые дополнения”.

Чичерин:

— Что ж, Лев Давидович, — и на этом поприще нам суждено дополнять друг друга».

Рис.: Л. М. [Л. Межеричер]

(Красный перец. 1923. № 13. 15 окт.)

Георгий Чичерин сменил Льва Троцкого на посту наркома иностранных дел в марте 1918 года, его роль и в литературной и в политической дискуссиях была минимальной. Замысел рисунка выражался в том, что Троцкий был чрезвычайно активным публицистом.

В этом же отношении показателен пример «Рабочей газеты» (орган московского комитета РКП(б) и Моссовета). За несколько дней до обращения Троцкого с письмом «Вопросы быта», в газете можно было прочитать заметку про живой отклик рабочих на его статью о борьбе с «матерщиной». Автор сожалел, что на вынесении резолюций «дело и кончилось», но его вывод фактически предугадывал будущую кампанию:

Мы считаем — за нами авторитет сотен рабочих писем, — что нужно поставить борьбу за новый быт очередной и самой боевой задачей профсоюзов и культурно-просветительных организаций⁵⁷.

В предисловии к первому изданию «Вопросов быта» Троцкий отметил, что его книга «...ни в коем случае не есть популярная брошюрка, мысль о которой явилась исходной точкой работы...», но «...предназначается в первую голову для членов партии, для руководящих элементов в профсоюзах, в кооперативах и культурно-просветительских организациях»⁵⁸. Эти «руководящие элементы» вовлекались в коммуникативное пространство. Например, 30 ноября заведующий культурным отделом московского городского союза профсоюзов пригласил Троцкого прочитать лекцию о новом быте для рабочих и членов профсоюза в рамках организуемого цикла лекций⁵⁹.

Работники партаппарата, вне зависимости от их политического отношения к Троцкому, сыграли роль в укреплении его авторитета. В журнале Пермского губкома появилась довольно типичная для риторики агитпропа хвалебная статья:

Вопросы быта, вызвавшие целый ряд дискуссионных статей на страницах нашей печати, всколыхнули наши организации сверху донизу. Но надо откровенно сказать, что большая часть статей, если не все, почти ничего не дали в смысле прояснения пути, направления, в котором надо вести работу за создание нового быта. <...> И только статьи т. Троцкого дают нам четкий материал для понимания окружающего и ключ к достижениям будущего, лучшего коммунистического быта⁶⁰.

Интересно то, что автором этой статьи был секретарь губкома Нанейшвили, который вскоре выступил в дискуссии против оппозиции (см. главу IV, 2). Председатель ЦКК–РКИ Украины Дмитрий Лебедь, который тоже проявит себя защитником линии большинства ЦК, в докладе на одной из партконференций

31 августа 1923 года солидаризировался с определением переходного времени как «эпохи культурничества», а его выводы, без ссылок на источник, прямо перекликались с предложениями Троцкого⁶¹. Другой украинский коммунист, Дмитрий Мануильский, высказавшийся на страницах журнала «Коммунист», определил заслугу книги Троцкого в том, что она «...поворачивает внимание партии к бытовым вопросам, помогая членам партии установить правильный подход к рабочей массе и наметить правильные методы агитации»⁶². В партийном клубе Новониколаевска дискуссию открыл секретарь губкома Петр Заславский, который, в пересказе репортера, выступил «против выпячивания» вопроса о быте:

Сейчас не время заниматься вопросами, которые отвлекают наши ячейки от их непосредственных задач. Это тем более вредно, что вопросами коммунистического быта занимаются исключительно ячейки сибирских советских и партийных учреждений, заменяя вопрос о быте рабочих вопросом о быте ответственных работников... Любопытно, что вопросы «коммунистического быта» не ставятся на низовых ячейках. Там не разговаривают о быте, а творят его в повседневной работе.

Примечательно не только демагогическое противопоставление одних ячеек другим, но и использование автором заметки чисто политического языка, подсказывающего правильную позицию в спорном вопросе: «В числе семнадцати выступавших в прениях товарищей, т. Брыков и тов. Кассиор. Оба держатся линии тов. Заславского»⁶³. Достаточно сказать, что Станислав Кассиор (Косиор) был главой Сибирского бюро ЦК. Примечательна настойчивость, с которой авторы «Советской Сибири» предлагали ставить в центр внимания ячеек вопросы экономики, «а не вопросы быта и рабочей демократии»⁶⁴.

Представители верхов могли не только развивать дискуссию, выступая «за» или «против», но и напрямую препятствовать ей. Агитпроп Юго-Восточного бюро ЦК, по мнению одного исследователя, испугался «нездорового налета» дискуссии: «Циркуляром от 6 сентября 1923 г. объявлялось, что любая дискуссия могла проходить не иначе как под руководством “опытных товарищей”, хорошо изучивших брошюру Л. Троцкого». Требовалось «всячески избегать в освещении вопросов быта того, что тов. Троцкий называет партийным пустосвятством»⁶⁵. Нельзя с уверенностью сказать, что это было ранним проявлением фракционной борьбы, а не излишней

бюрократической «заботы», но Юго-Восточное бюро ЦК возглавляли Микоян и Ворошилов — сторонники Сталина.

Партийные аппаратчики, однако, не стремились вступать в открытую полемику с Троцким. Как это ни странно, но из всех отделов ЦК наиболее глубоко в кампанию по вопросам быта был вовлечен не Агитпроп, а Отдел работниц (Женотдел) — один из самых маргинальных (в 1930 году его расформировали). 29 июля отдел провел специальное совещание при журнале «Коммунистка», на котором по вопросам быта высказывались студентки, работницы и служащие, в том числе беспартийные. Были приняты решения сформировать и распространить анкету для исследования быта, осветить содержание совещания в печати, а также созвать совещание при журнале для обсуждения книги Троцкого⁶⁶. Но это не могло стать залогом политической лояльности будущему оппозиционеру, учитывая политические конфликты в Женотделе.

Весной 1923 года Отдел пережил кризис, когда его сотрудница Вера Голубева, сторонница Александры Коллонтай, выступила с критикой методов работы и, в частности, призвала работать с широкими слоями женщин, но профильная секция XII съезда (апрель 1923 года) осудила дискуссию⁶⁷. 2 августа Троцкий получил краткое письмо Голубевой и две ее статьи для «Правды» и «Коммунистки». «Их не напечатали (еще больше, в мае, за те же, приблизительно, “идеи” меня сняли (за *феминистский уклон*) с работы в женотделе и перебросили в орготдел, и у меня нет надежды на то, что мои мысли, по существу здоровые, я могла бы когда-нибудь претворить в жизнь»), — пожаловалась коммунистка и затем фактически попросила взять под защиту ее взгляды: «Если в моих работах есть действительно что-либо заслуживающее внимание, вы используете это гораздо лучше меня»⁶⁸. В данном случае симптоматично, что «уклонистка» обратилась к Троцкому, который сам вскоре будет обвинен в «уклоне» от большевизма.

Единственной из числа (хотя бы бывших) работников ЦК, вступивших в двустороннюю полемику с Троцким, была Полина Виноградская, на тот момент научный сотрудник Института красной профессуры, а в прошлом — сотрудница Женотдела и редакции «Коммунистки». Основной тезис ее не слишком глубокой статьи состоял в том, что для успеха нового быта было «нужно покончить с той косностью, которая имеется, и не столько в массах, сколько наверху... Мы стоим на месте в значительной степени вследствие косности наших советских органов и товарищей, возглавляющих их, в большинстве лично не заинтересованных в реформе быта»⁶⁹. Казалось бы, Троцкому был близок пафос критики верхов, тем более — в нейтрально-благожелательной форме по отношению к нему лично, но

его ответ был непропорционально резок. Указав на противоречия в статье, он пошел значительно дальше, разгромив ее тезисы один за другим: «Взгляд, будто все дело только в тупости советских верхов, является бюрократическим, хотя — со знаком минус. Власть, даже и самая активная и инициативная, не может перестроить быт без величайшей самостоятельности масс»⁷⁰. Вскоре после этого Троцкий озвучил свою позицию в письме сотрудникам Женотдела, опубликованном на первой странице «Коммунистки»⁷¹. Сложно судить, насколько полезной оказалась Троцкому такая коммуникация, ведь резкость его критики могла оттолкнуть от него потенциальных сторонников. Но самое любопытное, что Виноградская, не в 1923 году, но позднее вышла замуж за Преображенского, стала оппозиционеркой,полнила число ссыльных в 1928 году и даже состояла в переписке с Троцким и Радеком⁷².

Источники умалчивают о том, на что рассчитывал Троцкий, но кампания по вопросам быта расширялась. Уже в статье, опубликованной 14 августа, Троцкий одобрительно цитировал письмо Карчевского о работе кооперации, а через месяц, в предисловии ко второму изданию книги, дополненному новыми статьями, поблагодарил откликнувшихся на его «призыв о присылке своих замечаний, предложений и других материалов...». Автор заявил, что его работа «может иметь лишь коллективный характер — все более и более широкого захвата»⁷³. Что собой представляла коммуникация вождя и представителей широких масс? Люди писали письма вождям по самым разным вопросам, чаще всего в качестве «граждан», выражая свои мнения, высказывая предложения и давая советы, но так же часто и жаловались, доносили, просили о помощи⁷⁴. Среди отложившихся в архиве Троцкого документов можно встретить журналистскую зарисовку заседания домового комитета, или письмо беспартийного, который, не забыв упомянуть свое пятилетнее пребывание в РККА, «преклоняясь перед... гением» адресата, описывал ужасы проституции в Орехово-Зуеве⁷⁵. Коммуникация с Троцким выстраивалась и по традиционным лекалам «писем во власть»⁷⁶. Кто-то мог увидеть в Троцком политика, способного практически изменить привычный уклад жизни. Так, «с искренним рабочим приветом» некий петроградец, перечислив ряд предложений, выплеснул эмоции:

Хотелось бы все верх дном перевернуть, чтобы нам жилось лучше. И хочется воскликнуть вам в Москву: тов. Троцкий, Красный Генерал Великой Республики! Ты должен нам помочь улучшить нашу жизнь! Нам надоела нищета, наша отсталость, долой их

к черту. Мы заслужили лучшую жизнь. Ведь правда заслужили?
 Ответь и преврати наши мысли в дела!⁷⁷

Не раскрывший детали своей биографии Я. Трахтман из Саратовского предложил включить в книгу Троцкого свое стихотворение «в виде вступительного агитклича», по которому видно, что призыв Троцкого мог прочитываться в духе «военного коммунизма»:

Контр-революция бита? / Бита. / Тиф? Бит. / Голод? Бит. / Ну, а как относительно быта? / Быт? / Быт забыт. / Красное знамя / Над нами / Мается, / В красное красит завод... / А извозчик ругается? / Ругается. / А грузчик пьет? / Пьет. / <...> / Молот наш все дробит. / Выкинем лозунг: / «На фронт быта.» / И быт / Будет / Бит⁷⁸.

Следует заметить, что Троцкий нигде специально не обращался к красноармейской аудитории. «Я продолжаю получать большое количество писем и материалов по поводу быта, — писал он Муралову 3 сентября. — Находят ли эти вопросы какой-либо отклик в армии?»⁷⁹. Тогда, по-видимому, вопросы быта только начинали интересовать как верхи, так и низы армии. Осенью состоялось Всесоюзное совещание политработников, в резолюции которого нашло лишнее подтверждение авторитета наркома. «Обратить внимание на необходимость отражения быта Красной армии и флота красноармейской печатью. Политорганам принять меры к сбору материалов о быте для центрального музея Красной армии и флота», — гласил один из пунктов. Там же сообщалось, что «отдельным предложением принято следующее пожелание: “Просить тов. Троцкого дать для работников армии руководящие указания о быте армии”»⁸⁰. Дискуссия по проблемам быта армии была объявлена в первом номере журнала «Политработник» за 1924 год. Но это произошло не в самое удачное время — ее открывала статья упоминавшегося помощника главы ПУР Якова Дворжеца, к январю 1924 года оказавшегося арестованным ОГПУ⁸¹. Как бы то ни было, с 1924 года наблюдается резкий рост публикаций по проблемам армейского быта, в особенности — по его изучению⁸².

Автор одного из писем Троцкому, объясняя свою анонимность тем, что это его «первый литературный опыт», как представляется, просто обозначал свое желание участвовать в «борьбе за быт», в надежде на интерес со стороны наркома. Для этого он не забыл упомянуть, что в армии занимал военно-политические должности, а сейчас «учится и служит»⁸³.

Но лучшей иллюстрацией практических результатов обращения Троцкого стало письмо автора, представившегося «организатором рабкоров по Грозненскому району». Уже 25 июля организатор сообщал, что рабкоры «лихорадочно торопились» восполнить «пробел» в деле более внимательного изучения рабочего быта, в подтверждение чего он отправил «дневники рабочих», собранные за две недели⁸⁴. В данном случае можно оставить за скобками дискуссию о том, были ли в 1923 году рабкоры подлинными выразителями настроений низов. Действия активистов могли определяться сугубым прагматизмом или даже «карьеризмом». Обретение могущественного патрона — привлекательная цель, тем более что создание такой формы патронажа, как «шефство», могло прямо ассоциироваться с Троцким (см. об этом в главе II, 4). Как бы то ни было, рабкоры откликнулись на его призыв⁸⁵. Один рабкор-коммунист газеты «Рабочий и пахарь» (город Рыбинск, Ярославская губерния) написал два письма, и даже приезжал в Москву в надежде на личную встречу, аргументировав это следующим образом:

*К вам я обращаюсь и направляю материал за тем лишь, чтобы Вы использовали его в своих статьях, дали направление, директиву местам. (Направляю материал именно Вам для статей, а не для куда-либо в парт., сов. и проф. органы, т. к. в них-то и есть отчасти то, с чем приходится бороться)*⁸⁶.

Автор писем отметил, что он намеренно показал негативные стороны «быта коммунистов», о которых «нельзя иногда совсем писать». Его отношение к партийному аппарату было явно критическим, и не исключено, что именно этот рабкор мог оказаться в числе будущих сторонников внутрипартийной оппозиции, которая в Ярославле была связана с редакцией губкомовской газеты. Однако парадокс состоял в том, что рабкор действовал вопреки призыву Троцкого развивать активность снизу и на местах, он призывал верхи в лице Троцкого воспользоваться своим авторитетом⁸⁷.

Выгоду от апелляции к Троцкому оценили и некоторые представители интеллигенции. 30 ноября 1923 года Троцкий получил письмо Владимира Тан-Богораза, профессора этнографии Петроградского университета. Богораз (1865–1936) был ведущим этнографом с богатым революционным опытом, поддерживал идеи сменовеховцев. Он хотел бы повидаться с Троцким по следующему поводу: «В минувшие два года из студентов этнографов я организовал ряд

исследовательских отрядов, которые привезли много этнографического и экономического материала относительно *старого и нового быта российской деревни*», — писал Тан-Богораз. Он сообщил о подготовке выпуска сборника и высказал предположение, что подробности могли бы заинтересовать Троцкого⁸⁸. Судя по всему, встреча не состоялась, но можно представить, о чем могла идти речь, если принять во внимание фрагмент введения к сборнику Тан-Богораз: «Денег у нас, повторяю, было немного, и мы их делили до крайности скупо...»⁸⁹

Впрочем, Троцкий проигнорировал более важную базу потенциальной политико-культурной клиентелы. В конце 1923 года он получил письмо от правления паевого товарищества «Пролетарское кино», в котором выражалась просьба написать статью в третий номер одноименного журнала по вопросу «Пролеткино и быт». В обосновании говорилось, что Троцкий придавал «огромное значение» кино «как могучему орудию по переустройству быта...»⁹⁰, и т. д. Очевидно, имелась в виду статья «Водка, церковь и кинематограф». В тот же день помощник Троцкого ответил, что его начальник «в виду (sic!) болезни не может» написать статью. Но и позднее Троцкий не заявил о себе как о патроне кинематографа, который в лице «Пролетарского кино» ставил «своей задачей создание идеологически выдержанных красных фильмов, могущих быть проводниками идей коммунизма»⁹¹. Троцкого скорее интересовала агитационная постановка вопроса. Отвечая на статью Луначарского в личном письме 26 июля 1923 года, Троцкий заверил наркома просвещения, что его «обличение» не было направлено на ведомства:

В статье своей я ставил вопрос о кинематографе в такой перспективе, которая требует не ведомственных, а общегосударственных и общепартийных сил и средств. <...>

С кино придется, я думаю, сделать нечто подобное тому, что мы начали делать в отношении воздухофлота: нужна большая агитация, привлечение внимания и интереса, организационное привлечение мест, создание капитала в складчину, возбуждение соревнования и пр. и пр. — может быть, вплоть до всесоюзной недели кино. Разумеется, план такой агитационно-организационной, а затем и организационно-производственной работы должен быть *тщательно разработан*, с широким привлечением к делу общественной советской инициативы. Со своей стороны готов этому делу оказать всяческое содействие⁹².

Июль и август Троцкий почти целиком посвятил литературной работе. Например, 6 августа в письме «дорогому товарищу Рафаилу» он писал, что находится в отпуске и «занятия» его были «ограничены немногими часами, которые целиком уходят на “вопросы быта” и окончание литературной книги»⁹³. Но к концу сентября Троцкий погрузился в водоворот политической борьбы. Если 21 сентября он пишет редактору журнала «Красная новь», своему стороннику Воронскому, о дискуссии с Н. Горловым о футуризме⁹⁴, а 29 сентября в «Правде» выходит его статья по искусству⁹⁵, то уже 1 октября он благодарит пролеткультовца Валерия Плетнева «за приглашение на читку пьес». «Обстановка так круто изменилась», сожалел Троцкий, что он оказался «лишен возможности заниматься литературными вопросами»⁹⁶. К этому же кругу проблем, очевидно, относились и вопросы быта.

Вопрос о соотношении «культурного уровня» членов партии и возможностях демократизации был одним из центральных: так, например, ему почти целиком была посвящена статья Зиновьева, публикацией которой открывалась внутрипартийная дискуссия⁹⁷. В резолюции «О партстроительстве», написанной при участии Троцкого, звучал призыв «...способствовать росту всевозможных добровольных объединений... в особенности таких, которые непосредственно затрагивают семейно-общественный быт рабочей массы»⁹⁸. Одновременно Троцкий критиковал представления о том, что «...основным средством оживления партии является поднятие культурного уровня ее рядовых членов, после чего... рабочая демократия приложится уж естественным путем». Называя неправильным такой «педагогический» подход своих оппонентов, Троцкий призывал к политической «самостоятельности» и «самодетельности» членов партии⁹⁹.

Ни одна из конфликтующих сторон не артикулировала вопросы быта, но последние иногда напрямую связывались с политикой. В сентябре 1923 года в своем закрытом письме секретарям ЦК секретарь Курского губкома счел необходимым упомянуть: «Вопрос, поднятый т. Троцким о быте, дает толчок — зачастую некоторые ячейки, обсуждая тему, подошли к вопросу с уклоном “верхи и низы”. Пока это отдельные случаи»¹⁰⁰. Хотя автор не конкретизировал это сообщение, в аппарате ЦК могли сделать соответствующие выводы, о чем свидетельствует вышеупомянутый упрек Троцкому со стороны Политбюро в октябре. Последовавшая внутрипартийная дискуссия в Курске не выявила сильной оппозиции, но обсуждение вопросов быта могло привести к появлению нежелательных для аппарата «уклонов».

19 декабря состоялось дискуссионное собрание в Петроградском Горном институте, во время которого один из сторонников Троцкого заявил: «Дискуссия о внутрипартийной демократии тесно связана с партийной этикой и партийным бытом»¹⁰¹. Борис Бродянский, которому принадлежали эти слова, активно выступал по вопросам нового быта на страницах журнала «Красный студент»¹⁰². Бродянский, студент Горного института, входил в Общегородское бюро ответственных корреспондентов высших учебных заведений Петрограда и, судя по всему, был членом редакции «Красного студента»¹⁰³. Секретарь Василеостровского райкома дал ему следующую характеристику: «Выступает сознательно против линии ЦК. Нет выдержки и устойчивости и в прошлом. Считает собрание Бюро Петроградской организации не авторитетным и не выражающим мнение Ленинградской организации»¹⁰⁴. Можно предположить, что это лишь один из примеров влияния статей Троцкого на студентов-коммунистов.

В восприятии современников могли переплетаться «Вопросы быта» и «Новый курс», что в полной мере выразилось в шестистраничной брошюре Бакинского комитета Азербайджанской Компартии «Материалы по самообразованию. Троцкий — Вопросы быта». Она представляла собой краткий список вопросов к четырём «урокам» по главам книги Троцкого, рассчитанным на основы политической грамоты:

В предлагаемых главах т. Троцкий затрагивает вопрос о нашей внешней некультурности, грубости обращения, речи, а также об одном из главных зол нашей жизни, пережитке старины — бюрократизме. Он разбирает многочисленные причины этого сложного вопроса, на первом месте нашу культурную отсталость, неслаженность нашего государственного аппарата, особенно классовую разнородность его (присутствие в нем многочисленных реакционных элементов)¹⁰⁵.

Как будет показано в следующем разделе настоящей главы, несмотря на поражение Троцкого во внутрипартийной борьбе, в глазах целых групп партийцев он оставался авторитетной политической фигурой. В 1924 году вышли 3-е издание «Вопросов быта» и сборник новых статей Троцкого, которые он не забывал рассылать в главные газеты, откликаясь на устойчивый спрос публики¹⁰⁶. «Большое спасибо за привет, — писал Троцкий в газету профсоюза железнодорожников «Гудок» 28 марта 1924 года. — С особым интересом читаю всегда страничку «рабочего быта». Вопросам быта суждено, несомненно, занимать все большее

и большее место в нашей печати и в нашей работе»¹⁰⁷. Важно, что эти вопросы не приобрели негативных ассоциаций с Троцким. По крайней мере, в 1926 году портрет Троцкого благополучно висел в комнате коммуны, организованной тремя годами ранее текстильщицами Иваново-Вознесенска¹⁰⁸.

На собрании партийного бюро рабфака Петроградского государственного университета активные сторонники Троцкого предложили организовать кружок «Новый быт» и прочитать доклад на соответствующую тему. Большинство членов бюро, несмотря на политическую антипатию к троцкистам, поддержало их «принципиально»¹⁰⁹. Это едва ли объясняется тем, что ранее большинство общего собрания рабфака проголосовало за оппозицию. На дискуссионном собрании в Петроградской военно-железнодорожной школе подготовки комиссарского состава против безоговорочной поддержки ЦК проголосовал всего один человек и один воздержался. Но обсудив «очередные задачи» на следующем собрании, бюро коллектива предложило «изучать быт курсантов, ставить вопросы повседневной жизни на собраниях», а в рекомендованном списке из 7 вопросов первыми значились «бытовые» вопросы¹¹⁰.

Обсуждение вопросов быта, инициированное Троцким, постепенно захватывало разные слои формирующегося советского общества. В ходе политической коммуникации, включавшей низовой активизм, на поверхность выходили проблемы борьбы с «бюрократизмом», той или иной реформы политических порядков. В контексте внутрипартийного конфликта «бытовая» дискуссия протекала на границе с дискуссией политической. Безусловно, для Троцкого это была возможность политического высказывания, что изначально обнаружилось в полемике по вопросу о винной монополии. И хотя Троцкий не задействовал ресурсы, которые обеспечили бы мобилизацию фракционных сил для единой кампании, это была непрямая политическая дискуссия, в которую оппоненты Троцкого предпочли не ввязываться, сосредоточившись на аппаратных играх. В этой ситуации обсуждение вопросов быта в целом протекало сравнительно демократично, расширялось и, возможно, могло перерасти в низовое движение коммунистического «культурничества». Лето 1923 года оказалось для этого не лучшим временем, а осенью политический сезон начался с шумной пропагандистской кампании вокруг революционной ситуации в Германии¹¹¹. Развернувшаяся вскоре внутрипартийная борьба в итоге укрепила дискурс «единства партии», недружелюбного любым крамольным выступлениям. Последискуссионный контекст 1924 года, характеризовавшийся резким увеличением «пролетарских» рядов партии (и чистой — «мелкобуржуазных»),

делал невозможной политическую гегемонию интеллектуалов, ассоциировавших себя с Троцким. Проект «культурной революции» в СССР в результате состоялся во многом на противопоставлении «троцкизму», что лишний раз подтвердило значение, придававшееся личным политическим авторитетам.

2. «АВТОРИТЕТ ВСЕЙ ПАРТИИ»

Нельзя не согласиться с Б. И. Колоницким в том, что «сочетание... переплетающихся процессов усиления роли “персонификации” и возрастания значения “символизации” дает немало случаев, когда образ политического деятеля — положительный или отрицательный — превращается в важнейший политический знак, в ключевой элемент политического процесса»¹¹². Культ вождя имел политическое значение уже в «демократическую» стадию Российской революции¹¹³. На третьем году послевоенной жизни значение образов вождей революции играло огромную роль в политике, а в случае с образом Ленина — лишь возрастало¹¹⁴. Но для внутрипартийной борьбы образы Ленина и Троцкого впервые приобрели столь важное значение в 1923–1924 годах. Безусловно, «...во времена острых общественных кризисов у многих людей возникает особенно сильная психологическая потребность отождествлять себя с авторитетным политическим лидером»¹¹⁵, но была и рациональная, прагматическая потребность, которая отвечала конкретным задачам, встававшим перед участниками политических процессов. Если сформулировать первоочередную из них, то это будет потребность в опоре на авторитет.

Авторитет, согласно «Политическому словарю» 1922 года, это «...мнение человека, принимаемое на слово; в переносном смысле — сами лица, пользующиеся влиянием, крупным значением»¹¹⁶. Значение авторитета разъяснялось в ходе политической борьбы неоднократно. Так, Калинин в заключение своей речи на одном из важнейших дискуссионных собраний в Москве заявил, что «...коммунисты всегда берегли авторитеты... ибо благодаря им мы получили победы, каких не получала еще ни одна партия в мире»¹¹⁷. Этот фрагмент был опущен в «Правде», так как он мог показаться излишне категоричным либо его автору, либо редакции газеты, хотя Калинин, безусловно, защищал позицию, разделявшуюся теми, кого он называл «большинством ЦК». Лидеры последнего могли также просить аудиторию «дать» им авторитет вместе с «доверием»¹¹⁸. Как

будет показано далее, авторитет действительно можно было и дать, и забрать обратно.

Авторитет Троцкого среди партийной элиты ко времени внутри-партийной дискуссии постепенно снижался. Его сила ассоциировалась прежде всего с заслугами в Гражданской войне: если делегаты XI съезда в 1922 году дали Ленину и Троцкому одинаковое количество голосов, то уже на XII съезде Троцкий занял 35-е место¹¹⁹. Фактор смены эпох с военной на мирную, как будет продемонстрировано далее, был не единственным. Бесспорно, авторитет Троцкого был достаточно велик для того, чтобы восприниматься его недругами как опасность. Глава компартии Украины Эммануил Квиринг приводил стандартный аргумент: «Пока оппозиция будет состоять из т.т. Преображенского, Пятакова и других, она не будет представлять опасности для партии. Но когда позиция т. Троцкого будет использована оппозицией, над этим нужно будет всерьез задуматься»¹²⁰. Разумеется, озабочен этим вопрос был и Каменев. Разъясняя значение «ошибочного» выступления Троцкого, он сказал, что «...если бы это случилось с рядовым членом ЦК и если бы это было написано в “Правде”... за подписью т.т. Харитонов, Угланова или кого-либо другого, это не имело бы большого значения, но у т. Троцкого не такой вес, как вообще у рядового члена ЦК»¹²¹.

В то же время следует отметить, что в партийной среде, в том числе среди оппозиционеров, бытовали разные взгляды на авторитет. «Но мы, коммунисты, в принципе стоим против всяких авторитетов, и поэтому я считаю, что нечего на каждом шагу божиться Лениным и запугивать партийные массы авторитетом Ленина...» — смело заявил один из участников дискуссии в Сибири. Впрочем, подстраховался автор, это не значит, что коммунисты «не должны уважать вождей и [не] прислушиваться к их голосу», а только то, что «ссылки на авторитеты не могут служить достаточным орудием словесной борьбы»¹²². Собрание военных коммунистов оренбургского гарнизона «протестовало против случаев запугивания авторитетностью отдельных товарищей»¹²³. Особенно критически настроенными оказались военные организации Восточно-Сибирского военного округа, где 18 ячеек голосовало за ЦК, а 17 за оппозицию¹²⁴. Ректор Коммунистического университета в Петрограде Семен Канатчиков по свежим впечатлениям написал целую книгу, посвященную генеалогии ложного авторитета Троцкого. Во введении он свидетельствовал, что «...часто приходится слышать среди молодежи примерно такое рассуждение: “Нам не нужно никаких ‘авторитетов’, мы сами достаточно созрели, чтобы отличить правую руку от левой”»¹²⁵.

Подобные рассуждения нечасто озвучивались в коллективных декларациях. Яркое исключение составила резолюция ячейки Штабов политического управления, Частей особого назначения и Управления Военных сообщений Московского военного округа, принятая 14 декабря. Резкая и детальная критика касалась всех ключевых вопросов дискуссии, но половина «конкретных предложений» относилась к символическим аспектам власти:

<...>

а) Как одну из мер ликвидации казенщины и рабской психологии внутри партии, немедленно уничтожить институт всяких почетных членов, почетных председателей, почетных работников и т. д.

б) Прекратить в дальнейшем переименование чего бы то ни было (городов, улиц, казарм и т. д.) именами живых партийных работников.

в) Прекратить посылку трафаретных приветствий на каждом собрании или конференции.

г) Вывести из практики хотя бы официальные ссылки на личные авторитеты, заменяя их коллективным авторитетом: Съездов, Конференций и проч.

д) Прекратить многочисленные юбилеи, выродившиеся в чуждые пролетарской партии казенные торжества и к тому же влекущие за собой громадный расход народных средств, оставив только наиболее важные революционные и партийные.

е) При выборах куда бы то ни было избирать т.т. по принципу деловитости и знания дела, а не слепо по признаку занимаемой должности, большого стажа (кроме ограничений, могущих быть установленными X съездом), заслуг в прошлом и т. п. <...>¹²⁶

Впрочем, «ссылки на личные авторитеты» практиковались и среди отдельных сторонников оппозиции. Губбюро парт-организации Харбина процитировало одного из участников дискуссии: «Требование Троцкого — есть требование Красной армии и его нужно выполнить»¹²⁷. Вполне вероятно, что харбинские аппаратчики отбирали для своего отчета ЦК РКП(б) одиозные высказывания, но это не значит, что почитание авторитета оппозиционерами не могло принимать такие карикатурные формы. Впрочем, харбинский «троцкист» мог бы согласиться с московским оппозиционером, для которого «авторитет тов. Троцкого стоял на такой же высоте, как и авторитет» Каменева и других¹²⁸.

Большевики с равной «высотой» авторитета первыми персонафицировали конфликт. Раньше всех выступил Бухарин с передовой статьей в «Правде» от 13 декабря, которая, по словам Зиновьева, вызвала среди прочитавшей ее молодежи желание идти бить стекла редакции¹²⁹. Затем Сталин опубликовал статью с беспрецедентно резкой критикой Троцкого¹³⁰. Наконец, в своем коллективном «письме» против Троцкого выступила целая петроградская организация¹³¹. Резкость формулировок последних настолько бросалась в глаза, что Сталин предложил Кирову, на тот момент секретарю ЦК КП(б) Азербайджана, взяв его «за образец», принять на собрании резолюцию с обсуждением письма все же в «смягченной» форме¹³². Как бы то ни было, эти статьи-шаблоны были главным орудием персональной критики лидера оппозиции. Зиновьев, наиболее резко критиковавший Троцкого, вскоре признает, что он «стоял в центре дискуссии»¹³³. Следовало бы добавить, что в центр дискуссии его поставил сам Зиновьев.

Это не стало бы возможным без ответной критики «антитроцкистских» статей и заявлений. Конечно, не все защитники Троцкого были оппозиционерами¹³⁴. Но, как признавали сотрудники аппарата ЦК, возмущение нападкам на Троцкого было достаточно велико — и «оппозиция использовала это против ЦК. В ячейках дискуссия приняла довольно острые формы»¹³⁵. Так, собрание партийной ячейки Наркомпроса состоялось на следующий день после появления передовой статьи «Правды», которая вызвала у большинства «особую тревогу», согласно протоколу: «Все высказываются решительно против такого подхода... и против неясных намеков в оппортунизме одного из авторитетнейших вождей революции»¹³⁶. Парторганизация важнейшего наркомата неоднократно откликалась на появление антитроцкистских статей (Сталин) и даже стихотворений (Бедный)¹³⁷. Ячейка Наркомвнешторга приняла «внеочередную» резолюцию, которую уместно процитировать целиком:

Собрание считает, что в дискуссии наметился опасный уклон, грозящий срыву дискуссий с делового пути, выражающийся:

- 1) в кампании против отдельных товарищей, наклеивания на них ярлыков антипартийного характера, в частности, собрание категорически протестует против нездоровой полемики в отношении тов. Троцкого;
- 2) Собрание категорически требует от аппарата и центрального органа партии «Правды» свободной, беспрепятственной и деловой информации об общественном партийном мнении Москвы¹³⁸.

Оппозиционная резолюция Свердловского университета признала выступления против Троцкого «вредными и роняющими достоинство ЦК партии». «Гнусной клеветой» и «слошной демагогией» назвали статью Сталина члены ячейки факультета общественных наук 1-го МГУ. Во время продолжительной дискуссии в петроградском Государственном институте медицинских знаний ячейка раскололась практически надвое, но большинство выступило «против письма собрания петроградских активных работников, направленного против т. Троцкого, как подрывающее единство и силу партии». Наконец, открыто зазвучали протесты против «противопоставления ленинизма несуществующему течению троцкизма»¹³⁹. Возможно, одно из самых резких выступлений в защиту Троцкого прозвучало в статье некоего М. Щукаря, под которой поставили подписи еще 17 человек. Однако редакция «Правды» ее не опубликовала:

Три товарища (Сталин, Сафаров и передовик «Правды») обругали т. Троцкого полуменьшевиком. Это сделано без всяких оснований, сопровождалось мексиканскими литературными приемами. Это — угроза самому дорогому и важному для всех партийцев — единству партии. Три товарища подрывают авторитет одного из вождей революции, колеблют престиж государственной пролетарской партии и руководителей Коминтерна. Центральный комитет нашей партии, ответственный за свой орган печати, должен... осудить этих трех товарищей¹⁴⁰.

Примечательный случай произошел на одной из районных партконференций. В прениях выступил децист Абрам Каменский, подчеркнувший, что он не состоял с Троцким ни в каких группировках. «Наоборот, в 1918 году по военному вопросу я выступил в “Правде”... и через печать получил выговор от имени ЦК, — подчеркивал Каменский перед тем, как перейти к ситуации 1923 года. — Я выступил впервые после того, когда появилась статья тов. Сталина, и я усмотрел в ней угрозу... единству». Невзирая на личные отношения, Каменский обозначил принципиальную оппозицию Сталину — своему бывшему боевому соратнику по обороне Царицына и начальнику в Наркомате национальностей:

В противовес моим взаимоотношениям с тов. Троцким, я лично очень любил и продолжаю любить и уважать тов. Сталина, работал с ним, прислушивался к нему, являясь одно время его

заместителем. И для меня было важно, когда такой авторитетный товарищ, которого я считаю самым авторитетным в Политбюро, выступил с таким угрожающим письмом¹⁴¹.

Не все сторонники ЦК разделяли тактику триумvirата в отношении Троцкого. По крайней мере, им приходилось считаться с фактом внесения сумятицы указанными статьями. Каменев, выступая перед студентами Коммунистического университета им. Свердлова, хотя и требовал высказываться «по существу» статьи Троцкого, но все же оставил право на протест против «острой формы» критики по его адресу. А когда большинство приняло резолюцию с «протестом против статьи Сталина», Каменев предложил поправку: оставить «протест», но назвать ошибкой выступление Троцкого «без предварительной попытки столкнуться с Центральным комитетом». Против выступил Сапронов, поправку не поддержали¹⁴². Даже участники собрания бюро ячеек екатеринбургской организации и ответственных работников, включая главу Уралбюро ЦК Харитонов, отдельно отметили, что «статья т. Сталина, хотя и ответная и принципиально правильная, все же формой своей не способствовала внесению спокойного тона в дискуссию»¹⁴³. Харитонов в личном письме Зиновьеву высказал мнение, что статья Сталина «...на первое время... повредила, но на будущее... дала много положительного. Она заставила всех нас резче ставить вопрос...». Не случайно автор попросил адресата показать это письмо Сталину¹⁴⁴.

Характеризуя Троцкого, участники внутрипартийной борьбы чаще всего прибегали к историческим примерам. На полную громкость «история партии» заиграет во внутрипартийной критике через год в ходе т. н. Литературной дискуссии, но предпосылки для нее были сформированы ранее. Так, некий Фридман вызвал «страшный (!) шум» на районной конференции своей «политической оценкой» Троцкого:

...в партии, в руководстве партии, никогда влияния не имел. Правда, т. Троцкий бывал на наших съездах, как метеор с красивыми докладами, имел свою теорию [перманентной революции], которая имела группу немногочисленных приверженцев, но в руководстве партии он влияния не имел¹⁴⁵.

Гораздо реже звучали характеристики Троцкого как личности. Если отнести Радека к полуоппозиционерам, то, возможно, он был единственным, от кого можно было публично услышать, что

«Троцкий имеет недостатки, товарищ Троцкий сильный человек, индивидуально крутой...»¹⁴⁶. Зиновьев, ловко парируя обвинения во фракционности, приводил примеры неформальных совещаний Политбюро при Ленине. «Мы собирались очень просто, — говорил он, — но т. Троцкий не участвовал на этих совещаниях только потому, что это происходило в силу его индивидуальных черт, в силу его резко выраженной индивидуальности, и даже его близкие друзья могут сказать, что он является не паровым (sic!), не артельным человеком»¹⁴⁷. Выступая в те же дни на другом собрании, Зиновьев вновь вернулся к «особым чертам» Троцкого: «...он индивидуалист, не артельный, не хоровой человек, он строго официально ставит вопрос». Кроме того, в отличие от Ленина, Троцкий якобы был не способен переменить свою точку зрения:

Попробуйте утром сказать тов. Троцкому, что вы за концессию, а вечером — против. Вы услышите остро отточенную, как клин, великолепную, изящную, меткую речь, которая будет брать вас за горло за то, что вы утром были одного мнения, а вечером — другого¹⁴⁸.

Повторяя эту мысль в другом выступлении, Зиновьев заключал: «Поэтому при нем всякий съезживался и неохотно мыслил вслух»¹⁴⁹. Столь образные выражения сводились к одному: Троцкий не столь гибок и в действительности не такой хороший «демократ», как сплоченные триумвиры. Но от самого словоохотливого из них можно было также узнать, что Троцкий также не хорош как фракционер. «Хотите всю правду скажу? — вырвалось у Зиновьева в ходе его самого резкого и эмоционального выступления. — Троцкий не сможет большой фракции собрать вокруг себя, потому что он большой индивидуалист... Он не может собрать даже компактную фракцию вокруг себя. Он собирает плохонькую...»¹⁵⁰ Уже после разгрома оппозиции один из делегатов XIII съезда партии назовет Троцкого «коммунистом-индивидуалистом»¹⁵¹.

В то же время сторонники ЦК демонстративно подчеркивали дружеские намерения по отношению к мятежному коллеге по Политбюро. Наиболее убедителен в этом отношении был Каменев, призывавший «...освободиться от лживого кошмара о том, что против Троцкого идет какая-то травля...». По его словам, противоречившим давним намерениям тройки, партия «...не мыслит себе руководства без тов. Троцкого, нет сумасшедших, которые взвалили бы на свои

Вырастешь, Саша,—узнаешь.

В „Правде“ опубликовано письмо молодых
партийцев тов. Троцкому и ответ тов. Троцкого.
Рис. Н. Елсеева

— Лев Давыдович, скажите, что мне сделать, чтобы стать умным?

— Да так, знаете... Это, скорее... „индивидуальная особенность“.

«Вырастешь, Саша, — узнаешь.

В „Правде“ опубликовано письмо молодых партийцев тов. Троцкому и ответ тов. Троцкого.

— Лев Давыдович, скажите, что мне сделать, чтобы стать умным?

— Да так, знаете... Это, скорее... „индивидуальная особенность“».

Рис.: К. Елсеев.

(Красный перек. 1923. № 7. 15 июня. С. 9)

Автор рисунка иронизировал над величиной авторитета Троцкого среди молодежи и его ярко выраженным индивидуализмом, который вскоре будет противопоставлен «единству партии».

плечи ответственность за руководство 130 миллионами народа в капиталистическом окружении без или помимо Троцкого. Этого не мыслил себе никогда Ленин, это не мыслимо, если вы не считает нас круглыми идиотами, авантюристами»¹⁵². Каменев был не менее красноречив, заканчивая свою речь в самом оппозиционном районе Москвы: «...а для себя, не для опубликования, примите резолюцию, за которую я буду голосовать, как Зиновьев вчера, как и мы все будем голосовать, но не для опубликования, не для того, чтобы за границей читали: “Обязать всех людей, которые сидят в ЦК, с Троцким работать дружно” (Бурные аплодисменты, голоса: “правильно”)¹⁵³. Чтобы прийти к «содружеству» с Троцким, рассуждал Зиновьев, не нужна была «сваха, которая поможет сговориться». — «Мы с тов. Троцким не поссорились, как Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. ...Тут поможет суровое железное решение партии». Заверения в «дружественном» и «уважительном» отношении к Троцкому звучали в ответ на многочисленные слухи об обратном, которые, как будет показано в следующей главе, играли большую роль. Так, некий Лейснер говорил, что «...некоторые высказываются, что Троцкого надо вышибить из партии и чуть не арестовать (Сильный шум). Я сам был свидетелем этих разговоров в десятках частных бесед, когда отдельные товарищи говорили это (Голос: “сплетни”. Шум). Вы можете меня призвать в ЦКК, и я отвечу за это»¹⁵⁴.

Желание «арестовать» Троцкого могло возникать (или ассоциироваться) в связи со слухом о бонапартистской угрозе с его стороны. Альфред Росмер, друг Троцкого и деятель Коминтерна, был убежден в преднамеренном распространении этого слуха¹⁵⁵. В черновом варианте заявления членов Политбюро 31 декабря наряду с обвинениями в адрес оппозиции присутствовал намек на наполеоновские амбиции ее вождя: «Мы отвергаем только попытки чрезмерно подчеркивать роль отдельных личностей в организации победы на фронтах»¹⁵⁶. Ключевые ораторы оппозиции иногда обращались к проблеме бонапартизма. «Когда создана была во время Французской революции директория, это было что-то вроде тройки, четверки или пятерки. Эта директория уничтожила жизнь якобинской партии. ... Тогда цвет армии пришел с Бонапартом», — проводил опасные исторические параллели Радек лишь затем, чтобы полностью отбросить такой сценарий для СССР, политическая верхушка которого ассоциировала себя с партией Робеспьера. Не случайно и то, что именно Муралов, представлявший цвет Красной армии, назвал «разговоры о Бонапарте» «сплетнями величайшей марки»¹⁵⁷.

Антонов-Овсеенко назвал «ненормальностью» то, что «...на всех собраниях, особенно военных коммунистов, официальные пред-

ставители ЦК особенное внимание уделяют тов. Троцкому». При этом, по словам опального главы Политуправления, раньше он думал, что это только «московское явление», но он привел некое письмо товарища из Харькова. Он процитировал его в своем послании в Президиум ЦКК и Политбюро 27 декабря: харьковский адресат рассказывал, что высокопоставленных докладчиков, критиковавших Троцкого, прерывали возгласами и шумом и, что важнее, среди военных коммунистов ходили «разговоры о том, что нужно поддерживать всем, как один, т. Троцкого...». Одна из оппозиционных резолюций военных гласила, что «Красная армия, как один, в случае столкновения (sic!), по зову вождя рабочего класса РКП и вождя Красной армии тов. *Троцкого* двинется на защиту СССР», но эта формулировка не содержала ничего специфически «бонапартистского»¹⁵⁸.

Аргументы в защиту Троцкого в огромной степени черпались из представлений о его символическом статусе. «Если, товарищи, эта дискуссия кончится тем, что будет проведен на съезде политический разгром так называемой оппозиции, — предостерегал Радек, — то... сколько раз мы можем позволить себе роскошь таких разгромов т. Троцкого, как вы захотите использовать его силы в момент опасности (голоса: “демагогия...”, голоса: “правильно”, аплодисменты)»¹⁵⁹. Рядовой сторонник Троцкого из числа бывших офицеров мог заявить, что без Троцкого «не было бы революции»¹⁶⁰. Большинство армейских и военно-учебных парторганизаций не поддержало своего главу, тем самым опровергнув расхожие представления о силе его авторитета. Как выразился один из партийцев, «заслуги т. Троцкого мы уважаем, но культа героев создавать не хотим...»¹⁶¹.

При этом, разумеется, военных коммунистов зачастую больше всего интересовала позиция наркомвоенмора. Представитель Политуправления петроградского военного округа решил проблему, заявив, что «материала, выявляющего его [Троцкого] точку зрения, не имеется, и поэтому рассматривать его, как не согласного с резолюцией ЦК, нет никакого основания»¹⁶². Защищать оппозиционные тезисы в таких условиях было сложнее. В резолюции тифлисского гарнизонного собрания секретарей, членов бюро коллективов, военкомов и политруков прозвучал характерный призыв к Троцкому «...решительно и быстро заявить о том, что он не желает быть использован оппозицией в качестве своего вождя...». Резолюция была принята по докладу Григория Орджоникидзе, как члена ЦК, вполне осведомленного о реальных отношениях Троцкого и «оппозиции», но решившего сыграть на противопоставлении их образов. Помимо требований к Троцкому отмежеваться от «оппозиции», в военных

ячейках, как и во всех прочих, звучали и утверждения, что оппозиция возглавлялась Троцким¹⁶³. Находились среди красноармейцев-партийцев и такие, кто с известием о смерти Ленина, и, вероятно, под впечатлением начавшегося противопоставления ленинизма и троцкизма, вызывались даже «не задумываясь» убить Троцкого, способного «продать всю Россию»¹⁶⁴.

Символический капитал вождей не был их частной собственностью, но принадлежал всей партии. Сторонники Троцкого из среды учащихся и военных в неопубликованной статье формулировали это буквально: «Авторитет т. Троцкого среди беспартийных трудящихся масс России и в среде международного пролетариата — не его личный капитал, а капитал всей партии»¹⁶⁵. Один из сторонников ЦК, выступая в ситуации численного преобладания оппозиционеров, прибежал «к защите т. Троцкого от его защитников». Это вызвало шум в зале, но делегат продолжил: «...Троцкий мой вождь, как и ваш. И я имею право его защищать. Тут выступали защитники т. Троцкого и приводили различные разговоры, нелепые и дискредитирующие нашего вождя...»¹⁶⁶ Разумеется, защита поруганного авторитета вождя представляла одной из наиболее легитимных форм выражения оппозиционности. Но, по мнению Каменева, опасности дискредитации не только «военного министра» Троцкого, но и Зиновьева (как главу Коминтерна) были второстепенны по сравнению с необходимостью «одергивать» обоих вождей, дабы не превращать их в «идолов»¹⁶⁷. Присутствие идолов, впрочем, уже могло в полной мере ощущаться оппозиционерами. «Мы против культа вождей, — заявил Преображенский, — но мы и против того, чтобы вместо культа одного вождя практиковался культ других вождей, только масштабом поменьше». Позднее Троцкий процитировал эти слова в своих мемуарах¹⁶⁸.

Все разговоры о «других вождях», вождях разных «масштабов», происходили в дискурсивном контексте «борьбы за наследство» вождя общепризнанного. Осинский прямо заявил, что «травля Троцкого» началась «после того, как тов. Ленин ушел от работы»¹⁶⁹. При этом чаще всего оппозиционеры ограничивались защитой Троцкого от «травли», что давало возможность более «реалистически» мыслящим политикам утверждать приоритет содержания дискуссии над ее формой. Действуя по этой логике, авторитетный большевик Владимир Полонский в своем выступлении фактически легитимировал существование «тройки», которая могла бы заменить «единственного полномочного руководителя» Ленина. «А чего же хотят товарищи оппозиционеры? Они хотят, откровенно надо сказать, чтобы нам Троцкий заменил Ильича. Я думаю, вся партия ответит, что его никто

заменить не может. Ни одна личность. И я бы сказал, меньше всего т. Троцкий (аплодисменты)», — сказал Полонский¹⁷⁰.

Наоборот, оппозиционеры использовали авторитет Троцкого для усиления своей аргументации. Появление статьи «Новый курс» Каменев прокомментировал как возможность для его оппонентов «прикрыть свое наступление авторитетом» Троцкого¹⁷¹. Не только «офицеры» оппозиции, которых подразумевал Каменев, но и рядовые члены партии прибегали к тактике «прикрытия». В этой связи красноречива емкая формулировка резолюции, предложенной в Эстонском педагогическом институте: поддержать новый курс «при исполнении [его] так, как тов. Троцкий в своей статье указывал»¹⁷². Оппозиционеры в других вузах могли всего лишь «считать», что «надо вопрос ставить, как ставит его т. Троцкий»¹⁷³. Наконец, в ходу было и простое цитирование Троцкого¹⁷⁴. Ссылки и цитаты отвечали прагматическим задачам политической борьбы: образ авторитетного вождя легитимировал высказывания ее участников эффективнее, чем размытый образ оппозиции или, тем более, повсеместно критикуемые Сапронов или Преображенский.

На одной из районных партконференций Радек настаивал, что критика в адрес Троцкого безосновательна, так как «почему он плохой вождь, этого здесь никто доказывать не пробовал»¹⁷⁵. Точнее следовало бы сказать, что «доказательства» еще не могли звучать последовательно — Троцкий оставался «вождем» партии. Символическое обесценивание его образа с необходимостью проходило через фазу осторожности формулировок. Так, активные работники парторганизации заводского поселка Лысьва в Пермском округе, «посчитав одним из лучших своих вождей т. Троцкого», все же выразили «отрицательное отношение к нему» — и доверие «в частности нашим вождям т.т. Зиновьеву, Сталину, Каменеву и др.»¹⁷⁶. К «нашим вождям» звучал призыв «прекратить полемику» даже в оппозиционной резолюции¹⁷⁷.

Председатель Профинтерна Соломон Лозовский, реагируя на появившийся в «Правде» бюллетень о состоянии здоровья Троцкого, обратился к Зиновьеву и Сталину с особым предложением: учесть настроения молодежи и иностранцев и опубликовать «приблизительно такого рода постановление: “В виду болезни тов. Троцкого и невозможности для него принять участие в дискуссии, Политбюро предлагает прекратить печатание статей и резолюций, направленных против позиции тов. Троцкого”» (тем же советовалось руководствоваться на партсобраниях). По мысли Лозовского, «публичное выступление» Политбюро с пожеланием выздоровления для дальнейшей совместной работы было бы

«политически целесообразным» и выгодным сторонникам ЦК, в том числе и с дипломатической точки зрения¹⁷⁸. Рекомендации Лозовского демонстрировали обеспокоенность некоторых сторонников ЦК слабыми местами в борьбе с оппозицией, а именно — политически целесообразным использованием образа Троцкого. Этой логикой руководствовались и другие ответственные работники. 21 января старый социал-демократ Федор Ротштейн, высокопоставленный сотрудник наркомата иностранных дел, отправил шифровку полпредам СССР в западных странах:

Ввиду несомненного эффекта враждебной агитации в связи с партийной дискуссией необходимо ныне всячески использовать чрезвычайно удовлетворительный исход партконференции, указывая на окрепшее ныне единство партии и тягу в нее беспартийных масс. Отмечайте с особенной силой амнистию эсерам как выражение нашей внутренней крепости и укажите неувязку с этим фактом злостного толкования наших репрессий в отношении кокаинистов, содержателей игорных, публичных домов как уступку мифической левой оппозиции. Отмечайте также как нелепицу распускаемые слухи об уходе Троцкого из ЦЕКА и размещении его в Реввоенсовете Буденным. Троцкий еще только собирается уезжать на курорт, покамест находится в Москве, никаких восстаний не поднимает...¹⁷⁹

Письмо Лозовского и особенно указания Ротштейна были написаны в дни, когда поражение оппозиции стало несомненным фактом. Однако это еще не мешало выражению симпатий Троцкому. В приветствиях январской конференции наряду с пожеланием «единства партии» звучало здравие «товарищам Ленину и Троцкому»¹⁸⁰. В первые дни политического траура по Ленину Политическое управление Красной армии сообщало, что в частях 14-й дивизии «наблюдаются поползновения к распространению вздорных слухов, связанных со смертью тов. Ленина и внутрипартийной дискуссией. Слышны следующие разговоры: “После Ленина 2-й Вождь — Троцкий, а его ‘выслали’ куда-то за границу”»¹⁸¹. Но тогда же звучали сколь курьезные, столь и символические фразы якобы из разговора рабочих в Колонном зале Дома Союзов во время похорон Ленина: «Надо сохранить тело Ильича. Ударись в оппозицию, пойдешь к телу Ильича и станешь опять на правильный путь»¹⁸². Последовавшие «Ленинский призыв» и чистка непролетарских партийных организаций вели к снижению популярности Троцкого. Местные партийные конференции,

проходившие весной 1924 года в преддверии XIII съезда, довершали триумф сторонников ЦК. «Оппозиционеры вузов в дискуссии не были серьезными противниками, это молодежь, которая верила в авторитет т. Троцкого...» — подвел итог официальный докладчик на весенней партконференции наиболее оппозиционного района Петрограда¹⁸³. Секретарь Орловского губернского комитета также был склонен называть «авторитет т. Троцкого, Муралова и др.» основным «обстоятельством», повлиявшим на оппозиционность, преимущественно среди военных¹⁸⁴. Авторитет Муралова пытались использовать и московские оппозиционеры, предложив внести его кандидатуру в новый состав МК¹⁸⁵.

Поражение Троцкого во внутрипартийной борьбе не вело к немедленному низвержению его авторитета. Даже для районных организаций, где абсолютно доминировали сторонники ЦК, было важно пригласить разгромленного вождя на отчетную конференцию¹⁸⁶. Оставались группы преданных сторонников Троцкого среди молодежи¹⁸⁷. Члены бюро ячейки рабфака Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС) обращались к Троцкому с просьбой присвоить его имя их парторганизации¹⁸⁸. 1 августа 1924 года анонимная «Группа Коммунаров» написала в редакцию «Правды» записку, переданную Троцкому для ознакомления, в которой звучал легкий упрек:

Почему Вы всегда печатаете все речи и заметки т. Зиновьева, почти на следующий день, а речи т. Троцкого всегда чуть ли не через месяц. Массой это истолковывается [что это происходит] не по техническим причинам, а совершенно иначе, поэтому просим рассеять неприятную версию и печатать вовремя все речи тов. Троцкого. Просим нашу записку не истолковывать как будто мы упрекаем кого-то, но мы пишем в интересах нашей партии, чтобы рассеять всякие сплетни¹⁸⁹.

Политическое использование образов вождей не было новым явлением, но опыт, приобретенный в ходе событий декабря 1923 — января 1924 годов, оказался полезным и заразительным. Параллельно с ростом культа Ленина, культивировалось и внимание к авторитетам вообще. Троцкий же стал примером опасности «неправильного» использования авторитета вождя. Секретарь Уральского бюро ЦК Харитонов поучал делегатов II Пермской партконференции 18–20 апреля 1924 года: «Раньше дискуссии не так пугали. Раньше был Ильич, который в нужный момент скажет свое авторитетное слово. Теперь ЦК не имел за собой такого авторитета.

Наоборот, ЦК имел против себя авторитет тов. Троцкого, поскольку он возглавлял оппозицию»¹⁹⁰. Попытка Троцкого переиграть оппонентов на поле дискредитации вождей примерами из истории в ходе «Литературной дискуссии» дала повод сторонникам ЦК для институционально-символического ниспровержения вождя оппозиции к январю 1925 года. «Авторитет товарища Троцкого — это есть авторитет всей партии, — разъяснял член ЦК Иван Лепсе во время этой кампании, — ...и мы должны этот авторитет взять обратно, если товарищ не сумеет справиться»¹⁹¹.

Экспроприация авторитета была успешно выполнена. Показательна репрезентация образа Троцкого на обложке ленинградского журнала «Пламя», на которой указывалось, что это «литературно-художественный, общественно-политический и научно-популярный рабочий семейный журнал», а редакция «поставила перед собой задачу дать именно то, о чем говорит т. Троцкий: культивировать жизнь и быт трудящихся...». Но в сентябрьском номере (1924 год), по соседству с цитатой из Троцкого, было опубликовано стихотворение «Петькины уши» — о молодом коммунисте, который испытывал моральные переживания после XIII съезда: «Любит Троцкого / Петька очень, / как вождя, / товарища / и большевика <...> На ячейке отрезал прямо: / — Люблю... / — Что там. / — А троцкистом / не буду». На машинописной копии, переданной секретно одному из ленинградских партийных секретарей, адресат напоминает, что стихотворение о «Петьке» обсуждалось на одном из пленумов обкома¹⁹². Неизвестно, присутствовал ли там Зиновьев, но он был главным сторонником более решительной борьбы с Троцким. Показательна формулировка Калинина при описании своего расхождения с Зиновьевым по этому вопросу:

Мне казалось, что тот накопленный авторитет, который носит персонально тов. Троцкий, есть капитал, накопленный партией; растрачивать этот капитал надо очень и очень осторожно; поэтому и формы борьбы с ним должны быть таковы, чтобы при достижении максимальных результатов минимально пострадал накопленный партией авторитет тов. Троцкого¹⁹³.

Владелец этого авторитета, скорее всего, присутствовал на этом заседании, но не проронил ни слова.

В последующие годы Троцкий неоднократно рассуждал на эту тему: «Личные авторитеты в политике, особенно революционной, играют большую роль, даже гигантскую, но все же не решающую.

Более глубокие, т. е. массовые, процессы определяют в последнем счете судьбу личных авторитетов». Выходя на уровень широких обобщений, Троцкий объяснял падение своего авторитета «спуском революции»¹⁹⁴. Однако свою роль играли конкретные практики инструментализации «личных образов», и сам их носитель был чрезвычайно наблюдателен, описав одну из них:

Особая, малая наука была посвящена вопросу о почетном президиуме. Со времени Октября повелось так, что на бесчисленных собраниях в почетный президиум выбирались Ленин и Троцкий... Теперь в президиум стали включать всех членов политбюро. Потом стали их размещать по алфавиту. Затем алфавитный порядок был нарушен в пользу новой иерархии вождей. На первое место стали ставить Зиновьева. Пример подал Петроград. Еще через некоторое время стали появляться почетные президиумы без Троцкого. Из состава собрания всегда раздавались бурные протесты. Нередко председатель оказывался вынужден объяснять опущение моего имени недоразумением. Но газетный отчет, разумеется, умалчивал об этом. Потом первое место стало отводиться Сталину. Если председатель не догадывался провести то, что нужно, его неизменно поправлял газетный отчет. Карьеры создавались и разрушались в зависимости от расстановки имен в почетном президиуме...¹⁹⁵

Наблюдения Троцкого подтверждаются протоколами партконференций. В Краснопресненском районе Москвы, где борьба была наиболее острой, оппозиционеры предложили список президиума конференции во главе с Лениным и Троцким, но было принято решение избрать «почетный президиум из т.т. Ленина, Троцкого, Каменева, Сталина, Зиновьева, Радека и Бухарина». В оппозиционных ячейках Красной Пресни обращали внимание на то, что президиум конференции не поставил на голосование предложение выдвинуть кандидатуру Троцкого на губернскую партконференцию¹⁹⁶. В начале конференции Бауманского района прозвучало два предложения по избранию почетного президиума: в составе Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева и Сталина и в составе Ленина и Троцкого. Большинство проголосовало за первый вариант¹⁹⁷. В Замоскворецком районе Рязанов предложил в качестве почетного президиума все «Политбюро ЦК», но большинство проголосовало за состав из Ленина и Троцкого. При этом один из делегатов отдельно заявил, что он «не мог» голосовать за Троцкого¹⁹⁸.

Гораздо большее значение имели практики дискуссий на собраниях и формулирование резолюций, предназначенных для печати. Начало процесса политической экспроприации авторитета Троцкого было крайне важно для его оппонентов в руководстве партии, но борьба за его образ служила удобной политической тактикой и для оппозиционеров. В партии бытовало представление об индивидуальном авторитете как заслуге всей партии, поэтому тактика оппозиционеров была оборонительной и в каком-то смысле консервативной: защищая Троцкого, они защищали «единство» партии. Для разобщенных и немногочисленных сторонников оппозиции, в особенности за пределами Москвы, это зачастую был единственный канал выражения протестных взглядов. Сторонники ЦК умело использовали эту ситуацию, чтобы продемонстрировать политическую ничтожность своих оппонентов, в частности, молодежи, падкой на авторитеты.

3. «НЕВЕРНЫЙ ТЕРМИН»

Проблема образа лидера оппозиции тесно переплеталась с проблемой образа самой оппозиции. Троцкого нередко просили «...ответить, идет ли он по вопросу внутрипартийного положения с левыми коммунистами и группой демократического централизма, или он стоит твердо на старых большевистских позициях»¹⁹⁹. Офицерскому же составу оппозиции приходилось отвечать на вызов политической самоидентификации в условиях, когда определенная политическая идентичность приписывалась ее противниками. На политическую ономастику, включавшую определенные представления и образы, оказывали воздействие понятия, составлявшие дискурс «классового подхода»²⁰⁰. Конструирование политического лица оппозиции протекало как целенаправленно, так и стихийно, рождая новые образы и смыслы.

Понятие «оппозиция», безусловно, находилось в политическом словаре коммунистов, но публичное наименование себя оппозиционером было крайне проблематичным и для ее низов, и для верхов. Для провинциальных партийных руководителей, еще до того, как разгорелась дискуссия, «оппозиция» уже ассоциировалась с такими понятиями, как беспринципность, фракционность, склочность и групповщина²⁰¹. В своем важнейшем обращении к партийным совещаниям Троцкий обвинил «аппаратный бюрократизм» в склонности «накладывать ярлык фракции» на голоса критики, а в пост-

скрипту к этому посланию заменил в выражении «оппозиционное настроение молодежи» первое слово на более нейтральное: «нынешнее»²⁰². Об «ярлыке оппозиции» говорил Рафаил, против наклеивания этого ярлыка протестовали даже в Иркутске²⁰³.

Как было упомянуто ранее, в письме Октябрьскому пленуму ЦК и ЦКК руководство парторганизации Украины предостерегало Троцкого и его сторонников от «бесплодной оппозиции», а на самом Пленуме понятие «оппозиция» вошло в публичный оборот. С началом общепартийной дискуссии 7 ноября границы его применения начали расширяться. Малограмотный протокол общего собрания ячеек обувной фабрики «Парижская коммуна», состоявшегося 16 ноября 1923 года, в «мирный» период дискуссии, передает слова первого выступившего в прениях: «На собраниях коммунисты воздерживаются от выступлений... боясь, что их сочтут за опозиторов (!)»²⁰⁴. Предположительно, слова принадлежали молодому рабочему²⁰⁵, но и выступивший тогда же редактор «Известий» Юрий Стеклов отметил «боязнь» у тех, кто ранее, участвуя в дискуссиях, «считались, как оппозиция»²⁰⁶.

Борис Суварин, обобщавший свои наблюдения для бюллетеня Французской компартии, сделал упор на внешний «способ действия» дискуссии, «внесший сумятицу»:

Чтобы вольготнее нападать на «оппозицию», под этой кличкой стали объединять разнородные и, казалось бы, имеющие мало общего элементы; а так как в процессе дискуссии на свет выплыли самые разнородные положения, зачастую индивидуального происхождения, выражавшие индивидуальные же точки зрения, все эти оттенки мнений были смешаны в одну кучу под наименованием «оппозиционного блока»²⁰⁷.

Но сумятицу вносили и политико-риторические тактики самоименования оппозиции, которые отражали гетерогенность ее состава и неслаженность действий. В отдельных случаях оппозиционеры уровня Радека предпочитали отшучиваться. Например, когда он начал говорить о предлагаемой им резолюции, Томский перебил его вопросом «Кто вы?», на что оппозиционер уклончиво ответил: «Те, которые эту резолюцию предлагают»²⁰⁸. На Хамовнической конференции работник ПУРа Козловский начал свое остро критическое выступление словами: «Я не принадлежу ни к какой оппозиции, и, тем не менее, я беру слово...»²⁰⁹. Казалось бы, это было лишнее в столь благожелательной атмосфере, но Козловский, имевший полное право называться оппозиционером,

предпочел этим правом не воспользоваться. Дело заключалось не только в контексте начала января 1924 года, когда начальника ПУРа уже обвинили во «фракционности». Даже офицеры «фракционного штаба» не придерживались последовательной политики самоименования.

«Оппозиция», заявил Сапронов на первой большой дискуссии 11 декабря, — это «неверный термин». «Совершенно неправильно называть меня оппозиционером», — сказал он, чтобы затем назвать «оппозицией» защиту аппарата Каменевым. В этой же логике Рафаил обличал торжествующих оппонентов: «Да, вы, сторонники большинства, вы, фракционеры, не будете выступать с критикой даже тех мероприятий, с которыми вы не согласны, а тех, которые будут выступать с критикой, вы будете ругать оппозиционерами, раскольниками и т. д.»²¹⁰.

Напротив, Преображенский еще в полемике с Бухариным 14 декабря защищал право на существование «хорошей, доброкачественной оппозиции, которая выступает как революционер»²¹¹. Собственные неудачи подталкивали оппозиционеров к принятию такого самоименования. В этом отношении наиболее примечательно выступление Осинского на Хамовнической конференции. Отвечая на критику Каменевым «неделового» подхода оппозиции (в частности, по вопросам планирования), он заявил, что, «будучи оппозиционером», он «взял бы на себя разработку» экономического плана²¹². Такая стратегия, впрочем, не стала заразной даже на конференции, где преобладали оппозиционеры.

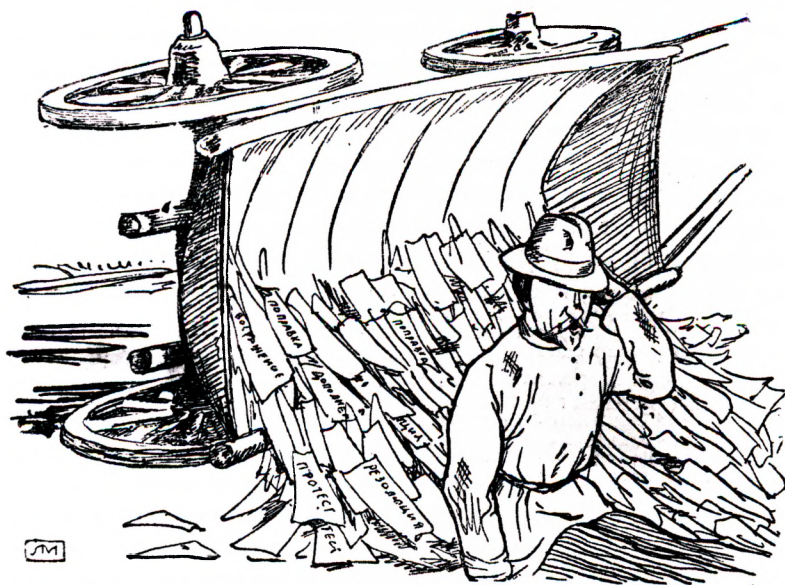
Сторонники ЦК использовали эту неопределенность оппозиционной саморепрезентации. Заявив, что у оппозиции «политической платформы за душой не оказалось», и услышав в ответ из зала «Слава богу!», Каменев произнес тираду: «Если, товарищи, слава богу, то вы все здесь, большинство оппозиции, выступите от имени большинства Хамовнического района и скажите, — слава богу, вы увидели после дебатов, что нет у оппозиции ничего, что бы она могла противопоставить как политическую линию ЦК»²¹³. Яковлева на другой партконференции вопрошала: «Почему тов. Каменев на всех собраниях добивается [ответа] — вы тут обанкротились, так как не выявили определенной линии... договаривайте до конца...» Подписантка «Заявления сорока шести» употребила выражение «так называемая оппозиция», акцентируя ориентацию на единство: «Могут быть отдельные расхождения, поправки спорные моменты, но принципиальная линия единая, и в этом есть гарантия того, что нет надобности опасаться раскола, нет зачатка раскола, нет фракции, но... есть единая партия и в ней некоторые расхождения»²¹⁴.

Другие оппозиционеры в похожей ситуации не ограничивались констатированием расхождений. Сосновский пересказывал выступление Калинина на собрании в Горной академии: «Свергайте ЦК, какая вы к черту оппозиция, раз вы не свергаете ЦК... разве это оппозиция, которая не идет на захват власти». Подписант «Заявления» пытался оспорить этот доминирующий дискурс как от имени оппозиции, так и от себя лично: «Мы говорим: вот в чем мы... приветствуем линию ЦК, а вот в чем расходимся. И с того момента, когда мы расходимся с ЦК в каком-нибудь вопросе, с этого момента мы называемся, и принимаем это название в данном периоде, оппозиции. <...> ...Почему я стал оппозиционером. Я таковым не родился, и в паспорте звания "оппозиция" не числится. Но я таковым стал...»²¹⁵ Весьма характерно, что нараставший в зале шум не позволил Сосновскому ответить на свой же вопрос.

К началу января 1924 года становилась очевидной бессмысленность отрицания того, что совокупность отдельных оппозиционеров представляла не что иное, как оппозицию. Так, ячейка Народного комиссариата иностранных дел сочла «недопустимым незаслуженные личные выпады против оппозиции»²¹⁶. Сапронов, бывший одним из объектов этих выпадов, уже не боролся за маркирование «оппозицией» своих оппонентов. Когда с места раздался вопрос «Значит, есть оппозиция?», он ответил: «Кто же отрицает, что есть оппозиция. Конечно, есть оппозиция. Если не было бы оппозиции, значит не было бы обсуждения этих вопросов»²¹⁷. На XIII общепартийной конференции, подводившей итоги обсуждения, Преображенский заявил, что партия вернется к старому курсу, если «...каждый выступающий [с критикой] будет расцениваться как оппозиционер, хотя бы он никакой связи — даже идейной — не имел с оппозицией»²¹⁸. В этой связи любопытную тактику избрал секретарь Кубано-Черноморского областкома Анс Аболин. Признавая в своем отчете о работе после январской партконференции 1924 года, что во время дискуссии треть парторганизации «находилась в оппозиции к ЦК партии», он счел нужным оговориться, что

...наша оппозиция имела свои особенности, она не была однородной. У нас не было совершенно оппозиции по экономическим вопросам. Наша «оппозиция», очевидно, не имела достаточных данных для того, чтобы себя прямо считать оппозицией; она не любила, когда ее называли оппозицией, и требовала, чтобы говорили так: «так называемая оппозиция». Если в Москве товарищи из оппозиции прямо говорили: «считаем линию ЦК

На дискуссионном ухабе.

Спящий — Кажинный год... На ефтом самом месте!..

«На дискуссионном ухабе.

Оппозиция: — Кажинный год... На ефтом самом месте!..»

(Рабочая Москва. 1923. 30 дек.)

Крестьянин, похожий на лидера оппозиции Е. А. Преображенского, у своего опрокинутого воза с «резолуциями», «поправками», «дополнениями» и «протестами».

неправильной», «мы находимся в оппозиции к ЦК», то у нас обстрел ЦК шел по линии запоздалости и гарантий²¹⁹.

Последискуссионная атмосфера в Кубано-Черноморской парторганизации, судя по всему, была относительно либеральной. Об этом можно судить по выступлению краснодарского прокурора Германа Германа, не повлиявшему на его избрание делегатом на съезд, пусть и с совещательным голосом²²⁰. «Руководящие товарищи старались доказать и придаться к тому, что у нас, выступивших на предыдущих конференциях с критикой, нет мужества назвать себя оппозицией, — сказал Герман. — Название “оппозиция” никто себе не присваивал, это просто была резкая критика, желание высказать свое мнение»²²¹. Приведа в пример выступления на идущей конференции, которые никто не объединял под вывеской «сплоченной, однородной, длительной оппозиции», Герман дал понять, что и к выступлениям на предыдущей конференции должно быть такое же отношение. В то же время он заметил, что не-оппозиция изначально «решительно отмежеввалась» от всех «примазывающихся» и «платформистов», имея в виду под последними сознательных фракционеров. «Мужество мое испытано десятками лет и в новых доказательствах как будто бы не нуждается», — отрезал прокурор²²².

Политическая ономастика внутрипартийной борьбы пополнялась словами, происходившими от имен оппозиционеров. Как было показано в предыдущем разделе, имя Троцкого звучало повсеместно, а потому встречалось и «выражение недовольства» по поводу использования «понятия троцкизм», как, например, во время дискуссии в Петроградском государственном университете²²³. Сторонников оппозиции в Саратове, в основном вернувшихся на каникулы студентов, называли «маленькими преображенцами»²²⁴. Автор обзора внутрипартийной дискуссии в частях Брянского гарнизона заявил, что «оппозиция разбилась на два лагеря: троцкистов и преображенцев»²²⁵. Сам этот принцип вызывал открытые протесты: «Я считаю совершенно нездоровым такую постановку вопроса, как: кто ты — Зиновьевец или Троцкист — Сапроновец-Преображенец»²²⁶. Эти слова принадлежали студенту Коммунистического университета им. Свердлова, именно в одном из кружков которого «замечалось движение не раскалываться на троцкистов и цекистов, а взять линию, объединяющую обе стороны»²²⁷. При этом во всех указанных случаях «свердловцы» считались архитипичными оппозиционерами.

Встречались и отдельные самоименования оппозиционеров, судя по всему, единичные. Так, оппозиционеры в ячейке Краснопресненского

райкома употребили понятие «инакомыслящие»²²⁸. Поставленное авторами в кавычки, оно выражало недовольство методами критики в адрес всех выступавших с иными, нежели у большинства ЦК, взглядами²²⁹. Сапронов в одном из выступлений предлагал «создать ЦК из активных работников инакомыслящих»²³⁰.

Как и в других аспектах, источником для политической ономастики служила история. В передовой статье «Правды» 25 декабря 1923 года оппозиция была охарактеризована как «фракция “громче всех крикуны” плюс те, кто их поддерживает»²³¹. Для коммунистов, внимательно следивших за дискуссией о профсоюзах 1920–1921 годов, не нужно было напоминать, что так назвал децистов Ленин²³². Но, добавив к ленинскому определению «плюс те, кто их поддерживает», редакция «Правды» сформировала уже новый образ оппозиции. Это спорный вопрос, насколько авторы хотели сместить тяжесть вины на децистов, а насколько это был выпад в адрес оппозиции в целом. Собрание бюро ячеек и ответственных работников Екатеринбург в своей формулировке явно придерживалось первой стратегии. Напомнив о ленинском определении «фракции громче всех крикунов», собрание «констатировало», что группа децистов «...нашла на этот раз поддержку у группы товарищей во главе с т. Преображенским. При всем нашем уважении к ряду товарищей из этой группы, особенно к т. Преображенскому, которого Урал знает по прошлой работе, мы не можем не признать крайне ошибочной и вредной их нынешнюю коалицию...»²³³. Группа товарищей Преображенского, как и в большинстве случаев, была безымянной, а Троцкий был вынесен за скобки этой «коалиции».

Новые ономастические конфигурации возникали в резолюциях ответственных партийных деятелей. Так, объединенное заседание пленума Закавказского крайкома, пленумов ЦК компартий Грузии, Азербайджана, Армении и представителей бакинской, тифлисской, эриванской и др. крупнейших организаций представила оппозицию как объединение «так называемой группы “демократического централизма” и так называемых “левых коммунистов” во главе с Сапроновым, Преображенским и другими»²³⁴. Все конфигурации *-измов* в исторической ретроспективе не могли не вызывать путаницы у рядовых читателей.

По понятным причинам, определением «левые коммунисты» не злоупотребляли участники внутрипартийной борьбы в Москве, ведь среди сторонников одноименной фракции 1918 года были как Преображенский и Радек, так и Бухарин с Дзержинским. Однако одна из сторонниц оппозиционной группы в Красноярске, приверженцы которой были исключены из партии в апреле 1924 года, обещала

«бороться за идею левого коммунистического течения в рядах РКП(б)»²³⁵.

Не случайно и появление образов, производных от «демократии». Так, на одном из партсобраний МГУ, где оппозиция пользовалась особой популярностью, Сосновский провел грань между сторонами конфликта следующим образом: «Нам нужна демократия, а не твердая рука»²³⁶. Резолюция ячейки Высшего кооперативного института содержала оригинальную трактовку оппозиции: «Рабочая демократия, выделившаяся в форму оппозиции, есть плод деятельности, т. е. неправильной политики за последнее время ЦК»²³⁷. При этом под рабочей демократией понималась именно оппозиционная группировка, «самая чуткая часть» партии. Но, судя по всему, «демократия» в качестве маркера идентичности не сильно интересовала оппозиционеров, и это имело практическое значение (см. главу III, 1).

Наоборот, сторонники ЦК, обвинявшие их в требовании «широкой демократии» (и непонимании роли централизма), могли с осуждением или иронией именовать оппозиционеров «демократами». К моменту XIII съезда (май 1924 года) эта тенденция лишь окрепла, если судить по словам Молотова: «Товарищи оппозиционеры, которые так много заботились о демократии, которые специально себе дали кличку демократов во время дискуссии...»²³⁸ Сатирический журнал «Красный перец» опубликовал «Бестолковый словарь дискуссионных слов (пособие для приезжих конферентов)», т. е. для делегатов январской партийной конференции. Значение слова «демократы» разъяснялось так: «Бюрократы не у дел. Лезущие напролом, без “разъяснений”, называются вульгарными. Таких в хорошие дома не пускают, в плохие — тоже»²³⁹.

Понятия меньшинства и большинства также использовались в ходе внутрипартийной борьбы. Возможно, наиболее развернутое выступление с трактовкой этих понятий принадлежало Преображенскому:

Я лично гораздо чаще выступал за Центральный комитет и за большинство против оппозиции в предыдущем периоде... поэтому никто не может дать гарантии, что он никогда не останется в меньшинстве. Товарищ Зиновьев может также оказаться в меньшинстве, он также будет требовать к себе внимания и товарищеского отношения... каждый может оказаться в таком положении, как оказался тов. Троцкий, который шел с товарищем Лениным по основным вопросам начиная с Октября, и все-таки он в конце концов оказался в оппозиции²⁴⁰.

Впрочем, оппозиционеры не увлекались риторической игрой легитимации понятия меньшинства, так как оно имело опасную переключку с «меньшевизмом», в уклоне к которому их вскоре обвинили. Поэтому весьма характерны слова оппозиционного секретаря Вяткинского губкома: «Мы не за “большинство”, не за “меньшинство”, а за единство партии»²⁴¹.

Социально-классовый профиль оппозиции был одной из болевых точек политического процесса. Часто этот вопрос сводился к противопоставлению «рабочих» и «интеллигенции». В этом отношении замечательной иллюстрацией «кто за кого» служит фрагмент выступления одного из участников совещания актива наиболее пролетарского и многочисленного района Москвы:

Есть ячейка Института красной профессуры. Здесь, примерно, — высказывается громко, определенно против линии Центрального комитета. Самая интеллигентная ячейка. Свердловский университет. Половина. Это есть единомышленники интеллигенции. Наконец, возьмите ячейку главных мастерских Александровской железной дороги, где выражается полное доверие Центральному комитету... Вот эти первоначальные результаты в различных типах ячеек правильно показывают, где тут линия правильная²⁴².

Действительно, борьба за Краснопресненский район была одной из самых напряженных. Выступая там, высокопоставленные партийцы, такие как Ярославский, позволяли себе крайне резкие формулировки. Например, приводя в пример «Рабочую оппозицию», он мог сказать, что Ленин «...не отталкивал ее целиком... потому что это была *рабочая оппозиция*. А вы представляете собой, главным образом, *интеллигентскую оппозицию*»²⁴³. В районах с другим раскладом сил социальные контрасты использовать было сложнее. Но, как отмечалось ранее, еще до того, как в большинстве ячеек разгорелась внутривнутрипартийная борьба, Преображенский в своей программной статье уже отметил рост «махаевских тенденций» в партии²⁴⁴. В этом он был не одинок. Когда на Хамовнической районной партконференции Сапронова перебили вопросом из зала «Рабочих [за оппозицию] много?», он ответил: «Сколько угодно. Здесь я слышу выкрики, которые напоминают махровую махаевщину». Далее Сапронов привел пример того, как на собрании рабочей ячейки «Гознака» он получил абсолютное большинство голосов, но затем вернулся к тому, что назвал «махаевской политикой» — например, практику

Рис. Бор. Ефимов.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ПОЛК.

Осинский,
Смирнов, И. Н.

Рязанов.

Мдивани.

Сапронов.

Преображенский.

Тов. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ (командует): — На месте бегом! Марш!

«Преображенский полк. Тов. Преображенский (командует):

— На месте бегом! Марш!»

Рис.: Бор. Ефимов.

(Крокодил. 1924. № 1. С. 5)

Слева направо изображены: В. В. Осинский, И. Н. Смирнов, Д. Б. Рязанов,
Б. Г. Мдивани, Т. В. Сапронов, Е. А. Преображенский.

проведения собраний в Хамовническом районе по «куриям». Видимо, имелось в виду, что рабочие, служащие, военные и студенты голосовали раздельно. На следующий день Сапронов заявил, что сторонники ЦК вели «специальную политику натравливания» рабочих на вузовцев, приведя в пример выступление Зиновьева на проходившей в те же дни партконференции в Замоскворецком районе. Сам Сапронов, пытаясь оспорить монополию оппонентов, использовал понятие «рабочий оппозиционер»²⁴⁵. Но с (само)репрезентацией рабочих в оппозиции были проблемы не меньше, чем с их удельным весом.

Петроградские аппаратчики, в отличие от московских, стремились зафиксировать все немногочисленные отклонения от линии Зиновьева. В одном из списков оппозиционеров, включавших преимущественно «интеллигенцию», оказался некий Кюшкин, идеально подходивший под представления Сапронова. 28-летний выходец из крестьян, член партии с 1917 года, стекольщик Электромеханического завода, был аттестован как «последовательный сторонник линии Сапронова», выступавший на протяжении всей дискуссии «очень упрямо, последовательно» за оппозицию на своем и другом заводах, притом связанный с оппозицией «организационно»²⁴⁶. По сообщениям агентов-осведомителей ОГПУ, в Москве «...среди рабочих типографий приходилось слышать о том, что тов. Сапронов прав в своих выступлениях и что он, как рабочий, пользуется большой популярностью среди рабочих»²⁴⁷.

И «верхи», и «низы» оппозиции в своих речах стремились преодолеть «махаевскую» брешь, созданную их оппонентами. Троцкий, понимая свое поражение, все же предлагал XIII партконференции «...отвергнуть противопоставление одних элементов партии другим: низов — верхам, молодежи — старикам, рабочих ячеек — ячейкам молодежи или военным, и т. д.» По его убеждению, партия будет вынуждена «и в ближайшем будущем опираться на ячейки разного состава»²⁴⁸. Сосновский вступался за конкретные группы студентов, утверждая, что выбравшая его делегатом ячейка Горного института имела больший, чем в целом по партии, процент «рабочих» и «подпольщиков»²⁴⁹. На конференции Хамовнического района, самой уязвимой для «классовой» критики, от рядовых оппозиционеров можно было услышать, что и «учащаяся молодежь идет по пути оппозиции», и «рабочие ячейки идут целиком по пути оппозиции»²⁵⁰. Муралов подчеркнул, что Троцкий, говоря о молодежи, имел в виду молодежь рабочих факультетов, наполовину состоявшую из рабочих, которые «...сражались с винтовками на фронтах в течение 3-х лет, которые пришли с фабрик и заводов». «Вот о чем вам сказали 46 [подписантов

оппозиционного заявления], о чем говорят рабочие, а не выдуманные интеллигенты», — завершил он свою речь²⁵¹.

Выдумать интеллигентов было тем проще, чем менее ясным было политическое лицо оппозиционеров, получивших в итоге клеймо «мелкобуржуазности». Но для «уклонистов» было непросто (иногда немыслимо) объяснить поддержку со стороны «не пролетарских элементов» как свое преимущество, которое зачастую выражалось в большем политическом опыте «интеллигентов». Политический образ оппозиции 1923 года явно проигрывал в звучании и ясности всем предшествующим, будь это «Демократический централизм» или, тем более, «Рабочая оппозиция». Хотя и оппозиционеры, и сторонники ЦК нередко использовали одни и те же приемы (само)идентификации, выбор тактики самоименования диктовался конкретными условиями: в одних было более адекватным самоименование, в других признание оппозиции как таковой. Оппозиционеры искали пути выхода из ловушки господствующего дискурса «единства партии». Наконец, в противовес расхожим мнениям, что «Троцкий и его сторонники начинали называть себя *Левой оппозицией*» или что, наоборот, понятие оппозиции отрицалось всеми ее сторонниками²⁵², следует признать, что практики формирования идентичности соответствовали ее непростому организационному устройству. Оппозиция, по меткому выражению Каменева, была «странной, неформальной политической коалицией»²⁵³.

4. «НЕФОРМАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОАЛИЦИЯ»

В утверждении Каменева, что оппозиция была «странной» и «неформальной» организацией, разумеется, не звучало ничего похвального. Это говорило как минимум о наличии скрытых механизмов коммуникации между теми или иными оппозиционерами. Но для Каменева, смотревшего на вещи с точки зрения перспективы борьбы в Политбюро, было важно представить оппозицию как такую «коалицию, которую тов. Троцкий может разорвать одним словом»²⁵⁴. Но было ли в действительности у Троцкого могущество «создавать и разрывать» политические союзы одним своим словом? В какой степени личные отношения и личная власть влияли на политические союзы?

Ранее уже упоминались разные аспекты межличностных связей отдельных оппозиционеров. Личная дружба, основанная на совместной работе в подполье или на фронтах Гражданской войны, традиционно служит объяснением «фракционных» альянсов

большевиков, выстраиваемых по принципу «патрон–клиент»²⁵⁵. Риторически такие отношения нередко предстают в виде «дружбы»²⁵⁶, но их суть совершенно иная:

Патрон–клиентская связь — отношения обмена между представителями определенных ролей — может быть определена как особый случай диадной (вовлекающей двух участников) связи, предполагающей преимущественно инструментальную дружбу, в которой индивид, обладающий более высоким социоэкономическим статусом (патрон), использует свои влияние и ресурсы, чтобы обеспечивать безопасность или предоставлять блага (или и то и другое одновременно) человеку, занимающему более низкое положение (клиенту), который, в свою очередь, взамен предлагает патрону общую поддержку и помощь, включая личные услуги²⁵⁷.

Властная верхушка Российской империи была пронизана невидимыми, но крепкими нитями патрон–клиентских отношений²⁵⁸. После 1917 года им предстояло возрождение и усиление (к началу эпохи Брежнева) в невиданных масштабах²⁵⁹. Дж. Арч Гетти углубил историческую ретроспективу, чтобы вновь актуализировать тезис об «устойчивости традиции» политического патриониализма, протянувшейся, по его мнению, от бояр древнерусской Московии до большевистской новой «знати»²⁶⁰. Пионер в изучении клиентелизма большевиков, политолог и историк Томас Ригби выявил важную роль патронажа в победе Сталина. Пользуясь своей позицией генерального секретаря, Сталин стал патроном неформальных клиентелистских структур региональных секретарей: например, в его клиентелу входили члены Юго-Восточного бюро ЦК Анастас Микоян и Климент Ворошилов²⁶¹. В новейшей историографии на основе рассекреченных архивов обоснованно демонстрируется, что масштабы политической клиентелы генерального секретаря ЦК в 1920-е годы не следует переоценивать²⁶². Однако клиентелизм был одним из наиболее важных «правил игры», обеспечивших победу фракции Сталина и Зиновьева. Провинциальные партработники, по мнению Гетти, воспринимали внутрипартийную борьбу вождей как личную склоку, приукрашенную идеологией, когда за каждым из борющихся за власть «титанов», будь то Сталин или Троцкий, стояла своя «личная политическая машина». В этой ситуации московские члены партии просто следовали за своим патроном, руководствуясь более или менее сильной «фракционной личной лояльностью», надеясь на карьерный рост²⁶³. Хотя Гетти соглашается, что непра-

вильно исключать принципиальные мотивы оппозиционеров, представляется, что его общие выводы в большой степени «подсказаны» действиями лояльных ЦК чиновников из провинции.

Конфигурации личных отношений оппозиционеров заслуживают самостоятельного исследования. Их политическое значение в контексте внутрипартийной борьбы 1923–1924 годов отражают пределы распространения политического клиентелизма. Для этого обозначим условные поля дружбы и клиентелизма оппозиционеров как пограничные отношения и конкретные практики политической коммуникации, которые связывали эти поля в ситуативные или устойчивые сети и «производили» в конечном итоге оппозиционность в партии. Действие в интересах дружбы и в интересах патронажа в равной степени могли привести к фракционному действию. В контексте внутрипартийной борьбы сколь бы то ни было организованные выступления против линии Центрального комитета (или даже просто «в защиту Троцкого») часто воспринимались как организованная конспиративная деятельность на основе внутренней дисциплины и политической платформы. Хотя оппозиционность не исчерпывалась и не равнялась фракционности, понятие фракционности важно как для понимания контекста, так и для анализа лично-политических конфигураций, взаимоотношений, а потому далее оно используется в смысле конкретного оппозиционного действия (высказывания, голосования, публикации статьи), воспринимавшегося современниками или исследователями сквозь призму личных связей. Проще говоря, «фракционер» — это оппозиционер, лично преданный другому оппозиционеру, а «фракционность» — это часть сложной сети взаимодействий, составлявшей оппозиционность.

При изучении неформальных практик большевиков-оппозиционеров историки сталкиваются с проблемой исторических источников. Так, переписка оппозиционеров друг с другом, а также с возможными союзниками практически не сохранилась или рассыпана по разным архивам (не только партийным), включая недоступные архивы спецслужб. Эти важнейшие документы могли быть уничтожены по соображениям конспиративности их авторами или адресатами. Те немногие оппозиционеры, которые оставили воспоминания, могут быть полезны в основном свидетельствами о дружеских связях, но они по понятным причинам скрывают механизмы клиентелизма.

Противники оппозиции, как правило, представлявшие партийный аппарат, уже в 1923–1924 годах старались документально зафиксировать случаи фракционности. Так, например, характерен отчет секретаря Киевского губкома КП(б) Иосифа Варейкиса. «Весьма острая форма» дискуссии была вызвана, по его мнению, не только

наличием в губкоме «...очень крепко спаянной оппозиции, резко, непримиримо настроенной, и очень шаткого и колеблющегося по отдельным пунктам большинства губкома», но и тем, что «...отдельные его члены, в силу теснейших личных связей с группой оппозиции, не могли быть и не были достаточно настойчивы в борьбе против нее»²⁶⁴. Секретарь не стал углубляться в детали во многом потому, что «теснейшие личные связи» были обычным и понятным явлением. Не случайно и то, что «спаянность» оппозиции не маркирована фракционностью. Не погружался в детали и секретарь Уральского бюро ЦК Харитонов, когда в письме Зиновьеву писал, что «связи свои все бывшие уральцы используют во всю. Сказалось это пока в Тагиле, отчасти в Екатеринбурге и в Челябинске»²⁶⁵.

Для того чтобы обвинение во фракционности сработало, была необходима персонификация. Выявление и обличение главного фракционера, своеобразного патрона, наблюдалось не только в массовой пропаганде, но и в переписке внутри партаппарата. Так поступили сторонники ЦК в Самаре, обратившие внимание Сталина на оппозиционную деятельность командующего Приволжским военным округом Сергея Мрачковского, близкого к Троцкому со времен Гражданской войны. 1 января 1924 года, когда ход внутрипартийной борьбы был переломлен, но не завершен, Сталин в письме бюро самарского губкома обвинил командующего в создании «антицекистской группировки» и дал карт-бланш на принятие кадровых перестановок²⁶⁶. Пленум Самарского губкома 8 января постановил: «...довести до сведения ЦК сообщения Н-ка особого отдела ПРИВО, что особый отдел еще три месяца назад сообщил в особый отдел (Москву) о ненормальной подборке т. Мрачковским “своих” работников»²⁶⁷. Хотя доля голосов за оппозицию в Самаре была около 10 %, возможные брожения комсостава были пресечены путем смены главы местного Политического управления округа РККА. Вскоре был снят и Мрачковский, который позволял себе публично не соглашаться с решениями партийной конференции, осудившей оппозицию²⁶⁸. Было бы поспешно утверждать, что оппозиционность Мрачковского диктовалась исключительно фракционной природой его личной и/или политической дружбы с Троцким. Как будет показано далее, патронажные сети оппозиции, хоть и различались от случая к случаю, в целом были слабыми или вовсе отсутствовали.

Сложность конфигураций политического пространства открывается при более пристальном взгляде на офицерский состав оппозиции. 8 и 10 октября 1923 года Троцкий написал два письма в ЦК и ЦКК с обвинениями в адрес тройки. Процесс консолидации оппозиции ускорился: 11 октября Троцкий признал, что содержание его письма

было «сообщено им небольшому кругу ответственных товарищей», а вскоре уведомил, что «для проверки собственной оценки создавшегося положения» он ознакомил со своим письмом «менее десятка ответственных товарищей»²⁶⁹. Объяснения потребовались, потому что письма лидера оппозиции стали распространяться за пределами ЦК и ЦКК. В таком нарушении информационной «закрытости» сторонники ЦК увидели процесс оформления фракции. Важнейшим доказательством начала этого процесса для них послужило «Заявление сорока шести», полученное Политбюро 15 октября. Самый известный документ оппозиции 1923 года в главных своих аспектах хорошо исследован и прокомментирован специалистами. Однако за рамками изучения остались особенности персонального состава «Заявления сорока шести» в фокусе неформальных политических практик.

Аппарат в лице большинства Политбюро изначально связал «петицию» с фракционностью, более конкретно назвав ее продуктом политического «соглашения двух групп — группы “демократического централизма” с группой тов. Троцкого»²⁷⁰. Заявление было напечатано на машинке в двух экземплярах (всего 4 листа), под которыми стояли подписи²⁷¹. Первые десять подписей под первым заявлением принадлежали тем, кто поддерживал Троцкого в дискуссиях 1918–1921 годов. Затем вперемешку с ними шли сторонники фракции «Демократический централизм». Важно подчеркнуть, что ни одна из сторон не осветила процесс заключения «соглашения» между ними: от кого исходила инициатива, каковы были условия их альянса, кто собирал подписи, и т. д. Преображенский позднее объяснял появление группового обращения необходимостью «показать, что нас... много»²⁷². Именно первым подписавшимся и наиболее вероятным автором документа являлся Преображенский. По воспоминаниям одного из оппозиционеров, Преображенский «руководил» оппозицией, в то время как Троцкий ее «вдохновлял»²⁷³. Однако как именно осуществлялось руководство, можно реконструировать только по косвенным источникам.

Реконструкция «сборки» оппозиционного альянса помогает понять роль политических сетей. Вряд ли следует доверять прозвучавшему в пропагандистском журнале утверждению, что «заявление [сорока шести] обсуждалось и утверждалось на квартире Троцкого»²⁷⁴, так как в этом не было прямой необходимости. Сам Троцкий вспоминал, что о заключенном с Лениным «блоке» он сразу же сообщил «Раковскому, И. Н. Смирнову, Сосновскому, Преображенскому и др.», между которыми были дружеские или «приятельские» отношения²⁷⁵. За исключением отправленного в «дипломатическую ссылку» Раковского, все они вошли в число «сорока шести». Как уже было упомянуто ранее

(см. главу I, 2), Троцкий не упомянул своего ближайшего единомышленника Леонида Серебрякова, возможно, потому, что тот к 1930 году полностью капитулировал перед «генеральной линией» ЦК. Вместе с Преображенским и Николаем Крестинским (был назначен полпредом в Германию в октябре 1921 года) Серебряков в свое время был секретарем ЦК и отвечал за распределение работников, а с 1922 года — стал заместителем наркома путей сообщения. Серебряков, чья подпись стояла третьей после Преображенского и Бориса Бреслава, был обвинен сторонниками ЦК в непосредственном руководстве «фракцией».

Исходя из порядка одиннадцати подписей, стоявших под вторым экземпляром, есть все основания предполагать, что слушатель Института красной профессуры Михаил Жаков мог получить документ от Васильченко — своего бывшего коллеги по Совету народных комиссаров Донецко-Криворожской республики (1918 год). Тем больше оснований считать, что оба они могли получить его от товарищей-децистов Тараса Харечко, Рафаила, Василия Аверина и Якова Дробниса, занимавших ранее высокие должности в партруководстве Украины²⁷⁶. Некоторые связи отслеживаются яснее прочих: так, например, подпись Дробниса следовала за подписью Когановича — на расширенном собрании райкома Красной Пресни 20 декабря 1923 года Коганович выдвинул кандидатуру Дробниса в новый состав райкома²⁷⁷.

Любопытно, что Жаков, отвечая на требование Ярославского сообщить в Президиум ЦКК, откуда он получил письмо Троцкого, отказался назвать имена. «Узнав о существовании и содержании такого письма сначала из случайно услышанного во 2-м Доме Советов, где я жил в то время, разговора нескольких обитательниц его, а затем от малоответственных сотрудников ЦК в другом месте, — рассказывал Жаков, — я стал искать это письмо и нашел его у ответственных партийных товарищей, согласившихся дать его мне, лишь по моей настоятельной просьбе и после моего категорического заявления о принятии мною на себя полной личной ответственности, на краткий срок, без права размножения и передачи в другие руки». Можно усомниться в подлинности такой наивной картины фактов, учитывая, что уже под «Заявлением» подпись Жакова стояла на том же листе, где оставили свои автографы другие децисты²⁷⁸.

Наряду с порядком подписей, для понимания границ дружеского и патронажного интересны *примечания* отдельных подписантов. Хотя 34 подписанта поставили свои подписи без примечаний, но еще 10 выразили свое особое мнение. Среди них был глава Агитационно-пропагандистского отдела ЦК Андрей Бубнов. В прошлом активный «левый коммунист», а затем децист, он заявил, что «...не согласен

с рядом оценок [экономической политики ЦК]... не согласен с рядом характеристик внутрипартийного положения», но он был «...в то же время глубоко убежден, что состояние партии требует радикальных мер, ибо в партии в настоящее время не благополучно». Бубнов полностью поддержал практическое предложение о созыве совещания. «С оговоркой тов. Бубнова» подписались хозяйственники Левитин и Полюдов, как будто зная или предугадывая его лояльность ЦК (Бубнов вскоре проявит себя ревностным защитником линии ЦК и заменит Антонова-Овсеевского на должности главы ПУРа). Так, Полюдов подписался с парадоксальной формулировкой: «...не разделяя ни формы, ни тона [заявления], факт которых тем более убеждает меня согласиться с практической частью данного заявления»²⁷⁹. Появление таких ненадежных союзников в оппозиционном альянсе не было случайным. Источники умалчивают о степени доверия децистов к своему недавнему соратнику Бубнову, но напрашивается вывод о том, что границы между дружбой и фракционностью сохраняли подвижность²⁸⁰. Это во многом и сделало возможным оперативный сбор подписей под «фракционным» документом за четыре дня, в том числе среди отнюдь не твердых оппозиционеров.

«Троцкисты» Антонов-Овсеевский, Белобородов и Гольцман, а также децисты Богуславский и Коганович в своих примечаниях в большей или меньшей степени подчеркивали, что их поддержка заявления была вызвана соображениями партийной ответственности, а не фракционностью. Примечания этих и других подписантов заставляют переосмыслить границы между индивидуальным и групповым политическим действием складывающейся оппозиции. Тот факт, что отдельные петиционеры оставляли свои примечания под общим заявлением, несмотря на резкость отдельных его фрагментов, свидетельствует об их нежелании быть зачисленными во «фракционеры» или даже прямо поддержать недавний демарш Троцкого. Разумеется, глубина оппозиционности у всех была разной, и, как правило, в последующих дискуссиях наиболее непримиримо действовали те из них, кто не оставил примечаний, но всех их объединяла ориентация на коллективное обсуждение политических вопросов. Это косвенно признавалось и большинством ЦК и ЦКК, которое хотя и обвинило Антонова-Овсеевского в опасной фракционной работе в Политическом управлении армии (ПУР), но ограничилось снятием его с должности. Белобородову, в отличие от Антонова-Овсеевского, удалось оставаться во главе Народного комиссариата внутренних дел вплоть до разгрома оппозиционного блока в 1927 году.

Не только наличие, но и отсутствие подписи под «Заявлением» проливает свет на пограничье дружбы и патронажа. Двое сторонников

Троцкого в ЦК партии, Раковский и Радек, не значились среди «сорока шести». Но если Раковский находился в Лондоне и не имел возможности прибыть на совещание, как того хотел Троцкий, отсутствие подписи Радека вызывает вопросы. По более поздней оценке Троцкого, сделанной в 1937 году в свете московских политических процессов, «Пятаков и Радек — первый на три четверти, второй наполовину — состояли в лагере оппозиции»²⁸¹. Казалось бы, персоно-ориентированная оппозиционность лучше всего отвечает архетипу клиентелизма — ведь Радека больше всего прочего волновал вопрос защиты авторитета Троцкого. «Тут говорили, что у меня ничего нет за душой, кроме защиты Троцкого», — обобщил это восприятие сам Радек на Пленуме ЦК 14–15 января 1924 года²⁸². Но этим повестка оппозиции не исчерпывалась. «Наполовину» оппозиционера Радека неоднократно обвиняли в лавировании между враждующими сторонами. Это неоднократно использовали сторонники ЦК:

Радек утверждал, что он неоднократно указывал тов. Троцкому, что Троцкому надо отгородиться от Сапронова. Не я просил Троцкого, а Радек, защищающий Троцкого. Мне рассказывали, что он неоднократно говорил: «Лев Давидович! Брось этот блок. Он ставит в неловкое положение. Ты должен отгородиться»²⁸³.

Оценка «клиента», данная его «патроном», пусть даже задним числом, в данном случае вполне актуальна. И потому тем более уместны слова Радека, сказанные во время одного из дискуссионных собраний, что он «...в жизни своей никогда ни в какой личной дружбе с т. Троцким не был...»²⁸⁴. Федор Раскольников, в отличие от Радека, состоял с Троцким в дружеских отношениях, но и это не вело автоматически к фракционным альянсам. В 1928 году Троцкий скажет:

Вернувшись в 1923 г. из Афганистана, Раскольников рвался в бой на стороне оппозиции. Я настойчиво удерживал его, ибо опасался, что он может причинить больше вреда, чем пользы. По этой или другой причине он через несколько дней оказался активным борцом — на другой стороне²⁸⁵.

Анализ состава петиционеров дает основания полагать, что каналы сбора подписей находились в подвижных границах состава ответственных членов партии, чьи отношения были построены на личном доверии и недавних политических союзах.

Иначе говоря, прошлая и настоящая дружба послужила крепкой основой для «заявления». Скрытые клиентелистские мотивы, покоящиеся на представлении о «рациональном выборе» в ситуации возможного возвышения патрона, будь это Троцкий или Преображенский, разумеется, могли иметь значение, но они не были определяющими. Скорее можно говорить об искренности требования легализации «идейных группировок» в партии. Однако картография полей дружбы и фракционности будет неполной без обращения к более традиционным институтам и практикам.

В научной литературе укоренено представление о тесном переплетении «советской» политической системы формальных и неформальных институций²⁸⁶. Функция тех или иных официальных институтов и роль их руководителей находили прямое выражение в неформальных практиках власти. Троцкий, в качестве главы Народного комиссариата военно-морских дел, был идеологом «шефства» — практики патронажа над военными частями, «революционность» которого (по сравнению с дореволюционным этапом) выражалась в публично-институциональном характере практик заботы о материальных и культурных нуждах красноармейцев²⁸⁷. Но одновременно наркомвоенмор сам выступал как «шеф», патронировавший группу московских предприятий Москуста в качестве председателя его совета²⁸⁸. Сын одного работавшего в Москусте инженера справедливо писал, что «...кусты являлись изобретением товарища Троцкого, Москуст находился под его особым покровительством». По мнению мемуариста, Троцкий также «покровительствовал» главе Москуста Алексею Колегаеву²⁸⁹. Бывший левозерсовский глава земледелия в коалиционном Совете народных комиссаров (до марта 1918 года), он вступил в РКП(б) и в 1920 году работал в Народном комиссариате путей сообщения под руководством Троцкого. Их близость была подчеркнута в письме членов Политбюро, заявивших о стремлении наркома к «хозяйственной диктатуре тт. Троцкого–Колегаева»²⁹⁰.

Если рассматривать Колегаева в качестве клиента, то как он мог услужить своему патрону политически? 22 декабря 1923 года, в момент накала внутривластной борьбы, в секретариат Троцкого поступила телефонограмма Колегаева: это было краткое постановление собрания ячейки завода «Красный кожевник» с недвусмысленной поддержкой Троцкого и критикой ЦК²⁹¹. Содействовал ли Колегаев появлению этого заявления, либо просто передал его, узнать невозможно, но оно служит весомой «уликой» клиентелизма. Возвышение или падение Троцкого не могло не повлиять на судьбу Колегаева, поэтому он мог играть одновременно и роль клиента, и роль брокера — личного посредника,

обеспечивавшего связь между патроном и более мелкими клиентами в лице бюро заводской парторганизации²⁹². Однако действия партийной ячейки не могли сводиться целиком и полностью к выражению верности предполагаемому патрону. В ситуации неустойчивости, характеризовавшей внутривнутрипартийную борьбу, гораздо более прагматично было выступить на стороне ЦК, либо, как показывает письмо из другого предприятия Москуста, обоим острые вопросы:

Дорогой товарищ Лев Давидович,
Мы, рабочие и работницы завкома, бюро ячейки и делегатское собрание рабочих завода «Красный поставщик» от имени всех рабочих посылаем Вам мандат, как члену Моссовета, и выражаем свое сожаление, что, по причине Вашей болезни, мы лишаемся возможности лично вручить Вам наше доверие и веру как вождю не только Красной армии, но и всего рабочего класса. Мы получили письмо, в котором Вы обещаетесь (sic!) быть у нас, и надеемся на Ваше скорое выздоровление, так как все рабочие горячо желают видеть Вас²⁹³.

Казалось бы, в условиях разгоравшейся критики в адрес Троцкого подобные письма говорили о «доверии и вере» патрону, однако даже в дополнении к письму, авторами которого были члены бюро партийной ячейки, политические вопросы избегались²⁹⁴. Формат расширенных заводских собраний не предполагал выражения мнения по внутривнутрипартийным спорам. Поддержка Троцкого, в большой степени ритуальная, как вождя-патрона, не вела к безусловной поддержке его политической позиции. Если упомянутые партийцы и составляли клиентулу Троцкого, то лишь ее «периферию»²⁹⁵. Такой «материал» не мог обеспечить победу политической машины.

Другой случай из истории внутривнутрипартийной борьбы, заставляющий обратиться к теории политического клиентелизма, представлен патронажем Троцкого над молодым комсомольским поэтом Александром Безыменским. Во время внутривнутрипартийной борьбы Троцкий спровоцировал шквал критики, назвав молодежь «вернейшим барометром» партии, и партийные организации вузов оказали ему наибольшую поддержку. Но если в отношении молодежи в целом Троцкий мог выступать патроном лишь фигурально, то для Безыменского он выступил классическим патроном.

Троцкий придавал большое значение «завоеванию» молодых поэтов и писателей, привлечению их на сторону Советской власти. В этом

отношении он сам следовал собственному предложению, озвученному в записке членам Политбюро 30 июня 1922 года: «Очень важно также установить... личные связи между отдельными партийными товарищами, интересующимися вопросами литературы, и этими молодыми поэтами и пр.»²⁹⁶. Это предложение, хотя и включает «личные связи», но все же перекликается с проектом «шефства» как более прозрачного патронажа. Во многом речь шла о легитимации имевших место практик. Шейла Фицпатрик, говоря о советской интеллигенции, справедливо предположила, что «...все члены Политбюро и секретари обкомов по крайней мере от случая к случаю выступали в роли патрон-тех или иных ее представителей»²⁹⁷. В обмен на свое покровительство патроны могли заручиться политической поддержкой.

Как было показано выше, Троцкий опубликовал две книги — «Вопросы быта» и «Литература и революция», которые инициировали общественно-политические кампании и дискуссии. В последней подвергалась критике идея «пролетарской культуры», приверженцами которой были многие коммунистические поэты и художники. Но это не помешало Троцкому написать хвалебную рецензию на сборник стихов Безыменского — лидера воинственной Московской ассоциации пролетарских писателей²⁹⁸. Молодой поэт, будучи одним из основателей Комсомола, не страдал отсутствием внимания, но похвала Троцкого являлась ценным ресурсом для дальнейшей карьеры. Как видно из корреспонденции 6 и 11 января 1924 года, Безыменский общался с лидером оппозиции от лица его сторонников в Комсомоле, которые выступили с открытым заявлением в защиту Троцкого. «Спасибо за письмо, документ и частушки. Документ пойдет в качестве приложения к моей брошюре...» — ответил Троцкий 11 января²⁹⁹.

Данная конфигурация политического клиентелизма имела одно-разовый эффект, что заставляет в очередной раз усомниться в применимости классических схем, включающих реципрокность и повторяемость патрон-клиентских отношений, к сложным реалиям пореволюционной эпохи. Безыменского, как и многих из его круга, политически сформировали символы гражданской войны, среди которых Троцкий был одним из важнейших. Поддержку им Троцкого можно интерпретировать как ответную услугу, которой Безыменский нарушил «дисбаланс взаимности», лежащий в основе «привязанности» клиента патрону³⁰⁰. После осуждения оппозиции Безыменский начинает следовать «генеральной линии» и благополучно переживает как Троцкого, так и Сталина.

Другие примеры патронажа Троцкого над жожаками «красной» молодежи не известны. Это имело свои прагматические основания, если учесть, что одним из главных обвинений в адрес Троцкого было

«противопоставление» и даже «натравливание» молодежи на «стариков» партии. Но «поколенческий» конфликт был невыгоден в первую очередь оппозиционеру: молодежь, в особенности вузовская, отнюдь не являлась выигрышным политическим ресурсом, «цена» которого на внутрипартийном «рынке» эффективно понижалась за счет противопоставления ему рабочего класса. «Троцкистов» принуждали оправдываться за высокий уровень поддержки учащейся молодежи, служившей доказательством «мелкобуржуазности» оппозиции и «ревизии ленинизма» ее вождями.

Политическая клиентела Троцкого отсутствовала как значимый ресурс в первую очередь по объективным причинам: относительная публичность внутрипартийной жизни, подвижность партийных кадров, неустойчивость институтов и т. д. Но также отсутствуют доказательства целенаправленной работы Троцкого над построением клиентелистских сетей как устойчивой воспроизводящейся системы. Вплоть до снятия Троцкого с поста главы военного ведомства в январе 1925 года среди коммунистов шли разговоры о Бонапарте-Троцком и соответствующей опасности термидорианского перерождения режима, однако партийные организации армии в целом оказали наименьшую поддержку своему вождю. Отсутствие действующей системы политического клиентелизма само по себе свидетельствует об отношении Троцкого к этому неформальному институту.

Поражение во внутрипартийной борьбе в 1924 году заставило оппозиционеров более прагматично относиться к политической борьбе, и в 1925–1926 годах они создали полноценную фракцию внутри партии (которую недоброжелатели окрестили «второй партией»). Означало ли это увеличение роли политического клиентелизма, следует отнести к вопросам, требующим отдельного исследования с привлечением архивных источников. Вместе с тем можно предположить, что, с одной стороны, привлекательность оппозиционных вождей на «рынке» патронажа существенно снизилась, а с другой стороны, в контексте увеличения роли контрольных органов и мобилизации масс, трансформация «дружбы» во «фракционность» стала еще более затруднительной.

Рассмотренные в настоящей главе случаи касаются проблемы условий возможности и невозможности политического клиентелизма в пореволюционную эпоху, в том числе субъективного желания и нежелания участвовать в теневых политических отношениях. Если Сталин, с легкой руки Ригби, может быть назван «неблагодарным патроном», то может ли Троцкий быть назван патроном вообще? Выше я уже полемизировал с влиятельной группой политических историков СССР, которые придерживаются тезиса об отсутствии

альтернатив вековым традициям патримониализма внутри партии. Для сторонников этого взгляда характерны такие формулировки, как, например, «Троцкий был вынужден уйти в отставку с поста наркома по военным делам и по существу отказаться от базы своей власти в центральной военной администрации» (Дж. Истер)³⁰¹. Схема данного рассуждения о «базах власти» может быть перенесена и на главу Коминтерна Зиновьева, и на экономистов Преображенского и Пятакова, и на других большевиков без учета исторического контекста использования «власти». По этой логике отношения верхов и низов в России *всегда* существовали в русле клиентелизма, политические институты были инструментами могущественных личностей, и Ленин, как одна из таких личностей, «возродил» древние практики патримониальной политики, которые затем были доведены до крайности Сталиным³⁰². Однако, на мой взгляд, необходима исследовательская «презумпция невинности», доказательность в утверждении того, что администраторская «власть» действительно имела такое значение, «работала» и приводила к результатам не только (и не столько) в руках фактического диктатора Сталина в 1930-е годы, но и в руках его оппонентов.

В первой половине 1920-х годов ни политический авторитет, ни административная позиция еще не гарантировали победы. Как было продемонстрировано на примере подписантов «Заявления сорока шести», одним из условий формирования ключевого оппозиционного документа были подвижные границы между «инструментальными» и «аффективными» отношениями предполагаемых патронов и клиентов. Оппозиционный альянс не был простым объединением «фракционеров», следовавших за своими друзьями и патронами. Было бы слишком поспешно утверждать, что те или иные «личные связи» свидетельствуют о политическом клиентелизме и фракционности. До вынесения окончательного вердикта требуется детальное изучение не только биографий, но и смыслов, которые вносили участники этих групп в политическое действие. Залогом для устойчивых фракционных структур, обладающих кадровым постоянством, как справедливо подчеркивал Скотт, могли служить только устойчивые диады³⁰³.

Создание оппозиции давалось тяжело, нестабильным был ее офицерский состав: переметнулись в другой лагерь единицы, но многие из оставшихся поддерживали оппозиционеров с оговорками, не были последовательны. Вне зависимости от субъективных намерений акторов, в эпоху внутривнутрипартийных дискуссий не существовало готовых, предзаданных и безальтернативных условий для персоналистской политики. Это позволяет сделать и другой вывод: оппозиция не исчерпывалась фигурой Троцкого.

ГЛАВА III

ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

1. ДЕМОКРАТИЯ: БОРЬБА ЗА БОЛЬШИНСТВО ГОЛОСОВ

Внутрипартийная дискуссия как политическое событие по важности была сопоставима с острыми правительственными кризисами, которые могли переживать западные демократии того времени. Эмигрантские газеты в целом так и воспринимали политическую борьбу в РКП(б). Но особенность «советского» случая заключалась в формуле «только для членов партии»¹. «То, что в пределах буржуазной демократии разрешается путем голосования, дискуссией всего народа, — напоминал советский премьер-министр Рыков, — у нас, при диктатуре партии, разрешается внутрипартийным порядком, и каждый крестьянин, каждый рабочий, каждый спец и нэпман — он знает, что дискуссия... определяет структуру правительства и всю его политику»². Не случайно, осмысляя идущую дискуссию, разочаровавшийся и вышедший из партии в 1923 году интеллигент Михаил Воронков увидел в ее «основе» следующее:

Если партия думает остаться при прежних методах управления, то правы аппаратисты (*sic!* — А. Р.); если же надо менять всю систему управления (не только в партии), то права оппозиция.

Если ж болтают только о внутрипартийной демократии, то очень смешна эта кучка «демократов» в стране, где азиатская сатрапия для населения³.

Общественные настроения действительно могли внушать тревогу функционерам партии. Главный редактор «Крестьянской газеты» и «Бедноты» ссылался на письма крестьян в редакцию, в «основе» которых, по его мнению, «сквозило: даешь демократию!». Он взывал к «чувству ответственности» перед лицом опасности «оформления классового сознания в соответствующих слоях, вычитывающих из дискуссионных статей» слова о переходе власти от рабочего класса к бюрократии⁴. Оппозиционеры, которым ставили в вину эти опасные разговоры о бюрократизации, признавали угрозу, но спасение они видели в углублении «рабочей демократии».

Соответствие принципам демократии ассоциировалось в первую очередь с частотой проведения конференций, на которых обсуждались самые острые вопросы, заслушивались отчеты и переизбиралось руководство. Многие оппозиционеры видели своеобразный идеал активной партийной жизни в годы гражданской войны, после которой началось ее постепенное замирание. В 1922 году на XII партконференции были внесены поправки в Устав партии, согласно которым созыв губернских и уездных конференций происходил не каждые 3 месяца, а раз в полгода, созыв общепартийных конференций — раз в год, а не два раза, как было принято X съездом годом ранее. Секретарь ЦК Молотов обосновывал данные изменения необходимостью соответствия реальной практике, когда «применение парламентаризма фактически в нашей партии не проводилось»⁵. Разумеется, партийный «парламентаризм» должен был ожить с наступлением нового курса внутрипартийной политики. В резолюции «О партстроительстве» ЦК и ЦКК 5 декабря 1923 года предлагалось на «...очередных выборах систематически обновлять партийный аппарат снизу, выдвигая на ответственные посты таких работников, которые способны обеспечить на деле внутрипартийную демократию»⁶.

Как оппозиционеры использовали «на деле» открывшиеся возможности партийного «парламентаризма» и что они понимали под ним? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выявить практики «электоральной» мобилизации в поддержку их тезисов, выдвижения их сторонников на конференциях всех уровней, отношения между верхами оппозиции и низами партии и восприятие оппозиционерами самой ситуации борьбы за большинство в партии⁷.

Дискурс о парламентаризме в партии, конечно, в первую очередь испытывал давление антипарламентаризма как принципа, зафиксированного в Программе РКП(б), а также в политической риторике⁸. Троцкий, без статей которого невозможно представить внутрипартийную дискуссию того времени, старательно избегал метафор парламентаризма. В поправках к проекту резолюции конференции РКП(б) 16–18 января 1924 г., которая осудила оппозицию, Троцкий писал, что «руководящие учреждения» партии в центре и на местах «ни в каком случае не могут» превращаться в «парламент мнений», а «демократия не является ни самоцелью, ни едино-спасающим средством». Но в то же время он считал необходимым защищать «свободное мнение» от «бюрократического режима» и протестовать против «ликвидации всякой дискуссии и всякой демократии»⁹. В публичных выступлениях лидер оппозиции высказывался чаще по вопросу избирательных прав, наиболее легитимной части дискурса партийного парламентаризма. Например, говоря об «обновлении аппарата», Троцкий напоминал, что последний «избирается» партией¹⁰.

Сапронов, комментируя на одной партконференции конфликт по вопросу о составе мандатной комиссии, сказал, что «совершенно недостойно конференции превращать ее в исторический буржуазный парламент». Наряду с представлениями об устарелости этих институтов, были распространены ссылки на объективные условия. Так, Рязанов, один из самых острых партийных критиков, сказал: «Мы все понимаем, что [у нас] условия военного лагеря, условия самой партии коммунистической не дают возможности никакого референдума, никакого непосредственного избирательного права». Отдельные оппозиционеры прибегали к аргументам *ad hominem*. Для Радека дело состояло «...не в том, что т. Троцкий большой демократ, чем товарищи Томский и Зиновьев, демократы они одинаковые, хорошие или плохие». В доказательство своей ориентации на компромисс он мог обрушить критику на «чересчур рьяных» оппозиционеров и провозгласить: «Товарищи, я никогда в жизни не был демократом. Я был левым коммунистом, но не демократом... И если бы вынесли 10 резолюций, которые говорят: ты должен стать демократом, то я не сделался бы им, потому что не могу»¹¹.

Тем не менее в контексте рязановских «условий военного лагеря» и радековской «одинаковости» были важные оттенки и различия. В ходе продолжительной дискуссии в одной из московских типографий некий Черняк полемизировал с более осторожным товарищем, подчеркивая, что «внутрипартийная демократия совсем не похожа на государственную демократию» в европейских странах. Этот и другие аргументы за более решительное проведение демократии не

нашли поддержки большинства. Не менее активные дискуссии велись в ячейке Московской государственной трамвайной станции, где один из лидеров оппозиции Владимир Смирнов выступал перед аудиторией всего из 46 человек. В протоколе были зафиксированы диаметрально разные взгляды: если Смирнов утверждал, что с переходом к нэпу требовался и переход к «демократии», то сторонник ЦК, получивший в итоге больше голосов, заявил обратное — нэп связана с «ограничением демократии». В ячейке Госспирта дискуссия длилась до двух часов ночи, и после того, как высказались 18 из 29 присутствующих, всеми против одного была принята оппозиционная резолюция, требовавшая «неуклонно осуществлять партийную демократию»¹². Каждое из подобных собраний, имея между собой общие черты, имело и важные различия в том, что можно назвать практическим смыслом демократии. Краткая форма протокольных записей скрывает субъективное и, возможно, более проработанное ее понимание.

Некоторые партийцы не ограничивались высказыванием мыслей в кругу товарищей по ячейке. Автор одной из многих неопубликованных в «Правде» статей оппозиционного характера, полемизируя со Сталиным, брал под защиту «демократа» Пятакова и одновременно сомневался в «демократизме» Троцкого. Его вывод гласил: в среде оппозиции «...найдутся, без сомнения, и бюрократы. Но линия оппозиции является демократической, антибюрократической»¹³. Автор одной из анонимных записок, поданных Зиновьеву на собрании в Коммунистическом университете, писал, что авторитет Ленина могут заменить только «...партийные органы, облеченные максимум доверия громадного большинства партии, выявленного на свободных выборах». Другой опирался на символическую фигуру: «Я мыслю себе “рабочую демократию” — как ее мыслила Роза Люксембург. Если партмасса не участвует в обсуждении и разработке вопросов... то „верхушка-вожди“ — делают не больше чем “усыхающей сектой”, по выражению Розы. Это приводит к бюрократизму, карьеризму и т. п.»¹⁴.

Для полноты картины уместно процитировать мемуарные размышления Исаия Абрамовича, в 1923 году — студента Московского института народного хозяйства:

Ценности демократии я и мои товарищи по институту впервые восприняли, когда в двадцатых годах начали изучать произведения Маркса и Энгельса под руководством таких преподавателей, как Д. Б. Рязанов. Мы, конечно, не могли не видеть, что принципы, провозглашавшиеся основоположниками научного

коммунизма, резко расходятся с той политикой, которую проводит наша партия. Но мы считали, что централизация власти, запрет «инакомыслия» и прочее — явления временные, вызванные тем, что страна находится в состоянии осады. Мы верили, что с переходом на мирное положение будут осуществлены демократические методы управления страной.

И вот, когда республика действительно перешла на мирное положение, в 1923–1926 годах в партии появились и обострились разногласия именно по вопросу о демократии. Может быть, и под свежим впечатлением от прочитанных работ Маркса и Энгельса многие из нас (я, в частности) присоединились к оппозиции, которая предлагала перестроить партию на демократический лад.

При этом мы, надо признаться, и не думали о предоставлении прав другим социалистическим партиям... так далеко мы не шли. Но мы считали, что внутри правящей партии должна существовать полная свобода критики, невзирая на лица, свобода фракций и группировок, свободные высказывания в печати и на собраниях, ничем не стесняемые выборы парторганов и прочее. (Мы тогда еще не понимали, что свобода, основанная на привилегии, — это не свобода)¹⁵.

Разумеется, обычный здравый смысл настраивал на скептическое отношение к перспективам демократизации партии под руководством ее же аппарата. Начальник этого аппарата предостерегал против «крайности» выборности: «Состоит она в том, что некоторые товарищи добиваются выборности “до конца”. Раз выборность, так выбирай во-всю! Партийный стаж?! Зачем его? Выбирай, кого душа желает. Этот взгляд, товарищи, ошибочен»¹⁶. Выступая в Замоскворецком районе по вопросу о только что принятой резолюции о внутрипартийной демократии, Каменев журил «товарищей, которые с усмешкой говорили: дана свобода выбирать», имея в виду «либеральный манифест» Николая II 17 октября 1905 года, декларировавший, но не гарантировавший свободы. Каменев обещал возможность «на ближайших выборах обновить состав всего аппарата партии...»¹⁷. Выступая после Каменева, Преображенский пошутил, что он и не думал «...обвинять ЦК так, как при выборах в парламент Италии обвиняют очередное министерство, которое нужно свалить, которое обвиняют даже в том, что козы мало дают молока...»¹⁸. Но основания для обвинений были. Чем дальше от Москвы, тем менее дружелюбной по отношению к потенциальным оппозиционерам была система

внутрипартийной демократии. Зиновьев, выступая на конференции петроградской губернской организации 1 декабря 1923 года, не чувствовал нужды в либерализме своего московского товарища по триумвирату:

Нам могли сказать: ЦК партии перед самым съездом, на котором его будут критиковать, переизбирать, подбирает себе делегатов, урезывает (sic!) избирательные права членов партии. С точки зрения отвлеченной рабочей демократии — это издевательство над «демократией». Но нам это нужно было с точки зрения коренных интересов революции, с точки зрения пользы революции, — дать избирать только тем, которые являются настоящей партийной гвардией¹⁹.

Судя по всему, даже в городе с ничтожным уровнем поддержки оппозиции Зиновьев, тем не менее, решил себя обезопасить, проведя конференцию до публикации резолюции «О партстроительстве», за месяц до общесоюзной партконференции и за 5 месяцев до съезда. Вскоре после этого, выступая перед лидерами московских ячеек, Зиновьев заявил, что очередного съезда, если его требуют созвать немедленно, нужно «ждать дисциплинированно, а не бегать («рыскать» — в версии в «Правде». — А. Р.) по ячейкам и подрывать доверие к ЦК». Тот факт, что в ответ раздались аплодисменты, глубоко символичен. Сапронов проинтерпретировал слова Зиновьева как требование молчания впредь до съезда и предсказание того, что оппозиционеры «не соберут и 3 % на нашем партийном съезде», а затем, для публикации в газете, значительно расширил — «не соберут в нашей партии». Впоследствии Сапронов «уверял» Зиновьева, что «если этот съезд будет выбираться без нажима со стороны аппарата», то «не один десяток будет тех, которые вам не угодны»²⁰. В целом, судя по всему, оппозиционеры не проявляли излишнего оптимизма относительно своих электоральных перспектив.

Выступая на упомянутом собрании членов бюро московских ячеек, Сапронов поделился своим пониманием свободы выборов: «Выбирать надо без рекомендаций, без усиленных рекомендаций, без предварительных согласований, а выбирать ячейки своих бюро без всякого давления, без пресса, без нажима...» То же самое по смыслу можно было прочесть в резолюции ЦК и ЦКК, провозгласившей «новый курс», но акценты, расставленные Сапроновым перед этой специфической аудиторией, звучали по-иному. Публичные дискуссии провозглашало недоверие и, как следствие, требование «гарантий». Так,

Георгий Андрейчин, в прошлом — деятель болгарского и американского социалистического движения, отметил, что «самая надежная гарантия — это открытые дискуссии, открытые выборы...»²¹. Известно как минимум одно письмо, которое Сапронов адресовал напрямую в фабричные ячейки, призывая к немедленным перевыборам аппарата. Любопытно, что через неделю 9 голосами против 4 был принят ответ на письмо Сапронова, в котором выражалось доверие ЦК²².

Оппозиционная «предвыборная агитация» воздействовала как на партийный «электорат», так и на кандидатов в выборные органы. В ответ на «колебания» подопечных аппаратчиков, 29 декабря члены Сибирского бюро ЦК утвердили письмо для узкого круга партактива, в котором они утверждали, что оппозиционеры преследовали цель захватить аппарат и что «они это хотят провести под видом поголовных перевыборов аппарата, снятия с постов и т. п. под “демократическим” соусом». Озвучивая тот же тезис перед московской аудиторией, Зиновьев воскликнул: «Все остальное это пустая брехня, все слова о демократии — это ведь выеденного яйца не стоит...» Сторонник ЦК Зорин заявил, что смысл «демократии» для оппозиционеров — в сведении «личных счетов»²³. Одним из наиболее эффектных противопоставлений разных проектов «демократии» отличился Дзержинский:

Наша демократия не заключается в том, что будут приходить люди и говорить, что ЦК никуда не годится, что такие-то ошибки и такие-то ошибки и т. д. и т. д. И тем более необходимо партийной организации высказать единодушное мнение и единодушную волю, что нам необходимо продолжать борьбу за разрешение тех задач, которые история поставила перед нашей партией. И мы будем проводить демократию, но не ту, глашатаями которой являются т. Преображенский, Рафаил и др. товарищи (аплодисменты)²⁴.

Отрицательные примеры брались из истории, причем особенно популярной была дискуссия 1920–1921 годов. Так, для Каменева это было время, «...когда была гонка по всей России содокладчиков и докладчиков, и голосовали, кто за линию Ленина, и кто за линию Троцкого. Мы старались этого избежать всеми силами. Мы понимаем, что если это было при Ленине опасно, то без Ленина это еще в 10 раз опаснее». Этого удалось избежать в 1923–1924 годах, когда, в отличие от своих противников, оппозиционеры выезжали крайне редко и всегда безуспешно. Предлагал вспомнить факты из «профсоюзной дискуссии» и Преображенский,

чтобы быть «...вправе сказать: навернутой или завернутой в бумажную резолюцию демократии мы не хотим». Тер-Ваганян, выступивший на том же собрании, обратился к более ранним годам, чтобы подчеркнуть утерянную демократичность партии: «В 1917 году я здесь был секретарем и зачастую не знал, что здесь выносятся [на партийных собраниях]»²⁵. Такой стиль руководства в 1923 году выглядел анахронизмом.

Аппарат ЦК в лице его руководителей активно участвовал во внутривластной борьбе. Так, глава Орготдела Каганович заслужил у оппозиционеров Замоскворецкого района прозвище «комиссара ЦК»²⁶. Но и оппозиция в столичной парторганизации производила впечатление организованной силы. Так, по мнению Рыкова, у оппозиционной группировки «аппарат в связи с районом, аппарат докладчиков, аппарат подбора голосов... лучше нашего»²⁷. Во многом это было вызвано активной деятельностью лидеров оппозиции в борьбе за голоса рядовых партийцев. Например, уже 30 ноября на объединенном собрании ячейки ВЦИК и Авто-боевого отряда при ВЦИК была принята резолюция Рихарда Рейна²⁸ по докладу Сапронова всего при двух голосах против и нескольких воздержавшихся. Не случайно за оппозицию голосовали многие из тех ячеек, к которым были прикреплены лидеры оппозиции, например завод «Икар» (Иван Смирнов) и 16-я типография (Дробнис)²⁹, фабрика «Парижская коммуна» (Бреслав). Важно, что в ячейках выступали многие подписанты «Заявления сорока шести»: так, Сосновский, оппонировавший Рыкову и Калинин, получил 200 голосов против 68 в Горной академии; Косиор и Тер-Ваганян получили 400 голосов студентов Института народного хозяйства³⁰.

При этом, конечно, фиксировались и факты поражения оппозиционеров. Так, была отвергнута резолюция Сапронова на многочисленном собрании рабочих ячеек Сокольнических мастерских, завода «Геофизика», Трикотажной фабрики и завода «Посадчик»³¹. На собрании ячеек ОГПУ и МГО, особого отдела МВО и 29-й типографии 19–20 декабря подавляющее большинство голосов из полутора тысяч получил Бухарин, которому оппонировал Преображенский³². Эти и многие другие факты будут эффективно использоваться против оппозиции (см. главу IV, 1).

14 декабря на Пленуме МК Беленький заявил, что оппозиция имеет свой агитотдел³³. Вскоре слухи об оппозиционном аппарате разлетелись по другим регионам. Основная задача, которую такой «центр» мог выполнять, — это распределять своих докладчиков на дискуссионные собрания, т. е. дублировать действия парткомов: «Они знают, что нужно собрать голоса, нужно иметь связь, нужно подобрать докладчиков, подобрать резолюцию, подготовить шпаргалки для

докладчиков, которые рассылаются по провинции»³⁴. Радек, выступая с содокладом на районной партконференции, недвусмысленно поддержал версию о «центре», признав: «Понятно, меня не вызывал райком. Мне сегодня позвонили по телефону и сказали, чтобы я приходил на конференцию... Я почувствовал, что это приглашение не от райкома (аплодисменты)»³⁵. Будучи умеренным оппозиционером, Радек в данном случае иронизировал над самой ситуацией взаимных обвинений во «фракционности». Впрочем, не многие оппозиционеры могли позволить себе такие опасные шутки — последствия могли быть самыми серьезными.

Бреславу, одному из «сорока шести», пришлось опровергать обвинения в причастности к появлению резолюции Штабов политического Управления, ЧОН и управления Военных сообщений МВО 14 декабря — самой радикальной и критической резолюции Москвы, которая упоминалась ранее в связи с проблемой авторитета. В своем заявлении, которое он потребовал огласить перед делегатами московской губернской конференции, Бреслав указал, что ячейка МВО являлась «такой же советской ячейкой, как, например, ячейки аппаратов ЦК и МК РКП» и ее решение было самостоятельным. Бреслав утверждал, что он был прикреплен к другой ячейке и не принимал участия в собрании, а потому «напрасно члены ЦК стараются использовать эту резолюцию против ответственных работников Штаба»³⁶. Этими членами ЦК были Молотов и Зиновьев, специально вернувшиеся к резолюции, принятой 14 декабря, во время районных партконференций в начале января для более уверенного разгрома оппозиции³⁷. Крамола резолюции по вопросу о внутрипартийной демократии заключалась в следующем пункте:

Ячейка полагает, что назначенная на середину января Всероссийская конференция, которая будет главным образом составлена из партработников, активно проводивших антидемократическую политику внутри партии, не может считаться вполне компетентной в разрешении вопросов осуществления принципов рабочей демократии. Потому необходимо, при условии невозможности производства перевыборов Укомов и Губкомов до этого срока, постараться широко воздействовать снизу на делегатов конференции путем резолюции [«О партстроительстве»], внесения наказов и через партийную прессу.

Выразив таким образом недоверие сторонникам ЦК, собрание сочло «...необходимым продлить дискуссии до 13 партсъезда

(вокруг вопросов реального осуществления рабочей демократии...»³⁸. Если Каменев мог сказать, что «...всякая демократия есть организованное недоверие и демократия никуда не годится, если она не есть организованное недоверие»³⁹, то для Молотова никуда не годными были тезисы оппозиции. Он заявил, что тем самым «безудержные» оппозиционеры «бросают неслыханный вызов... авансом противопоставляя себя предстоящей конференции»⁴⁰. Один из авторов резолюции получил возможность ответить на критику Молотова, чтобы, настаивая на своей правоте, выразить опасение, что «ЦК может переоценить значение конференции»⁴¹. Именно за этот противоречивый тезис зацепился Молотов, утверждая, что невозможно «защищать авторитет ЦК» от делегатов конференции, многие из которых ранее были назначены или рекомендованы на руководящие должности тем же ЦК. Разумеется, это была неприкрытая самооборона аппарата, но на стороне секретаря ЦК были факты: за неделю до общепартийной конференции ни одна парторганизация «не требовала немедленной смены своих губернских и областных партийных комитетов»⁴².

Опасения сторонников ЦК вызывали не только отдельные громко звучащие политические заявления, но и просто массовое скопление оппозиционеров на собраниях. Так, в ходе обмена обвинениями в нарушении принципов «рабочей демократии», произошедшего на Хамовнической районной партконференции, сторонник ЦК сказал, что «целый ряд товарищей из оппозиционеров» приводили за собой на партсобрания «штаты» сторонников, «которые влияли на выборы» (в ответ раздалось: «ложь», шум в зале)⁴³. Это обвинение звучало и на некоторых других собраниях в Москве, но выявить масштабы применения этой практики не представляется возможным. Были и такие обвинения, якобы со слов рабочих: «Товарищ Тер[-Ваганян] по всем районам ходит и голосует»; «Некоторые обиженные, в роде (sic!) грузинских уклонистов, ходят на все вузовские собрания и голосуют», — утверждал другой сторонник ЦК⁴⁴.

Внутрипартийная борьба подчас воспринималась как своеобразная «предвыборная кампания»⁴⁵. Один из самых откровенных диалогов на эту тему случился во время выступления Каменева в Военной академии:

Зачем вы ходите на собрания, хотите, чтобы была принята ваша резолюция? (аплодисменты). Я пришел зачем? Чтобы завоевать большинство (аплодисменты). Я говорю: давайте не будем прикрываться. Вопрос ясен. Вопрос в том, у кого на ближайшем съезде будет большинство (голос: У вас). Если вы вперед знаете,

что у нас, то не забудьте, что мы победили... (Радек: слишком победили). Тов. Радек говорит, что мы слишком победили на последнем съезде. Я полагаю, что если уж побеждать, то до конца. У вас задача — это завоевать большинство в Москве, потому что, имея большинство в Москве... вы вообще победите. Так как мы привыкли смотреть на то, что делается в организации, то мы видим, что тов. Серебряков несомненный цекист по природе (Голос: А есть такие?), он в Бауманском районе ведет кампанию. И. Н. Смирнов, член ЦК... вдруг в Баумановском районе работает... Конечно, районные комитеты завоевывать нужно, потому что это первая ступень к завоеванию большинства в Московской организации⁴⁶.

Сапронов пересказывал выступление работницы фабрики «Каучук» на одном из партсобраний: «Мне хочется покритиковать, но я боюсь, что подумают, что я хочу в ЦК попасть». Николай Немцов, заслуженный партиец из рабочих, член ячейки Верховного суда, так высказался по поводу группы «сорока шести»: «Я раньше издохну, но никогда за них голосовать не буду»⁴⁷. Но самое любопытное, что Немцов, как и большинство в его ячейке, стоял на стороне оппозиции. Скорее всего, такой оборот речи понадобился ему, чтобы в очередной раз опровергнуть идею, что идет борьба за места в ЦК. В подтверждение своих слов Немцов совершил длинный исторический экскурс, смысл которого сводился к тому, что он был обижен оппозиционерами, возглавлявшими райком в 1921 году.

Действительная предвыборная кампания велась на низовом уровне в форме перевыборов бюро ячеек. Переход от теории к практике выражался в том, что перевыборы либо проводились, либо планировались на собраниях, посвященных обсуждению резолюции о внутрипартийной демократии. Выборы делегатов ячеек на районные конференции Москвы проходили в середине декабря. Согласно статистике, собранной Московским комитетом партии, в Хамовническом районе из 67 делегатов рабочих ячеек было 44 цекиста и 15 оппозиционеров; из 21 делегата советских ячеек — 11 цекистов, 4 оппозиционера и 6 колеблющихся; из 111 делегатов вузовских — 51 цекист, 47 оппозиционеров, 11 колеблющихся и 2 неопределенных; из 78 делегатов военных — 35 цекистов, 37 оппозиционеров, 2 колеблющихся и 4 неопределенных. По другим данным МК, делегатов-цекистов было почти в два раза больше, чем оппозиционеров⁴⁸. Если функционеры ориентировались на эти данные, то они должны были удивиться оппозиционному большинству на Хамовнической районной

конференции (см. главу IV, 3). Как бы то ни было, эти факты свидетельствуют о наличии состязательности между отдельными группировками.

Оказавшись в меньшинстве на Московской губернской конференции, оппозиционеры демонстративно пользовались своими демократическими правами. Во время обсуждения списка членов в новый состав МК оппозиционерам не дали голоса для выставления своих кандидатур, но они успели поставить на голосование отвод десяти других, среди которых были Бухарин и Каганович. Затем было решено прекратить индивидуальное голосование «ввиду того, что при подсчете получается одна и та же цифра»⁴⁹.

В разгар внутрипартийной борьбы в «Правде» был назван один из важных аспектов парламентаризма оппозиционеров: требование «пропорционального представительства» в Московском комитете партии (очевидно, и в районных комитетах тоже). Это, по мнению сторонников ЦК, составляло «программу-минимум» оппозиции. Утверждение редакции «Правды» базировалось на письме Ивана Скворцова-Степанова, пересказавшего выступление Преображенского на собрании Государственной электростанции 21 декабря, хотя при этом отмечалось, что Преображенский сразу же заявил, что его неверно истолковали⁵⁰. Толкование этого принципа дал и Рыков, по мнению которого, он означал «...коалицию двух партий в составе всех советских органов, реорганизацию ЦК и ЦКК на основе согласования двух группировок... и это значит организацию объединенного комитета, как это было при меньшевиках, и это значит раскол». Преображенский, выступавший следом, ограничился простым обещанием «показать пример партийности» своим оппонентам: «Если получим большинство, тогда мы выберем их, как выбирали бы при нормальных условиях»⁵¹. Оппозиционер Назаров на Московской губернской конференции, когда в победе большинства ЦК уже не было никаких сомнений, высказал идею пропорционального представительства в наиболее прозрачной форме:

Я спрашиваю... надо ли учесть то соотношение мнений, которое выяснилось в этой дискуссии?... Я уверен, что только совместной работой представителей этих двух мнений в организации вы создадите тот старый стальной аппарат, о котором тоскует партия и который мы имели в подполье и которого так настойчиво требует партийная масса. Не подвергайте остракизму оппозицию, а втяните ее в аппарат, заставьте ее вместе с вами отвечать за все, что вы делаете⁵².

Но уже тогда сторонники ЦК говорили о «беспринципности» оппозиции. 11 января в «Правде» появилась статья «Что обещают и что дают». Автор привел пример уездной Воскресенской партконференции, на которой получившая большинство оппозиция, «под руководством Сапронова», не пропустила в состав делегации на губернскую партконференцию оказавшихся в меньшинстве сторонников ЦК. Таким образом, утверждал автор, было нарушено обещание Преображенского⁵³. Какие бы обстоятельства не играли роль на этой уездной конференции, отношение оппозиционеров к пропорциональному представительству имело свои оттенки. «Товарищи, мы в партии не федералисты, не выдвигаем никакого лозунга пропорциональности», — мог сказать Радек, не поясняя, от имени какой группы он говорит⁵⁴. Однако неприятие лозунга не означало неприятия практики. Так, в заявлении меньшинства делегатов Замоскворецкой партконференции говорилось:

Мы считаем, что принципа пропорционального представительства у нас действительно нет, и мы всегда стремились создавать свои исполнительные органы однородными, которые сумели бы проводить линию большинства наших съездов и конференций, но мы всегда стремились, чтобы все оттенки настроений и мнений внутри нашей партии могли выявиться себя...⁵⁵

На уровне ячеек это стремление выражалось в следующей закономерности результатов выборов делегатов на конференцию: кандидаты цекистов проходили чаще всего единогласно, в то время как оппозиционеры — через «рейтинговое голосование», часто в компании с уступающими им цекистами и колеблющимися⁵⁶. Результаты выборов на Московскую конференцию выглядели удручающе, и Преображенский сделал справедливые выводы о технологии подготовки будущего «единогласного» осуждения оппозиции:

На конференции Краснопресненского района оппозиция имела 188 голосов и мы имели отказ включить своих представителей в список. В Замрайоне при голосовании мы имеем соотношение 260 и 230 голосов, мы имеем дальше в Рогожско-Симоновском районе — 127 и 90, и, однако, были выбраны только 4 представителя оппозиции. Когда мы видим такую политику, на что мы сможем рассчитывать. По Москве, по подсчетам ЦК, он имеет несколько больше половины, а нам кажется, что мы имеем

половину, мы не будем спорить, но примерно соотношение стоит на этом уровне, но при выборах на конференции — это соотношение всюду уменьшалось. На губернских конференциях будет же очевидно подобный метод выборов, которым прикрывается действительное соотношение в нашей партии. Это есть не что иное, как подготовка казенного благополучия, у нас соберется конференция, будет 600 членов и только 50 или 60 представителей оппозиции, что не соответствует реальному соотношению сил⁵⁷.

В действительности на конференции оказалось еще меньше оппозиционеров, и они направляли заявления протеста Московской губернской конференции против непропорционально низкого числа своих делегатов. «У нас в прежнее время никогда не было, даже [в ходе] профсоюзных дискуссий, чтобы оппозицию организованно исключали из представительства», — возмущался Преображенский. Выступая на конференции, где царила более дружеская атмосфера, Сапронов заявил, что в Рогожско-Симонском районе на Московскую губернскую конференцию не было пропущено ни одного делегата-оппозиционера, несмотря на то что сторонники ЦК имели большинство всего в 30 голосов; в Замоскворецком районе победившие с разницей в 31 голос сторонники ЦК делегировали три-четыре оппозиционера из сорока. В ответ на выкрик «это пропорционально», Сапронов ответил, что необходимо предоставлять количество делегатов, отражающее не абстрактный общий вес оппозиции, а соответствующее конкретному собранию, «чтобы его мнение отражалось целиком и полностью». «Разве это атмосфера уступок и согласования вопросов внутри партии, — возмущался Сапронов. — Это арифметика раскольническая (Аплодисменты)». Он иронизировал над тем, что оппозиция смогла бы получить большинство только тогда, когда у нее было бы 95 % сторонников внутри партии, а 80 % — это уже недостаточно⁵⁸.

На Краснопресненской конференции 4 января 1924 года оппозиционерам отказали в пропорциональном представительстве в райкоме и на губернской партконференции, но произошел уникальный конфликт. Ярославский, ссылаясь на другого члена ЦКК, сообщил членам Политбюро, что после этого

...Рафаил предложил открыть собрание оппозиции, объявил заседание открытым для обсуждения положения и выборов делегатов на губпартконференцию и в райком от оппозиции. Но

собрание фактически не могло состояться из-за сплошного рева и шума, продолжавшегося с 2-х до 4-х ч. утра, после чего все разошлись в невероятно озлобленном состоянии⁵⁹.

В результате голосований оппозиция практически нигде не получила большинства в выборных органах. Это лишь отчасти снимало тревогу среди большинства ЦК. Вскоре после победы Бухарин просил Зиновьева «...не переоценивать ни размеров, ни характера, ни прочности победы. Мы сражались по существу только в Москве. Мы имели в руках весь аппарат. Мы имели печать и т. д. Наконец, мы имели — что очень важно — в своих руках идею единства и преемственности партийной традиции, персонально воплощенную. И все же оппозиция в Москве оказалась довольно значительной, чтобы не сказать больше»⁶⁰. Разумеется, в ходе дискуссии Бухарин публично отрицал значение «формальной демократии» для внутрипартийных дел⁶¹. Несмотря на все тревоги, победил политический прагматизм.

Изначально не только лидеры оппозиции, но и ее рядовые сторонники в ячейках отмечали, что «многие не знают, что такое демократия»⁶². Во время конференции в Хамовническом районе Москвы работница Охалкина в своей сверхэмоциональной и путаной речи воскликнула: «Здесь собрание ЦК, МК, райкома, Коминтерна, а рабочего ни одного»⁶³. Тогда в прения записались десятки партийцев и неоднократно ставился вопрос о полном прекращении выступлений или ограничении их пятью минутами. Но в конце концов решение было принято в соответствии с классовым подходом: давать слово только делегатам-рабочим «от станка». Один из таких делегатов, рабочий типографии, все свое выступление построил на риторике недоумения: по какому вопросу в действительности идет такая непонятная борьба?⁶⁴ Работница, выступавшая следом, выразилась буквально: «...мы никак не можем разобраться, кто из них прав и кто виноват, черт их знает, по всей вероятности, дерутся из-за своих министерских кресел, а нам головы путают. Мы ни черта не разбираемся в этом»⁶⁵. В низах партии, как показывает одна из агентурно-осведомительных сводок ОГПУ, даже рабочие с партстажем с 1900 года также могли воспринимать дискуссию как решение вопроса, «кому быть у власти: Зиновьеву или Троцкому»⁶⁶. Восприятие политических конфликтов через традиционный шаблон «борьбы за власть» было вполне ожидаемо. Так, не только участник небольшого собрания в Петрограде мог сказать, что «шумиха, поднимаемая литераторами и газетчиками создает мнение, что кто-то стремится к власти»⁶⁷, но и старый большевик Матвей Муранов мог не удержаться и воскликнуть:

...наши вожди начали революцию как революцию народную, пролетарскую, а сейчас они кончают ее как дворцовую революцию (Крики, шум). Поэтому нужно сговориться вождям, тогда не будут дискуссии и в низах⁶⁸.

Можно смело предположить, что большинство также негодовало, когда один из рабочих в своем выступлении открыто и настойчиво убеждал аудиторию, что «демократия», с точки зрения его собратьев по классу, принесет лишь «вред». Рабочие, с его точки зрения, «не поддерживают демократический централизм», и не столь важно, имелась ли в данном случае рабочая демократия, ключевое слово здесь — «демократия». Сторонник ЦК был настойчив: «Товарищи, рабочие прекрасно знают, что они мало развиты, они прекрасно понимают (Сильный шум). Товарищи, рабочие прекрасно понимают, что они мало развиты (Шум: довольно)». Решение, по мнению оратора, было в сохранении существовавшего режима. Но когда рабочий заговорил о необходимости, в противовес «методам Сапронова», использовать ГПУ, в зале стал нарастать «громкий» и «продолжительный» смех⁶⁹.

Нельзя исключать того, что оппозиционеры выходили из зала во время подобных выступлений. Впрочем, это служило поводом противопоставить рабочие низы и оппозиционные верхи. Ярославский специально для «Правды» дописал фразу, которая отсутствовала в стенограмме: «Вы только болтаете о демократии, а когда здесь выступали рабочие из районов, вы их слушать не хотели и стадами уходили из зала (Голоса: “Правильно”. Аплодисменты. Шум)»⁷⁰.

Возможно, одно из самых острых и отчасти парадоксальных противопоставлений верхов и низов прозвучало из уст главы советской власти Калинина, который заявил, что «...народ, рабочий класс в сущности не страдает от отсутствия демократии, а страдает от этого партия...»⁷¹. С этим, скорее всего, не согласился бы рабочий-оппозиционер с завода «Каучук», утверждавший, что Московским комитетом дважды отменялись результаты перевыборов бюро их ячейки⁷². Безусловно, зная об этих противоречиях, Бухарин, за закрытыми дверями Пленума ЦК 14–15 января 1924 года, констатировал неоднородность оппозиции и поставил задачу: «Рабочих, которые выражают здоровую тенденцию, изолировать от оппозиционных вождей»⁷³.

Смерть Ленина спровоцировала ряд резолюций с заводов и фабрик, которые были направлены даже не столько против оппозиции, сколько против дискуссий вообще. Например, коммунисты и комсомольцы ярославского завода «Труд и творчество» требова-

ли от ЦК «концентрации всех сил и запрета на все дискуссии»; всякие дискуссии становятся «саморазрушительными» для партии. А многотысячное собрание рабочих заводов в Сормово поддержало требование «положить конец непонятному различию мнений». Секретарь Василеостровского райкома Ленинграда писал в отчете: «Споры о правоте платформы быстро потухли после получения известия о смерти тов. Ленина, и сейчас многие горячие сторонники так называемой оппозиции заявляют публично о своей ошибке...»⁷⁴

В редких случаях оппозиционно настроенные партийцы продолжали свою деятельность. В Калуге, где на общегородском собрании 7 января 1924 года большинство поддержало оппозицию, после решений партконференции о прекращении дискуссии «некоторые товарищи... не успокоились и переносили демократию из партии в беспартийные массы». После расследования специальной комиссии «часть товарищей была переброшена, часть исключена»⁷⁵. В Красноярске оппозиционеры были выбраны в один из райкомов в дни проведения XIII партконференции, где они закрепились и продолжили работу. Председатель Сиббюро ВЦСПС Юрий Фигатнер в письме коллеге рассказывал, что новым секретарем выбрали коммуниста, ранее переброшенного решением ЦКК из Тулы за «склоку». С этого момента, писал Фигатнер, «...работа [оппозиции] пошла во всю, секретари ячеек первого района были обработаны, как говорят сибиряки, на "Ять", секретари сплошь рабочие, хорошие, энергичные ребята, оппозиция проводила все время в районе, они не только работали в ячейках, они индивидуально обрабатывали публику, они проводили все свободное время в районе, спали в районе, выпивали с ребятами, словом, все возможное делали, чтобы район был ихний, и они в этом больше чем преуспели»⁷⁶.

Победа сторонников ЦК закрепила тенденцию противопоставления «слова и дела». Так, например, Дзержинский во время дискуссии вызвал аплодисменты, сказав, что критика оппозиционеров происходит не просто при «демократии» в партии, но приводит к «архи-демократии, потому что никакая другая партия не позволила бы заниматься стольким пустословием»⁷⁷. В конце 1924 года уже никого не удивляли слова главы Уралбюро ЦК Харитонова:

Я был на двух окружных конференциях — Пермской и Екатеринбургской. В Перми я не слышал ни одного слова о внутрипартийной демократии и очень мало слышал об этом в Екатеринбургском округе. Я думаю, что будет правильно сказать, что

в каждом отдельном районе чем больше говорят о демократии, тем меньше ее проводят⁷⁸.

Но и молчание о демократии могло быть поставлено в вину ее разгромленным сторонникам. Три бывших оппозиционера в ячейке Наркомфина выступили с заявлением на районной партконференции, что «...оппозиция среди своих последователей объективно культивирует в политическом смысле собачью дряхлость (пассивность и беспринципность) и организационную бесформенность (воздержание от голосований, сознательное поддержание «штиля» на партсобраниях) и т. д. и т. д.»⁷⁹. Сложно судить, насколько это соответствовало действительности. Но можно констатировать, что оппозиционеры если и не были лишены своих мест в руководящих органах (на уровне райкомов их уже не было), то полностью потеряли инициативу в проведении демократии.

Внутрипартийная борьба на время привела к формальной демократизации партийного аппарата: сокращались рекомендации при выборах и количество «перебросок», частично обновилось руководство⁸⁰. Но демократические практики были успешно освоены и в первую очередь применялись для разгрома оппозиционеров и легитимации господства аппарата, вернувшегося к «старому» курсу на бюрократический централизм. Тревогу аппаратчиков вызывало само погружение в демократические процедуры выборов и перевыборов, апелляций и бесконечных дискуссий, создававших атмосферу неопределенности. Оппозиционеры изначально ставили возможность своих «электоральных» успехов в зависимость от «условий» выполнения резолюции о внутрипартийной демократии, справедливо опасаясь аппаратных технологий своих оппонентов. В свою очередь, последние были уверены в наличии у оппозиции аппарата для «борьбы за власть». Рядовые избиратели зачастую не могли разобраться в сути дискуссии и воспринимали ее как «борьбу за портфели». Такое впечатление складывалось не только из-за существования формальных институтов выборов и дискуссий, но и в огромной степени из-за неформальной коммуникации, на след которой наводит характерный фрагмент выступления Каменева:

Я знаю, что в Москве распространяются и муссируются слухи и настроение, что во всем этом вопросе нет никакого политического содержания, а что здесь борется маленькая группка людей за власть, что весь вопрос в том, будет ли у власти «тройка» или один Лев Давидович⁸¹.

2. СЕКРЕТЫ И СЛУХИ

Практики производства, распространения и потребления информации составляли основу политической коммуникации во внутривластной борьбе. Большую роль в этих процессах наряду с официальной и публичной информацией играли «секретные» документы и слухи. Их использование подрывало «нормальный» ход внутривластной дискуссии, приводя к конфликтам инструментализации знания. Слухи играли особенно важную роль, выступая подчас в качестве «альтернативного способа властвования»⁸². Б. И. Колоницкий продемонстрировал, как массовые политические слухи о монаршей семье Романовых успешно функционировали в качестве катализатора «антимонархического сознания» и дискредитации власти в преддверии революции 1917 года⁸³. Вековые навыки использования слухов к началу 1920-х годов, разумеется, никуда не исчезли, они «прорывали» каналы неофициальных взглядов на события и формировали сами новые события.

Конфликты в руководстве партии не были секретом для большинства партийного актива. Накануне XII съезда член ЦК РКП(б) Александр Смирнов, вернувшись с провинциальной партконференции, писал в аппарат ЦК, что «во Владимире, “по слухам” из Москвы, есть представление, что в ЦК имеются группировки, ставящие перед собой цель (по болезни Ленина) увлечь партию на путь троцкизма»⁸⁴. Источники и проводников этих слухов выявить практически невозможно, да это было не столь важно, в том числе и для тех, кто «регистрировал» слухи. Смирнов, пользуясь случаем, недвусмысленно подчеркивал, что он против и «группировок», и «троцкизма»⁸⁵.

Представляется, что «глухие стены» в коммуникации между партийцами разных иерархий и регионов могли быть выгодны аппарату ЦК. В этой связи крайне интересно письмо Сталина секретарю Полтавского обкома КП(б)У Борису Магидову 22 ноября 1923 года, написанное в ответ на личное письмо Магидова, в котором выражалось недовольство отсутствием информации о разногласиях в ЦК, «когда к великому нашему прискорбию об этом всюду говорят, об этом сплетничают в беспартийных кругах»⁸⁶. Признав, что «жалобы на отсутствие информации из центра совершенно правильны», и выразив сожаление, что «беда в том, что нельзя обо всем писать», генеральный секретарь сказал, что в январе на партийной конференции он сможет «устно рассказать... обо всем случившемся»⁸⁷. Примечательно, что это было сказано в момент внутривластной дискуссии

о демократизации партии и за две недели до появления резолюции о внутрипартийной демократии, т. е. в контексте все возрастающего требования к большей открытости информации для рядовых членов партии. «За последние полтора года мы питаемся газетными статьями и слухами», — возмущался в те дни автор одной из дискуссионных статей в «Правде»⁸⁸.

Глава ОГПУ Дзержинский стремился быть в курсе всех слухов. 24 декабря 1923 года он направил записку своему секретарю Вениамину Герсону с просьбой передавать ему «сводки о слухах, распространяемых в связи с нашей дискуссией»⁸⁹. Некоторые из них направлялись Сталину. Одно из донесений агента-осведомителя уместно привести целиком:

8 ноября в 12 часов в столовой [Военной] Академии подсел ко мне слушатель младшего курса Ландин и спросил, знаю ли я о разногласиях в верхах партии.

Когда я... спросил, а что же произошло, то он сообщил, что тов. Троцкий обвиняется в бонапартизме, почему он изолируется и, по-видимому, через это не был и на параде 7 ноября. Кроме того, 45 ответственных членов партии подали коллективное заявление о своих несогласиях с политикой партии, какое же заявление и кому адресовано, он не сказал и в конце добавил, что тов. Дзержинский тоже вызывает неудовольствие среди ЦК партии, один раз его якобы так отчитал тов. Шляпников, что он стремглав вылетел из кабинета. На вопрос откуда он это знает — ничего не ответил⁹⁰.

Курсант Ландин, судя по донесению другого агента, был очень разговорчив. В качестве источника своей информации этот член партии с 1918 года ссылался на секретаря Шляпникова и подчеркивал, что хорошо знаком с самим Шляпниковым, и причислял себя к «рабочей оппозиции»⁹¹.

ЦКК начала расследовать нарушения секретности очень рано. Упомянувшийся ранее Жаков не только отказался назвать имена тех, кто дал ему письмо Троцкого, но в дни сбора подписей под «Заявлением сорока шести» принес письмо на обсуждение группы слушателей Института красной профессуры. Он подчеркнул, что поступил так по собственной инициативе, ограничив круг посвященных «ответственными губернскими работниками, большей частью со значительным партийным стажем». Свое право на это он аргументировал не только заключительными строками письма Троцкого, но и наличием «множества различных источников "слухов", весьма

широко распространенных всюду» и тем, что в Институте красной профессуры «до того о письме говорилось ответственными товарищами, как например Н. И. Бухариным»⁹². Об этом стало известно контрольным органам партии вследствие того, что обеспокоенные члены бюро ячейки ИКП отправились на прием к Молотову за инструкциями (при этом они миновали формального начальника института Бубнова, узнав, что он подписал «Заявление»). Член бюро М. П. Блинов, присутствовавший на двух организованных Жаковым «совещаниях», утверждал в письме Ярославскому, что по вопросу о поддержке Троцкого мнения разделились, а бюро ячейки придерживалось точки зрения, что «сейчас вредны всякие дискуссии». Не известно, в какой степени мнение автора было сформировано под влиянием разговора с Молотовым, который не только обсудил с ними все секретные письма, но и «рекомендовал... реагировать только на нелепые слухи»⁹³.

Официальная информация поступала медленнее. Так, статья Зиновьева 7 ноября, открывшая дискуссию в печати, была опубликована в томском «Красном знамени» 10 ноября сильно сокращенной (ее передали по радио); центральные газеты приходили как минимум с недельным опозданием⁹⁴. Интенсивность внутрипартийной борьбы приводила к всевозрастающему информационному голоду. Так, в разгар внутрипартийной борьбы, когда многое тайное становилось явным, председатель Сибирского бюро ЦК Косиор сообщал в ЦК, что, во время своей поездки в Иркутск и Красноярск, он «...установил, что кое-как информация о последнем [Октябрьском 1923 года] Пленуме ЦК и ЦКК в верхушки губернских организаций проникла. Разговоры велись вокруг Троцкого...»⁹⁵. Сообщая Сталину о ситуации в Харькове, что «информация, идущая из Москвы окольными путями, подхватывается здесь и используется», глава украинских контрольных органов Лебедь уточнил: «В частности, ведутся разговоры о дискуссии в Свердловске, где якобы Зиновьева не хотели слушать, и т. п.»⁹⁶. Примечательно, что письмо было написано 4 декабря, а собрание, так взволновавшее самого Зиновьева, состоялось 28 ноября. Звучавшие в записках участников этого собрания протесты подчас могли принимать и такую форму: «Свердловцы знают гораздо больше, чем Вы думаете, и нечего нам замазывать глаза»; «Свердловцев баснями не кормят», и т. д.⁹⁷

Не известно, обнаружил ли Косиор в партийных верхах Восточно-Сибирских губерний секретные документы, но в Томск «десяток копий» письма Троцкого был доставлен братом видного московского оппозиционера Иннокентия Стукова. Он распространил их среди студентов Губернской совпартшколы, которой он заведовал. «По

части распространения секретных документов мы в Томске насчитываем 3 группы», — докладывал секретарь Томского губкома⁹⁸. Оппозиционер Минкин, по словам секретаря Уралбюро, привез в Екатеринбург «очень тяжелую папку различных документов» и, озвучив их, «сделал услугу» тем, что нарушил дисциплину и потерял тем самым «сочувствие» немногих местных оппозиционеров⁹⁹. 4 января 1924 года Сталин получил шифровку из Тифлиса, в которой грузинское партруководство сообщало, что приехавший двумя днями ранее из Москвы Акакий Кобахидзе передал члену ЦК КП Грузии Кванталиани секретные документы. Причем Кобахидзе якобы заявлял, что документы ему передал лично Троцкий¹⁰⁰. Разумеется, не всегда можно было выявить и подсчитать подобные группы, поэтому вопрос о степени «насыщенности» провинции секретными документами остается под вопросом. Можно смело предположить, что удельный вес слухов преобладал над документами.

Руководящие партийные работники требовали решить проблему слухов. Красноречивую шифротелеграмму получил Сталин от членов Политбюро украинской компартии 17 декабря: «Партия требует информацию о последнем [Октябрьском] Пленуме. Рядовые работники информируют собрания по слухам. Настаиваем на решении вопроса опросом по телеграфу. Предлагаем поручить Политбюро определить форму границ информации»¹⁰¹. 24 декабря в Бюро ЦК пишет секретарь Кубано-Черноморского обкома Анс Аболин, лояльный партийному большинству (в 1924 году он будет назначен первым заместителем заведующего Агитпропом), но откровенно недовольный информационной политикой ЦК. Приведем соответствующий фрагмент полностью:

Я еще на сессии ЦИКа СССР говорил тов. Микояну и Ворошилову, что в совершенно нелепое положение Центральный комитет ставит Бюро Губкомов и секретарей губкомов, в частности, не информируя о том, о чем вся Москва говорит. Ответ, что информация Цека могла бы послужить началом дискуссии о положении внутри Цека, я считаю недостаточно обоснованным. Ведь вопрос не в том, открывать или не открывать дискуссии. Дискуссия идет. Вопрос о том, руководить или не руководить ею. Конечно, лучше отсутствие руководства, чем плохое руководство плохих секретарей губкомов. Но недоверие Цека в силы и политический разум секретарей губкомов не основательно. В том, о чем партия говорит, руководители организаций должны быть ориентированы. При теперешнем положении вещей мы ориентируемся без помощи Цека. Это ненормально.

Написанное в разгар внутрипартийной борьбы, в ходе которой 30–40 % Кубано-Черноморской парторганизации поддержало оппозицию, это письмо едва скрывает недовольство информационной политикой Старой площади. Аболин привел очень тревожные факты:

В кулуарах... по рукам ходит письмо т. Троцкого. Из него цитируются целые страницы, разумеется, без ссылок на письмо и упоминания самого факта существования письма. Письмо ходит по рукам не только в Новороссийске и Краснодаре, насколько мне известно, и по Майкопу и Армавиру. Слухи о взаимоотношениях внутри Цека проникали даже до Майкопских нефтепромыслов, заброшенных в глуши¹⁰².

Схожую ситуацию констатировали в Самаре, где «...оппозиция, пользуясь своей безответственностью, оперирует документами... снабжая ими гражданских и военных вузовцев, разъезжающих (sic!) на каникулы, которые имеют у себя особые мандаты для активных выступлений (в Бузулуке, Самаре)». Наоборот, «ответственные товарищи», не имеющие «...ответных документов, принужденные черпать материалы только из газет, бессильны отвечать на ложь и клевету»¹⁰³.

По сравнению с провинцией, московская партийная организация была в более привилегированном положении. Но и там, по утверждению Сапронова, на партийных собраниях подавали записки с вопросом «Где Троцкий? почему его не допускают выступать»¹⁰⁴. «Товарищ Каменев на одном из районных партийных собраний говорил о заявлении 46-ти, в чем тут дело?» — спрашивал Зиновьева анонимный автор записки после доклада перед «свердловцами»¹⁰⁵. За подобными вопросами таились и множились разнообразные слухи.

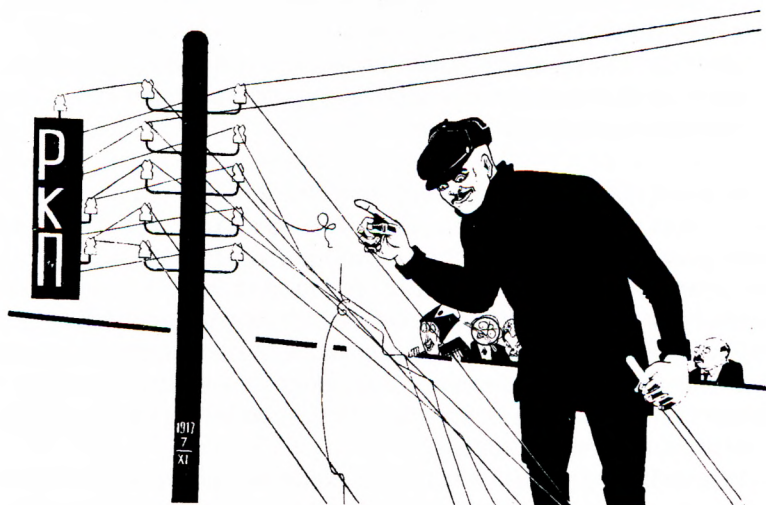
13 декабря бдительный секретарь одной из московских ячеек сообщал Молотову, что о письме Троцкого ему рассказал «...один из студентов, который добавил, что это “письмо” он получил от товарища, близко стоящего к ЦК». Автор подчеркивал, что он не верит в подлинность документа, а само его распространение расценивал как «провокацию»¹⁰⁶.

В избранных направлениях информационная «слышимость» улучшалась партийной верхушкой. Так, 2 декабря 1923 Сталин, выступая в Красной Пресне, зачитал типичную записку: «Скажите, какое основание имеет слух в среде партийцев о каком-то секретном письме т. Троцкого. Каково его содержание? Довольно секретов. Сообщите». Подчеркивая, что он не имеет права разглашать содержание документов,

Сталин, тем не менее, назвал все основные документы и дал им трактовку. Вскоре, в ответ на возмущение Троцкого, Политбюро признало выступление Сталина ошибкой, но совершенной из благих побуждений, акцентируя при этом «все большее распространение» запрещенных документов и распространение «нелепых слухов, имеющих целью подорвать авторитет ЦК». Задним числом оправдывая свое решение огласить секретные документы, Сталин назвал «гибельный метод борьбы оппозиции, метод создания (!) сети сплетен вокруг Политбюро» целым «специфическим методом тов. Серебрякова»¹⁰⁷.

Вскоре после своего выступления в Красной Пресне Сталин попросил ректора Коммунистического университета письменно подтвердить свое устное сообщение ему о «широком распространении» документов оппозиции среди студентов¹⁰⁸. Слухи о «затягивании» начала дискуссии и «неверная информация» о намерениях бюро пригласить для доклада одного Зиновьева, минуя Преображенского, послужили поводом для проведения пленума объединенного бюро ячеек Комуниверситета 29 ноября 1923 года, на котором присутствовал ректор Мартын Лядов. В ходе собрания было сообщено «о нелегальных письмах якобы т. Троцкого и др. которые ходят по рукам студентов 3-го созыва». Ректор жестко реагировал на распространение «слухов» и «подпольных писем, неизвестно от кого исходящих», заявив о невозможности самих «разногласий» или «другой постановки вопросов дискуссии», кроме как утвержденных пленумом ЦК¹⁰⁹. Бюро парторганизации Петроградского Коммунистического университета также безуспешно требовало сдать все письма Троцкого, вторичные и третичные копии которых продолжали ходить по рукам¹¹⁰. Напомнить о допустимых границах распространения информации требовалось уже просто потому, что они последовательно нарушались. Некоторые крупные парторганизации вновь и вновь возвращались к проблеме слухов.

Самые разные партийные структуры наблюдали одновременное распространение секретных документов и слухов. Эти два информационных потока неизбежно пересекались и накладывались друг на друга. «Мы все читали заявление 46-ти. Из разговоров товарищей было видно, что это какая-то таинственная записка, о которой никто не мог узнать». В этих двух предложениях, которые логически должны были следовать в обратном порядке, один из рядовых оппозиционеров выразил двусмысленность секретности «Заявления сорока шести»¹¹¹. Еще месяцем ранее ситуация была иной. Некий Шестов, выступая с критикой ЦК, сбивчиво, но осторожно говорил о группе «сорока шести». Риторика балансировала на грани фарса:

Дискуссия, не путай мои провода.

«Дискуссия, не путай мои провода»

Рис.: Д. Моор.

(У станка. 1924. № 1)

В первом номере «заводского» журнала «У станка», издававшегося в 1924 г. Московским комитетом РКП(б), связь между властью и населением была визуализирована в телеграфных проводах. Позади бдительного «рабочего», указывающего на повреждения системы коммуникаций, изображены политические враги большевиков в эмиграции: барон П. Н. Врангель, П. Н. Миллюков, В. М. Чернов и Ф. И. Дан.

Я знаю несколько товарищей, которые знают о существовании 46-ти, целый ряд ответственных работников, они знают о существовании этой группы, с ушка на ушко. Не знаю, насколько знают об этом т.т., сидящие здесь, я же знаю с ушка на ушко с просьбой никому не говорить (*В зале: «Знаем и тоже с ушка на ушко»*). Никто не знал. Знали по слухам, знали урывками, знали частичные мелочи этой платформы...

Важнее, независимо от того, знал ли в действительности Шестов содержание платформы, было то, что он обратил ситуацию господства слухов против своих оппонентов. В заключение своего бесхитростного выступления он поднял вопрос о положении Троцкого, чтобы потребовать от Каменева «разбить почву для этих сплетен». В ответ Каменев назвал сплетни «политическим орудием» буржуазии, а «первой добродетелью коммуниста» — умение «себя оградить от сплетен»¹¹². Сторонники ЦК отнеслись к этому со всей серьезностью.

19 декабря в «Правде» была опубликована передовая статья с характерным названием «О клевете и сплетне», в которой утверждалось, что последние «...были всегда орудием политической борьбы со стороны политических группировок, которые находятся в затруднительном положении и дела которых плохи...», а их проникновение в партию объяснялось «разлагающим влиянием нэпа». Внимательный читатель не мог не понять, что в «безответственных выступлениях» обвинялись те, кому вскоре предстояло получить клеймо «мелкобуржуазного уклона». В случаях использования «приемов личных нападок и клеветы», на «каждого честного коммуниста» возлагалась «обязанность требования *расследования и проверки фактов*»¹¹³.

Свое выступление на собрании московского партактива Каменев начал с этого вопроса. По его мнению, «...мелкобуржуазная сплетня, просачивающаяся, чтобы подорвать авторитет центральных наших учреждений, является политическим орудием против нас...». Опасность, по его словам, была в том, что «недостаточно устойчивые» партийцы поддаются под их влияние¹¹⁴. Выступавший тогда же Сапронов заявил, что Политбюро было против публикации известной статьи Ленина о реорганизации Рабкрина. Каменев объявил это слухом, в ответ на что Сапронов предложил выбрать комиссию для изучения дела¹¹⁵. Сам Каменев обратился к конкретному слуху про «секретную телеграмму» ЦК, служившую директивой о необходимости «травить тов. Троцкого», которая якобы была озвучена Варейкисом на партсобрании в Киеве¹¹⁶. В ответ на строгие слова докладчи-

ка: «...или ты должен дать документы, или ты сплетник и долой с трибуны», из зала спросили: «Как же быть, раз это секретно»¹¹⁷. На эти резонные вопросы разъяснений не последовало.

К слухам прибегали подчас и сторонники ЦК. Официальный докладчик на собрании парторганизации Отдельного дивизиона подлодок в Петрограде открыто ссыался на непроверенные сведения, выдвигая одно из наиболее опасных обвинений в адрес оппозиции: «По слухам, в Москве группа Преображенского и Сапронова имеет свой центр, который назначает и распределяет докладчиков на фабрики и заводы со своими тезисами»¹¹⁸.

Требование «предъявлять документы» для обеспечения «делового характера» дискуссии раздавались регулярно. Когда оно прозвучало из уст Бухарина, Радек ответил весьма своеобразно: он привел в пример недавнее признание Бухарина в том, что в 1918 году левые эсеры устно предложили «левым коммунистам» арестовать Ленина. «Товарищ Полонский головой качает, — иронизировал Радек. — Тов. Полонский, если тов. Бухарин документы предъявит, тогда будете иметь право качать головой, а пока это есть просто анекдот и очень опасный»¹¹⁹. Известный партийный шутник обернул логику сторонников «документальности» против них самих, и это имело далеко идущие последствия для бывших «левых коммунистов», в том числе и для самого Радека, в годы террора 1936–1938 годов.

Как оппозиционеры использовали находившиеся в их руках секретные документы? Сапронов начал свое выступление на Краснопресненской конференции с того, что назвал «двойной моралью» цитирование Каменевым фрагментов «Заявления сорока шести». Он заявил, что большинство ЦК «прикарманили» его, т. е. запретили распространение, чтобы с началом «нового курса» объявить его «клеветой». Сапронов процитировал фрагмент и на другой конференции, сославшись на прецедент Каменева¹²⁰. Вскоре в Хамовниках Сапронов вновь решил процитировать «одно место». В ответ кто-то из делегатов выкрикнул, что «имеется постановление ЦК не оглашать» его, и в зале раздался шум, вероятно, как в поддержку, так и в осуждение. Сапронов ответил, что он «слишком дисциплинированный член партии» и процитирует только то, что уже цитировалось членами Политбюро. На вопрос, подчинится ли он, если ЦК привлечет его за это как нарушителя партийной дисциплины, оппозиционер сказал: «Конечно, товарищи, какой же разговор»¹²¹. На партконференции Рогожско-Симоновского района Радек, выступавший с содокладом от оппозиции, шутил:

Тов. Рыков здесь цитировал письмо 46-ти и хотя сказал, что ему за это попадет, но это все-таки второй раз делает. Я, товарищи, считаю, что ему, может быть, и не попадет, а вот мне, наверное, попало бы (аплодисменты). Я сожалею, что не принес с собой документов, но сегодня вечером это сделаю за широкой спиной т. Рыкова¹²².

Известен случай, когда оппозиционер заявил об использовании секретного документа сторонниками ЦК. 9 января 1924 года под занавес конференции в Хамовниках Федор Дингельштедт зачитал заявление, в котором «...указал на факт, имевший место две недели тому назад в Киеве на одном из партийных собраний, где секретарь губкома т. Варейкис огласил ряд выдержек из секретного документа, подписанного семью членами ЦК, рассылаемого в местные организации и имеющего цель вызвать в партийных массах недоверие к одному из вождей РКП тов. Троцкому». Выдержки из письма членов Политбюро вызвали в Киеве «единодушное возмущение», Варейкис отказался зачитать документ целиком, а протокол собрания был запрещен к распространению киевским губкомом. Дингельштедт признал, что «при таких условиях» документально подтвердить свои показания он не способен, «ибо необходимые документы, очевидно, только избранной, благонамеренной части партии». Оппозиционер возмущался ситуацией, в которой «...рядовой член партии под градом секретных документов, запрещенных к оглашению и все же цитируемых представителями аппарата там, где это выгодно им, поставлен фактически в положение неравноправного парии...»¹²³. Дингельштедт передал адреса членов партии, которые могли бы подтвердить эти факты перед лицом комиссии и ЦКК. Каменев обвинил его во «лжи и сплетничестве», и расследование началось силами конференции.

Была образована комиссия под председательством Исаака Беккера, тогда студента МГУ. Застенографированное заседание было созвано вследствие требований как со стороны Каменева, так и Сапронова, и посвящалось «проверке правильности или неправильности сообщенных фактов в заключительном слове тов. Сапронова др. ораторов». В начале заседания Сапронов отметил, что следовало бы вызвать намного больше свидетелей, в том числе из Политбюро. Его показания касались скандальной истории публикации статьи Ленина о Рабкрине, против которой выступали вначале большинство в Политбюро, а Куйбышев предложил напечатать один-единственный номер только для Ленина, и которая была напечатана только после

поддержки Каменевым Троцкого. Комиссии было необходимо установить факт, а потому единственное, что Сапронов мог сделать в доказательство своих слов, — это сослаться на свидетелей заседания Осинского, Преображенского, Смирнова и Пятакова. Затем Сапронов повторил свое обвинение редакции «Правды» в злонамеренном искажении информации о дискуссии¹²⁴. Вызванный для показаний Иосиф Южак¹²⁵ открыто заявил, что, будучи временным сотрудником редакции «Правды» от ЦК (в котором он был одним из помощников Сталина), он похитил документы, на основании которых Радек, Троцкий и Пятаков потребовали расследования. Примечательно, что Сапронов, требуя большей информационной открытости, потребовал право присутствовать при допросе Каменева: «Я не свидетель, я являюсь и обвинителем, и обвиняемым, а вы знаете, что обвинители и обвиняемые должны присутствовать при допросе свидетелей». Но члены комиссии с ним не согласились. Вряд ли они могли разделять и его требование «судить» обвиненного в фальсификации «как уголовного преступника»¹²⁶.

Работа затянулась, лишь через месяц комиссия обратилась в Политбюро с просьбой разъяснить ситуацию. Ответ последовал 23 февраля 1924 года от Куйбышева, который признал, что до начала формального заседания он высказал «летучие мысли вслух» набрать специальный номер для «Ильича», но затем голосовал вместе со всеми за немедленную публикацию. Куйбышев объяснил «ложь» Сапронова тем, что он повторил фразу из письма Троцкого 23 октября 1923 года, «подсказанную», в свою очередь, «интересами борьбы» против ЦК и ЦКК¹²⁷. Комиссия также обратилась в Секретариат ЦК с просьбой сообщить, действительно ли, как утверждал Дингельштедт, была телеграмма ЦК, направленная против Троцкого¹²⁸. Сталин, полностью поддержав версию Куйбышева, назвал сообщение Дингельштедта «либо сплошным вымыслом, либо фракционным бредом его автора»¹²⁹.

Общественное мнение в целом способствовало осуждению партийцами нарушений информационной чистоты, и это играло на руку большинству ЦК. Даже в преимущественно оппозиционной аудитории «свердловцев» прозвучали аплодисменты Каменеву, сказавшему, что «всякое колебание авторитета ЦК с помощью расказней и сплетен есть политическое преступление»¹³⁰. Уже 4 января 1924 года Президиум ЦКК рассмотрел одно из таких «преступлений» на примере дела Петра Кутузова, отказавшегося сообщать, «...кто распространяет и кто передал ему запрещенные к распространению секретные письма т. Троцкого и платформу 46-ти для ознакомления». Коммунист получил выговор

... за то, что он на основании непроверенных слухов, которые не должны были быть известны Кутузову и не могли быть им лично проверены, выступил на широком партийном собрании активных работников и бюро ячеек Замоскворецкого района с заявлением, которое было понято значительной частью собрания как сообщение о действительной изоляции т. Троцкого от партийной деятельности, и за вторичное, еще более неосторожное выступление, с перечислением фактов, совершенно неправильных, необоснованных и подрывающих авторитет партии¹³¹.

Примечательно, что Кутузов попытался объяснить, что он имел в виду до того, как этого потребовали от него контрольные органы. В заявлении председателю собрания 9 декабря он объяснил, что речь шла «...не о какой-либо физической изоляции, что явилось бы невозможным абсурдом и полнейшей чепухой и о чем могут болтать лишь контрреволюционные сплетни». Наставив на том, что Троцкий изолирован политически, Кутузов заявил о праве ставить этот «больной вопрос» перед докладчиками из ЦК, «...чтобы знать, где среди слухов правда, а где начинается меньшевистско-контрреволюционная сплетня»¹³².

Это решение было принято, когда уже мало кто сомневался в поражении оппозиции. По мере упрочения победы большинства ЦК, контрольные органы партии приступали к расследованию дел оппозиционеров, значительная доля которых касалась распространения «секретных» документов и слухов. Спрос на расследования контрольных органов фиксировался в резолюциях сторонников ЦК¹³³. Пленум Петроградской контрольной комиссии 3 января 1924 года был целиком посвящен проблеме «фракционно-дезорганизаторских выступлений целого ряда лиц и распространении ими нелегальных писем». Докладчик утверждал, что источниками «разложения» выступили «разъездные агитаторы» из Москвы: сын одного из «сорока шести» Виктор Эльцин из Института красной профессуры и студенты-свердловцы, которые стремились проводить «...нелегальные групповые собрания, проповедуя взгляды оппозиции и распространяя по высшим и военным учебным заведениям и в воинских частях переписанные от руки и перепечатанные на машинке...» запрещенные документы. Трудность состояла в выявлении ответственных за это из числа москвичей, так как «много пересылалось пакетами и почтой»¹³⁴. Петроградские оппозиционеры, подобно слушателю Школы летчиков-наблюдателей В. А. Кушакову, могли сначала отказывать требованиям райкома сдать документы и выдать того, от кого они их получили, аргументируя это тем, что «последний из-за

этого может застрелиться», а затем подать заявление с признанием ошибки и в порядке наказания получить всего лишь «предупреждение»¹³⁵.

Когда оппозиция была полностью разгромлена, обвинение в «незаконном распространении секретных документов» и отказе назвать источник их получения могло привести к исключению из партии¹³⁶. Громкий случай исключения из партии подпольщика Павлюка неоднократно обсуждался на Кубано-Черноморской конференции в мае 1924 года¹³⁷. При этом любопытно, что в отношении упомянутого ранее В. Н. Стукова ЦКК ограничилась подтверждением постановления «о вынесении строгого выговора за распространение секретных на правах шифра писем ЦК РКП», вынесенного в Томске¹³⁸. В ходе «чистки», начавшейся в марте 1924 года, обвинение в распространении слухов могло усугубить положение обвиняемого. Так, 24 апреля Ленинградская губернская проверочная комиссия «исключила за невыдержанность и комчванство» члена партии, обвиненного «...в шантажирующем распространении слухов, злоупотреблении именами ответственных работников: Калинина, Троцкого, Евдокимова...»¹³⁹.

Любопытно, что, согласно Зиновьеву, члены ЦК хотели поставить на обсуждение своего пленарного заседания вопрос об издании секретных документов в брошюре «для более широкого круга руководителей всей партии»¹⁴⁰. Пленум ЦК 14 января 1924 года постановил раздать членам XIII конференции РКП(б) и разослать губкомам на правах закрытого письма все документы, запрещенные ранее к распространению¹⁴¹. В предисловии к вышедшей в те дни брошюре «Новый курс» Троцкий отдельно остановился на проблеме того, что он назвал «...огромным количеством “фактов” и сведений, которые не имеют ничего общего с действительностью, а представляют собою — мягко говоря — продукт мимолетных вдохновений». Не конкретизируя свои обвинения, Троцкий заявил, что «...потребность прибегать к таким сильно действующим средствам выражает, в сущности, неуважение к партии». И в качестве «важного средства партийного воспитания и самовоспитания» Троцкий настаивал не просто на «тщательной проверке цитат, цифр и фактов, брошенных в оборот», но и счел «...весьма полезным, если бы учащаяся молодежь в основу своих работ — исторических, экономических, статистических — положила углубленную проверку для себя тех данных, которые введены в оборот...»¹⁴². Несмотря на частичные послабления информационной политики, которые могли вызвать сдержанный оптимизм Троцкого, партийные органы прежде всего сосредоточились на защите режима секретности.

Еще 4 марта 1924 года ЦКК пришлось вынести отдельное постановление, в котором констатировалось «широкое распространение» секретных документов¹⁴³. Как утверждали следователи ЦКК, в Москве оставались лекторы-троцкисты, уверявшие студентов, что «Троцкий прав» и у них «есть материалы» в доказательство этого¹⁴⁴. Оган Догард (1907–1995) уверял, что, будучи работником типографии, лично отпечатал две тысячи экземпляров в 1924 году, после XIII съезда¹⁴⁵. Ситуация не сильно менялась в течение нескольких лет, и к началу внутривнутрипартийной борьбы в 1926 году многие партийцы были хорошо осведомлены о секретных документах. Члены Политбюро приняли решение, весьма характерное для контекста информационной политики начала 1924 года, удалив из текста письма членам ЦК и ЦКК фрагмент с достаточно серьезным обвинением, которое не привело ни к каким расследованиям:

Небезынтересно будет отметить, что чья-то услужливая рука доставила известное письмо т. Ленина, полемизировавшего с т. Сталиным по национальному вопросу, в руки меньшевиков. Этот документ напечатан вместе с записочками т. Троцкого в «Социалистическом вестнике» от 17 декабря 1923 г. Комментарии излишни. Прибавим только, что в том же «Социалистическом вестнике» в августе месяце... помещено было обширное письмо о нашем XII-ом съезде партии, в котором роль т. Троцкого рисовалась в самом благоприятном свете, а все удары направлялись на троих из подписавших настоящее письмо. Тов. Радек, прочитавший это письмо в «Социалистическом вестнике», говорил нам: «Так мог бы написать только т. Осинский»¹⁴⁶.

Многие источники свидетельствуют об огромном значении практик неформальной политической коммуникации во внутрипартийной борьбе. Чтение и цитирование крамолы практиковалось по лекалам традиции революционной субкультуры, которая вступала во взаимодействие с практиками бюрократического контроля возрастающего аппарата партии. Контролировать распространение слухов было практически невозможно, и они, если и не становились «подчас достоянием улицы» (Сталин), то продолжали играть большую роль¹⁴⁷. Впрочем, как показывает история существования специальной «комиссии по проверке слухов» в Свердловском университете, источники и практика распространения «непроверенной информации» расследовались внутри партийных организаций без какого-либо видимого успеха. Судя

по всему, в ходе внутрипартийной борьбы слишком многие были задействованы в неформальных практиках политической коммуникации, чтобы партийные организации могли позволить реальный контроль и наказание. Тем важнее обратиться к деятельности специального органа, боровшегося с нарушениями партийного права, тем более что некоторые из них подчас демонстрировали групповую дисциплину. Ярославский, выступая на Пленуме ЦКК 13 января 1924 года, так живописал картину противостояния:

Все наши попытки вызвать товарищей в ЦКК и установить, кто же является распространителем этих документов — мы вызывали тов. Жакова, который в Институте красной профессуры устроил собрание по этому поводу, и других, — все эти попытки не привели ни к чему. Почти все товарищи держались здесь как в жандармском управлении, это враждебные нам, чуждые люди. В ЦКК они не желали ни рассказывать о своих сомнениях, ни поделиться тем, как они считали возможным это распространить: они держали себя как члены нелегальной фракции¹⁴⁸.

3. ПАРТИЙНОЕ ПРАВО И КОНФЛИКТЫ

Мы, конечно, не орден иезуитов, а мы орден рабочего класса...

*Григорий Зиновьев*¹⁴⁹

Для непосредственных участников и для историков тех событий структурообразующими понятиями служили «конфликт» и «борьба»¹⁵⁰. Конфликт предстает и передней сценой, и закулисным политических столкновений, он пронизывает технологии политической борьбы, заявляя о себе в индивидуальных и коллективных стратегиях. Но именно потому что конфликт, как понятие, столь успешно обобщает множество сложных политических процессов, он заслуживает более пристального и конкретного рассмотрения. Социологи справедливо отделяют понятия «соперничество» и «конкуренция» от понятия «конфликт», определяемого как ситуацию, в которой акторы реализуют «конфликтное поведение» в отношении друг друга для достижения противоположных, несовместимых целей. Такое их поведение понимается как любое поведение всех сторон конфликта, которое способствует достижению цели или выражению «враждебности»¹⁵¹.

В современной историографии уделяется преимущественное внимание громким конфликтам из мира «большой политики» или фигур партийной верхушки. Например, конфликты вокруг редакции «Правды» в июле и декабре 1923 года, когда из нее в знак протеста ушли сторонники Троцкого, или по поводу главы ПУРа Антонова-Овсеенко, которого фактически обвинили в использовании армии во «фракционных целях»¹⁵². Проблема «общественных “низов” в политическом конфликте» ставится исследователями как «самостоятельная и одна из ведущих»¹⁵³, специальному исследованию подвергаются «склоки» провинциальной номенклатуры¹⁵⁴.

Важно обратиться к конкретным политическим практикам, иначе говоря, изучить не только и не столько что *говорили* оппозиционеры, а что и как они *делали* в рамках конфликтного поведения, т. е. какие «конфликтные действия»¹⁵⁵ в каких условиях они предпринимали. Выявление тактик конфликтного поведения оппозиционеров, а также их отношения к состоянию конфликта проливает свет на культуру, практики и пределы возможного в политическом пространстве 1923–1924 годов.

Оппозиционная конфликтность предстает наиболее наглядной, если ее рассматривать в связи с деятельностью контрольных комиссий партии. Их возникновение в сентябре 1920 года отразило стремительный рост социальных, политических и культурных противоречий внутри партии, разрешение которых стало задачей «независимого» от ЦК органа¹⁵⁶. На X съезде в марте 1921 года эти конфликты нашли выражение в напряженной борьбе фракций, поглотившей все внимание делегатов. Контрольная комиссия, хотя и получила к тому времени дополнение к своему названию «Центральная», в целом не играла самостоятельной, независимой от ЦК политической роли, а, наоборот, поддерживала его. Не удивительно, что громадным большинством было принято решение не открывать прения по докладу о работе молодой Контрольной комиссии¹⁵⁷. За день до начала съезда профиль нового органа был очерчен в опубликованном призыве ЦКК «...всех членов партии сплотиться вокруг принятых огромным, подавляющим большинством резолюций, положить на деле конец оформленным группировкам, ликвидировать все личные счета, недоразумения и столкновения...»¹⁵⁸.

Еще более ясно были обозначены практические аспекты в резолюции XI съезда о задачах и целях КК: «На контрольные комиссии ложится серьезная и важная задача — предупреждения и борьбы со склоками и группировками»¹⁵⁹. Первое время наряду с контрольными комиссиями продолжали существовать органы, имевшие корни еще в дореволюционном социалистическом движении: «партийные

суды», «этические комиссии» и конфликтные подотделы при партийных комитетах. Но к концу 1921 года все «конфликтные дела» были отнесены к компетенции КК¹⁶⁰. Для разбора персональных дел коммунистов, имевших, прежде всего, политическое значение, в контрольных комиссиях были созданы партийные коллегии (партколлегии).

Президиум ЦКК, «рабочая тройка» которого состояла из недругов Троцкого — Куйбышева, Ярославского и Гусева, осудил первые выступления оппозиционера уже 15 октября¹⁶¹. Вскоре председатель ЦКК Куйбышев был приглашен Зиновьевым, Каменевым и Сталиным в состав фракционной «семерки». Таким образом, в числе 50 членов ЦКК, судя по всему, был всего один оппозиционер, а ее глава являлся членом секретной фракции, один из лидеров которой, Зиновьев, уже 29 ноября 1923 года обратился к Сталину и Молотову с предложением: «Исподволь начать чистку явно ненадежных элементов» в Московском Коммунистическом университете¹⁶².

Отношение оппозиционеров к контрольным комиссиям было двойственным, противоречивым, но в целом скорее отрицательным, что в огромной степени определялось ее безоговорочной поддержкой «большинства ЦК» (исключения отмечались крайне редко¹⁶³). Троцкий, выступая на Октябрьском пленуме ЦК, прямо заявил, что «тройка» превратила «ЦКК в орудие Секретариата ЦК в этой внутрипартийной борьбе»¹⁶⁴. Примечательно, однако, что призывы распустить контрольные комиссии раздавались не часто, так как они, судя по всему, мыслились как простой придаток партийных комитетов. Наоборот, в отдельных радикальных резолюциях мог звучать призыв «предавать партсуду» тех, кто «мешает» проведению внутрипартийной демократии¹⁶⁵.

Попадание конфликта в фокус внимания КК являлось, с одной стороны, объективной оценкой его значимости, а с другой — механизмом его институционализации. Поэтому важно сфокусироваться на тех эпизодах внутрипартийной борьбы, в которых наиболее полно отражаются грани конфликтного поведения оппозиционеров. В то же время в число рассматриваемых случаев не войдут «склоки», имевшие место в ходе внутрипартийной борьбы (особенно в Астраханской, Симбирской, Новгородской и некоторых сибирских губерниях, а также в Коми и др. республиках СССР). Отметим, что, хотя несогласные с большинством ЦК партийные работники могли увести за собой весомую часть партийных голосов, это не всегда свидетельствовало об их безоговорочной убежденности бороться до конца. Так, в партийной организации Перми, где оппозиция получила чуть меньше 50 % голосов, все подтверждало итоговое заключение секретаря

окружкома, что она была «довольно ручной оппозицией» (см. главу IV, 2). Документы, отражавшие конфликтность на уровне «местных» парторганизаций, т. е. локализованных в границах районов или городов, соразмерных районам Москвы и Петрограда, представляли собой в основном стенограммы партийных заседаний и протоколы губернских, республиканских и Центральной контрольных комиссий¹⁶⁶.

Краснопресненский район Москвы, самый многочисленный и пролетарский по своему социальному составу, а потому имевший особое политическое значение, был наиболее горячей точкой внутрипартийного противостояния¹⁶⁷. Это стало очевидным уже 8 декабря 1923 года во время совещания партийного актива. Его участники могли прочесть в свежем номере «Правды» статью Иды Шумской, в которой руководство райкома обвинялось в «давлении» на рядовых участников внутрипартийных дискуссий¹⁶⁸. Это было продолжением конфликта, вспыхнувшего ранее на собрании групповых организаторов (группиров) во время полемики о ведении дискуссии в ячейках района. Шумская предложила посылать в ячейки докладчиков только в случае требования со стороны самих ячеек и лишь в качестве рядовых членов партии, а не представителей райкома¹⁶⁹. На совещании к этому вопросу обратился Преображенский. Будучи содокладчиком, он искусно инструментализировал локальный конфликт для обоснования общей программы оппозиции: в нескольких предложениях он перешел от деталей, описанных в статье Шумской, к необходимости изменения внутрипартийного режима, и в частности немедленного переизбрания виновных¹⁷⁰. Он подчеркнул, что группорги, подчинявшиеся райкому, должны иметь право выражать свое личное мнение и никто, включая секретаря райкома, не имеет права этому препятствовать, так как партия «переходит к новой жизни». Перформативность высказывания привела к определенному успеху¹⁷¹. Образ врага «новой жизни» был персонифицирован в носителе власти, секретаре райкома Беленьком, и такое противопоставление низов и верхов партии, безусловно, способствовало возникновению конфликтов.

Не удивительно, что Беленький, прежде чем предоставить слово другим ораторам, попытался «документально показать насколько ложно то, что изложено Шумской». Повинуясь логике эскалации конфликта, секретарь дважды заявил, что передаст ее «дело» в ЦКК (минуя, таким образом, уровень московской комиссии). В ответ на просьбу Шумской дать ей слово, Беленький ответил, что она уже «высказалась в печати», чем вызвал «шум и крики протеста» в зале. Шумская была допущена к трибуне лишь после того, как ее права обо-

снова Радек. Виновница конфликта не пошла на уступки и, перед тем как высказаться по существу, повторила «угрозы, обвинения и махание кулаков по адресу демократии на таком широком собрании», прозвучавшие из уст Беленького. Секретарь райкома еще раз подчеркнул, что конфликт будет разрешаться «не здесь, а в другом месте», намекая на высший партийный суд¹⁷². Настойчивые упоминания ЦКК привлекли внимание других участников собрания. Первый же выступивший в прениях, Дробнис, подписант «Заявления сорока шести», вернулся к большому вопросу: «То, что написала тов. Шумская, не является праздной выдумкой. Можно, конечно, пугать тем, что передадут в ЦКК...» Хотя в подтверждение правоты Шумской оппозиционер привел пример дискуссии в собственной партийной организации, он, тем не менее, не стал углублять конфликт и, в отличие от Преображенского, уже не называл конкретные имена¹⁷³. Дробнис перевел внимание с района на партию в целом, и последующие ораторы, хотя атмосфера собрания оставалась накаленной, не уделяли много времени Шумской.

Преображенский продемонстрировал прагматическое отношение к конфликтам и на партийной конференции Замоскворецкого района, проходившей в те же дни. Как и в Красной Пресне, в Замоскворечье оппозиция не добилась поддержки. После принятия собранием резолюции в поддержку ЦК в зале раздался голос упоминавшегося ранее Петра Кутузова, потонувший в сильном шуме, даже помешавшем застенографировать его слова. В тот же момент Преображенский заявил о несогласии с виновником конфликта¹⁷⁴. Случай Кутузова был приведен на Пленуме ЦКК 13 января 1924 года как пример «безответственных выступлений» оппозиционеров¹⁷⁵, но по понятным причинам не был упомянут факт того, что границы допустимого были обозначены одним из лидеров оппозиции. Через месяц в том же районе произошла сходная ситуация. Некий оппозиционер выразил возмущение, что он и его товарищи оказались в третьем десятке записанных для выступлений в прениях. Тогда оппозиционер Сосновский, член президиума собрания, был вынужден выступить с «категорическим протестом» против его «единомышленника» по этому вопросу¹⁷⁶.

Подобный прагматизм конфликтного поведения стал еще более зримым во взаимоотношениях оппозиции и контрольных комиссий. Необходимо отметить, что в 1923–1924 годах «партийный суд» в отношении оппозиционеров отнюдь не обязательно прибегал к наказаниям. Этого, судя по всему, избежала и Шумская. Контрольные органы наказывали сторонников большинства ЦК, если те были чересчур ретивы. Например, в отношении студента Института

народного хозяйства С. И. Автономова 26 апреля 1924 года МКК ограничилось предупреждением, «что при малейшей склоке он останется вне рядов партии», и запретом «занимать ответственные партийные должности сроком на один год». Подробности дела не известны, но такое решение было вызвано острым конфликтом, разыгравшимся в парторганизации, где численно доминировали сторонники оппозиции. Судя по всему, Автономов апеллировал к ЦКК, и та опросом установила, что «склока возникла... в связи с его резкими выступлениями против оппозиционного большинства...». Ни политическая биография, ни тем более взгляды на дискуссионные вопросы молодого коммуниста не вызывали сомнений, так что 15 сентября 1924 года парттройка отменила постановление МКК, указав только «на нетактичность, допущенную им по отношению» к товарищам. Преамбула постановления парттройки послужила фактическим оправданием «резких выступлений» сторонника ЦК¹⁷⁷.

Члены контрольных органов были заняты внутрипартийной борьбой в собственных парторганизациях вплоть до январской конференции РКП(б). Возможно, единственным конфликтом, по которому ЦКК вынесла решение в ходе продолжавшихся дебатов, было дело председателя Главвоенпрома СССР Германа Биткера. ЦКК демонстративно сообщила в «Правде» об исключении оппозиционера — и редакция поместила это сообщение на странице со стенограммой заседания Московской губернской партконференции¹⁷⁸. В одной из советских монографий были воспроизведены обвинения, сводившиеся к тому, что на пленуме МК 14 декабря он «потребовал распустить партаппарат» и «разогнать секретарей парторганизаций», а также разгласил на уездной конференции «целый ряд важнейших секретных документов»¹⁷⁹. Разумеется, подобные сведения требуют проверки, но Биткер, судя по всему, действительно давал поводы для критики в адрес оппозиции. «Биткер [был] ЦКК исключен из партии с достаточно веской мотивировкой... Я скромный провинциал, я не знаю, кто такой Биткер. Но неужели допустимо ставить его имя наряду с заслуженными и известными товарищами?» — вопрошал оппозиционер Иван Врачев на январской партконференции¹⁸⁰. Кроме «провинциала» никто к делу Биткера не обратился. То, что за него не вступились, как за «заслуженного и известного товарища» Антонова-Овсенко, означало, что нарушения «партийного права» было трудно оспаривать¹⁸¹.

Вскоре после январской партконференции, Московская контрольная комиссия интенсифицировала разбор дел, возникших

в ходе дискуссии. Партколлегия МКК собралась уже 24 января — в разгар траура по Ленину, но первое дело, связанное с прошедшей дискуссией, было рассмотрено через неделю. Оно касалось конфликта внутри аппарата ЦК. Бывший секретарь Шифровального бюро ЦК А. К. Ронис-Кантовский, большевик с 1915 года, подал заявление на Льва Мехлиса, действующего помощника Сталина, «в обвинении его в бестактном поведении (удар в грудь и ругательство) при споре партийного общественного характера». Однако дело приняло неожиданный оборот, так как партколлегия постановила, что «...нетактичное нетоварищеское отношение было допущено со стороны обоих, что и поставить [им] на вид. Утверждения т. Рониса о неправильном голосовании кандидатуры т. Невского и поведении Президиума собрания считать голословным и указать т. Ронису на его не партийное, а обывательское отношение к вопросу»¹⁸². В протоколе не разъясняется, о каком собрании шла речь, но неправильное голосование (распространенная форма конфликта, связанная с подсчетом голосов) было связано с Владимиром Невским, в прошлом — активным сторонником «Рабочей оппозиции». На неоднозначном решении партийного суда отчетливо видны следы политической пристрастности.

Уже следующий конфликт, разобранный партколлекгией, был связан с Александром Косаревым, будущим генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ. Во время выборов членов МК комсомола Косарев заявил по адресу оппонента: «Позор Бауманской организации, которая выставляет такого кандидата». Как было отмечено в протоколе, он не имел для этого «никакого основания», за что партколлегия поставила ему «на вид его легкомысленный поступок...»¹⁸³. Это был редкий пример того, что оппозиционеры могли обращаться за справедливостью в инстанции партийного суда. По спорным политическим вопросам лидеры оппозиции предпочитали коллективные заявления в ЦК.

В повестках заседаний партийных судов все чаще ставились дела оппозиционеров. Некоторые из них были относительно хорошо детализированы, что позволяет рассмотреть аспекты конфликтности более пристально.

7 марта 1924 года пленум партколлегии МКК заслушал «Дело тов. Мартынова и тов. Казарьянц ». 23-летний Дмитрий Мартынов вступил в партию в 1919 году, по профессии школьный работник, являлся слушателем Высших курсов НКПС. Людвиг Казарьянц, на год старше Мартынова и его «партийный» ровесник, бывший «подмастерьем парикмахерского дела», обучался на рабфаке тех же курсов.

В приемной ЦКК.

(Ю. Ганф).

Все промелькнули перед нами
Все побывали тут

«В приемной ЦКК. Все промелькнули перед нами. Все побывали тут».

Рис.: Ю. Ганф.

(Красный перец. 1923. № 17. Дек.)

Центральная контрольная комиссия рассматривала множество дел о нарушении партийной этики, дисциплины и т. д., но в контексте внутрипартийной дискуссии данный рисунок мог восприниматься уже в качестве критики оппозиционеров.

Молодые коммунисты обвинялись в том, что нанесли Иосифу Ходоровскому «...необоснованное оскорбление, указав ему в письменной форме на его “политическую непорядочность”, выразившуюся в напечатании статьи “На дискуссии” («Правда» от 18-го декабря 1923 года...), где тов. Ходоровский делится впечатлениями о собрании ячейки высших курсов НКПС». Второе обвинение базировалось на том, что на «...общем собрании той же ячейки названные т.т. своими выступлениями дали слушателям самое... превратное представление о подлинной сущности нашей хозяйственной политики и путях внутрипартийного строительства, высказав мысль и настроения, нетерпимые в рядах партии»¹⁸⁴.

Далее в протоколе, по пунктам и с цитатами, пересказывалось содержание крамольной речи Мартынова. Неправильность линии ЦК в экономике привела к «капитуляции государства перед частным капиталом»; «ЦК привел партию к отрыву от рабочего класса и к ослаблению революционности внутри самой партии»; «...партию, которую ЦК загнало в подполье и держит там уже два года, не могут удовлетворить тезисы, по существу не изменившие положение в партии...». В протоколе было отмечено как «буквальное выражение тов. Мартынова»: «Партия находится в таком состоянии, что вряд ли годна на что либо путное». Так же, судя по всему, даны две цитаты из его речи: в первой говорилось о партии, которая, по мнению Мартынова, состояла из «40 000 членов с молотками и 400 000 с портфелями»¹⁸⁵. Вторая звучала вызывающе: «принципом рабочей демократии» оратор предлагал принцип, сформулированный им: «Наше (партийные массы) дело постановлять, а дело ЦК исполнять и поменьше рассуждать». Согласно мнению одного из его товарищей по ячейке, Мартынов «органически не приемлет НЭПа». Основанием для обвинения Казарьянца послужило относительно безобидное высказывание: «Рабочий класс не верит нашей партии»¹⁸⁶.

Оба оппозиционера утверждали, что Ходоровский «искажил» смысл их выступления с помощью избирательного цитирования. Но уже перед лицом партколлегии Казарьянец заявил, что «он выступал как умел» и «допустил неудачные выражения, недопустимость которых... признает». Мартынов — «ошибочности своих взглядов» не признал. Тогда Казарьянец, в ответ на вопрос партколлегии, сказал, что «...он еще на дискуссии указал тов. Мартынову на резкость и недопустимость его выступления, а теперь после дискуссии считает подобного рода выступления не соответствующими линии РКП». Здесь и далее «партийный суд» прямо указывал на необходимость следовать новой политической линии, предполагавшей осуждение былой

оппозиционности. Поэтому партколлегия МКК, учтя его «полное признание» в ошибках, усмотрела в выступлении Казарьянца «мелкобуржуазный уклон» лишь «отчасти» и ограничилась «указанием на недостаточную его выдержанность». Мартынову же «за невыдержанность, ошибочность его взглядов и тенденциозность в выступлениях» объявили «строгий выговор с предупреждением, что повторный случай поставит его вне партии». Партколлегия приняла это решение, учитывая молодость и прошлые «революционные заслуги» студентов — их «пребывание на фронтах»¹⁸⁷.

Примечательно, что Мартынов не признал ошибочности своих действительно оппозиционных взглядов, хотя к 7 марта уже была очевидна бессмысленность противостояния¹⁸⁸. Несмотря на упорство и конфликтное поведение, «строгий выговор с предупреждением» являлся мягким наказанием. В данном случае мог сыграть роль и тот факт, что ни Ходоровскому (отвечавшему за «чистку» студенчества), ни МКК не было выгодно создавать образ жертвы. Тем более что с большой долей вероятности наказание смягчила бы Центральная контрольная комиссия. Исход дела московских студентов-оппозиционеров послужил замечательной иллюстрацией способа обращения с недовольными студентами, который однажды сформулировал в виде анекдота Зиновьев: «Как-то прибежал Бухарин и говорит, что часть наиболее возмущенной молодежи хочет побить стекла в “Правде”. Мы ему говорили, что ж делать, если побьют, вставим новые стекла...»¹⁸⁹

В отличие от Москвы, в Петрограде оппозиция имела незначительный успех лишь среди партийной интеллигенции, в особенности учащейся: в Институтах народного хозяйства, медицинском, лесном, на рабфаке Петроградского государственного университета и больше всего — в Государственном институте медицинских знаний¹⁹⁰.

Уже 3 января 1924 года пленум губернской КК, по докладу ее секретаря, отметил «фракционно-дезорганизаторские выступления целого ряда лиц», а 16 января пленум Петроградского райкома подал своеобразный заказ на расследования¹⁹¹. Но, судя по всему, ГKK все-речь взялась за оппозиционеров лишь 11 апреля, когда состоялось пленарное заседание, что, как и в случае дела Мартынова-Казарьянца, подчеркивало значимость вопроса. Псевдоюридическая формулировка была краткой: «Дело т. Степанова, по заявлению т.т. Харечко, Виктора, Александрова и Устимчика. Степанов указывает, что руководителем группы оппозиционеров был Харечко и активно принимали участие Александров и др., а теперь они, спасая свою шкуру перед чисткой, сваливают все на него, Степанова»¹⁹². Особенностью этого «дела т. Степанова» стало то, что перед партийным судом пред-

стала группа оппозиционеров, переживавшая конфликт внутри себя самой.

Главные фигуранты дела — Николай Степанов, 1901 года рождения, рабочий-рабфаковец Петроградского (с марта 1924 г. — Ленинградского) государственного университета, заведующий библиотекой Василеостровского райкома, и Тарас Харечко, заведующий рабфаком того же университета¹⁹³. В документах ГKK это не акцентировалось, но Харечко входил в число «сорока шести», был в Москве и даже ездил на Донбасс «подготавливать» единомышленников для будущей дискуссии¹⁹⁴. Член партии с 1914 года, Харечко имел весомые заслуги: достаточно сказать, что до октября 1922 года он был членом организационного бюро ЦК КП(б) Украины¹⁹⁵. В целях политического умиротворения он, как и другие высокопоставленные децисты, был переброшен с Украины, хотя и оказался, в отличие от сотоварищей, на второстепенной должности в Петрограде.

По документам ГKK, дело предстает неоднозначным и запутанным, но общая канва событий была следующей. Харечко являлся лидером оппозиции в подчиненном ему рабфаке Университета, где собрал вокруг себя группу единомышленников, в которую со временем вошел и Степанов. Они активно выступали на дискуссионных собраниях и распространяли «совершенно секретные документы ЦК». После решений XIII партконференции рабфаковцы-оппозиционеры «продолжали вести свою работу, но уже в секретном порядке». В середине февраля Харечко «решил покончить со Степановым, подав на него заявление в ГKK», потому что поведение Степанова могло привести к провалу всей группы¹⁹⁶. Таким образом, конфликт являлся многогранным: с одной стороны, оппозиционеры выдали своего бывшего товарища политическим оппонентам, но, с другой стороны, они же и осудили нарушителя партийного права. Можно предположить, что Харечко не был готов идти на риск ради сохранения конспиративности своей группы. Однако вскоре Степанов подал апелляционное заявление, которое дало основание исключить из партии самого Харечко¹⁹⁷. Дело начало принимать скандальный оборот: Харечко отказался сдать партийный билет до ответа на его апелляцию Центральной контрольной комиссии. Комментируя содержание апелляции в письме в ЦКК, секретарь ГKK подчеркнул, что она «...содержит недвусмысленный намек на то, что антипартийные действия Степанова являются провокацией по отношению к нему с чьей-то стороны, в руках коих находится Степанов»¹⁹⁸. По причинам, которые требуют отдельного изучения, несмотря на обвинение в провокации, которое не могло не возмутить ленинградцев, ЦКК восстановила Харечко в партии уже в июне 1924 года¹⁹⁹.

ЦКК все глубже погружалась в разбор «оппозиционных» дел из других регионов, большинство из которых были апелляционными²⁰⁰. Важно отметить, что в марте 1924 года ЦКК разослало циркуляр под грифом «Совершенно секретно» с требованием внимательного отношения к коммунистам, которым грозило исключение из партии. Так, кто не мог присутствовать лично при разбор своего дела и остались недовольны решением, были вправе требовать повторного рассмотрения в их присутствии²⁰¹.

10 апреля 1924 года в повестке заседания парттройки партколлегии ЦКК РКП(б) стояли дела оппозиционеров Симбирска. Еще в отчете XI съезду РКП(б) в 1922 году, ЦКК отметила Симбирскую парторганизацию в числе тех восьми, в которых «групповая борьба проявилась с наибольшей остротой»²⁰². Несколько членов губкома были исключены, но взамен их руководство было пополнено не менее проблемными большевиками из Тулы. В дни XIII партконференции секретарь губкома получил от Сталина обещание «принять меры» в отношении Теплова, Азарх и Орлова²⁰³. Один из них, крупный партработник Николай Теплов, до февраля 1924 года занимавший должность председателя Симбирского губисполкома, поставил на рассмотрение ЦКК сразу два вопроса. Он был «...снят совместно с Орловым из Симбирской организации Губкомом и ГКК в связи с оппозиционной платформой в дискуссии, как разлагающий организацию». В отношении последнего, видимо, Теплов и просил «отменить формулировку постановления». Протокол гласил, что 23 декабря 1923 года Симбирская ГКК поставила на вид Теплову «...неискренность, проявленную при разборе его заявления о распространении слухов, будто он не рабочий, и выразившаяся в старании оговорить...» своего оппонента. Теплов подал апелляцию, и ЦКК отменила постановление губернской КК. Неприятная формулировка о «разложении» также была признана «неправильной» и была «отменена полностью». Но при этом тройка посчитала снятие с должностей «целесообразной мерой в целях разрядки создавшейся в организации нездоровой атмосферы»²⁰⁴. Судя по всему, Теплов не протестовал против этого решения, в результате которого он был переброшен из провинции в Москву, где получил должность главы правления треста «Русские самоцветы»²⁰⁵.

Гораздо более строго парттройка обошлась с Розалией Азарх, которая уступала Теплову в партстаже и в социальном происхождении. Интеллигентка, участница революционного движения с 1914 года, большевичка с марта 1917 года, Азарх была редактором симбирской газеты «Пролетарский путь». Азарх, как и Теплов, имела определенную историю конфликтного поведения. Согласно протоколу, она обвинялась

«...в самохвальстве в изданной ею брошюре воспоминаний, участии в склоке в Симбирской организации и занятии ответственной должности после того, как ей 20/III–23 г. был объявлен ЦКК строгий выговор со снятием с ответственной работы за участие в склоке в Тульской организации». Список обвинений выглядел довольно внушительным, и Пленум ЦКК 25 января 1924 года поставил вопрос о ее партположении. Повлияло ли выступление Теплова в защиту или ее заслуги перед революцией, но суд ограничился объявлением «строгого выговора с предупреждением за самохвальство и некоммунистические поступки» и снятием «с ответственной должности на 3 года»²⁰⁶.

Следом парттройка объявила «выговор за партневыдержанность» Филиппу Ксенофонтову, уже упоминавшемуся на страницах этой книги, 19-летнему студенту Коммунистического университета, который, приехав на рождественские каникулы в Симбирск, в ходе партдискуссии «допустил ряд бестактных выпадов против отдельных товарищей из местной организации»²⁰⁷. Парттройка разбирала симбирские дела и позже. Примечательно, что в тех случаях, когда формулировки обвинений не касались конфликтного поведения, парттройка могла полностью оправдать оппозиционера. Как показывает один случай, даже «эсеровское» прошлое обвиняемого, вкупе со скромными партстажем и заслугами, не являлисьотягчающим обстоятельством²⁰⁸.

Наоборот, нескрываемые акты конфликтной деятельности вели к исключению из партии. Так, Уральской областной КК был исключен как «чуждый элемент» Прокопий Гаевский. В числе обвинений в его адрес звучало неподчинение откомандированию в ЦК в ноябре 1923 года. ЦКК не удовлетворило его апелляцию — ведь, согласно записям протокола, все говорило против исключенного. До вступления в партию большевиков в 1917 году Гаевский был меньшевиком. Находясь на должности зампреда Челябинского окружного исполкома, он в январе 1924 года опубликовал в местной газете статьи «Аппаратчики за работой» и «Перевертни», преисполненные обличительного пафоса²⁰⁹. В Челябинске оппозиция имела большинство, но, с активной помощью членов Уралбюро ЦК и ЦК РКП(б), она начала терять сторонников. Это и вызвало агрессивную реакцию Гаевского, назвавшего вчерашних единомышленников «перевертнями». Как и Харечко, Гаевский, тем не менее, был восстановлен в партии в том же году, переброшен на работу в Москву, где затем продолжил активную оппозиционную работу²¹⁰.

Губернская контрольная комиссия Красноярска исключила из партии целую группу оппозиционеров, которая после XIII партконференции

не прекратила свою деятельность. Из письма профсоюзного функционера Фигатнера следовало, что «...оппозиция имела свой организационный центр, свои нелегальные собрания, своего рода “учраспред” и т. д.». Планы оппозиции по «взятию губкома» на ближайшей партконференции были сорваны лишь благодаря доносу бывшего оппозиционера в ГубКК. Представители губкома объявили о решении контрольного органа на собрании района, которое только что выбрало президиум из оппозиционеров, после чего, писал Фигатнер, «...настроение собрания уже предыдущим чрезвычайно наэлектризованное... стало на дыбы, получился невероятный кавардак, в результате большинство членов ушло с собрания с пением Интернационала». По словам Фигатнера, «исключенная публика ни на секунду не приостанавливала свою обработку района и после исключения» и настроение было переломлено лишь после вмешательства руководящих работников Сиббюро ЦК. Расследование, проведенное кандидатом в члены ЦКК, доказало «...наличие фракции, фракционных списков на губконференцию, указание своим сторонникам в провинции как держаться и кого выбирать на конференцию, фракционных списков в будущий губком, о распределении функций среди них, устройство нелегальных собраний, посылка своих сторонников в уезды, и т. д.»²¹¹. Не случайно, что пример наибольшего упорства оппозиционеров был проявлен в масштабах района провинциального города, хоть и крупного, по меркам Сибири, но все же удаленного от главного центра, находящегося в Новониколаевске.

Разбирательства по делам оппозиционеров происходили в контексте подготовки и проведения XIII съезда партии. Отчитываясь перед делегатами за работу ЦКК, Куйбышев сказал, что, «...во-первых, в оппозицию вошли все оштрафованные партией, а во-вторых, — вышедшие из интеллигентов»²¹². В этом содержалась только часть правды применительно к составу оппозиции до ее разгрома. Однако с большой помощью возглавляемого Куйбышевым ведомства это стало абсолютно справедливо к весне 1924 года, когда началась «чистка» партийных организаций Ленинграда, Москвы, Одессы и Пензы. Задуманная Оргбюро ЦК 20 марта и руководимая ЦКК как «проверка непролетарского состава» партии, т. е. ячеек студентов и служащих, она не должна была стать политической расправой над оппозиционерами. Возможно, наиболее яркое свидетельство тому было выражено в заявлении семи членов ячейки, ранее поддерживавшей оппозицию:

Мы, члены партии ячейки ВХУТЕМАСА, возмущенные результатами проверки нашей ячейки, обращаемся в МКК с просьбой

пересмотреть работу проверочной комиссии, которая была проделана в корне неправильно.

Мы обращаем внимание МКК, что несмотря на то, что вся ячейка недоумевает по поводу результатов проверки — исключения активных, лучших коммунистов и, наоборот, оставления недостойных, чуждых партии людей, — целый ряд товарищей настолько запуганы, что не протестуют и не обжалуют этот факт, боясь сделать что-то незаконное, за что они, в свою очередь, могут быть привлечены к ответственности²¹³.

В результате после рассмотрения всех подобных апелляций было исключено 5763 человека, или 2,6 % по отношению к проверенным²¹⁴. Но, как показал опыт Петрограда, в протоколах иногда фиксировалась оппозиционность исключаемых из партии. Например, «примыкавшие к оппозиции» и «голосовавшие за оппозицию» слушатели Военно-Инженерной академии были исключены как «чуждые» пролетариату²¹⁵.

В дни, когда было принято это решение, проходил XIII съезд, на котором Троцкий, выступая в защиту своих взглядов, все же счел необходимым элиминировать любые намеки на конфликт. Для этого он направил в редакционную комиссию съезда просьбу исправить «очевидное недоразумение» в отчете, согласно которому во время заключительной речи Зиновьева раздавались «какие-то протесты Троцкого с места»²¹⁶. Лишь в сентябре 1924 года он потребовал справедливости в отношении «дела» его личного секретаря Михаила Глазмана, покончившего жизнь самоубийством после несправедливого исключения из партии²¹⁷. Но, если судить по документам проверочных и контрольных комиссий, этот трагический случай был уникальным. Большинство исключенных восстанавливали, а в отношении Шумской, которой угрожал партийным судом секретарь райкома, ограничились полуиздевательским предложением «пройти марксистский кружок»²¹⁸. Радек игнорировал настойчивые требования ЦКК дать письменное объяснение по вопросу обвинений, которые он публично озвучил в адрес большинства Политбюро в связи с неудавшимся восстанием в Германии²¹⁹. В том же выступлении он призывал не заканчивать дискуссию «репрессиями». Тем не менее в итоге ЦК и ЦКК успешно реализовали задачу, которую наиболее ясно сформулировал Бухарин на том же заседании январского Пленума ЦК: «...рабочих, которые выражают здоровую тенденцию, изолировать от оппозиционных вождей. Что касается группировок, вождей, то надо одну часть из них ассимилировать (тех, которые способны на это), другую часть — дисциплинировать»²²⁰.

Модели поведения оппозиционеров в ситуации конфликта отражают гетерогенность оппозиции, в частности по степени радикализма. Большинство конфликтов, в которых были задействованы оппозиционеры (или которые они напрямую инициировали), являлись, по терминологии социолога Льюиса Козера, «реалистическими»: они возникали не вследствие эмоциональных импульсов и желаемой «разрядки», но в качестве средств достижения определенного результата²²¹. Конфликтные действия оппозиционеров имели свои границы: во время внутрипартийной дискуссии ареной для них служили партийные собрания, а после нее — заседания контрольных комиссий. Как показало «дело рабфаковцев» в Петрограде, оппозиционеры, даже несмотря на свою «фракционность», чтитли основные устои партийного права и в соответствии с ними подавали апелляции в контрольные органы. Окончательное исключение из партии предпринималось в редких случаях. Оппозиционеры могли быть осуждены контрольными комиссиями, но у них почти всегда оставался шанс на оправдание или смягчение приговора со стороны Центральной контрольной комиссии. Решение верховного партийного суда зависело не столько от степени оппозиционности, сколько от прагматизма в исправлении конфликтного поведения. Большинство заслуженных революционеров имели право на реабилитацию, полную или частичную, при условии формального признания ими правоты большинства партии. ЦКК положительно отвечало на апелляции исключенных, укрепляя «мир» внутри партии и повышая авторитет центральных партийных органов. Стороны были способны пойти на компромисс, особенно когда это касалось решения персональных дел, а не выяснения правоты в политических вопросах. Ситуация после дискуссии в большинстве партийных ячеек была спокойной. Мало кто хотел выглядеть противником «единства партии», под лозунгом которого происходил разгром оппозиции. Если принять во внимание грядущее скорое возобновление политической борьбы, то для большинства оппозиционеров формальное признание поражения перед лицом «партийного суда» было прагматичным шагом. Но прохождение ими всех ритуалов и процедур увеличило значимость контрольных комиссий, а вместе с этим и легитимность внутрипартийного режима. Сочетание репрессивных и воспитательных мер нейтрализовало критическую массу оппозиционеров и обеспечило «легкий» разгром Троцкого в ходе «литературной дискуссии» на рубеже 1924–1925 годов. К этому времени слова одного из руководителей ЦКК стали пророческими:

Говорят, что авторитет приобретается работой. <...> Но авторитет приобретается не только работой, но и страхом. И вот этот страх ЦКК и РКИ нагнать уже успели. С этой стороны авторитет их растет. А потом этого орудия ЦКК из рук выпускать не должна²²².

4. «ПО ПСИХОЛОГИИ ТРОЦКИСТ»

Эмоции, наряду с конфликтами, были всепроникающими «токами» внутривнутрипартийной борьбы. Их значение состоит не в том, что они просто выражали и обрамляли психическую деятельность оппозиционеров, но в том, что они являлись атрибутами политической деятельности. Эмоции пронизывали коммуникативные механизмы политической борьбы, в которой аффективность и стихийность были тесно переплетены с прагматикой и целенаправленностью²²³. Уильям Редди справедливо указывает, что «необходимым фундаментом любого стабильного политического режима» является «эмоциональный режим» — «набор нормативных эмоций и официальных ритуалов, практик и эмотивов, которые их выражают и внедряют»²²⁴. Реконструкция эмоционального режима тесно связана с вопросом: представляла ли оппозиция собой определенное «эмоциональное сообщество»²²⁵ или различия касались эмоциональных «стилей»²²⁶. Для выяснения этого следует обратиться к практикам выражения эмоций в политическом языке, иначе говоря, к эмоциональным высказываниям, обладавшим перформативным значением. Вслед за Игалом Халфином, изучавшим смех в качестве «ритуала коллективного поведения», здесь внимание будет уделено не тому, что «на самом деле» чувствовали большевики, а тому, как ритуал практиковался²²⁷.

В политическом словаре 1924 года «эмоция» определялась кратко как «волнение, чувство, подъем чувств»²²⁸. Главным же обозначением эмоциональности в реальном словаре внутривнутрипартийной борьбы служило понятие «страстности». Оно часто звучало и в общественно-политической публицистике XIX века, и на заседаниях Государственной думы. Подобно депутатам имперского парламента, Преображенский мог сказать, что «большую страстность внесли представители большинства»; сторонник ЦК Ларин говорил о «страшной страстности» вспыхнувшей борьбы; Зиновьев призывал «не давать себя увлекать фракционной страстностью», а в резолюции одного из Одесских районов звучало предостережение «от внесения в дискуссию элемента страстности»²²⁹. Наконец, советский сатирический журнал,

пародируя рекламные объявления, в числе «новейших изданий» предлагал «*В волнах страстей*. Модный партвальс [партийный вальс]. Сочинение коллективное»²³⁰.

Участники внутривнутрипартийной борьбы вступили в режим «страстности» после публикации «Нового курса» Троцкого и критики в его адрес. За несколько дней до этого, в начале декабря, выступавший после Каменева Преображенский мог иронизировать, что он «...даже поддался его такому мирному успокоительному тону. Как будто так обстоит хорошо и обстояло хорошо, так все благодушно, мирно, и в результате как будто после этого приходится сказать: да, можно идти спать, все обстоит прекрасно». В это время оппозиционеры держатся уверенно и наступательно. Делегат Юркин увидел негативную сторону дискуссии в том, что если одни «товарищи выступают с жесточайшей критикой по отношению к ЦК», то другие «начинают аплодировать, хихикать и т. д.»²³¹.

«Благодушный» период длился не долго. Бухарин, реагируя на рост напряженности, тщетно убеждал, что на «внутрипартийную дискуссию нельзя смотреть, как на театральное представление»²³², так как участники дискуссии переживали театрализацию, в рамках которой одни становились актерами, другие режиссерами, но все они, включая зрителей, оспаривали роли и правила игры. «Просто не знаешь, где кончается рабочая диктатура и начинается уже настоящая диктатура языка, — сказал под аплодисменты о Зиновьеве Преображенский. — Вся его речь есть художественное вранье, очень талантливое, я слушал сам с удовольствием, как на сцене интересную игру. Я понимаю толк в хороших выступлениях, слушал и улыбался с удовольствием»²³³. Эмотив²³⁴ «удовольствия» в это время уже практически отсутствовал в риторике, уступая дорогу страданиям. Так, 20 декабря студент Московского института инженеров путей сообщения уже был вынужден убеждать аудиторию «Правды», к которой он обращался, что «настоящая дискуссия это не болезненное, а вполне здоровое, радостное явление...»²³⁵.

Наступило время, которое Зиновьев, даже полгода спустя, в политическом отчете ЦК делегатам XIII съезда РКП(б) рисовал в экспрессивной манере: «Партия не спала ночами. Ее лихорадило... партия была взбуждена, как улей... Партия была потрясена до дна»²³⁶. Для более спокойных дней эта коннотация звучала особенно негативно, и у самого оратора могли остаться свежие воспоминания о том, как он вопрошал, не «чувствуется» ли, что партия «...в Москве кое-где кипит как улей... что это не одна партия, а партия в партии. Разве мы не имели этого чувства на некоторых ячеек...»²³⁷. Зиновьев верно передавал атмосферу многих дискуссионных собраний.

Показательна в этом отношении конференция Замоскворецкого района Москвы, в начале которой один из делегатов заявил, что, в случае избрания оппозиционеров в члены президиума конференции, «мы потеряем всякий смысл и поедем на Канатчикову дачу». Ссылка на печально известную клинику для душевнобольных отражала эмоциональный накал конференции, в конце первого дня которой председатель прекратил заседание из-за «суматохи» в зале²³⁸. Рыков начал свой доклад на райпартконференции в Сокольниках с описания страстей на завершившейся Краснопресненской конференции: после того как оппозиция оказалась в меньшинстве, она якобы «объявила фракционное заседание», а большинство противодействовало этому: с двух часов ночи «стоял шум» и только в четыре часа «после невиданного шума и истощения... члены конференции разошлись по домам»²³⁹.

В таких условиях борьба за эмоциональный режим имела вполне практический смысл. Довольно типичными звучали просьбы к тем, устами Зиновьева, кто «плохо информированы или другого темперамента», проявить «немножко хладнокровия», «не злоститься, а попытаться вдуматься»²⁴⁰. Такие нормативы нарушались тем более часто, чем более уверенно чувствовали себя оппозиционеры, отказывавшиеся «хладнокровно» принимать взгляды оппонентов. Установить допустимые границы эмоций в Университете Свердлова, где большинство было за оппозицию, Каменеву не помог ни авторитет, ни даже ссылка на договоренность с содокладчиком от оппозиции:

Мы уговорились с содокладчиком, что просим собрание... не перебивать. Товарищи, я знаю, что на подобных грандиозных собраниях часто господствуют эмоциональные чувства и что, может быть, самой правильной формой моего доклада была бы эмоциональная форма, но я попытаюсь... апеллировать к вашему политическому разуму... <...> Я начал свой доклад с указания на то, что атмосфера нашей дискуссии в последнее время стала... отравленной и что я буду пытаться апеллировать к вашему политическому разуму, а не к чувствам, не к слухам и не к персональной характеристике. К сожалению... на этом собрании все эти элементы имелись...²⁴¹

Противопоставление эмоций — разуму было неотъемлемой частью «просвещенческого» нарратива, разделяемого и большевиками. Но этого было недостаточно. «Нежелательным» в выступлении Троцкого для Каменева было «сеяние тревоги и смущения

на самом опасном повороте». «Пессимизм овладел бы нами, если бы эта дискуссия... дала бы хотя бы маленькую расхлябанность нашей партии», — продолжал Каменев, призывая к «внутрипартийному миру» и «спокойному, без обострения» обсуждению и выправлению «ошибок». Если Военная академия примет оппозиционную резолюцию, предостерегал Каменев, то это будет равнозначно обвинению ЦК в превращении его в «трусов и подхалимов», что создаст «обстановку, при которой командовать страной невозможно»²⁴². Для будущих командиров аргумент «трусости» был наиболее важен. С опорой на «архивы», Каменев легитимировал грубость как правильный элемент стиля:

Мы не будем говорить о тоне. <...> Эти [оппозиционные] резолюции говорят о том, что нужен другой «стиль», другой «тон», что нужно писать «мягче». Повторяю, в архивах у нас есть сотни таких резолюций, которые выносятся тогда, когда мы ведем бешеную борьбу против тех, которые готовы разогнать нашу партию. Скажите же еще раз, что желательно, чтобы мы сжали свой темперамент, писали не так грубо, как пишет тов. Сталин, чтобы «Правда» имела другой тон и стиль²⁴³.

В данном случае примечательно, что Каменев, сам хотя и яркий, но не слишком эмоциональный оратор, защищал не столько эмоциональный стиль как таковой, но политическое сообщество, к которому он принадлежал. Его же собрат Зиновьев открыто аргументировал свое право на индивидуализм и страстность: «Я не могу говорить мягко и за это мне часто в полемике достается, и лучше было бы иногда помягче, скорее завоюешь товарищей, которые еще думают и разбираются, но не могу». Он обращался с «горячей просьбой» к оппозиционерам: «Ругайте, как хотите, мы не кисейные барышни, критикуйте и ругайте...»²⁴⁴

Яркой иллюстрацией конструирования эмоционального режима на основе разных эмоциональных стилей служит ангажированная статья о дискуссионном собрании одной из крупнейших ячеек — ОГПУ и Московского губернского отдела ГПУ. В начале первого дня собрания, писал автор, оппозиция «оживленно» проявляла «свое существование». Поэтому на этот важнейший участок, помимо бессменного председателя Дзержинского отправились Бухарин и Зиновьев, которым безуспешно оппонировал Преображенский. Атмосфера рисовалась в красках: «Настроение чекистов-коммунистов *настороженно-напряженное*. Отношение к дискуссии... *сосредоточенно-серьезное*. Выявившиеся во время дискуссии вопросы

о «Доверии или недоверии ЦК партии», о «свободе внутрипартийных группировок», ставящиеся видными членами партии: Преображенским, Сапроновым и т. д., вносят *смятение* в умы и вызывают *тревогу* за судьбы партии». Об оппозиции говорилось, что она «суетится, сплывается, вызывает «своих докладчиков», организует «теплую» им встречу...». Мотив «суетливой» оппозиции дополняется указанием на ее же беспристрастность. Если Преображенский «монотонно, поразительно *благодушно* читал свою обычную речь» (и затем *«бледное»* заключительное слово), то Дзержинский выступал «...со *страстностью* старого большевика-революционера, *волнующегося в тревоге* за судьбу единства своей партии (курсив мой. — А. Р.)», и его речь «...произвела сильнейшее впечатление на собравшихся, вызывая ропот кое-где среди оппозиционеров». Речь Зиновьева была «большевистски выдержанной» и удостоилась «бурной овации», и господствовавшее на собрании «чувство серьезности» не ослабело даже от «веселых минуток» выступления Рязанова²⁴⁵. Автора статьи не смущала эклектика в мозаике образов противоборствующих сторон.

При оценке характера дискуссии, а также состояния дел в партии выступавшие ораторы порой пользовались медицинской терминологией. Это могло быть простое указание на «нервный характер» дискуссии в Чите²⁴⁶. Каменев говорил, что «старое единство» партии было «расшатано» в «атмосфере злопыхательства... Партию лихорадит», но «переход к деловым вопросам ее несомненно вылечит»²⁴⁷. Рыков, отказывая оппозиционерам в наличии «организованности», делал вывод: «...это сумасшедший дом»²⁴⁸. Выступая перед другой аудиторией, Радек с иронией вопрошал: «Как так случилось, что в октябре–ноябре 1923 г. вдруг часть партии сошла с ума, начала оппозицию... Что вы, товарищи, с ума сошли как оппозиция, что Вы этого не делаете (аплодисменты)»²⁴⁹.

Что противопоставляли оппозиционеры проекту эмоционального режима своих оппонентов? Радек, отличавшийся примирительным тоном, мог прибегнуть к одному из наиболее распространенных примеров: «Когда Владимир Ильич ставил вопрос об опасности раскола, то он его ставил не с той точки зрения, что Троцкий большой драчун, что Зиновьев человек с большим темпераментом, а Сталин очень крепкий человек...» Ленин, в противовес его эпигонам, говорил Преображенский, относился к спорам «со спокойствием», в частности во время «профсоюзной дискуссии», когда Ленин «опасался раскола... тогда никакой паники не было». Более того, когда «заволновалась» партия, то Ленин «не доводил» до паники перед будущим съездом партии. Таким образом, по мысли Преображенского, запугивание привело к панике.

Кроме опоры на авторитеты, использовалось обращение к истории. Преображенский приводил в пример «профсоюзную дискуссию», когда, по его словам, тоже «были страстные прения, но мы не доходили до того, что мы видим теперь». В дискуссии 1923 года Преображенский видел главное отличие от ЦК в том, что «речи оппозиции гораздо более умеренные». С появлением резолюции о внутрипартийной демократии Преображенский утверждал, что «...теперешнее наше разногласие суший пустяк и нужно быть нервными барышнями, чтобы так горячиться»²⁵⁰. Под «нервной барышней» Преображенский имел в виду Бухарина, выступавшего на том же собрании, но сама «нервозность» виделась как атрибут противников нового курса. «Разве вопрос так серьезно стоит, чтобы так нервничать против критики, что вы грозите единству партии, — говорил лидер оппозиции. — Вы добьетесь этим только того, что партия скажет ЦК: “Успокойся, мы тебе доверяем, но только не нервничай, когда тебя критикует масса”»²⁵¹. Рафаил, выступавший на Московской губернской конференции наиболее резко, в ответ на очередной взрыв негодования в зале и призыв председателя к порядку ответил:

Я не знаю, почему вы так волнуетесь и горячитесь. Т. Каменев говорил в частной беседе, что большинство будет очень спокойно и не будет волноваться и перебивать, а вы проявляете излишнюю нервозность, товарищи²⁵².

Испуг, паника и страх были главными эмоциональными мотивами, которые оппозиционеры приписывали своим оппонентам. Преображенский отмечал «некоторую панику» членов ЦК «из-за резкого, неожиданно оппозиционного настроения» в Москве. Расширив список эмотивов. Преображенский рассуждал: «Или же это продукт непонятного испуга и паники, в которую ЦК партии сперва впал под влиянием событий в Москве, или же это система застрашивания остальных членов партии»²⁵³. Говоря о «пустых запугиваниях», Преображенский объяснял их не только панической реакцией, но и «известным консерватизмом»²⁵⁴. Недопустимо было, разумеется, ни «запугивание», ни «самозапугивание», ни «педагогическое запугивание». Преображенский не побоялся вызвать критику Дзержинского, приведя в пример дискуссию в ячейке ОГПУ: «Здесь уже выступал элемент страха, элемент шкурничества, что если выступлю и скажу свое мнение, то меня при первом случае сократят, и т. д.». Глава чекистов ответил жестко и эмоционально, что если «...такие люди служат

в ГПУ и бояться, они нам не нужны. В ГПУ, как и в нашей партии, должны быть бесстрашные люди»²⁵⁵.

Борьба со страхом, по мысли Радека, должна опираться на разум и начинаться с признания «законности тревоги товарищей»²⁵⁶. Это оказалось вольной или невольной цитатой одного из двух основных оппозиционных документов — письма Троцкого 8 октября. «Неоспорим тот факт, что подавляющее большинство партии, считаясь и с международной обстановкой и особенно с болезнью т. Ленина, было преисполнено готовности поддержать новый ЦК, — писал Троцкий. — Именно это стремление обеспечить возможность единодушной и успешной работы партии заставило многих подавить недовольство и не выносить своей законной тревоги на трибуну съезда»²⁵⁷. Так, до появления резолюции 5 декабря «старый большевик» Брестман, по его словам, «боялся» двух вещей: того, что ЦК не сможет пойти на изменения, и того, что «другие» не будут «еще 2 года молчать», как молчал бы он²⁵⁸. Обоснованность тревоги виделась Радеку именно в этом контексте отложенного преодоления страха, сопровождавшегося издержками «лихорадки», упоминаемой и сторонниками ЦК: «Давайте трезво оценивать опасность. Тогда не удивляйтесь, что когда партия открыла рот и когда она трясется в лихорадке, то она говорит глупости, преувеличивает. Надо против этих выступлений... бороться, но не нужно ни себя запугивать, ни партию...» Радек вполне мог бы проиллюстрировать «глупости» и «преувеличения» фигурой дециста Рафаила, самого резкого критика ЦК из числа «офицеров» оппозиции. Проблема запугивания особенно волновала Рафаила: «Есть название: "опозиция". Это те, которые имеют смелость выступить с критикой... Тут их сейчас же превращают в оппозицию, и что из этого получается... ее пугают, она боится и молчит в лучшем случае...» Любопытно, что именно в смелости Рафаилу и было откано тем, кто носил прозвище «Железный Феликс»²⁵⁹. Не случайно в статье о собрании коллектива ГПУ в Петрограде говорилось, что «опозиция струсила» и проголосовала вместе с большинством²⁶⁰.

В практическом противодействии запугиванию оппозиционеры могли устроить обструкцию сторонникам ЦК. Это в полной мере испытал на себе Зиновьев на одной из районных конференций: «...товарищи, не давайте себя увлекать фракционной страстностью (голос: "не пугайте нас"). Я никого не пугаю, здесь сидят достаточно трезвые люди. Вдумайтесь, товарищи, в суть (шум, звонок председателя). Когда нет аргументов, то обыкновенно поднимают шум на собраниях...» Радек, выступавший до Зиновьева, косвенно прокомментировал поведение единомышленников, отметив, что «расстраивает и озлобляет партию» только неправильное проведение дискуссии: «Всякая

резолуция, которую «Правда» не печатает или искажает, вносит больше недоверия и озлобления в организацию (голоса: «правильно»), чем сто оппозиционных речей»²⁶¹. Но и оппозиционеру Сосновскому, прежде чем произнести свою речь, пришлось столкнуться с угрозой: «Сосновскому мы точно также устроим обструкцию, если ему дадут говорить больше». Председатель призвал к порядку, после чего Сосновский начал свою речь с противопоставления: «В отличие от Когановича (sic!), я не думаю, чтобы было полезно накалывать атмосферу до 90 градусов, и думаю, что нужно спокойнее разобраться...»²⁶² Такая риторическая тактика не сработала.

Конструируя эмоциональный режим, сторонники ЦК описывали противостоящее им сообщество как в индивидуальном, так и в групповом отношении. Член Донецкого губкома Арон Френкель обратился к Троцкому с личным письмом (с копией в Политбюро), «ибо чувствовал, как и большинство нашего актива, некоторую тревогу... Не думайте, что тревога продиктована паникой». Настаивая на ошибочности взглядов Троцкого, Френкель часто прибегал к персональным характеристикам: «Партия знает Ваш характер, Ваше самолюбие и честолюбие», «Ваш великолепный темперамент Ваш и наш великий друг. Но иногда он большой враг»²⁶³. Среди прочих последняя фраза этого внешне благожелательного письма была подчеркнута Сталиным.

В публичных выступлениях Каменев аттестовал Радека как «спокойного человека», а дедиста Смирнова как базировавшегося «на естественном желании шума»²⁶⁴. Василеостровский райком Петрограда в своем списке «выступивших против линии» ЦК различал «сознательных» оппозиционеров и тех, чье недовольство объяснялось субъективными особенностями. Например, 19-летний студент Государственного университета Меер Жив: «Молодой. Ищет сильных ощущений»; член партии с 1910 года, учащаяся рабфака Университета Елизавета Коваленко: «С упадочными настроениями. Отсутствие веры, всегда чем-нибудь недовольна»; рабфаковец Николай Степанов, о котором шла речь в связи с делом рабфаковцев: «Благодаря тяжелому материальному положению озлоблен»²⁶⁵. Проверочная комиссия по «непролетарскому составу», разбирая дело «примыкавшего к оппозиции», могла исключить его, вменив «мещанскую психологию»²⁶⁶. Но та же самая тройка партконтроля, «приняв во внимание революционные заслуги и партийную работу», могла оставить в партии, невзирая на убийственную характеристику: «Держит курс на оппозицию, по психологии Троцкист»²⁶⁷.

Индивидуальные характеристики встречались намного реже социальных. Зиновьев неоднократно чертил перед глазами слушателей

«чертежник» партии, отмечая на нем выходцев из других партий — «прослойку, которая имеет свою особую психологию». Чем могла быть опасна «массовая группа членов партии с другим прошлым, с другой психологией»? Во влиянии чуждых классов: «В Наркоминделе есть тысяча членов партии, и у них психология другая, чем у рабочих»²⁶⁸. В подопечной Зиновьеву парторганизации классовая риторика культивировалась особенно сильно, усугубляя и без того плачевное положение оппозиционеров.

В этом отношении примечательна статья о дискуссии на «Пролетарском заводе», где, по словам автора, «...оппозиция в виде сюрприза мобилизовала свои лучшие питерские силы во главе с московским “гостем” — тов. Эльциным из красной профессуры», который «в своем профессорском безответственном красноречии» якобы заявил, что партия «превратилась в мертвый труп». Эльцин, по словам автора, говорил «все о том же... о запугивании», но «...несмотря на то, что все приемы оппозиции были, главным образом, рассчитаны на чувства рабочих... карта их была бита спокойным и деловым отношением пролетарцев к разбору партийных вопросов...»²⁶⁹. В другой статье рисовался образ «теоретически» подкованных партийцев, разоружающих тех, кто искал подходы через жизненные примеры:

Нередко встретить небольшой подчас коллектив, где на собрании добрая половина товарищей вооружена кучей книг и газет. Классово-партийное чутье указало ему на ошибки оппозиции — он подыскивает теоретическое подтверждение.

— Товарищи, докладчик кормил вас высокой теорией — я буду говорить о жизни, — начал свой доклад один из «оппозиции». Глядишь, в прениях рядовой товарищ покрыл его цитатой из Ильича. И не просто покрыл — зацепил и не выпускает. — Нет, ты отвечай: верно или неверно...²⁷⁰

Несмотря на восхваление практик начетничества, автор-работник, скорее всего, рисовал идеализированную картинку, но она была созвучна взглядам редакции и в любом случае служила политическим задачам борьбы с оппозицией.

Поддержка оппозиции молодежью придала новые силы традиционному конфликту поколений, и в соответствии с этим — вполне традиционным — дискурсом «психология» молодежи занимала отдельное и значительное место. Интерес оппозиции к молодежи, говорил, обращаясь по-отечески Зиновьев к соответствующей части аудитории, был не больше, чем «фракционной игрой

на некоторых струнках вашей души». Зиновьев представил молодежь в качестве жертвы неправильного воспитания: «...не такую психологию мы должны воспитывать в нашей молодежи, а вы встревожили эту молодежь, подняли часть инстинктов не совсем хороших, мобилизовали не сознание молодежи, а мобилизовали некоторые пережитки прошлого, мобилизовали некоторые такие чувства, что если бы тов. Ленин посмотрел, то он бы, как говорил по поводу платформы тов. Троцкого в 1921 году: читал, смотрел, познакомился, скажу коротко: “унеси ты мое горе”»²⁷¹. В том же духе секретарь Замоскворецкого райкома Землячка переживала, что «партийный молодняк уйдет отсюда с тяжелым сердцем и в конечно счете у него потеряется вера (!) правильного понимания момента». Правильная дискуссия, по ее мнению, состояла не в критике, а в «просвещении»²⁷². Зиновьев неоднократно вспоминал «остроумную фразу», которую он якобы услышал от «старого рабочего большевика в Питере» по адресу партийцев из вузов: «вз-з-з-з» как синоним «бззззз». Изобретенный глагол весьма метко отразил отношение старшего и господствующего поколения: «Тут есть некоторая укоризна в этом слове, но в нем есть и отеческая ласка, — “пускай повзззз, а затем уразумеют, это не так страшно”»²⁷³. В дни проведения районных конференций в Москве появился некролог, в котором был представлен идеальный образ молодого сторонника ЦК. В безвременно ушедшем двадцатилетнем студенте-свердловце, ветеране сибирского подполья, автора некролога

...все время поражало сочетание горячего революционного темперамента и спокойной выдержки опытного борца-партийца... Когда разгорелась дискуссия... Михайлов, быстро разобравшись, стал на строго партийный путь и повел идейную борьбу с товарищами из оппозиции, борьбу, лишенную кричащих фраз, но борьбу неуклонную и верную.

Дискуссия и связанные с ней для настоящего партийца переживания так мучили тов. Михайлова, что даже в бреду, накануне своей смерти, он кому-то громко доказывал правильность своей позиции в этом вопросе²⁷⁴.

Подобное сочетание клише было бы невозможно вне контекста внутрипартийной борьбы. Идеальность героического образа могла бы послужить иллюстрацией апокрифичной добродетели «холодной головы, горячего сердца и чистых рук», впервые приписанной Дзержинскому в 1941 году. Знаком же эпохи двадцатых годов служит натуралистичное указание на предсмертный «бред».

Сторонники ЦК закрепляли свою победу в терминах эмоций. В циркуляре Дальбюро ЦК РКП к губкомам, посвященном дискуссии в читинской организации, была выявлена «тенденция дискуссии ради дискуссии», о чем свидетельствовало неразумно долгое обсуждение — «свыше 20 часов на протяжении трех дней». Эта и другие тенденции, впрочем, «...не носили осознанного, продуманного характера, а были скорее проявлением излишней горячности отдельных членов партии...»²⁷⁵. «Сегодня голосуйте как хотите, нас не *запугаете* поднятием рук, — говорил Зиновьев, — но если через неделю или месяц во время бессонной ночи вы задумаетесь над схемой партии, над ее переплетом, то я своей цели достиг» (курсив мой. — А. Р.)²⁷⁶. В Киеве указывалось на «недопустимость панических перевыборов». В Екатеринбурге призывали партию обсуждать и принимать решения «хладнокровно, без нынешней московской горячки». Сторонник ЦК, выступая против «широчайшего демократизма» оппозиции, наоборот — за «простыми словами говоря, демократизм, но не до бесчувствия»²⁷⁷.

В своем официальном заявлении о разногласиях Политбюро издевалось над вмененным оппозиции намерением «представить дело так», что «она «несет мученический венец, страдает за “демократию”». Оппозиционеры «сбавили тон, потому что их разбили», скажет Зиновьев под аплодисменты. Каганович окрестил «новой тактикой» оппозиции «пустить слезу и через слезу взывать к чувствам колеблющихся». Такой же реакции, вместе с шумом протеста, удостоился делегат Трубленко, давший интерпретацию выступления Преображенского: «...плач и слезы, “не бейте нас”, не надо нас тревожить, ведь мы люди почтенные... мы люди такого характера и склада». В том же ключе говорил о «тоне» Преображенского Ярославский: «...выходит здесь христосиком и плачется». В подобной атмосфере беспомощно звучало «заявление» Радека, что его «возглас» за здоровье «единой» партии не был «...призывом к примирению, а к такому положению, чтоб мы могли как один человек с радостью работать...». Мотивы удовольствия и радости окончательно исчезали из риторики оппозиционеров. «Единство», стремление к которому Зиновьев назвал «чувством, преобладающим над всем остальным», стало невозможным испытывать в оппозиции к ЦК»²⁷⁸.

Как было показано в предыдущем разделе, поражение оппозиции открывало простор для партийного правоприменения. В связи с этим некоторые сторонники ЦК вспоминали, что Ленин в ситуации осуждения «Рабочей оппозиции» в 1921–1922 годах давал контрольным комиссиям рекомендации учитывать «психологические» особенности ее сторонников перед принятием тех или иных решений. В этой

связи Яков Яковлев даже считал, что «особо важно попытаться поставить на прямую работу по исправлению существующих недостатков тех оппозиционных товарищей, у которых оппозиционное настроение определяется особой чувствительностью к недостаткам наших аппаратов»²⁷⁹. В дискурсе сторонников ЦК оправдание оппозиции еще не было чуждым, но облекалось оно в термины «психологии». Для Александра Мартынова, одного из бывших лидеров меньшевизма, принятого в РКП(б) на XII съезде, «...не подлежало сомнению, что главный мотив, побудивший оппозиционеров с яростью выступить против Центрального Комитета, была тревога по поводу выявившегося кризиса... Этот кризис вызвал у них больше чем тревогу; он вызвал у них настоящую панику»²⁸⁰.

Юрий Лутовинов относился к числу тех, кого мог иметь в виду Ленин в 1921 году (он был видной фигурой в «Рабочей оппозиции»), но не был среди тех, кого имел в виду Мартынов. 7 мая 1924 года он покончил жизнь самоубийством, и это событие имело большой резонанс. Григорий Григоров, много общавшийся с Лутовиновым, был убежден, что причиной самоубийства стала его окончательная уверенность в победе «контрреволюции». На похоронах, превратившихся в массовую демонстрацию, выступил Троцкий, связавший событие с бюрократизацией²⁸¹. Иная интерпретация самоубийства звучала из уст сторонников ЦК. Серафима Гопнер, комментируя его по «горячим следам» перед делегатами Всеукраинской партийной конференции, прибегла к вульгарно-социологическому объяснению:

Несомненно — это самоубийство очень многих взволновало. Я уверена, что в рабочих кругах, где его знают, об этом будут много говорить. Мы не знаем причин его самоубийства, но каковы бы они ни были, я хочу сказать, что это явления одного и того же порядка. Если он покончил с собой по каким-нибудь так называемым личным причинам, то это доказывает, что он находился в состоянии упадочном потому, что общественный инстинкт в нем не взял верх над личным. Если же он покончил по соображениям общественного порядка, то, следовательно, он находился тоже в состоянии упадка... Это означает, что имеющиеся у нас группировки требуют своего уяснения. И это объяснение имеется в наших собственных резолюциях X и XI съездов, которые говорят, что мы вступили в сложную полосу НЭПа и что нам грозит опасность не только извне, но и изнутри. У нас, несомненно, определенные группы и элементы впадают в упадочное настроение²⁸².

За рамками этого рассуждения доджоркгеймовской эпохи, сколь путанного, столь и характерного, остался собственно личностный контекст трагедии, чуждый для «общественного инстинкта», нетерпимого к «упадочному настроению»²⁸³. В ходе внутрипартийной борьбы сторонники ЦК успешно отразили обвинения в запугивании и делигитимировали «лихорадку» бесконечных дискуссий, чтобы маркировать оппозиционную «страстность» мелкобуржуазностью и противопоставить ее «разуму» единой партии. Так эмоциональный стиль, до того отличавшийся скорее в ситуативных позициях, чем в принципах, постепенно стал обретать свое сообщество-носителя и свой нормативный режим — будь это выборы, информация, конфликты или эмоции. На фоне громких фраз о «единстве» внутрипартийный режим углублял отчуждение. К внутрипартийной публике, серьезно изменившей свой облик в ходе дискуссии и последовавшего «Ленинского призыва», стало возможно применение агитационно-пропагандистских приемов, объектами которых до того были непартийные массы. Как гласил небольшой лозунг, помещенный в табличке на одной из страниц «Правды»,

Тебе нужно *убедить* и *увлечь* за собой?

Убеждай цифрами и фактами, останавливай и поражай.

Действуй на чувства и волю²⁸⁴.

ГЛАВА IV

ТОПОГРАФИЯ ОППОЗИЦИИ

1. ROMA LOCUTA, CAUSA FINITA

В предыдущих главах затрагивались вопросы «чем» была оппозиция и «как» она практиковалась, но не менее важным является вопрос «где?». Проблема состоит не только в отсутствии систематизированной, унифицированной и всеобъемлющей статистики оппозиционности, равно как и общепризнанного, или хотя бы общеизвестного, представления о количественных результатах голосований на местах. Превратными остаются представления о качественных и пространственных сторонах проблемы. Согласно общим подсчетам советских историков, оппозицию поддержало от 1,3 до 10–11 % от общей численности членов партии¹. Разброс цифр весьма красноречиво говорит о неясности принципов калькуляции, отражающий фрагментарность и отрывочность статистики. Впрочем, как будет показано далее, даже такой официальный источник, как газета «Правда», оставляет возможность для новых интерпретаций.

Трудно переоценить значение «Правды» для членов партии. По образному выражению Мэтью Линои, «чтение “Правды” рядовыми членами партии или комсомола в чем-то напоминало ежедневное вчитывание банкиров или брокеров в “The Wall Street Journal”. Знать газету было “профессиональной” необходимостью»². На страницах этого издания велась своеобразная летопись внутрипартийной борьбы.

Как для современников, так и для историков «Правда» служила важнейшим и нередко единственным источником информации о соотношении сил в парторганизациях. И хотя газета, будучи органом ЦК, не могла являться беспристрастной машиной по фиксации происходивших событий, она не могла позволить себе и масштабных фальсификаций.

В то же время «Правда», как и другие газеты, не только отражала реальное положение дел, но «чертила» воображаемую карту оппозиции³. Формирование и мобилизация общественного мнения посредством «Правды» осуществлялись путем «разметки» воображаемого политико-географического пространства в соответствии с определенным субъективным видением. Хотя карта в традиционном виде изображения так и не была воплощена ни в одном из изданий, редакция «Правды» упорядочивала, размещала и интерпретировала «объективные» факты, тем самым «колонизировала» информацией «пустующие» пространства, производя и транслируя образы в читательские массы.

Итог борьбы в Москве и политическая воля центрального руководства были решающими факторами поражения оппозиции. Высокий уровень лояльности линии большинства ЦК в союзных республиках был очевиден, хотя оппозиция имела значительную поддержку в отдельных парторганизациях Украины или даже большинство в таких значительных, как киевская. Как правило, в подавляющей части провинциальных парторганизаций, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, дискуссия начиналась с опозданием, к тому же она протекала под давлением как информации о соотношении сил в Москве, так и политических агентов партийного аппарата, ускорявших темп ее проведения. «Роскошь» длительных многократных дискуссий на всех уровнях партийной иерархии с участием видных деятелей партии досталась одной Москве. Центр де-факто не считался с мнением и особенностями провинции, а тем более — с отдаленной периферией и политически «отсталыми» национальными республиками. В таком контексте следует рассматривать, например, историю разгрома оппозиции в Челябинске — формально одной из сильнейших.

Асинхронность политических процессов в центре и в провинции была прекрасно известна «верхам» партии. ЦК внимательно следил за борьбой на местах «глазами» своего аппарата и печатного органа. Вскоре после первого значимого поражения оппозиции на московском общегородском дискуссионном собрании 11 декабря интенсивность информационной политики резко возросла. «Материалы о ходе дискуссии за последнее время

поступают в редакцию нерегулярно, — указывалось в небольшом объявлении 14 декабря. — Редакция “Правды” просит все партийные организации и секретарей ячеек в первую очередь озаботиться своевременной присылкой резолюций дискуссионных собраний, как принятых ими, так и отвергнутых, а равно и других поступающих в ячейку материалов к дискуссии о задачах партии»⁴. В тот же день было принято, а на следующий опубликовано «Обращение ЦК» ко всем организациям РКП(б). Помимо прочего, оно гласило:

ЦК предлагает информировать его о ходе дискуссий, сообщая предложения и резолюции. ЦК ждет от вас первых сообщений не позднее 20-го числа сего месяца. Дальнейшие регулярные сообщения ЦК считает обязательными⁵.

Директивный характер был подчеркнут персональной подписью: «Секретарь ЦК И. Сталин». Тем самым была вменена в обязанность регулярность информационной политики⁶. Судя по опубликованным материалам, чаще всего поток сообщений о ходе внутрипартийной борьбы очищался от конкретики, что было вызвано не только требованиями упорядочить большой объем информации, но и политическими соображениями.

Помимо прочих, центральное партийное руководство обладало более содержательным источником — регулярными «закрытыми», «информационными», «личными» письмами региональных секретарей партийных комитетов в ЦК РКП(б), а зачастую — персонально «т. Сталину»⁷. Секретари не обременяли себя точной регистрацией фактов оппозиционности в подотчетных им парторганизациях, ограничиваясь, как правило, краткой характеристикой борьбы. Судя по всему, степень лояльности того или иного секретаря аппарату, ЦК определял по содержательной ценности информации с мест. Поэтому Сталин и его союзники были заинтересованы в сведениях «Правды», дополнявших представления о соотношении сил — в особенности в тех регионах, где местный аппарат не справлялся со своими обязанностями.

Именно свидетельства представителя аппарата, бывшего секретаря Сталина Бажанова, были наиболее благоприятны для оппозиции:

В середине декабря ГПУ робко пытается поставить Политбюро в известность о том, что в большей части партийных организаций большинство не на стороне ЦК. Я констатирую, что в огромной

ячейке самого ЦК большинство голосует против ЦК. Я запрашиваю секретаря Московского комитета партии Зеленского о результатах голосований в Московской организации. Я получаю паническую сводку — ЦК потерял большинство в столичной организации, наиболее важной в стране; по ней равняются провинциальные организации⁸.

Ни «паническая сводка», ни данные секретной полиции до сих пор не были обнаружены⁹. В то же время Бажанов верно отразил атмосферу напряженной борьбы в Москве, которая нашла свое отражение и на страницах партийной прессы.

12 декабря, на следующей день после публикации письма Троцкого «Новый курс», в «Правде» произошли зримые изменения: в рубрике «Партийная жизнь» под заголовком «О задачах партии» появились сообщения о ходе внутрипартийной дискуссии в районах и ячейках Москвы. Всего, по подсчетам Д. Хинкса, между 12 декабря и 10 января было опубликовано 180 резолюций, из которых лишь 46 (или 25 %) — оппозиционных¹⁰. Акцентируя качественную сторону их размещения, информация номера размещалась так, что читатель узнавал лишь об «отвергнутых» резолюциях оппозиции. Эта композиция отражала идеологию передовой статьи номера под говорящим заголовком «Под знаком единства»¹¹. Техника редакторской работы стала зримым проявлением политики формирования общественного мнения.

Выпуск газеты за 13 декабря был открыт передовой «Наша партия и оппортунизм», наполненной острой критикой оппозиции. Не менее важно, что в разделе «Партийная жизнь» крупным шрифтом во всю полосу страницы было набрано: «Московская организация РКП отвергла резолюцию, направленную к подрыву единства партии. Подавляющим большинством принята резолюция, одобрена политика ЦК РКП и полного доверия руководящему органу партии». Тезис о «подавляющем большинстве» сторонников ЦК был изложен в заметке о собрании бюро ячеек и активных работников московской организации 11 декабря 1923 года, наполненной такими образами: «В зале громкий смех. Ибо всякий член партии поймет абсолютную несуразность...», «За резолюцию т. Калинина — лес рук»¹². Поднятые вверх руки уже тогда становились обычным символом единодушного одобрения политики партии.

Заголовок, посвященный этому собранию, вскоре удостоился отдельной критики в резолюции оппозиционной ячейки Наркомюста и персонально от одного из ее членов¹³. Сапронов даже через месяц нашел необходимым вспомнить противоречивый выпуск газеты. Ему

«бросилось в глаза», что в заголовке говорилось о «заседании бюро ячеек и активных работников». Он удивлялся, как можно было называть это общегородским собранием, когда членов бюро в Москве насчитывалось около 5000 человек, активных работников 1000 человек, а Колонный зал вмещал лишь полторы тысячи: «В результате оказалось, что некоторые организации не получили ни одного билета». Оппозиционер также обратил внимание на указание количества голосов, отданных за резолюцию Преображенского: сначала говорилось о «5 воздержавшихся», в следующем номере о 80 «против», но, по подсчетам Сапронова, оппозиционная резолюция получила до 350 голосов¹⁴.

В следующем номере были опубликованы «Впечатления рабочего» о прошедшем дискуссионном собрании бюро ячеек и активных работников Рогожско-Симоновского района Москвы. Характеризуя проект резолюции, зачитанный Сапроновым, автор заметки, ссылался на другого рабочего, якобы сказавшего о ней: «И длинна, и туманна», чтобы сделать вывод: «Поэтому резолюция Сапронова и получила небольшое количество голосов, а резолюция Томского принимается подавляющим большинством и подтверждается громкими, продолжительными аплодисментами и криками “ура”»¹⁵. Безусловно, подобные эмоции имели место на многих собраниях, но «Правда» создавала впечатление, что «продолжительные аплодисменты» и крики «ура» раздавались исключительно в поддержку ЦК.

14 декабря был использован новый прием. Подзаголовок в «Партийной жизни» был набран во всю полосу жирным крупным шрифтом:

Ячейки крупнейших предприятий Замоскворечья: завод имени Владимира Ильича, Гознак № 2, «Русскабель», «Красный Пролетарий» и другие вынесли резолюции полного одобрения политики ЦК РКП и высказались против фракционных группировок¹⁶.

При этом информация была подана вне контекста соотношения сил в парторганизациях Замоскворечья. В следующем выпуске торжество линии ЦК в Красной Пресне демонстрировалось в аналогичной форме длинного заголовка, но с указанием цифр: 76 из 80 ячеек. Информация же об успехах оппозиции, невзирая на их масштаб, была подана обычным шрифтом. Так, в опубликованной на следующей странице резолюции собрания бюро ячеек и ответственных работников Сокольнического района отсутствовали не только количественные данные, но даже понятия

«большинство» и «меньшинство», что в определенной мере снижало эффект акции Преображенского. Наоборот, даже если дело касалось всего лишь отдельной ячейки (причем не «рабочей»), текст «нужного» заголовка увеличивался за счет дополнительных, даже излишних оборотов: «Резолюция, принятая единогласно, при 1 против, на собрании ячейки РКП Коммунистического университета трудящихся Востока от 13 декабря 1923 года, по вопросу о партийном строительстве и внутривнутрипартийном положении»¹⁷.

В арсенале редакционной политики также была практика комментирования оппозиционных резолюций. «Собрание считает совершенно недопустимым обвинение тов. Троцкого в оппортунизме и уклоне к меньшевизму, допущенное в передовице “Правды” [13 декабря], и выступления некоторых членов ЦК» — эта часть резолюции Сокольнического района получила следующий комментарий от редакции:

Редакция утверждает, что ни в одной из передовых «Правды» не упоминалось имя тов. Троцкого в связи с нашей борьбой против меньшевизма и оппортунизма. Всю ответственность за ложное сообщение собранию несут лица, предложившие эту резолюцию¹⁸.

Был также опубликован текст резолюции, «предложенной сторонниками т.т. Преображенского, Сапронова и Рафаила и отвергнутой» вышеупомянутой университетской ячейкой. Редакция сочла «...эту резолюцию, составленную из цитат, взятых из письма тов. Троцкого, примером фракционного использования этого письма»¹⁹. Примечательно здесь и то, что редакция отделяла популярного Троцкого от его безответственных «сторонников», бывших, как было показано ранее, его ближайшими соратниками.

Ниже, без какого-либо подзаголовка, следовало краткое, но весьма симптоматичное сообщение: «**Общее собрание ФОН’а** (Факультет общественных наук 1-го МГУ. — А. Р.) приняло резолюцию, предложенную тов. Сапроновым. Текст резолюции аналогичен тексту резолюции тов. Преображенского, предложенной и отвергнутой на собрании бюро ячеек и активных работников московской организации и помещенной в “Правде” от 12-го декабря». Тексты постановлений ячеек, публиковавшихся в «Правде», как правило, имели мало смысловых различий, они устойчиво повторяли хрестоматийные резолюции, поэтому соображения экономии не могли объяснить отказ в повторной публикации резолюции, принятой одной из крупнейших парторганизаций. Тем более что ниже был опубликован

краткий пересказ постановления фабрики «Красная Роза» со всеми типичными пассажами одобрения политики ЦК.

На той же странице помещалась небольшая заметка о «первоначальных итогах дискуссии» в ячейках Красной Пресни. Оппозиции в ней был посвящен небольшой абзац: «Из 80 ячеек только 4 приняли резолюции, предложенные сторонниками тт. Сапронова, Стукова, Преображенского и др. Эти ячейки: станция “Подмосковная” (резолюция опубликована в том же номере. — А. Р.), завода “Дукс”, 16-ой типографии и академии Воздухофлота». Наоборот, резолюции в поддержку ЦК удостоились не только пересказа, но и характерного резюме: «Примеры без труда можно было умножать». Как было показано ранее, оппозиционеры считали возможным продолжительные дискуссии. В это время «Правда» формировала общественное мнение о неизбежности поражения оппозиционеров, утверждая, что «окончательные итоги обсуждения по ячейкам выявятся в ближайшую неделю»²⁰. Это было далеко от истины, в особенности для провинциальных организаций, многие из которых еще не проводили собрания.

Политический конфликт углублялся, знаком чего стала публикация «Постановления политбюро ЦК РКП (против обострения внутрипартийной борьбы)» и «Письма петроградской организации членам нашей партии». Первое из них прозвучало как прямая директива. Не случайно редактор газеты Бухарин, одолев Преображенского на одном из собраний, провел резолюцию, один из пунктов которой буквально «приветствовал» это постановление²¹. В Петроградской парторганизации, полностью контролировавшейся Зиновьевым, практически не было сторонников Троцкого, Преображенского или Сапронова. Подзаголовок «Письма петроградской организации» гласил, что постановление было «...принято на общегородском собрании 15 декабря бюро ячеек и активных работников (около 3000 человек) всеми голосами против 5 и 7 воздержавшихся». Усиливая эффект и без того ошеломительного факта, Сафаров в статье с говорящим названием «Рабочий Питер против фракционной игры» привел ряд примеров поддержки ячейками большинства ЦК. В следующем номере говорилось о собрании членов бюро партийных комитетов Петрограда, на котором «...по предложению президиума защитникам точки зрения тов. Троцкого было предоставлено вне очереди слово. Выступило только 4 товарища, совершенно не поддержанных собранием». Скупая информация об оппозиционной активности в северной столице появлялась и в следующих номерах²².

Участники дискуссий не могли игнорировать изменения в редакционной политике «Правды». Протесты раздавались как сверху, так и снизу. «Тенденциозное освещение о ходе дискуссии в Москве

редакцией «Правды» фактически ликвидирует самые элементарные понятия о демократии», — возмущался Сапронов в письме членам ЦК и ЦКК 21 декабря²³. Батальон охраны Реввоенсовета среди прочего выражал недовольство «появлением кричащих заголовков и дополнений редакции к отдельным резолюциям». Один из сторонников ЦК утверждал, что оппозиционер Мартынов трактовал одну из передовиц «Правды», в которой говорилось о «сплочении» вокруг ЦК, как узурпацию «мнения партии»²⁴.

23 декабря также появилась важная информация о конфликте в редакции «Правды», впервые ясно указавшая место ЦО партии в пространстве внутрипартийной борьбы²⁵. Центральная контрольная комиссия сообщала, что на основании постановления секретариата ЦКК 15 декабря ею были опрошены сотрудники газеты. Заведующим отдела «Партийная жизнь» являлся 23-летний Андрей Константинов, а его замом — 20-летний Николай Вигилянский²⁶. Согласно ЦКК, первый ушел из газеты в знак протеста, сочтя просьбу Зиновьева опубликовать четыре дискуссионные статьи (более чем из ста неопубликованных) «нажимом», противоречившим духу резолюции «О партстроительстве». Вигилянский ушел из редакции после того, как Назаретян, направленный в отдел «партийной жизни» газеты из аппарата ЦК, заявил, что «надо было бы взять не только статьи, но и заметки, резолюции и проч.»²⁷. Также Вигилянскому было поручено проверить заявление редакции, что в «Правде» было помещено 44 % статей оппозиции, «удельный вес которой не только в партии, но даже в портфеле редакции [был] несомненно меньше». В заявлении, направленном Вигилянским в редколлегию «Правды», говорилось:

Когда я спрашивал, почему перестал работать т. Константинов, т.т. Бухарин и Попов ответили мне: «Тов. Константинов требовал вести дискуссию так, как ему хотелось: дискуссию «Правды» была направлена против ЦК». Я, активный участник в дискуссии, расцениваю это как выражение недоверия ко мне со стороны редакции²⁸.

Отмечалось также, что сотрудник газеты Агол²⁹ оглашал заявление Вигилянского на ячейковых собраниях. Таким образом, несогласные с линией ЦК находились и в одном из важнейших органов партии. Обвинения ЦКК невозможно проверить, однако примечательно, что она высказалась по вопросу о соотношении противоборствующих сил. Заключение высшего партийного суда

состояло в том, что «Константинов и Вигилянский явно хотели и всячески стремились превратить “Правду” в орган, односторонне освещающий партийную жизнь, с целью воздействия на партийное общественное мнение в духе того течения, сторонниками которого они сами являются»³⁰. Вероятно, Константинов и Вигилянский не были наказаны ЦКК, в пользу чего говорит оперативное постановление Учраспреда «направить тов. Константинова для ответственной работы в Финансовой газете»³¹.

19 декабря было опубликовано «Заявление» редакции: она возмущалась циркуляцией слухов о «якобы одностороннем освещении редакцией» шедшей дискуссии, которые распространялись, в том числе, и со стороны «ослепленных фракционной страстью некоторых ответственных работников». Редакция «категорически» заявила, что «...все дискуссионные материалы, как то: статьи, речи на собраниях, письма и резолюции публикуются редакцией в полном соответствии порядку их поступлений и обычной для партийных органов системе размещения». Но подозрения о нарушении «обычной системы» могла вызвать уже следующая часть этого заявления:

Единственно, в чем можно упрекнуть редакцию, это в том, что она уделяет больше места резолюциям и статьям так называемой оппозиции—Преображенского—Сапронова—Рафаила, чем это приходится на ее (оппозиции) долю по удельному партийному весу ее: т. е. по количеству поступающих в редакцию статей и резолюций в пользу линии оппозиции³².

Случайно или нет, это «заявление» редакции фактически явилось ответом на опубликованную в том же номере резолюцию общего собрания Отдела народного образования Моссовета 15 декабря. Принятая по содокладу оппозиционного лидера Рафаила, она говорила о необходимости «отражать в партийной печати мнение ячеек всех направлений, даже если это и мнение меньшинства»³³. Тогда, демонстрируя свою беспристрастность, редакция опубликовала, наряду с 13 резолюциями за ЦК и тремя «буферными»³⁴, целых 6 оппозиционных, что впервые составило сколь бы то ни было значимое число (27 % от общего числа). Одна из них, принадлежавшая общему собранию членов и кандидатов ячейки Первых московских военных автомобильных мастерских (т. е. преимущественно рабочих), выделялась на общем фоне тем, что была принята в «показательном» Краснопресненском районе и к тому же — единогласно. Кроме того, в этом постановлении

отмечалось, что «краснопресненский райком в проведении дискуссии проявил одностороннее пристрастие»³⁵.

Борьба за Красную Пресню нашла отражение в статье, повествовавшей о расширенном собрании райкома с секретарями ячеек. Тогда, в ответ на запрос секретаря оппозиционной ячейки наркомата юстиции, секретарь райкома Беленький заявил, что в новый состав руководства районной парторганизации намечены представители пяти «производственных ячеек, которые голосовали за оппозицию», а также студенты-«свердловцы». По свидетельству автора, при обсуждении состава райкома за кандидатуру оппозиционера Дробниса было подано всего 2 голоса³⁶. Хотя «Правда» рисовала картину ничтожности оппозиции, 3 января на Краснопресненской партконференции 188 голосов (или 24–25 % от общего числа делегатов) было отдано за резолюцию Преображенского³⁷. Заметка о ней начиналась в конспирологическом духе: «Чья-то рука умело дирижировала и создавала общественное мнение против райкома и его отдельных представителей». «Оппозиция», по мнению автора, «...знала, что от поведения Красной Пресни в значительной степени зависит решение Московской организации», но ее «...бешеная атака в ячейках была отбита. Из 260 ячеек оппозиция отвоевала только 35, из которых 25 вузовских и советских», что составляет «ничтожное меньшинство»³⁸.

В номере «Правды» от 20 декабря из 18 опубликованных резолюций 4 (или 22 %) были оппозиционными. Судя по всему, в те дни редакция определилась, в каком соотношении она будет размещать резолюции. Обращает на себя внимание заголовок одной из них: «Резолюция сторонников т.т. Преображенского и Сапронова, принятая общим собранием ячейки РКП строительных рабочих Кремля 11 декабря, по докладу тов. Рейн о новых задачах партии»³⁹. Это был явный продукт творчества редакции, так как действительные «сторонники Преображенского и Сапронова» не обозначали свою идентичность в названии резолюции в такой форме (об этом см. в главе II, 3). Это был не единственный случай применения такого приема редакцией⁴⁰. Далее следовала оппозиционная «резолюция ячейки 16-й типографии, предложенная тов. Дробнисом», которая была принята «большинством в 5 голосов»⁴¹. Публикация в одном номере двух резолюций, обозначенных именами ключевых децистов, не была случайной: на это вскоре обратит внимание Сапронов: «15 [декабря] помещают одну резолюцию целиком, другую не целиком, 16 [декабря] еще помещают одну...»⁴²

Большинство резолюций в поддержку ЦК смотрелись на фоне оппозиционных очень краткими и шаблонными, но они преобладали количественно. Если предположить, что в редакции

сомневались относительно эффективности их воздействия на общественное мнение, то с этой точки зрения интересна резолюция с акцентом на содержание:

Резолюция ячейки Сахаротреста. Два дня в ячейке Сахаротреста шла дискуссия, выдвинутая в статье тов. Зиновьева. Почти все члены нашей ячейки принимали активное участие в обсуждении затронутых в печати вопросов по резолюции ЦК и ЦКК. Тов. Бык, защищая резолюцию сторонников т.т. Сапронова и Преображенского, нашел среди нашей ячейки немного сторонников. Резолюция наша гласит: «Комячейка Сахаротреста приветствует резолюцию ЦК и ЦКК и обязуется провести в жизнь при полном единстве всех членов партии»⁴³.

Эта заметка, если судить по стилю, могла быть написана рабочим, а особенности языка были сохранены редакцией для лишней демонстрации своей пролетарской ориентации. 21 декабря в «Правде» было опубликовано несколько кратких репортажей и резолюций в поддержку ЦК под заголовком «Пролетарские центры за крепость и единство партии». Так, говоря о дискуссии в клубе Нижне-Уводской мануфактуры Иваново-Вознесенска, сообщалось, что из выступавших только «три товарища стояли на точке зрения т.т. Сапронова и Преображенского и других»⁴⁴.

Акценты смещались в случае поддержки оппозиции. Резолюция Преображенского, принятая 554 голосами против 428 ячейкой Коммунистического университета им. Свердлова была сопровождена комментарием: «Часть Свердловского университета была, очевидно, введена в заблуждение непроверенными слухами, легкомысленно использованными для фракционных целей». «Свердловцы» также указывали на «...нарушение рабочей демократии в области партийной печати, поскольку «Правда» допускает неверную и пристрастную информацию о ходе дискуссии в Москве, вводя в заблуждение провинцию»⁴⁵. В этом же духе звучала резолюция сотрудников Исполкома Коммунистического интернационала «по вопросу о формах дискуссии»⁴⁶. Стоит отметить, что это были технические сотрудники аппарата Коминтерна, но критика, обрушенная на них в следующем номере, послужила доказательством высокой символической значимости их выступления⁴⁷.

Технология редакции включала практику использования имени вождя оппозиции против самой оппозиции. Весь текст небольшой «резолюции, принятой собранием ячейки центрального аэродрома имени тов. Троцкого» был напечатан жирным шрифтом. Это особенно

примечательно, если учесть, что выделение даже отдельных частей других резолюций происходило нечасто. Сторонникам линии ЦК оставалось лишь сожалеть, что эта краткая резолюция оставила нетронутым Троцкого (и даже Сапронова), ограничившись шаблонным одобрением большинства ЦК⁴⁸.

23 декабря редакция известила о своем постановлении «...не печатать тексты резолюций московских ячеек, а ограничиться публикацией их перечня, с указанием, за какую линию они вынесены, за исключением тех случаев, когда резолюция в отдельных ее пунктах будет представлять новое предложение»⁴⁹. Постановление обосновывалось исключительно технической невозможностью публикации всех поступавших постановлений. 5 января началась публикация «буферных» резолюций. Данные табл. 1, приведенной ниже, убедительно свидетельствуют о том, что резолюции публиковались не в соответствии с датой их получения. Редакция принимала решение, сколько резолюций и какие публиковать, учитывая их постоянное поступление и отталкиваясь от своих представлений о реальном соотношении сил. Например, в трех списках подряд (29 декабря 1923 года, 1 и 3 января 1924 года)⁵⁰ оппозиции «отводилось» пять из двадцати резолюций. В целом репрезентация удельного веса оппозиции в 11 списках, последний из которых был опубликован 17 января, была следующей (табл. 1).

Таблица 1

Дата публикации	За ЦК	За оппозицию
25 декабря	22 (71)*	9 (29)
28 декабря ⁵¹	33 (70)	14 (30)
29 декабря	15 (75)	5 (25)
1 января	15 (75)	5 (25)
3 января	15 (75)	5 (25)
4 января	11 (69)	5 (31)
5 января ⁵²	40 (55)	32 (45)
6 января	18 (67)	9 (33)
8 января ⁵³	18 (90)	2 (10)
9 января	18 (90)	2 (10)
10 января	11 (73)	4 (27)
15 января	7 (70)	3 (30)
17 января	17 (85)	3 (15)

Примечание. Составлено по: Правда. 1923. 25–29 декабря; 1924. 1–17 января.

* В скобках указан процент от общего числа резолюций.

Если бы списки были единственным источником, то оставалось бы сделать вывод, что оппозиция имела поддержку не более трети ячеек. Лишь 30 % опубликованных в «Правде» резолюций ячеек были оппозиционными⁵⁴. За этой формально-статистической стороной скрывается не только динамика публикаций, но и результаты голосований на районных партконференциях, отражавших иное соотношение сил. Своим возмущением политикой редакции поделился Сапронов, вновь ставший рупором недовольных читателей-оппозиционеров:

Те резолюции... которые нравятся редакции, печатаются немедленно, те, которые не нравятся, откладываются в долгий ящик. Затем печатается перечень резолюций. С одной стороны, рабочие ячейки перемешиваются с советскими и другими и официальной точкой зрения... под рубрикой оппозиция подбираются: военные ячейки, вузовские ячейки, рабочих как будто бы нет. В то же время в портфеле редакции лежат рабочие ячейки, но их не публикуют...⁵⁵

Сапронов возмущался очевидными, с точки зрения оппозиции, вещами, и до тех пор пока архивный фонд «Правды» будет оставаться закрытым для исследователей, версия Бажанова о намеренной фальсификации результатов голосований в ячейках остается актуальной. По его свидетельству, технология формирования общественного мнения осуществлялась следующим образом:

В «Правду» поступают отчеты о собраниях партийных организаций и результаты голосований, в особенности по Москве. Работа Назаретяна очень проста. На собрании такой-то ячейки за ЦК голосовало, скажем, 300 человек, против — 600; Назаретян переправляет: за ЦК — 600, против — 300. Так это и печатается в «Правде». И так по всем организациям. Конечно, ячейка, прочтя в «Правде» ложный отчет о результатах ее голосования, протестует, звонит в «Правду», добивается отдела партийной жизни. Назаретян вежливо отвечает, обещает немедленно проверить. По проверке оказывается, что «...вы совершенно правы, произошла досадная ошибка, перепутали в типографии; знаете, они очень перегружены; редакция “Правды” приносит вам свои извинения; будет напечатано исправление». Каждая ячейка полагает, что это единичная ошибка, происшедшая только с ней, и не догадывается, что это про-

исходит по большинству ячеек. Между тем постепенно создается общая картина, что ЦК начинает выигрывать по всей линии. Провинция становится осторожнее и начинает идти за Москвой, т. е. за ЦК⁵⁶.

В нарисованной Бажановым картине, безусловно, правдиво отражены приемы работы редакции, но нет никаких оснований соглашаться относительно масштабов деятельности Назаретяна. В ячейках, если бы их несправедливо отнесли к числу лояльных ЦК, такие факты были бы подвергнуты документированию, но оппозиционеры в своих подчас весьма острых выступлениях не выдвигали конкретные обвинения газете в фальсификациях. Нельзя исключать и технические ошибки редакции⁵⁷. Впрочем, редакция крайне редко публиковала исправления, которые могла сопроводить отнюдь не вежливыми примечаниями:

От редакции. Протестовать против «досадной опечатки» можно только в пылу фракционного раздражения. Редакция подтверждает, что по проверке резолюция, о которой идет речь, оказалась «явно оппозиционного свойства»⁵⁸.

Политика «Правды» и недопущение оппозиции на вышестоящие конференции подверглась очередной критике на Сокольнической райпартконференции. Преображенский заявил, что «фальсифицируется в глазах партии истинное положение вещей». «У нас по московским ячейкам половина голосов высказалась за нас и половина за большинство (шум в зале), прошу не перебивать. Мы это скоро увидим в цифрах, это будет напечатано», — пытался продолжить свое выступление лидер оппозиции⁵⁹. В видении реальной ситуации реалистичнее был Радек, говоря в те же дни о 33 % поддержки в Москве⁶⁰. Уже 25 декабря в передовой «Правды» было введено в оборот понятие «общепризнанная линия партии», основанием для чего послужил срыв так называемой программы-максимум оппозиции в Москве по получению большинства⁶¹. Не принесло успеха оппозиции и обсуждение резолюции ЦК «Об очередных задачах экономической политики», принятой 24 декабря и опубликованной на следующий день. Как подчеркивала «Правда», оппозиция не добилась существенной поддержки ни на одном из шести районных собраний Москвы 27–30 декабря. Так, в Бауманском районе собрание длилось два дня и «громадное большинство» получила резолюция

Рыкова, а Преображенского — лишь «незначительное число голосов»⁶². В итоге на проходивших 4–8 января районных партконференциях, согласно «Правде»⁶³, соотношение сил было следующим (табл. 2).

Таблица 2

Район	ЦК	Оппозиция
Бауманский	234	178
Замоскворецкий	327	190
Краснопресненский	605	188
Рогожско-Симоновский	121	90
Сокольнический	228	52
Хамовнический	Нет публ.	Нет публ.

Не удивляет отсутствие в «Правде» сообщений о победе оппозиции в Хамовническом районе. Но и оппозиционеры не были заинтересованы в лишних упоминаниях своих поражений. Преследуя цель показать высокий уровень поддержки оппозиции, Богуславский на Московской партконференции 10–11 января не упомянул о провале в Сокольниках⁶⁴. По остальным районам он счел нужным представить соотношение в процентах: так, в Бауманском районе оппозиция получила 47 %, в Замоскворецком 35, в Краснопресненском 25, в Рогожско-Симоновском 48, а в Хамовническом 55 % голосов⁶⁵. В дискуссию с Богуславским о методах подсчета никто не ввязался.

Сторонники ЦК, разумеется, располагали серьезными аргументами. Уже 10 января, когда «еще не закончились в двух-трех районах Москвы районные партконференции» для Ярославского, тем не менее, «картина соотношения сил» была «...совершенно ясна. Ни в одном районе оппозиция не имеет большинства...»⁶⁶. 12 января, в день окончания Московской губпартконференции была опубликована статья Вардина «Итоги», которую наиболее часто цитируют в доказательство низкого уровня поддержки оппозиции. Пропагандистская по существу, она упирала на «классовый» аспект расстановки сил:

Из 413 рабочих ячеек Москвы голосовало: за линию ЦК — 346, за линию оппозиции 67 ячеек. Значит, *менее одной шестой части рабочих ячеек поддерживало оппозицию*. Если взять членов рабочих ячеек, то окажется, что за линию ЦК высказалось 9843 чел., за линию оппозиции — 2223 чел. Значит, *менее одной пятой чле-*

нов рабочих ячеек Москвы поддержало оппозицию... Из 72 вузовских ячеек за линию ЦК высказались 32 ячейки (2790 членов), за линию оппозиции — 40 ячеек (6594). Необходимо тут же подчеркнуть, что подавляющее большинство голосовавших за ЦК в вузовских ячейках — пролетарии...⁶⁷

В отличие от Вардина, Калинин поделился более общими наблюдениями за происходящим в московской парторганизации. Всего резолюций, опубликованных в «Правде», по подсчетам Хинкса, было 546. Калинин в своей статье, написанной не позднее 16 января, исходил из цифры в 383 резолюции, 274 из которых значились в поддержку ЦК, а за линию оппозиции 109. «Из фабрично-ремесленных предприятий за линию ЦК высказалось 133, — подсчитывал Калинин, — за линию оппозиции — 28, в первом случае мы имеем половину ячеек, во втором — $\frac{1}{4}$ ячеек»⁶⁸. Казус ситуации заключался в том, что Калинин дважды ошибся в переводе цифр в дроби, дав в итоге более адекватную картину соотношения сил. Это могло быть произвольным следствием осведомленности его, как кандидата в члены Политбюро и сторонника тройки, о реальном соотношении сил.

Оппозиционеры по-разному оценивали соотношение сил. Радек был умерен не только в политических высказываниях, но и в подсчетах, не претендуя более чем на 30 % поддержки в Москве⁶⁹. Из всех оппозиционеров, выступавших на конференции РКП(б) 16–18 января, лишь Сапронов уделил достаточное внимание подсчету соотношения сил и топографии оппозиции в столице:

Оппозиция имела [в среднем] 36 % голосов на районных конференциях; на губернской она имела только 18 %. Если от районных конференций до губернской конференции при помощи нажима партийного аппарата оппозиция лишилась 18 %, то я задаю вопрос: скольких же голосов нажим аппарата лишил оппозицию в рабочих ячейках, пока эти голоса дошли до районных конференций? Если брать такую же цифру потери, как от районных конференций до губернской, — 18 %, то получится, что оппозиция имеет в Москве больше 50 %⁷⁰.

Обращает на себя внимание не только приоритетная фокусировка на «рабочих ячейках» на фоне молчания обо всех остальных, где оппозиция была более успешна⁷¹. Воображаемая карта оппозиции на местах, по Сапронову, — фрагментарна и бедна.

В сущности, его видение не отличается от господствующего в «Правде». По сути, он сказал лишь следующее:

Выступавший здесь т. Ярославский начал перечислять крестьянские губернии: вот, мол, где вы победили. Тов. Ярославский, эту победу я не отношу за счет крестьянских элементов, а за счет так называемых переброшенных.

Почему не освещается правильно вопрос о дискуссии? Например, в Юзовке на целом ряде ячеек принята резолюция оппозиции. В Иваново-Вознесенске дискуссия происходила под нажимом и угрозой⁷².

Партработники, переброшенные из одних регионов в другие за те или иные «проступки», действительно часто упоминались как инициаторы внутрипартийных конфликтов, и в данном случае характерно, что Сапронов дал именно такое, как минимум неоднозначное, объяснение успехам оппозиции. Как бы то ни было, он назвал всего лишь два региона.

Между тем четкая и общепризнанная социальная классификация ячеек отсутствовала. Это давало повод для неверных выводов, которые несли на себе печать субъективных или откровенно фракционных утверждений. Так, Калинин утверждал, что «...основной кадр советских служащих, работающих в наших основных советских органах, почти полностью голосовал за оппозицию. Достаточно перечислить такие учреждения, как ВЦИК, Наркомвнудел, Всерокомпом, Хлебопродукт, Главконцесском, Главэлектро, Наркомвнешторг, МОНО, Верховный суд и т. д. и т. п.»⁷³. Калинин акцентировал эти факты, ориентируясь на антибюрократические и махаевские настроения «низов». Однако в действительности оппозицию поддерживали 45 % ячеек государственных учреждений⁷⁴. При этом важно выделять различия внутри «советских ячеек». По подсчетам МК, в Рогожско-Симоновском районе 22 ячейки поддерживали ЦК и лишь 9 оппозицию, но если судить по численности ячеек, то определенный перевес был на стороне оппозиции: 480 партийцев против 427. Перевес был обеспечен во многом за счет ячейки ВСНХ (216 человек), в то время как большинству ЦК обеспечила поддержку ячейка ВЦСПС (123 человека). Средняя численность оппозиционных ячеек была несколько выше, но различался и качественный состав: если за ЦК голосовали многие больницы, отделения милиции и другие общественные службы, то за оппозицией шли учреждения с более квалифицированной рабочей силой⁷⁵. Ситуация в Сокольническом районе была схожая, но там наряду с многочисленными Наркоминделом, Наркомпросом

и Губсовпартшколой за оппозицию голосовали в небольших ячейках — например, Ночлежного дома, полпредства Югостали или Главного автомобильного склада⁷⁶.

За оппозицию проголосовали 7–8 из 16 наркоматов РСФСР и общесоюзного значения: наркоматы внутренних дел⁷⁷, путей сообщения (совместно с ЦК профсоюза железнодорожников)⁷⁸, внешней торговли⁷⁹, финансов⁸⁰, просвещения и юстиции⁸¹; резолюцию наркомата иностранных дел редакция «Правды» сначала отнесла к оппозиционным, затем, по какой-то причине, к «обходящим вопрос о линии...»⁸²; наркомат труда, судя по всему, тоже поддержал оппозицию⁸³. Оппозиционером был нарком внутренних дел. Однако хотя наркомат почт и телеграфа возглавлял подписант «Заявления сорока шести» Иван Смирнов, это не помешало его подчиненным высказать лояльность ЦК⁸⁴. С другой стороны, оппозиционным оказалось большинство в ячейке Наркомпроса, несмотря на то, что Луначарский активно защищал ЦК. В журнале «Красный перец» эта ситуация была выражена в шутке: «Нет пророка в своем отечестве (Сокрушенно заметил Зиновьев, когда в ячейке Коминтерна приняли резолюцию оппозиции)»⁸⁵.

40 % военных ячеек Москвы вынесли оппозиционные резолюции⁸⁶. «Правда», на материалах которой проведен этот подсчет, не опубликовала ни одной обобщающей заметки, не решаясь, судя по всему, лишний раз затрагивать больной вопрос. Доказывая гибельность «фракционной» политики в армии, Ярославский ссылаясь на слова своего «старого товарища» оппозиционера Муралова: «Ты знаешь, Емельян, я не фракционер, но, по-моему, московский гарнизон на одну треть в оппозиции»⁸⁷. 13 января Пленум ЦКК вынес резолюцию, в которой посчитал «...особенно опасной эту работу оппозиции в Красной армии, так как эта работа создает враждебное настроение у части военных коммунистов против руководящего органа партии — ЦК»⁸⁸. На последовавшей партконференции Ярославский заявил, что «третья часть воинских наших ячеек против» линии ЦК, очевидно, имея в виду Москву⁸⁹. Примечательно, что среди них были первички военных вузов, готовивших элиту армии, например Военная академия РККА, Высшая военно-экономическая школа, Московская военная школа физического воспитания комсостава, Первая военная школа летчиков⁹⁰. Не случайно среди оппозиционных оказалась и ячейка поезда председателя Реввоенсовета Троцкого. Батальон охраны Реввоенсовета, судя по всему, не упомянутый «Правдой», также был на стороне левых⁹¹.

Посчитав, что 10 ячеек системы просвещения идут за ЦК, а 29 — против, Калинин сделал вывод, что «педагогический персонал, можно

сказать, полностью идет за оппозицией»⁹². Не ясно, кого именно включал Калинин в «педагогический персонал», но в образовательных учреждениях и университетах за оппозицией действительно пошло около $\frac{3}{4}$ их членов и 55 % ячеек⁹³. Это были топоры формирующейся интеллектуальной элиты, например Свердловский коммунистический университет, Институт красной профессуры, Институт народного хозяйства, Институт востоковедения, Институт журналистики, Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС) и его рабфак, Академия социального воспитания, Горная академия, Высшие научно-педагогические, а также политико-просветительские и научно-технических курсы Наркомпроса, отдельные факультеты (и их отделы) МГУ. Как было показано ранее, столь высокий уровень оппозиционности советской интеллигенции сыграл негативную роль во внутрипартийной борьбе, так как часто вспыхивали конфликты поколений, тесно переплетавшиеся с антиинтеллигентскими настроениями «пролетарских» слоев партии.

Таблицы с данными, на которые опиралось утверждение Калинина, хранится в архиве МК⁹⁴. Однако в силу того, что на основе доступных документов нельзя сделать однозначный вывод о правильности подсчетов, представляются справедливыми подсчеты Д. Хинкса. Если Вардин говорил о 413 рабочих ячейках, то, следовательно, в «Правде», содержащей данные лишь о 259, остались неучтенными 154 ячейки. Соотношение большинство/оппозиция, по «Правде», составило примерно 1:4; значит, из 154 неучтенных рабочих ячеек 39 могли быть оппозиционными. Следовательно, итог был бы следующим: 309 — лояльных линии ЦК, 104 — оппозиционных, т. е. оппозицию поддержали не «менее одной шестой части рабочих ячеек», как утверждал Вардин, а одна четвертая часть. Д. Хинкс предположил, что Троцкий был не далек от истины, когда утверждал, что, по крайней мере, на первоначальном этапе, оппозиция имела большинство в рабочих ячейках Москвы⁹⁵. Возможно, рабочие действительно были склонны к «протестному голосованию», но это не было равнозначно автоматической поддержке оппозиции или даже отдельным ее лозунгам реформирования внутрипартийного режима.

Согласно подсчетам, произведенным Хинксом на основе всех номеров «Правды», результаты голосований ячеек во внутрипартийной дискуссии 1923–1924 годов в Москве в целом были следующими⁹⁶ (табл. 3).

Д. Хинкс не пояснил, какие ячейки являлись «смешанными». В этой связи отметим, что, согласно нашим подсчетам, за ЦК голосовало 18 ячеек милиции, а за оппозицию лишь одна, притом «смешанная» — на совместном собрании с двумя другими ячейками⁹⁷. Столь

Таблица 3

Организация (ячейка)	ЦК			Оппозиция		
	Опубликованные резолюции	Резолюции из списков		Опубликованные резолюции	Резолюции из списков	
Промышленные рабочие	61	80	141	25	25	50
Транспортные рабочие	13	40	53	6	9	15
Профсоюзные	3	1	4	1	–	1
Военные	22	17	39	6	20	26
Образовательные/ Университеты	8	16	24	7	23	30
Московские партийные органы	19	14	33	5	3	8
Государственные учреждения	7	11	18	4	11	15
Смешанные	25	47	72	10	7	17
Итого:	159	226	384	63	98	162

же редко происходило нарушение лояльности ЦК в системе ОГПУ, в котором, согласно личным подсчетам его главы Дзержинского, из 551 партийца линию ЦК поддерживало 367 человек, 40 было против и 129 проявляли колебания (мнение остальных не выявлено). Впрочем, в регионах встречались отдельные чекисты-оппозиционеры⁹⁸.

Более благоприятным для оппозиции оказался подсчет соотношения сил в Москве, произведенный секретариатом Сталина⁹⁹ (табл. 4).

Таблица 4

Ячейки	За ЦК	За оппозиц.	Нейтр.	[Всего]
Фаб.-зав.	160	38	18	206
Вузы	13	30	4	124
Сов. яч.	85	24	15	124

Окончание таблицы 4

Ячейки	За ЦК	За оппоз.	Нейтр.	[Всего]
Союзн. яч.	15	3	1	19
Военные яч.	31	10	2	43
[Всего]	304	105	40	439

Разумеется, это лишь часть картины, причем ее статистическая часть, которая, как показывает данное исследование, не отражает всей сложной топографии внутрипартийной борьбы.

Историку Карлу Шлёгелю принадлежат тонкие наблюдения о «геополитике» большевиков, которые справедливы и в отношении менее глобальных событий, каковым являлась внутрипартийная борьба:

Конечно, революционеры не всегда мыслили в первую очередь в пространственных категориях и величинах. Чтобы добиться успеха, они должны были абстрагироваться от пространственных отношений, всегда тяготеющих к консерватизму. Более того, они были вынуждены их почти игнорировать. Их центры носили не пространственный, а исключительно социальный характер. Их границы не совпадали с физическими рубежами, а вытекали из столкновения социальных миров и классов. <...> В левых теориях речь идет об основных и вторичных противоречиях, о фронтах классовой борьбы и кризисах легитимации, о противоречиях между верхами и низами. Ментальное пространство революционной партии — это динамичное пространство, пространство связей, пространство, где выделены позиции власти и безвластия¹⁰⁰.

Зиновьев как минимум дважды прибегал к приему «вызывания перед глазами» чертежа-карты партии, чтобы «рассуждать не только с точки зрения района или даже не московской организации...». Выступая в наиболее оппозиционном и нерабочем районе Москвы, он был особенно скрупулезен, перечисляя основные группы («поперечные клеточки»), которых, по его подсчетам, было не меньше десяти, «не говоря уже о подгруппах», и пять «продольных клеточек» — групп по возрастам, т. е. всего 50 групп. «Это наша партия, освещенная рентгеновскими лучами», «ментальный фотографический снимок» — эти и другие метафоры использовал Зиновьев для легитимации его «схемы», необходимой для формирования «точки зрения» на основные дискуссионные вопросы, — и на вопрос об угрозе раскола в первую очередь.

Радек, в свою очередь, говорил об обязанности «московского большинства... показать партии, что не все так благополучно», как рисовали «казенные оптимисты», готовившие «и съезд партии к оптическому обману»¹⁰¹.

Разметка всего политико-географического пространства внутрипартийной борьбы носила дискриминационный характер как побочный продукт «классового» дискурса. В ходе дискуссии о внутрипартийной «рабочей демократии» ячейки были разделены на четыре основные категории: рабочие, служащие, студенты и красноармейцы; при этом отсутствовали как крупные социальные группы (крестьяне), так и малые, профессиональные, например врачи, учителя, работники культуры. В воображаемых картах и меньшинства, и большинства редко отмечались красноармейские коммунисты, хотя это и не значило, что их не учитывали¹⁰². Классовый или, точнее, вульгарно-социологический, подход в интерпретации результатов внутрипартийного противостояния, не объяснявший сложных реалий, был свойствен обеим сторонам. Но особенно выгодным взгляд сквозь оптику «классов» оказался для сторонников большинства ЦК. Это объяснялось преимущественно тем, что в целом, на фоне служащих или студентов, «класс-гегемон» советского общества оказался более политически конформным.

Сотрудники «Правды» пользовались фактически монопольной властью на широкую трансляцию «подлинного» знания, подобно радио-техникам, формировали «сетку вещания», настраивали все региональные сигналы на одну «волну», упорядочивая «голоса», очищая ее от «шумов» или прямо опасных информационно-политических «загрязнений эфира». Тем самым они формировали шаблон. Поток сообщений о ходе внутрипартийной борьбы предавался строгий порядок, очищавшийся от конкретики, без которой смысл информации сужался или прямо искажался. Редакция управляла вниманием читателя, выделяя необходимую для нее информацию. Оппозиция изначально представляла «меньшинством», обреченным на поражение¹⁰³.

Легитимность оппозиции в общественном мнении и шансы на победу уменьшались и потому, что она слабо оспаривала картографию соотношения сил, а образы ее собственных успехов — в первую очередь в Москве — были туманны и размыты. Так, оппозиция совершенно не «освоила» пространства регионов, в которых лидировали ее сторонники: на «картах» отсутствовали Симбирск, Пенза, Череповец, Вятка и другие места успеха левых. Тремя годами позднее молодой провинциальный коммунист выражал возмущение Сталину, что только он не знал о существовании в 1923 году «целых троцкистских» районных и городских комитетов¹⁰⁴.

Топография оппозиции на страницах «Правды» была субъективной: политическое пространство на воображаемой карте заполнялось в узкофракционных целях большинства ЦК. Поэтому не воспринимаются как оговорка слова рядового сторонника ЦК о том, что «Правда» есть «орган большинства ЦК партии»¹⁰⁵. Закрепляя свою победу на январской партконференции, большинство указало в резолюции на необходимость «укрепить надлежащими силами» свою газету, чтобы иметь возможность «систематически разъяснять основы большевизма и вести кампанию против всех уклонов от него»¹⁰⁶. Вскоре подотдел печати Агитпропа станет полноценным отделом ЦК, а «Правда» — безотказным инструментом по борьбе с «уклонами».

2. В ПРОВИНЦИИ: СЛУЧАЙ ПЕРМИ

Когда на губкоме, в ответ на запрос укома, пришла бумажка с предложением не препятствовать дискуссии, секретарь укома окончательно растерялся, махнул рукой и созвал закрытое собрание ответственных работников парторганизации.

— Итак, — начал секретарь укома, — уком предлагает поставить на сегодняшнее заседание вопрос о внутривнутрипартийной демократии. Как, вот, я теперь и партаппарат, и чиновник, так прошу высказаться, кто за резолюцию ЦК и ЦКК, принятую единогласно и одобренную укомом. Кто желает?

На сцену вышел начумилиции.

— Я, товарищи, против всяких аппаратов, потому что житья нет от самогонки.

— Я вас останавливаю: вы говорите о другом аппарате.

— Протестую! — вскочил с места предупрофбюро, — теперь вам не военный коммунизм, можно высказываться свободно.

— Т. Оппозиция, я вам слова не давал! — перебил секретарь укома.

— Вот тебе и демократия!

— Больше желающих высказаться нет? Предлагаю принять следующую резолюцию: «Общее собрание, заслушав доклад о внутривнутрипартийной демократии, одобряет линию ЦК сверху до низу и постановляет: доклад укома принять к сведению». Есть добавления?

— Есть! И к исполнению!

— Кто за резолюцию укома? — Единогласно! Кто за поправку предупрофсовет? — Один и начумилиции. Резолюция принята без оппозиции. Предлагаю спеть «Интернационал».

В губком.

Согласно вашего циркуляра от 8/XII, укомом проведена в порядке партийной демократии дискуссия о международном положении внутри партии. Единогласно принята резолюция, предложенная укомом. Приняты меры к выбору согласованных с укомом секретарей ячеек. Организация проявляет сознательность: вынесен по инициативе рядовых членов партии протест против разгона коммунистической партии Германии.

С комдемократическим приветом:

Секретарь упартаппарата (подпись)¹⁰⁷

В начале «декабрьской революции» Преображенский заявил, что «партийная весна», наступившая в Москве, «через полтора, два месяца прокатится по всей провинции»¹⁰⁸. Приведенная выше сатирическая заметка отразила распространенный в партии скепсис относительно перспектив демократизации провинциальных парторганизаций. Город Пермь относился к числу губернских центров, не упомянутых в политико-картографических дебатах столичных коммунистов. В своей неприметности пермская оппозиция была типична, но она также имела и свою специфику. Документы внутрипартийной дискуссии оставляют стойкое впечатление если не изолированного от центра, то автономного от него локуса партийной периферии.

Контекст внутрипартийной борьбы в Перми был задан как политическими, так и административными факторами. Рубеж 1923–1924 годов пришелся на «районирование», изменение территориальных границ Урала. Вместо большой Пермской губернии и соответствующего губкома РКП(б) был образован Пермский округ и окружком РКП(б). Пермь и тесно примыкающий к ней заводской поселок Мотовилиха сформировали отдельные районные комитеты партии (райкомы)¹⁰⁹. По состоянию на 1 января 1924 года Пермскому городскому районному комитету (далее — горрайком) подчинялись 31 ячейка с 981 членом и 362 кандидатами партии, Мотовилихинскому райкому — 23 ячейки с 414 членами и 177 кандидатами¹¹⁰. Для проведения наиболее важных общих собраний все ячейки горрайкома были распределены по трем кустовым организациям (кустам)¹¹¹. Таким образом, внутрипартийная борьба развернулась в условиях институциональной перестройки, влиявшей на относительную нестабильность положения партийных кадров, судьба которых в новообразуемых институтах зависела от властных конфигураций и поддержки «низов».

Пермь и Мотовилиха имели свою особенную историю оппозиционности: в 1920–1922 годах там действовала левокоммунистическая

оппозиционная группа во главе с Гаврилой Мясниковым. Заручившись уверенной поддержкой заводских партийцев, харизматичный Мясников противопоставил себя не только местным аппаратчикам и ЦК, но и персонально Ленину. Обычные методы внутривнутрипартийной борьбы результатов не давали, и после призыва к созданию новой партии он и его сторонники были исключены из партийных рядов¹¹². На начало 1923 года «не только “Мясниковщины”, а даже отголосков таковой совершенно не имеется», докладывал «наверх» инструктор губкома¹¹³.

Репрессивные меры были не способны погасить все очаги недовольства, вспыхивавшие из противоречий. Секретарь Мотовилихинского райкома Иван Румянцев в отчете за октябрь 1923 года сообщал, что на собрании членов райкома и бюро ячеек «рядовые партийцы» дали отвод рекомендованному райкомом списку советских и хозяйственных ответработников. В ячейках «...их отводили за отрыв, материальное обеспечение и по прочим мотивам, кои сформулированы на последнем пленуме Цека, как “излишество”. И если бы при этих выборах отдаться этому течению, то есть дать их провалить, то это значит, что оппозиция в эту сторону почувствует свободу и пойдет быстрее, и эти товарищи будут игнорированы поддержкой в своей работе». Обращает внимание отнюдь не случайное употребление понятия «оппозиция». В той ситуации «накопилось недовольство со стороны низовых партийцев, а следовательно и беспартийных» социальным неравенством с «верхами»¹¹⁴. Более того, ощущалось присутствие некой скрытой «оппозиционности». Партфункционер не скрывал от начальства своей настороженности:

...меня всегда спрашивают и в Цека, и в Урал Бюро Цека, и здесь, может ли на Мотовилихе повториться «мясниковщина» или оппозиция вообще. <...> Оппозиция здесь возможна — если рабочие только почувствуют невнимательное отношение к их «силе», каковую они чувствуют в себе¹¹⁵.

Как бы то ни было, непосредственно перед началом дискуссии реальная оппозиция не была зафиксирована¹¹⁶. Не вызвала подозрений и городская парторганизация, несмотря на ряд проблем, которым было суждено стать предметом общепартийных дебатов. Так, 21 октября на расширенном пленуме 2-го райкома некий Сырчиков заявил, что «инициативу ячеек райком отнимает своими вопросами»¹¹⁷. Имелась в виду практика, когда вышестоящая партийная инстанция ставила в повестки собраний нижестоящих ряд

обязательных для проработки вопросов, «вследствие слабого политразвития низовых партакеек»¹¹⁸. Член бюро горрайкома О. А. Михайлов, будущий оппозиционер, констатировал родственную проблему, что ячейки, за исключением Закамской, «...слишком мало проявляют инициативу в разрешении местных вопросов и находятся на поводу райкома, что в дальнейшем нужно изжить». Михайлов отметил пассивность рядовых членов партии, так как он хорошо знал о низком уровне их политического развития¹¹⁹. Но, если судить по его последующей деятельности, он не был склонен, подобно Зиновьеву, рассматривать «отсталость» как единственную или основную причину «замирания» внутрипартийной жизни.

Первая Пермская окружная партийная конференция, состоявшаяся в ноябре 1923 года, также затронула «горячие» вопросы. Секретарь контрольной комиссии Алексей Шпагин жаловался, что «среди коммунистов не замечается коммунистической спайки и Партийные Клубы зачастую пустуют. Между тем рабочие беспартийные выражают желание иметь общение с коммунарами, чтобы в этом общении узнать, кто же стоит у руля правления, друзья или просто захватчики власти». Будущий ректор Пермского государственного университета Семен Седых признал, что коммунисты «все время варятся в собственном своем соку» и что ими не проводится политика «выдвижения работников с низов»¹²⁰. Последние «...не могут выдвинуться, т. к. ответственные работники губернских органов не дают возможности им выдвигаться», объяснил делегат Гаврилов и заговорил далее на всем известную тему верхов и низов партии¹²¹. Атмосфера и тематика разговоров, видимо, насторожила секретаря окружкома Владимира Нанейшвили. Он предупредил: «Нам нужны крепкие рабочие, единодушные ряды нашей партии. Никаких колебаний и никаких нездоровых выступлений...»¹²²

Нельзя исключать, что функционер уже был в курсе внутрипартийной борьбы, развернувшейся в Москве, и сделал соответствующие выводы. В начале декабря на страницах «Правды» ужесточилась полемика между сторонниками и противниками большинства ЦК. В этих условиях 2 декабря состоялась конференция горрайкома, первым вопросом которой значились «Новые задачи партии» (по статье Зиновьева в «Правде», открывшей дискуссию). Докладывал член окружкома Александр Баранов, только что назначенный зампреда окружного агитпропа¹²³. Как и везде, речь шла о необходимости завоевания доверия и авторитета беспартийных рабочих, вовлечения их в решение хозяйственных вопросов через профсоюзы. Низовые ячейки, по мнению Баранова, зачастую были «ниже уровня

беспартийных», в то время как задача состояла в «удержании руководства» ими. Он предложил перестроить ячейки на манер фракций в профсоюзах, которые «прорабатывали» бы вопросы перед тем, как выносить их на собрания беспартийных (скорее всего, в этом он солидаризировался с предложением Зиновьева¹²⁴). Ничто не выдавало будущего лидера пермских оппозиционеров. Но, как показали прения, у пермских коммунистов было разное представление о пределах «демократизации». Так, член президиума конференции Елькин, сказав, что отныне централизм в отношении ячеек будет ослаблен, не раскрыл, как именно (впоследствии он будет выступать против оппозиции). Хотя один из делегатов прямо заявил, что централизм «лишь мешает работе» ячеек, все-таки доминировало мнение о неготовности к «широкой демократии» или даже об отсутствии предпосылок к таковой. Для оппозиционера Михайлова главным вопросом дискуссии была необходимость выделения большей «самостоятельности» ячейкам.

Линию противостояния очертил секретарь окружкома, обратив внимание на непригодность так называемого широкого демократизма — требования, которое часто приписывалось оппозиции в ходе внутрипартийных дискуссий, но по какой-то причине в данном случае Нанейшвили связал это требование с предложением Баранова о фракциях. Секретарь вновь был вынужден обозначить границы допустимых трактовок внутрипартийной демократии:

Мы должны взять твердый курс на выборные начала, но все-таки в интересах дела иногда приходится отступать [от него]. Рабочую демократию нужно понимать как сплочение партии в одно целое и объединение вокруг себя масс путем обсуждения с ними всех партвопросов.

Представляется, что таким образом был смещен акцент на роль партийного руководства и «единства» партии. Впрочем, несмотря на то что сторонники ЦК могли бы получить большинство голосов, собрание поддержало предложение Нанейшвили не принимать резолюций по вопросу, а начать дискуссию в ячейках¹²⁵.

Примечательно, что в ноябрьско-декабрьском номере «Пролетария», ежемесячнике окружкома, была опубликована статья Баранова, сводившаяся к пересказу статьи Зиновьева. С появлением 5 декабря резолюции ЦК о внутрипартийной демократии, автор добавил постскрипtum, по стилистике напоминавший центральную

прессу и потому, скорее всего, написанный после поражения оппозиции: «В итоге принципиальной дискуссии выявлено полное единство партии. Пусть не надеются враги пролетарской революции, что споры и дискуссии по вопросам о состоянии партии внесут раздоры и раскол»¹²⁶.

Еще до начала партсобраний в низах дискуссионные вопросы повторно обсудили в верхах. Это было связано с резким изменением ситуации в партии, в которой отчетливо обозначились линии разногласий. 22 декабря состоялся расширенный пленум горрайкома, на котором, помимо 14 членов ГК, присутствовали также 52 члена бюро ячеек и еще 35 партийцев. На пленуме вновь докладывал Баранов, теперь с недвусмысленной поддержкой оппозиции. В протоколе его речь изложена кратко:

Мы сейчас вынуждены осуществить рабочую демократию, которая, по словам тов. *Троцкого*, раньше не была проведена в виду (sic!) голода, военных действий и других сложившихся условий. Сейчас же это представляется возможным. Те существующие организационные формы, которыми мы пользовались раньше, сейчас становятся ненужными. Далее знакомит с ходом дискуссии в пров[инции], между товарищами Зиновьевым, Каменевым и тов. Преображенским и др. Знакомит по отдельности с их взглядами на новые задачи партии. Затем говорит, что дискуссия идет в плоскость практического разрешения проведения широкой рабочей демократии и что в ней горячности не должно быть. Неправы некоторые товарищи, говоря о каких-то группировках и оппозициях, которых, по мнению докладчика, нет, а есть лишь критический обзор вопросов¹²⁷.

Протокольная запись скрывает важные детали выступления. Так, не ясно, какие именно «организационные формы» имелись в виду, что подразумевалось под «горячностью» и каково было отношение оратора к Троцкому и Преображенскому. Очевидно, Баранов отвергал обвинение оппозиции в создании фракции, которое прозвучало от первого же участника прений. Более того, если верить словам одного из участников пленума, он предложил обязательно избрать в аппарат «новых товарищей». Другой оратор, Певзнер, прямо сослался на Преображенского, требовавшего от большинства ЦК «гарантий проведения широкой демократии»; в противоположность озвученным ранее суждениям, он выступил против назначенства и за «освежение» партаппарата. В то же время никто из сторонников большинства не обвинял Баранова

в оппозиционности, которая, судя по высказываниям, понималась как нечто «приходящее из центра». Так, Певзнер, если верить протоколу, сказал, что «оппозиций нет и тов. Каменев и др. впустую стреляют, говоря об оппозициях». В другом контексте это высказывание могло прозвучать вполне оппозиционно, но не в Перми, так как там не сформировалась специфически «пермская» оппозиция, а в числе аргументов последней местные проблемы даже не упоминались. Тем не менее с высокой долей уверенности можно сказать, что *casus belli* для обеих сторон стало назначенство.

На пленуме выступило 14 человек, из которых лишь четверо — определено за оппозицию, а семеро, включая Нанейшвили и ключевых аппаратчиков горрайкома, — против. Резолюции вновь не были приняты, а по предложению Нанейшвили было решено продолжить прения на партсобраниях города и Мотовилихи. Примечательно, что именно оппозиционер Михайлов предложил не расходиться до выработки «мнения» горрайкома, хотя он не мог не понимать, что большинство вынесло бы резолюцию против оппозиции¹²⁸. Краткость дискуссии на фоне аналогичных собраний в других городах, длившихся порой подряд 2–3 дня, и отсутствие содоклада сторонников ЦК, свидетельствуют о низком уровне конфликтности в руководящих кругах Перми.

Борьба за голоса рядовых партийцев развернулась на собраниях в ячейках. 27 декабря коммунисты окружного финансового отдела исполкома заслушали председателя окрисполкома Михаила Советникова, ранее на пленуме защищавшего позиции большинства. По какой-то причине он заявил, что «пока резких расхождений в основах злободневных вопросов не замечалось»¹²⁹. На общем собрании ячейки Гвоздарного завода по докладу, содержавшему цитаты из выступления Преображенского, была принята резолюция в поддержку постановления ЦК, но без осуждения оппозиции. «Бороться со склоками и не выносить ссоры (*sic!*) из избы», — в частности, прозвучало в ней¹³⁰. Можно предположить, что на это решение повлияла позиция секретаря ячейки Федора Ленского, который ранее на пленуме солидаризировался с идеями Преображенского¹³¹.

Дискуссионная активность большинства рядовых партийцев была крайне низкой. С 15 по 31 декабря 26 ячеек обсуждали циркуляр ЦК и ЦКК от 19 октября «О борьбе с излишествами и с преступным использованием служебного положения членами партии». Центральная партийная пресса, скорее всего, имела небольшое распространение, либо была неинтересна большинству, а в местной отсутствовали актуальные материалы по дискуссии. Сам документ об «излишествах» содержал красноречивые при-

I Пермская окружная конференция РКП(б) 11–13 ноября 1923 года. Пермский государственный архив новейшей истории.

меры «некоммунистического» поведения в первую очередь ответственных работников, провоцируя живую реакцию рядовых партийцев. Обсуждение циркуляра позволяло последним «выпустить пар». Когда обсуждение «излишеств» на многолюдном собрании ячейки рабфака Пермского университета привело ораторов к более острым вопросам, раздался голос одного из партийцев:

Вопрос внутривнутрипартийных отношений, как и разбираемый вопрос об излишествах, слишком сложные вопросы, чтобы их решить с кондачка. Нас Циркуляр предупреждает, чтобы эта борьба не вылилась в верхи и в низы (борьбу верхов и низов. — А. Р.), необходимо эти вопросы продумать, чтоб не создать склоки — не обходить достоверные факты, а не голословные выкрикивания, — это поведение лиц к склоке. Тише на поворотах¹³².

Так для ячейки рабфаковцев обсуждение «нового курса» закончилось не начавшись. В ячейке Кожзавода Орлов, ранее на пленуме первым оппонируя Баранову по вопросу о фракциях, напрямую связал «обострение» дискуссии с излишествами и неравенством. Заводская ячейка, однако, не проявила оппозиционности¹³³. В ячейке работников городского хозяйства и окружного совнархоза после доклада зампреда губисполкома Адама Боровского прозвучали отдельные оппозиционные высказывания, однако это никак не отразилось на итогах: политика ЦК была одобрена единогласно¹³⁴. Примечательно, что в одном из постановлений по вопросу об излишествах звучал призыв «призвать к ответу» Боровского¹³⁵. Партийцы железнодорожной станции Пермь-I в ходе 5-часового собрания бурно обсуждали тематику циркуляра, но прения по вопросу внутривнутрипартийной демократии решили не открывать, а приступить к ним после дискуссии ответственных работников, сославшись на то, что никто, за исключением двух человек, не был знаком с материалами дискуссии. Собрание железнодорожников (Главные мастерские) также не стало выносить собственного мнения, хотя, казалось бы, из 71 присутствующего несколько человек могли быть в курсе дискусионных вопросов. Безусловно, масштабы дискуссии в низовых парторганизациях Перми значительно уступали московским, где они могли длиться по нескольку дней. Но были ячейки, поддерживавшие оппозицию. Работники отдела юстиции окружного суда единогласно приняли довольно смелую резолюцию, акцент в которой был смещен на экономические проблемы:

Парторганы совершили несколько крупных ошибок, из которых мы отмечаем: 1) Отсутствие должного планирования в восставлении промышленности и сельского хозяйства, породившего “ножницы”, чем ставится под угрозу Союз рабочих и крестьян, 2) Недостаточно умелое руководство промышленностью и торговлей привело к непомерному вздорожанию фабрично-заводской продукции. <...> 3) Ошибки при проведении НЕП создали фантастические накладные расходы, бесхозяйственность и казнокрадство выросли до невероятных размеров, как это видно из судебных процессов, излишества части ответственных работников дошли до крайности, в рабочих кварталах появились пивные и всякого рода кабачки, парализующие политическую, профессиональную культурную работу. <...> 4) По вопросу заработной платы допущено резкое различие ставок между Госорганами и Хозорганами, что разлагающе действует на партийную рабочую массу¹³⁶.

Партийцы обрамляли свою критику профессиональными ссылками на «судебные процессы». Наравне с предложениями по проведению «нового курса», приложенными к резолюции, это свидетельствует о сознательности их выбора.

Более информативный протокол оставило собрание 19 членов и 3 кандидатов ячейки при электростанции. Циркуляр об «излишествах» там зачитал Баранов, а в двух постановлениях из шести по этому вопросу предлагалось «обследовать условия жизни ответственных партийных работников» и право участия рядовых членов партии «в деле дачи характеристик на всех перебрасываемых ответственных партработников»¹³⁷. По вопросу о внутрипартийной дискуссии докладывал член бюро ячейки Лазарь Шнейдерман¹³⁸. Молодой коммунист заявил, что Троцкий *не прав*, не соглашаясь «с мнением других товарищей по вопросу о проведении в жизнь сейчас же резолюции Цека»; оппозиционная резолюция, поддержанная собранием без прений, призывала к «немедленному» ее проведению. Это не только примечательный случай «нетроцкистской» оппозиционности, но и, возможно, единственный случай указания оппозиционера на «неправоту» Троцкого. Помимо требований «изжить» назначенство «как систему» и защиты «свободы обсуждения и критики» от их «подведения под фракционность», в резолюции назывались «недопустимыми» взятые из статьи Сталина «резкие выпады к отдельным личностям». Ячейка также посчитала необходимым созвать городскую партконференцию «для выявления мнения» и «заклучения дискуссии», что по смыслу прямо связано с упомянутым предложением

Михайлова 22 декабря. Если бы причиной принятия резолюции была только более высокая сознательность ячейки, то, скорее всего, в нее не попало бы предложение «всем членам ячейки ознакомиться с дискуссионным материалом, для чего бюро ячейки подобрать последний»¹³⁹. Существенное значение сыграла позиция авторитетных членов окружного и городского комитетов — Баранова и Шнейдермана¹⁴⁰.

Несмотря на указанные факты, уже 23 декабря в «Правде» кратко сообщалось, что «все ячейки присоединяются к резолюциям ЦК. Оппозиции совершенно нет»¹⁴¹.

29–30 декабря состоялось собрание членов бюро ячеек и ответ-работников Перми и Мотовилихи, аналог которого был проведен в Москве еще 11 декабря. Если судить по данным протокола последовавшего за ним отдельного собрания в Мотовилихе, большинство (92 голоса) проголосовало за резолюцию Нанейшвили с критикой оппозиции, а 68 голосов было отдано Баранову¹⁴². Оперативно сообщая об этом Зиновьеву 2 января, Харитонов успокоил триумвира: «Но и эти 60 голосов не от рабочих, а по преимуществу от советских ячеек. *Отчасти профсоюзов*»¹⁴³.

Тем не менее обеим сторонам нужно было заручиться голосами рядовых партийцев. 3 января состоялись собрания в трех кустах Перми и в Мотовилихе. 1-й куст заслушал доклад Орлова и 115 голосами поддержал его резолюцию. Однако протокол умалчивает о содержании содоклада и проекта резолюции Михаила Матвеева, получившего 45 голосов¹⁴⁴. Учитывая то, что несколькими днями ранее Матвеев был «рекомендован» на должность заведующего пермским агитпропом вместо оппозиционера Михайлова¹⁴⁵, можно предположить, что его проект резолюции был не оппозиционным, а либо «буферным», либо в поддержку ЦК.

Во 2-м кусте схлестнулись Боровский и Шнейдерман. Протокол не раскрывает деталей «обширного доклада» главы городской администрации, а молодой агитпроповец сосредоточился на двух вопросах. Во-первых, «возражая т. Боровскому», он заявил, что если Сталин, Троцкий или другие видят проведение «партийной демократии» по-разному, то это не значит, что они создают «контрреволюционные группировки». «Группировок в партии быть не должно», но, подчеркивал автор, «так же не должно пресекаться свободное мнение каждого члена партии». Во-вторых, Шнейдерман критиковал «мнение, что если обновить аппарат, то работа пойдет насмарку», «обновление аппарата», по его мнению, должно проводиться не «постепенно и осторожно», а «решительно». Однако даже повторное выступление после прений не принесло успеха: оппозиционная резолюция получила 37

из 143 голосов¹⁴⁶. Предположительно, основу оппозиционных голосов составили партийцы электростанции и учреждений юстиции. На решение членов большинства остальных ячеек (сфер коммунального хозяйства, торговли, управления, хозяйства и здравоохранения) могло повлиять то, что они находились так или иначе в должностном подчинении Боровскому.

Успех ожидал оппозицию в 3-м кусте. Член окружкома Седых в своем докладе сосредоточился на критике «перетряски» партаппарата, поэтому аудитории было легче принять содоклад Михайлова, главное требование которого заключалось в более решительной борьбе с «бюрократизмом». «Необходимо удалить посредством перевыборов из аппарата всех неспособных проводить рабочую демократию, забюрократившихся партийцев. Предоставить больше прав ячейкам, давая им возможности свободно обсуждать все хозяйственные и политические вопросы», — призвал оппозиционер¹⁴⁷. Важно, что Михайлов сразу заручился поддержкой члена окружкома Михаила Чернышова, бывшего до революции рабочим на заводе Лесснера, а в ноябре 1923 года ставшего председателем горсовета¹⁴⁸. Рискуя будущей карьерой, последний заявил: «Немедленно мы должны стать на путь рабочей демократии. Партийные аппараты оторвались от низов, не прислушиваются к голосу массы (забастовки). Ячейки работали под диктовкой аппаратов, которые не выдвигали вопросы, возникающие в низах. Резолюции X съезда надо пересмотреть, но не отменить. Освежение аппарата необходимо». Следом начались столкновения авторитетов. Подпольщик Сигов¹⁴⁹ предостерег против новых «оппозиций, которые всегда выливаются во фракцию», и напомнил о «пагубном влиянии» Мясникова. Несмотря на категоричные формулировки против «оппозиций», следующий оратор подчеркнул правильность слов Троцкого, «что только сейчас партия начала шевелить мозгами». Член бюро ячейки телеграфистов В. Я. Тараканов, кроме критики «бюрократизма», отметил, что «некоторые товарищи, прикрываясь ленинизмом, стараются затушевывать ошибки руководящих партийных аппаратов»¹⁵⁰. Кайгородцев пошел дальше и заявил, что партия в условиях нэпа «будет иметь группировки». Сторонники ЦК безуспешно убеждали, что оппозиция противопоставляет себя ЦК («недопустима мысль, что в Ц. К. были случаи бюрократизма», — заявил один из них), но основной докладчик, Седых, судя по протоколу, предпочел не нагнетать атмосферу. Кроме того, в заключительном слове Михайлов признал «ошибку» Троцкого в дискуссии по профстроительству в 1920–1921 годах и, судя по всему, не требовал ничего радикального, так что Седых ограничился признанием необходимости «удаления забюрократившихся» из

аппарата. Его проект резолюции собрал 74 голоса, проект Михайлова получил 179 голосов¹⁵¹. Секретарь горрайкома объяснит этот «опозиционный успех» как «случайность» и следствие «демагогических приемов»¹⁵².

Одновременно в Мотовилихе проходило многочисленное собрание с участием 350 членов партии и около 100 беспартийных. В его протоколе кратко сказано, что Советников и Баранов сделали доклады «примерно такие же», как 29–30 декабря. Баранов, ссылаясь на нереализованные постановления XII съезда, утверждал, что ЦК не сможет проводить «новый курс». Но в заключительном слове он пошел на попятную:

Я не говорил о разгоне аппарата; и мы не настаиваем на развернутой демократии. Надо перевыбрать комитеты на основе резолюции ЦК, и кто против их проведения, тот враг партии. Ленин настаивал на пересмотре аппарата, указывая на его бюрократизм. <...> В прениях выявлено единство. Если и были разногласия, то из-за недостатков положения¹⁵³.

Советников выгодно использовал это, чтобы, отделив пермских оппозиционеров от оппозиции вообще («Баранова причислять к оппозиции нельзя полностью. Он ближе к ЦК, чем Сапронов, Преображенский и т. д.»), раскритиковать всех недовольных и заключить: «Единство и проведение решений ЦК — вот лозунг дня». Однако в аудитории нашлось немало критически настроенных коммунистов. Первое же выступление в прениях секретаря ячейки сталелитейного цеха Сергея Шубина¹⁵⁴ носило оппозиционный характер: рабочий не только обвинил ЦК в невыполнении решений съезда, но и заявил: «В ячейках наших мы руководимся секретарями, что они скажут, то мы и сделаем». Кроме того, впервые проявились симпатии к наиболее левым тенденциям оппозиции: «Почему Сапронова не послали работать в рабочие массы? ЦК боялся, что он создаст группу рабочих (sic!) оппозиции»¹⁵⁵. Атмосфера располагала нарушать запреты. Столяр Георгий Бурылов¹⁵⁶ заявил, что «некоторые положения Мясникова сейчас приемлемы, а тогда ему зажал губком рот». В столь же мясниковско-эгалитаристском духе было выдержано выступление Носкова:

ЦК выбирается комитетчиками. Отдельных товарищей оттуда надо вытряхнуть и это надо провести по всей линии. Нам надо послать на Съезд рабочих с производства.

Нина Федулова заострила внимание на другом аспекте дискуссии: «Советников сам не верил, что говорил. ЦК вел не правильную политику, даже Шиврин здесь испугался дискуссии. Его приучили повиноваться, не рассуждать»¹⁵⁷. Именно «свобода внутрипартийной критики» оказалась единственным «оппозиционным» пунктом резолюции, предложенной Барановым. В прениях выступило равное число сторонников и противников оппозиции. Взяв слово перед голосованием, Советников связал воедино Мясникова с врагами советской власти из II Интернационала. Агрессивная спекуляция образами Носке и других, наравне с «мягкостью» Баранова, отразились в итогах вотирования: за оппозицию — 35, за ЦК — 95 при 8 воздержавшихся¹⁵⁸.

Таким образом, в Перми оппозиция получила 20,5 % голосов во 2-м кусте, 71 % в 3-м и в Мотовилихе 25 %. При этом средний показатель выявленной оппозиционности соответствовал примерно 44 % от общего числа участников собраний, что соответствовало уровню поддержки оппозиции на собрании членов бюро и ответственных партработников 28–29 декабря (42 %). Но отсутствие оппозиционной резолюции в 1-м кусте понижает этот общий рейтинг условно на треть.

Пермские оппозиционеры прекратили свою активность, обрекая на неудачу выступления изолированных одиночек. Тщетной оказалась попытка Шубина и Сильгина на конференции Мотовилихинской парторганизации 9 января оппонировать по вопросу о партстроительстве — против резолюции поддержки ЦК было подано всего 2 из 68 голосов¹⁵⁹.

«К партконференции [16–18 января], особенно после смерти Владимира Ильича [21 января], оппозиция умерла естественной смертью», — сообщалось в отчете окружкома¹⁶⁰. Секретарь окружкома, намеренно занизив общий уровень поддержки оппозиции и объяснив ее победу в 3-м кусте «случайностями», все-таки справедливо охарактеризовал пермских оппозиционеров, инициативное ядро которых подчинилось дисциплине сразу же после известий о результатах голосований в Перми и жесткой позиции Уралобкома ЦК. «Наша оппозиция довольно ручная оппозиция, — писал Нанейшвили в Уралобком и ЦК. — Моя резолюция по докладу о работе XIII-й партконференции... была принята единогласно, оппозиционеры были в нетях: ни слова не проронили, а некоторые вовсе отсутствовали». В то же время поддержка оппозиции не вызывала каких-либо репрессий, по крайней мере в 1924–1925 годах. Отмечая, что «все-таки у оппозиции здесь было порядочно сторонников из служивого элемента», секретарь окружкома не считал необходимой

проведение «чистки»¹⁶¹. Так, вплоть до декабря 1924 года Баранов оставался в агитпропе окружкома, Шнейдерман заведовал клубом, а Михайлов агитпропом.

Каковы причины поражения оппозиционеров в Перми? Крайне непрактичной являлась сама по себе попытка реализовать новый курс в рамках старой системы. Борьба за внутрипартийную демократию со стороны верхов была явно недостаточной, что усугубляло прогрессирующие конформизм и пассивность низов. Лидеры пермской оппозиции были менее авторитетны, чем их оппоненты, чтобы успешно конкурировать по устоявшимся правилам политической игры, косвенным доказательством чему служит отсутствие обвинений во «фракционности» (а значит, отсутствие минимального впечатления организованности действий). Баранов и другие оппозиционные лидеры действовали исключительно на основе соперничества за голоса участников собраний. Защищая наиболее общие программные тезисы оппозиции, они оставили без внимания конкретные местные проблемы, сделав невозможным политический блок с низами, как в свое время поступили радикалы — «мясниковцы». Тем легче было сторонникам ЦК риторически отделить Баранова от оппозиции, как это проделал Рыков в отношении Радека на районной партконференции в Москве, указав на то, что в действительности они далеки от Троцкого, Преображенского или Сапронова¹⁶².

4 января 1924 года беспартийный рабочий Корсуков отправил письмо оппозиционеру Михайлову, в котором он, ссылаясь на Преображенского, защищал основные тезисы оппозиции и критиковал местных аппаратчиков. Письмо, однако, завершалось просьбой: «...тов. Михайлов, постарайтесь сделать так, чтобы постановления X-го съезда партии начались проводиться в жизнь немедленно, к чему там страхи и опасения»¹⁶³. С одной стороны, это письмо можно интерпретировать как выражение поддержки. В то же время оно служит иллюстрацией отчуждения политически активных рабочих, в лучшем случае уповающих на верхи¹⁶⁴. Пессимизм относительно готовности партийных масс к «рабочей демократии» стал одним из результатов поражения оппозиции. Так, Баранов, выступив с докладом перед коммунистами 3-го куста, ранее голосовавшего за оппозиционную резолюцию, видимо, был удивлен «неожиданным» для него отсутствием прений по вопросу о работе окружкома¹⁶⁵. Причем, в отличие от москвичей, пермяки не могли сослаться на усталость от бесконечных дискуссий.

Как показали выступления мотовилихинских рабочих 3 января, в партийных низах была тенденция, направленная на своеобразный пересмотр итогов политической экспроприации власти: перед «бю-

рократами», вольно или невольно осуществившими ее, возникла угроза «экспроприации экспроприаторов». Весьма символичными прозвучали слова из выступления упомянутого заводского рабочего Бурылова: «Я плохо говорю, но поучусь»¹⁶⁶. В них можно услышать попытку сопротивления носителям знания—власти, монополизирующим политическую функцию высказывания. В силу ряда причин в Перми партийные низы слишком поздно включились в дискуссию и оказались практически не готовы к ней.

Дискуссия в Перми не удостоилась особого внимания Старой площади, и в этом отношении она являлась «рядовым» случаем победы сторонников большинства ЦК в провинциальной парторганизации окружного масштаба. Так, сначала дискуссию провели верхи, и лишь затем она была спущена в «низовые» парторганизации, где основными докладчиками также выступили руководящие партработники, в том числе и потому, что в низах не владели необходимой основой дискуссионной информации. Как и в абсолютном большинстве случаев, оппозиционеры являлись аппаратчиками. Однако можно выделить и некоторые особенности пермского случая. Важна сама по себе ситуация, в которой оппозиционеры получили около трети на массовых партийных собраниях (кустов) города, не вступив при этом в явный конфликт с другими руководящими работниками ни до, ни после дискуссии. В этом смысле внутрипартийная демократия сработала к удовлетворению обеих сторон: оппозиционеры реализовали свои права и признали поражение в «честной» борьбе. Безусловно, для дальнейшей политической карьеры пермских лидеров оппозиции, которые были молоды и восходили по должностной лестнице, даже «умеренность» не была облегчающим фактором. Тем не менее в ситуации политической неопределенности рубежа 1923–1924 годов их выбор был менее прагматическим, или, пользуясь жаргоном эпохи, менее «оппортунистическим», чем у большинства представителей растущей бюрократии. Никто из них не сделал карьеру, а с их отъездом из Перми оппозиция 1923 года стала лишь эпизодом, мало что значащим для последующих оппозиционных групп.

3. У ВЛАСТИ: СЛУЧАЙ ХАМОВНИЧЕСКОГО РАЙОНА МОСКВЫ

«Москва несколько запоздала, есть здесь избыточное количество “сэновников”, которые задали нам работы, — убежденно сказал Зиновьев на одной из партконференций 7 января 1924 года, — но мы ее

проделаем, мы с ней справимся»¹⁶⁷. Главный оратор тройки тогда еще не знал, что в ходе внутрипартийной борьбы оппозиция добьется наибольшей поддержки в партийной организации Хамовнического района. Агнесса Вайнштейн, в 1923 году занимавшая должность секретаря местного райкома РКСМ, отметила в воспоминаниях, что «сам Троцкий, многие его сторонники работали в учреждениях и на предприятиях, расположенных в Хамовническом районе»¹⁶⁸. Это были парторганизации таких важных учреждений, как ЦК РКП(б) и ЧОН ЦК, Коминтерн, РВСР, штаб и политуправление МВО, Военная академия и др. В этом районе было сосредоточено много научных и высших учебных заведений: 1-й и 2-й МГУ, крупные рабфаки вузов, военные академии и школы, техникумы. Намного меньше было заводов и фабрик, самые крупные из которых — «Красная Роза», Гознак и «Каучук»¹⁶⁹. Практически везде оппозиция имела достойное количество сторонников.

Районная конференция 7–8 января 1924 года протекала напряженно, но Сапронов, делавший содоклад после Каменева, выразил уверенность, что большинство на его стороне. В зале раздались шум и крики, когда Сапронов заявил, что 5 января Московский комитет собрал свое «фракционное заседание», на котором прозвучало утверждение о наличии в районе оппозиционных орграспредов и агитпропа. Сторонники ЦК были «предупреждены», что оппозиция имеет свой аппарат и готова взять власть в райкоме. На каждой конференции решали два основных вопроса — выбор резолюции и выбор состава райкома. По первым подсчетам, резолюция сторонников ЦК получила большинство в 32 голоса. Это вызвало шум в зале, в том числе и потому, что суммарное количество голосов превысило первоначальное число делегатов. Выяснилось, что в начале конференции спорным являлся вопрос о некоторых делегатах вузов, а когда он был решен, к моменту голосования количество делегатов возросло с 316 до 373, что и обеспечило победу оппозиции¹⁷⁰. Дебатировался и вопрос о прекращении внесения поправок к резолюции, предложенной оппозиционерами. После того как большинством в 2 голоса было принято решение приступить к голосованию по резолюции в целом, в ее поддержку проголосовало 178 человек, против 157 и 6 воздержалось¹⁷¹. Таким образом, за оппозицию проголосовало 52 % делегатов.

Процедура выборов делегатов на вышестоящую губернскую конференцию была раскритикована проигравшим меньшинством. Так, представители 13 воинских ячеек во многом воспроизводили «оппозиционную» риторику, утверждая, что большинство

...руководствовалось исключительно групповым подбором делегатов, даже не придерживаясь той системы выборов, которую предлагал один из лидеров оппозиции т. Преображенский. Вместо того, чтобы дать представительство работникам низовых ячеек и кандидатов, выдвинутых последними, проводились делегаты, совершенно не знающие района и не работавшие в нем. Целый ряд кандидатов, выдвинутых воинскими ячейками, не прошел только потому, что они были неуютны случайному незначительному большинству конференции (так называемая «оппозиция»)... От 7-ми красноармейских строевых ячеек, составляющих большинство Хамовнического гарнизона, не проведен ни один делегат на губконференцию. Когда было нами потребовано слово для заявления протеста, вполне естественного и законного, нас лишили этого слова и не дали высказаться...¹⁷²

Оппозиционерам приходилось считаться с фактом своей неуверенной победы, равно как и с «классовой» демагогией в свой адрес. Содержание и тон заявления делегатов рабочих ячеек совпадали с процитированным выше заявлением военных. В нем было отмечено, что только 13 рабочих из 29 ячеек получили представительство на губернской конференции. Представители самой крупной фабрики «Красная Роза» (до 1300 рабочих) получили одно место в делегации (причем это было место болевшего Троцкого) лишь после «энергичных и неоднократных протестов»¹⁷³.

Вскоре после конференции, на объединенном собрании рабочих пекарен, было высказано мнение, что оппозиция победила, потому что на ней «преобладали вузовцы, умеющие говорить», в то время как рабочие «не умеют говорить, не умеют отстаивать свое мнение». Другой участник той дискуссии даже заявил, что «...на конференции не давали говорить инакомыслящим: говорить не могли не только рабочие, но и интеллигенты, умеющие говорить. Совершенно верно, что оппозиция организовалась в особую фракцию на конференции»¹⁷⁴. Верно и то, что сторонники ЦК были не менее организованы. Выступая на конференции, Сапронов даже заявил о необходимости «чистки маленькой машины, которая называется Хамовническим районом»¹⁷⁵. Вряд ли подразумевалась «чистка» в ее общепринятом значении, но речь шла об обновлении руководящих органов. В результате, утверждали сторонники ЦК, представители таких крупных рабочих ячеек, как завод «Красная Роза», не получили представительства в новом райкоме, зато не имевшие к нему отношения Сапронов и Максимовский оказались в его составе¹⁷⁶.

Сторонники оппозиции выразили поддержку новому руководству. Например, ячейка Штаба ПУР, Штаба ЧОН и Управления военных сообщений МВО, которая ранее прославилась раскритикованной Молотовым радикальной резолюцией, на собрании 12 января постановили опровергнуть несправедливую, по их словам, характеристику событий в Хамовниках, данную Каменевым, Зиновьевым и Сталиным. 17 января ячейка Верховного суда единогласно выразила поддержку оппозиционному райкому¹⁷⁷.

На первом собрании нового райкома 13 января 1924 года решался вопрос о власти. За право председательствовать на собрании Сапронов обошел сторонника ЦК на 5 голосов. Затем обсуждались два списка нового «исполнительного комитета» (бюро райкома). Сторонник оппозиции Ширяев (ячейка Гознака) предложил список с Максимовским в качестве председателя бюро. Из числа «сорока шести» в списке были Жаков, Сапронов и Шмидель. Важно, что в «оппозиционный» список был включен и сторонник ЦК Иван Дрожжин, главный конкурент Максимовского. Тем самым оппозиционеры как бы демонстрировали свой демократизм и соблюдение принципа пропорциональности. Сторонники ЦК также были готовы сделать заведующим агитпропа Жакова, но места Сапронову в их списке не было. Список оппозиции отличался и наличием в нем секретаря комсомольской организации, хотя все члены райкома комсомола, кроме двух, были на стороне ЦК. Обе стороны сходились на кандидатурах завженотделом и представителя профсоюза, что свидетельствует об определенных возможностях компромисса. Хотя голосование за списки отстаивал лично Сапронов, с перевесом в один голос было принято решение обсуждать кандидатов персонально¹⁷⁸.

Мотивы голосования, как выяснилось при конструировании бюро, были несколько сложнее элементарной фракционности. Так, Максимовский получил 14 голосов «за», на два меньше, чем у Сапронова (оба получили по 12 «против»), а Жаков — 19 «за» и 6 «против». Дрожжин, которого оппозиционеры готовы были видеть в бюро, получил недостаточное число голосов. Однако сторонник большинства ЦК стал заворотделом. Попал в бюро и комсомольский лидер. В итоге состав исполнительного органа был чреват конфликтами, а за общее руководство (орготдел) отвечал противник оппозиции¹⁷⁹. Более того, если верить воспоминаниям Вайнштейн, в ответ на требование Максимовского и Сапронова «подчиниться» им «по уставу», бюро райкома комсомола заявило, что оно подчиняется только «большинству Московской парторганизации»¹⁸⁰.

Последняя запись в протоколе первого собрания бюро была внесена по требованию Ширяева, который посчитал необходимым за-

фиксировать слова Сапронова во время обсуждения его собственной кандидатуры: «Я высказываюсь за кандидатуру тов. Сапронова ввиду явного перевеса голосов и заявляю, что наше дело теперь должно заключаться в углубленной работе в ячейках и противопоставлении той линии, каковая будет проводиться большинством райкомов»¹⁸¹. Очевидно, для сторонников ЦК это звучало равнозначно признанию во фракционной деятельности. Оппозиционеры придавали большое значение факту наличия «оппозиционного» аппарата. Так, Сапронов заявил, что «...все ведь знают, что в райкоме у нас большинство оппозиция, об этом знает вся Россия». При этом не все влиятельные оппозиционеры полностью включились в работу в районе. Так, 12 февраля командующий Московским военным округом Муралов попросил не считать его членом райкома, «ввиду перегруженности основной работой»¹⁸². Максимовский, Жаков и Сапронов имели немалый опыт руководства, но это не могло защитить их.

Отношение к новому руководству районной парторганизации было самым разным. Так, ячейка при Соцакадемии на следующий день после формирования районного аппарата заявила, что были подобраны «односторонне оппозиционный райком, Ревизионная комиссия и делегаты на московскую губпартконференцию» не по деловым соображениям, а по списку оппозиционеров, в результате чего не были проведены делегаты от крупных рабочих ячеек¹⁸³. При этом, как свидетельствуют подобные резолюции, противники оппозиции использовали тактику формальной поддержки избранного райкома. Один из сторонников ЦК, критикуя оппозицию на общем партсобрании пекарей, все же призвал поддержать нового председателя райкома «вследствие того, что [среди рабочих] его никто не знает, ему будет очень трудно работать»¹⁸⁴. Как вскоре выяснилось, никакой реальной поддержки Максимовский и его товарищи не получили.

Члены Исполнительного бюро райкома впервые собрались 19 января, чтобы обсудить план работы. Присутствовали Максимовский, Юревич, Ширияев, Фонченко, Шмидель, Вайнштейн, Жаков и Труба (М. Ф. Икрянистова). К тому времени уже состоялась XIII Всероссийская партконференция, осудившая оппозицию. Следуя формальностям, собрание решило «...руководствоваться постановлением московской губпартконференции по партстроительству и планом райкома, положенным райпартконференцией». Также секретарю было поручено «...совместно с заведующими отделов организовать перевыборы бюро ячеек, где таковые не проводились»¹⁸⁵. Для обеих сторон открывалась возможность укрепить свое влияние в низах.

Будничная жизнь райкома еще не успела наладиться, когда умер Ленин. Собрания бюро 23 и 25 января были полностью посвящены

Приложение к газете «Рабочий Механизм».

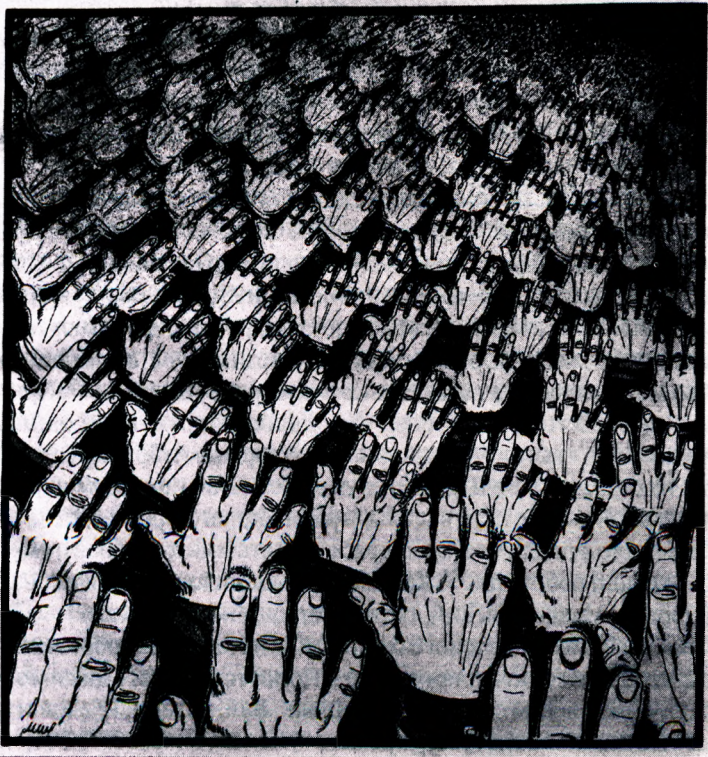
Цена в продаже 40 червон. коп.

КРАСНЫЙ ПЕРЕЦ

Декабрь 1923 года

№ 17.

(П. Мин.)

За единство РКП!

«За единство РКП!»

Рис.: П. Мин.

(Красный перец. 1923. № 17. Дек.)

Эта обложка «Красного перца» уже исключала возможные разночтения, свидетельствуя о вполне определенной поддержке большинства Центрального комитета.

организации кампании политического траура. Информирова о предпринимаемых действиях, Максимовский отметил, что «информация прессы о работе в районе поставлена очень слабо», возможно, намекая на «Правду» и «Рабочую Москву». Как бы то ни было, главе районного агитпропа было поручено «усилить работу корреспондентов, освящая в прессе жизнь райкома»¹⁸⁶. Но вскоре разгорелся конфликт, похоронивший возможность исполнения этого поручения.

На собрании исполбюро 4 февраля, помимо прочих, был рассмотрен вопрос о «...речи тов. Мельничанского на всесоюзной партконференции, в которой он давал неверные сведения о Хамовническом райкоме» (в протоколе не уточнялось, что это были за сведения, но Максимовскому было поручено опровергнуть их). Но полноценный конфликт спровоцировал Жаков, заявив, что заворотдела Эдуард Юревич «похитил» некий «список агитаторов» района. Для разбора дела была создана комиссия в составе Максимовского, Фонченко и Шмиделя¹⁸⁷. В ответ на обвинение Юревич сам подал заявление на Жакова в МКК¹⁸⁸. Постановление партколлегии МКК появилось в «Правде» уже 21 февраля. За «недопустимое поведение, выразившееся в обвинении ответственного работника» Жакову был не просто объявлен «строгий выговор, с опубликованием в печати и занесением в личное дело, за склочность и реакционность (!)», но МКК постановило снять его с партийной работы и отозвать в распоряжение ЦК, «...с предупреждением, что, в случае повторения подобных фактов, он будет исключен из партии, на основе решения X съезда...». Несмотря на то что МКК отвергло обвинение в краже списка агитаторов, сам факт существования списка послужил «поводом для конфликта», так как его содержание носило «явно фракционный характер»:

В его состав входят т.т., не состоящие членами хамовнической организации и не находящиеся в распоряжении Хамовнического райкома. <...> Одновременно с этим тов. Жаков отказывается в использовании т.т. Бубнова, Попова, Шляхмана, Кнорина, Лукьянова, — членов хамовнической организации, — во время дискуссии стоявших на линии ЦК.

Среди 33 агитаторов кроме членов райкома в списке Жакова значились такие известные оппозиционеры, как Преображенский, Пятаков, Владимир Смирнов, Дробнис, Косиор, Рейн, Стуков, Мдивани, Иван Смирнов, Эльцин и Сапронов. Указав на эти факты, МКК «поставило на вид» Максимовскому и предложило МК «обратить внимание на положение дел» в районе¹⁸⁹.

Содержание постановления МКК и акценты, которые расставили его авторы, свидетельствуют об откровенно политическом характере решения.

Новым руководством была произведена реорганизация аппарата, о чем доложил Максимовский на собрании райкома 12 февраля 1924 года. Он не скрывал, что среди причин были и противоречия со сторонниками большинства ЦК: «Частичная смена аппарата Орготдела была вызвана отчасти стремлением к упрощению аппарата путем объединения должности зам. зав. Орготделом и зав. Уч. Распред. и отчасти трениями между Орготделом и Агитотделом»¹⁹⁰. Работники Орготдела, сторонники ЦК Гутман и Шляхман, лишились должностей, а заместителем заворготдела и заведующим учраспреда был назначен Сапронов, который ради этого ушел с работы в Президиуме ВЦИК. Максимовский объяснял назначение необходимостью «крупного работника» на этой должности. Аппарат ЦК имел свои взгляды на «крупных работников», решив командировать Сапронова в Дальневосточный округ. На собрании развернулись продолжительные прения. Первый же выступающий (Юревич) обвинил новое руководство в «недоверии» к Орготделу, «действия которого все время контролируются, хотя и во вполне тактичной форме», что «создает тяжелую и нервную обстановку для работы». Возможно, имелся в виду вопрос о работниках, «прикрепленных» к ячейкам, которые играли важную политическую роль по формированию общественного мнения. Снятие с работы упомянутых сторонников ЦК, по словам Юревича, «раскрыло фракционную сущность» большинства райкома. Пожаловался он и на то, что было проигнорировано его, как заведующего Орготделом, негативное отношение к кандидатуре Сапронова¹⁹¹.

Ответная критика со стороны Жакова была запротоколирована более детально. Он заявил, что не имел отношения к «неблаговидным слухам» об Орготделе, носившимся в ячейках, так как у него на это не было «физической возможности». «Я работаю не полный день, так как отрываюсь Институтом [красной профессуры]», — отмечал он. Жаков выразил недовольство стремлением Юревича создать впечатление, будто только его отдел исполняет решения вышестоящих органов партии, при этом забывая о том, что «Орготдел всего навсего аппарат Комитета и должен исполнять указания и распоряжения Комитета, а не быть политруком над Комитетом»¹⁹². Вчерашний оппозиционер понимал, что его слова не должны быть восприняты как бюрократизм, и потому отметил, что Юревич вправе обращаться в контрольные органы или апеллировать к общественному мнению, но «бюро вправе делать перемещения и обновления аппарата»¹⁹³.

Если судить по небольшой завершающей речи Максимовского, оппозиционеры указывали на свои права налаживать нормальную работу аппарата, а не на общеполитические аспекты конфликта. В итоге против одобрения работы исполбюро проголосовали 9 из 30 членов райкома¹⁹⁴.

Сторонники большинства ЦК в Хамовническом районе превращались в своеобразную антиоппозиционную оппозицию. Так, уже на собрании райкома 12 февраля прозвучало заявление некоего Баркова, «...что если Бюро будет продолжать такую же [фракционную] работу, то ячейка Электро-механического завода не будет подчиняться райкому». Часть аудитории ответила аплодисментами¹⁹⁵. Оппозиционеры ничего не предпринимали для укрепления внутрирайонной субординации, а вскоре начали терпеть крах и на привычных для них массовых собраниях.

15 февраля состоялось общее районное собрание членов и кандидатов партии, на котором в присутствии 800 человек обсуждались итоги январской партконференции. Судя по протоколу, Скворцов-Степанов сделал акцент на причинах поддержки оппозиции вузовцами, и его утверждение, что виной ее было «тяжелое материальное положение», вызвало критику со стороны рабфаковца и студента. Более того, студент от 1-го МГУ сказал о «репрессивных мерах, которые ЦК принимает против оппозиции с целью ее изжития». Тему о репрессиях подхватил рабочий Ивашкин, приведя в пример решение ЦК отправить Сапронова на Дальний Восток. На это один из сторонников ЦК ответил Ивашкину, что хотя он и оппозиционер, но «вместо репрессии» его избрали в МК и Районную контрольную комиссию. Градус полемики был достаточно высок, но примечательно, что лидеры оппозиции на собрании не выступили. Тем не менее и прозвучавшие выступления показались Скворцову-Степанову «опасными», напомнив ему «декабрьские дни и возвращение к старому». Из его заключительного слова становилось ясно, что ЦК не будет мириться с фактом «недоверия» к ЦК, а «репрессии» по отношению к видным оппозиционерам полностью согласуются с внутрипартийной демократией. После этого большинством голосов была принята резолюция, предложенная Дрожжиным, с полной поддержкой решения XIII партконференции¹⁹⁶. В подавляющем числе подобные решения принимались единогласно (даже с более резким осуждением меньшинства), но оппозиционные резолюции тоже не были выдвинуты. Итоги голосования были проинтерпретированы как доказательство низкой поддержки оппозиции в Хамовниках¹⁹⁷.

На следующий день, 16 февраля, состоялось еще одно общее собрание, на котором присутствовало уже более двух тысяч человек.

Линию ЦК на этот раз защищал один из самых известных ораторов партии — Луначарский. Его речь состояла большей частью из исторических экскурсов и не содержала острых выпадов против оппозиции. Примечательным было его откровенное признание политических мотивов в решении ЦК отозвать Сапронова из райкома. В отличие от предыдущего собрания никто не записался в прения. Максимовский внес предложение принять доклад к сведению, а постановления партконференции — к исполнению. Его главный оппонент Дрожжин пошел традиционным путем, предложив резолюцию в поддержку ЦК. В ответ Максимовскому пришлось настаивать на своем предложении, мотивируя это тем, что в резолюции Дрожжина речь шла об оценке прошедшей внутривнутрипартийной дискуссии, хотя этот вопрос в докладе не затрагивался. Возможно, именно такой формальный подход оппозиционера сыграл против него, и большинством голосов резолюция Дрожжина была все-таки принята. Несмотря на то что в документе не говорилось ни о дискуссии, ни об оппозиции, этот результат также расценили как победу сторонников ЦК¹⁹⁸.

По крайней мере, решения двух районных собраний, по словам одного из делегатов последующей конференции, «отрезвили» оппозиционную часть райкома¹⁹⁹. Отдельные его представители пытались критиковать решения XIII партконференции, как, например, студент Воробьев на общем собрании 1-го МГУ, заявивший якобы от лица большинства студентов-коммунистов, что она (конференция) не отражает мнения всей партии²⁰⁰. Но успеха подобные выступления не имели.

Собрание райкома 21 февраля началось с заявления Максимовского с просьбой об освобождении его от занимаемой должности. Он аргументировал это тем, что с самого начала работы «...встретил упорное сопротивление Орготдела, основанное не на деловых соображениях, а на стремлении сохранить старые приемы работы, влияние старых членов райкома, не переизбранных в новый его состав, но оставшихся в аппарате, и на стремление контролировать работу нового райкома»²⁰¹. Максимовский подчеркнул, таким образом, политический характер конфликта. Он привел два примера того, как Орготдел «обходил» его «во всей текущей работе»: посылка «содокладчиков в ячейки» и «политписем в МК». Первое, безусловно, отражало факт продолжавшегося противостояния, а второе указывало как минимум на пренебрежение секретарем. Назначение Сапронова на должность заместителя заведующего Орготделом было названо Максимовским «единственной мерой, которая должна была ослабить эту разлагающую райком работу». Тогда ЦК, с согласия МК, назначил

Сапронова членом Дальневосточного ревкома, чтобы затем «в виду (sic!) его протеста разрешил ему отпуск по болезни» с освобождением от какой-либо работы. Постановление Партколлегии МКК о Жакове, по оценке Максимовского, «...раздувает незначительное столкновение т. Жакова и т. Юревича, при котором т. Жаков был повинен только в небольшой горячности, обращает это столкновение в целое громкое дело, угрожает т. Жакову исключением из партии...»²⁰². Признание небольшой вины своего товарища не смягчало резкость заявления Максимовского:

Я считаю, что такого рода меры имеют не деловой, а политический характер, они проводят определенную линию отстранения товарищей, стоявших во время дискуссии на точке зрения оппозиции, они нарушают постановления ЦК и ЦКК о внутривнутрипартийной демократии, одобренные всей партией, и делают для меня невозможной деловую работу в аппарате... <...> В то же время я считаю нецелесообразным в интересах единства партии выносить протесты от имени райкома и обострять отношения, а потому прошу райком признать мои доводы основательными и освободить меня от должности...²⁰³

Используя заседание райкома как трибуну для политического обличения, Максимовский продемонстрировал нежелание углублять конфликт, хотя на тот момент большинство членов райкома было на стороне оппозиции. Отвергнув предложение Дрожжина не рассматривать «мотивы» Максимовского при освобождении его от должности, райком постановил признать его «доводы» «уважительными». По вопросу об избрании секретарем Дрожжина, видимо, два голоса оппозиционеров было отдано «за», но большинство (11 человек) воздержалось. Можно предположить, что избранные дополнительно (вместо Сапронова и Жакова) членами райкома сторонники ЦК изменили соотношение сил²⁰⁴.

Смена оппозиционного руководства райкома не означала моментального изменения настроений в ячейках, особенно в вузовских. Один из аппаратчиков райкома вскоре скажет:

...положение стало изменяться и в самых оппозиционных вузовских ячейках, и в последнее время стали заметны случаи оздоровления и делового подхода. Но, конечно, все это было весьма мучительно. Иногда нам приходилось все вечера до поздней ночи просиживать в ячейках на совещаниях, чтобы убедить товарищей, что нужен деловой подход в работе²⁰⁵.

Результаты убеждения дали о себе знать на ближайшей партконференции в Хамовниках 9–13 мая 1924 года. «Правда» представила следующую картину партконференции: «...“оппозиционных” выступлений в прениях совершенно не было. Характерно выступление тов. Дингельштедта (Институт красной профессуры), который, отметив, что “некоторые вопросы 13-го съезда еще не проработаны”, выразил уверенность, что они будут вполне выяснены к началу съезда»²⁰⁶. В действительности же речь Дингельштедта, прозвучавшая в прениях вслед за докладом Каменева, вызвала немало претензий со стороны большинства. Интересно даже не столько (само по себе умеренное) выступление оппозиционера, сколько реакция на него. Один из ораторов недовольно сказал, что тот (Дингельштедт) «хочет, чтобы мы находились в состоянии перманентной дискуссии». Комментарий же Каменева превратился в целый гимн внутрипартийной демократии:

...я не знаю, прав ли он [Дингельштедт], когда говорит, что накануне партийного съезда нет такого оживления, как было накануне партийной дискуссии, а вместе с тем он заявил, что к XIV съезду он надеется, что все вопросы будут глубоко обдуманы, сомнений не будет и все будет хорошо. Такой надежды я не питаю и надеюсь, что мы не доживем до такого времени, чтобы ни у одного коммуниста никаких сомнений насчет партийных дел не было. Вопрос не в том, что будут сомнения. Пока партия жива, пока партия развивается, пока партия хочет приспособливаться к изменяющимся условиям, а условия меняются ежедневно, ежечасно, потому что мы живем в среде международного капиталистического окружения, которое все время бурлит и заставляет нас реагировать, до тех пор будут сомнения...²⁰⁷

Более мягкий стиль Каменева был все еще актуален в атмосфере Хамовнической парторганизации — самой интеллигентной по социальному составу. Но, хотя условия и диктовали демократическую риторику, Каменев все же обрисовал свое видение границ допустимой внутрипартийной критики:

Вопрос заключается в том, всегда ли нужно, чтобы эти сомнения принимали тот бурный характер, который они имели перед партийной дискуссией. Я думаю, что если бы нам удалось этого избежать, то для партии это было бы большим благом. <...> Переходить от критики к подрыву авторитета руководящих учреждений, это есть уже прививка партии такой болезни, кото-

рая всегда вызывает лихорадку и будет вызывать отталкивания. Я думаю, такого удовольствия достаточно ну хотя бы раз в три года. Поэтому я ни капельки не жалею, что нет такого оживления, такой горячки, которая у нас была перед партийной дискуссией²⁰⁸.

Ни Дингельштедт, ни другие делегаты не выступили с критикой доклада о работе МК и МКК, РК и РКК. Наоборот, доклад Дрожжина о работе райкома показался настолько умеренным, что один из делегатов, комсомольский лидер Артюхов, в своей критике выступил гораздо резче²⁰⁹. Примечательно, что он, комментируя уход Максимовского из райкома, использовал важное риторическое противопоставление «оппозиционера» — «партийцу»²¹⁰. Шляхман, который был лишен должности в Орготделе, сосредоточил критику на Сапронове. При этом он избрал нестандартный способ аргументации:

С точки зрения фракционной борьбы всякий, кто понимает, что такое фракционная борьба, должен понимать, что Сапронов был прав (!), но с точки зрения партийной — это чрезвычайно вредно, и мы имеем результаты (В зале шум). Не волнуйтесь, товарищи, я говорю по существу. Может быть, это некоторым товарищам не понравится, они могут выступить после и меня разоблачить... Я говорю правду, правда иногда неприятна (Голос с места: Сапронова нет, еще не известно). Все товарищи знают, факты неопровержимы²¹¹.

Слова Шляхмана, судя по всему, вызвали противоречивую реакцию в зале. Можно предположить, что делегаты выражали недовольство в первую очередь чересчур откровенным способом аргументации, но свой вклад в создание «шума» могли внести и симпатизанты опального оппозиционера.

В целом по докладу о работе РК в прения записалось свыше 50 человек, при этом градус критики в адрес оппозиции повышался, так что когда Дрожжину вновь предоставили время, он исправил ошибки своей первой речи. По его мнению, в районе сохранилась «фракционная» атмосфера, и, «...конечно, Максимовский ее не ликвидировал, не ликвидировал ее и Сапронов, к сожалению, не ликвидировал ее один тов. с завода, который заявил на конференции: я от этого уклона не отрешился, а посему лучше меня не выбирайте, если не подерживаете»²¹².

Даже в конце конференции один из делегатов назвал «порядок» ее проведения «никуда не годным»²¹³. Конечно, это не меняло ситуацию

полного поражения оппозиции в Хамовническом районе, но сам факт того, что единственным записавшимся в прения по докладу о работе ЦК был оппозиционер, помогает составить представление о положении вчерашних и завтрашних оппозиционеров.

В последующие месяцы, вплоть до образования объединенной оппозиции в 1926 году, недовольство аппаратом райкома если и возникало, то не имело политической окраски²¹⁴. Недовольство находило выражение в анонимных записках докладчикам. Одна из них, видимо, явилась ответом на внутривнутрипартийный дискурс утилитаризма в отношении Троцкого: «Как понимать вопрос — использовать Троцкого. Что же это какой-нибудь концессионер что ли». Причиной также могли стать появление острополемиической брошюры Канатчикова «История одного уклона» или неизбрание Радека в ЦК на XIII съезде²¹⁵. Шумная кампания осуждения «Уроков Октября» Троцкого, начавшаяся в ноябре 1924 года, спровоцировала больше всего критических высказываний²¹⁶. Впрочем, риторика и тематика записок свидетельствуют о том, что судьба оппозиции не занимала умы сколь бы то ни было большого числа партийцев, а редкие протесты сводились к защите наиболее известного вождя оппозиции, но не ее самой²¹⁷.

Оппозиция в Хамовническом райкоме вела умеренную политику, но это не убергло ее от последующей критики. «Ни на одном заседании райкома не обсуждался ни один деловой вопрос. Разве можно было так работать», — безапелляционно заявит на майской партконференции уже упоминавшаяся Вайнштейн, которая стала секретарем райкома РКСМ²¹⁸. Через два года, во время дискуссии на заседании Политбюро, член ЦК Василий Котов сказал: «Мы знаем, как в Хамовническом районе проводили эту демократию, когда там сидела оппозиция в 23-м году. На второй день абсолютно были выкинуты все работники и остался один Юревич...»²¹⁹ Эти слова были сказаны в полемическом задоре нового этапа борьбы против Троцкого, но ссылка на «хамовнический» эпизод уже служила удобным орудием дискредитации оппозиции. В новейшей историографии эта ссылка также используется, но для доказательства того, что и большинство партии, и оппозиция надеялись «вычистить своих противников»²²⁰. Получившие большинство оппозиционеры действительно заняли руководящие должности, но как сочетаются «чистка» и включение в аппарат заведомо непримиримых оппонентов? Нельзя сказать наверняка, была ли для оппозиционеров власть в Хамовниках скорее пропагандистской трибуной, либо они действительно рассчитывали наладить нормальную работу. Агрессивная политика аппарата партии сделала невозможным этот эксперимент. Нельзя сбра-

сывать со счетов и то, что ресурс поддержки ЦК был изначально высоким, а оппозиция не предложила никаких мер по реализации альтернативных правил игры. Ее внимание было поглощено политическими вопросам — будь то кампания траура по Ленину или борьбы со сторонниками ЦК. Деятельность в Хамовниках пришлось на время, когда капитуляция оппозиции стала фактом. Об этом можно судить по пассивной тактике на общепартийных собраниях. Продemonстрировав верность своим идеалам, оппозиционеры в лице Максимовского сделали жест, который не был оценен оппонентами.

К 1926 году Зиновьев и Каменев ушли в оппозицию, не только поражение, но и легитимность которой были определены опытом внутрипартийной борьбы 1923–1924 годов. Их фракция, которую они делили с «жесткими» Сталиным и Дзержинским, победила бы не так уверенно, если бы ее борьба с оппозицией строилась исключительно на силе. Слова Каменева, сказанные перед самым оппозиционным из московских районов — Хамовническим, служат замечательной иллюстрацией пространства возможностей, в рамках которого шла политическая борьба:

...если бы мы оказались в оппозиции, что не исключено, если оппозиция получит большинство, она будет руководить партией, а мы будем в оппозиции. (Голоса: значит, оппозиция, возможна). Конечно, возможна, возможна не только оппозиция, возможно и проведение оппозиции²²¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1923–1924 годах большевистская партия пережила острый политический конфликт, развернувшийся в публичном противостоянии двух политических тенденций по вопросам внутрипартийного режима и экономической политики. Проблема руководства партией, государством и экономикой стала причиной размежевания, а затем и раскола партии в 1926–1928 годах. Большинство ЦК и оппозиция стали идейно-организационными стержнями этих тенденций, объединявшихся в устойчивые или ситуационные коалиции. История оппозиции позволяет по-новому взглянуть на особенности политики в первое десятилетие советской власти, а именно политики, не сводимой к деяниям властных верхов или работе безличного механизма партии-государства.

Оппозиция 1923 года была во многом абстрактным понятием, ее образ был зыбким, подчас фантомным и неуловимым: находясь вне зависимости от своих основателей, он постоянно (пере)конструировался многочисленными игроками политического спектакля. Во вполне практическом смысле существовало две оппозиции: оппозиция вождей и оппозиция масс и соответственно оппозиции верхов и низов партии. Тесное переплетение их образов и деятельности продуцировало новые политические образы и (контр)действия.

Традиционно оппозиция ассоциируется с частью большевистских верхов — фрондирующим «офицерским составом» партии¹. Точка зрения победившей фракции, очищенная от идеологических наслоений, нашла свое выражение в современных консервативных интерпретациях оппозиции как «заблудших и неудачливых чиновников», которые, совместно с ранее «потерпевшими личное или клановое поражение», сопротивлялись централизации и «усилению партаппарата в советской государственной системе»². Но оппозиционеры

были в первую очередь не «чиновниками», а политиками-революционерами, в массе своей удаленными с ответственных партийных постов, которые настаивали на большей централизации и гибкости в управлении экономикой, что было невозможно без реформирования аппарата партии. Оппозиция верхов действительно представляла собой коалицию вчерашних оппонентов, группу единомышленников, разгромленных в ходе предшествовавшей внутрипартийной борьбы, сгруппировавшихся на идейной основе вокруг программы реформирования внутрипартийного режима и хозяйственной политики. Именно формат временных, гибких «идейных группировок», открыто защищавшихся Преображенским, виделся элементом демократического внутрипартийного устройства многими оппозиционерами из верхов (и в гораздо меньшей степени — из низов).

Саймон Пирани увидел в оппозиции и «альянс во главе с Троцким, Преображенским и Сапроновым», и «...поспешно сколоченную коалицию, объединявшую децистов, демократически настроенных рядовых партийцев, ответственных за принятие решений в экономике лиц и некоторых промышленных управленцев»³. Такое расширенное толкование оппозиции ограничивается Москвой и верхами, и, безусловно, это не единственная перспектива рассмотрения оппозиции. Необходимо отказаться от избирательных определений: причислять одних к «децистам» (забывая при этом «троцкистов» или «ленинистов» среди оппозиции), других — к социально-профессиональным группам, а третьих отдельно наделять симпатиями к «демократии» опять же в силу того, что они рядовые оппозиционеры. На страницах этой книги я попытался продемонстрировать, что оппозиция не могла быть везде одной и той же, ее разнообразие не укладывается в «социологические» или узкоинституциональные рамки. Оппозиция в широком смысле представляла собой внутрипартийную тенденцию, сторонников которой ситуационно объединяло критическое отношение к политике партии и поддержка более решительной «демократизации» внутрипартийного режима. В отличие от конкретной оппозиционной группы, ассоциируемой в первую очередь с Троцким, Преображенским, Сапроновым и другими, отдельные оппозиционеры могли не иметь ни четких представлений о программе оппозиции, ни организационных связей.

Внутренние разногласия в их среде имели место, но редко приобретали публичный характер. Например, Сапронов не видел ущерба для общего дела в том, чтобы публично выразить несогласие с Троцким по вопросу о концентрации промышленности⁴. Чаще всего демонстрировалось единство по ключевым вопросам. Наибольший диссонанс вносил Радек, «игра на две стороны» которого лучше всего

объясняется его членством в ЦК. Партийная структура была недостаточно пластичной для того, чтобы обеспечить возможность масштабной политической перегруппировки: оппозиция не смогла привлечь на свою сторону ни одного члена ЦК и ЦКК. Но сами оппозиционеры доказали возможность такой перегруппировки своим примером. Принципиальное отличие внутрипартийных оппозиций 1919–1921 и 1926–1928 годов состояло в отсутствии у оппозиции 1923 года полноценной фракционной организации. Обвиняя Троцкого и подписантов «Заявления сорока шести» в создании фракции, большинство ЦК изначально делало акцент не на организационных фактах, касающихся оппозиции, а на общеполитических аспектах, хотя со стороны обвиняемых во фракционности раздавались требования полноценного расследования⁵.

Программные заявления вождей оппозиции отражали конфигурацию политической культуры большевизма, которая могла быть близка и тем членам партии, которые не поддерживали оппозицию или даже поддерживали на тот момент большинство ЦК. Так, вчерашние члены ЦК эпохи «военного коммунизма», осуждавшие излишне «левые» требования своих товарищей, объединились с ними в интересах демократизации внутрипартийного режима и борьбы с вполне зримой фракционностью тройки. Хотя между мотивацией радикала и романтика Сапронова и умеренного технократа Пятакова была большая разница, выявление т. н. истинных мотивов оппозиционеров⁶ находится за рамками данного научного исследования. Взаимная выгода от реформы внутрипартийного режима сближала многих вчерашних противников.

Формальное восстановление демократического уклада, провозглашенное резолюцией ЦК и ЦКК 5 декабря, иногда вводило в заблуждение. Пять лет спустя, находясь в ссылке, Сосновский будет предостерегать Преображенского, готовящегося капитулировать перед Сталиным: «Поменьше торопливости, поменьше преувеличенных иллюзий, вспомните 5 декабря 1923 года»⁷. Эта дата служила аналогом 17 октября 1905 года, когда публикация манифеста Николая II породила «конституционные» иллюзии. И подобно умеренной либеральной оппозиции, многие большевики, какими бы естественными они не считали внутрипартийные права и свободы, могли бы подписаться под словами Радека: «...если партия отклонит наши предложения, то мы должны молча стать на те посты, на которые она нас поставит работать, и дать ей возможность убедиться, что мы были правы»⁸.

В качестве наиболее распространенного указания на ошибки оппозиции называется ее стремление защищать «единство партии»,

подчас активнее, чем это делало большинство ЦК, вместо борьбы за двухпартийную систему⁹. Хотя к концу 1930-х годов Троцкий и некоторые другие коммунисты пришли к выводу о возможности социалистической многопартийности¹⁰, такая постановка вопроса применительно к 1923–1924 годам испытывает недостаток исторического отстранения — ведь в преобладающем общественном мнении партии той поры группировки и фракции виделись по ту сторону границ демократии в партии. В своей борьбе за реформу партии лидеры оппозиции ориентировались на идеал, который они видели в 1917–1918 годах. Аргументируя прагматизм ведения «идейной» борьбы с несогласными среди однопартийцев, они критиковали чисто репрессивные методы и стремились изменить атмосферу командования верхов. В этой связи примечательно, что такие предложения озвучил нарком внутренних дел Белобородов, в то время как чекисты в массе своей не поддерживали оппозицию. Это свидетельствует о политической культуре оппозиционеров — более открытых к диалогу с несогласными, более «демократичных». Риторика и практика оппозиционеров была в большей степени ориентирована на компромисс и реформу, чем на простой захват «власти». В этом смысле показательны события в Хамовническом райкоме Москвы, единственном, в котором оппозиция получила большинство на выборах в январе 1924 года. Тогда она сдержала свои обещания пропорционального представительства в руководящих органах, доказав приверженность принципам демократического централизма, причем райком возглавили децисты, составлявшие наиболее решительное крыло коалиции.

Таким образом, политически оппозиция в 1923–1924 годах являлась гетерогенной по составу и неформальной по организованности группой сторонников реформирования партии в соответствии с идеалом более демократического внутрипартийного режима. Эти устремления, наряду с предложениями по экономическим вопросам, ставили оппозицию на левый фланг большевизма. Пользуясь другой аналогией, можно сказать, что оппозиция противостояла консервативным элементам в качестве более либерального течения.

Более сложной была природа оппозиции низов, включавшая и рабочего с московского завода, и «красного» студента — участника гражданской войны, и самых разных функционеров, «переброшенных» на второстепенные должности в провинцию. Специфика их оппозиционности состояла в том, что все они делали выбор в ситуации неопределенности, усугубленной информационной глухотой: даже для московского рабочего, избалованного вниманием со стороны докладчиков из самих верхов, было сложно определиться,

РКП перед зеркалом.

— Полезно поглядеться в это зеркало...

«РКП перед зеркалом.

— Полезно поглядеться в это зеркало».

(Рабочая Москва. 1923. 9 дек.)

допустимо ли поддерживать Сапронова и/или Преображенского, либо следует ограничиться защитой Троцкого. В провинции, как правило, единственным источником информации были партийные газеты и руководство местных парткомов, от поведения которых во многом и зависела сама возможность открытой оппозиции.

Дискурс победившей группы большевиков, доказывая свою устойчивость, попадает на страницы трудов современных исследователей, например, в виде повторения псевдонароднического мотива о том, что «от масс не ускользала принципиальность дискуссии»¹¹. Рассуждения об абстрактных массах, разумеется, бессодержательны, но рядовые коммунисты часто не понимали и (или) не принимали обращения оппозиционеров, которые редко увязывались с их «жизненными» проблемами. Даже в Москве противостояние могло восприниматься в качестве «склоки» и «борьбы за портфели», о чем иногда публично говорили рядовые партийцы. Этот мотив недоверия свидетельствовал об углублении политического отчуждения, имевшего роковые последствия для судьбы революционного проекта.

Оппозиция 1923 года, в отличие от «Рабочей оппозиции» или «Объединенной оппозиции» 1926–1927 годов, концентрировалась почти исключительно на политических вопросах. Она игнорировала специфические интересы рабочих и профсоюзных активистов, что явилось и причиной, и следствием их взаимного отчуждения¹². Но эта ситуация обнажила и политическую слабость рабочих, не увидевших объективных преимуществ демократизации внутри правящей партии¹³. Осторожная попытка Троцкого обратиться к советской и партийной общественности для обсуждения вопросов повседневности, которые неизбежно пересекались с политикой, провалилась в первую очередь из-за резкого изменения политической повестки. В целом политическая коммуникация эпохи внутрипартийной борьбы имела закрытый от общества характер, что было парадоксально на фоне неоспоримого оживления рядовых членов партии. Хотя с «Ленинским призывом» в партию в 1924 году и дальнейшим углублением нэпа произошла формальная демократизация участия партийных и непартийных масс в политике, это сыграло на руку только одной из сторон — большинству ЦК. В 1925–1926 годах в антиопозиционном арсенале политических фобий обозначился и глубоко засел антисемитизм, практически немыслимый ранее. Стать объектом конструирования оказалось тем проще, чем сложнее оппозиции было создать свой позитивный образ.

Политическая идентичность и, что важнее, самоидентификация оппозиционеров в полной мере отражали диффузный характер их политического тела. Даже само по себе нейтральное понятие

«оппозиции» вызывало отторжение большинства ее действительных приверженцев. Их стратегии использования этого понятия — игнорирование, отрицание, обращение против оппонентов и принятие — практиковались ситуативно, без видимой координации. Политическая ономастика внутрипартийной борьбы 1923 года была бедна на имена собственные: не только «зиновьевцы» и «сталинцы», но и «сапроновцы», «преображенцы» и даже «троцкисты» в публичном дискурсе встречались крайне редко. «Троцкистами» в большинстве случаев именовали для удобства, в качестве сокращения, а не четкого обозначения политической тенденции. «Троцкистское» самоименование в 1923–1924 годах не встречалось. Судя по всему, про «троцкизм» можно было с большей долей вероятности услышать в свободном от него Петрограде, нежели в Москве. Роль Троцкого во внутрипартийной борьбе сложно переоценить, но другие оппозиционеры начали действовать не «следуя за Троцким», как иногда утверждается¹⁴. Большую роль изначально играли Преображенский, Сапронов, а также Рафаил, Дробнис, Осинский, Радек и другие. «Троцкизм» был частью левой оппозиции, но оппозиция не была «троцкистской».

Учитывая сказанное, следует осторожно говорить об оппозиции вообще применительно к отдельным регионам. То, что объединяло москвичей с томичами, — это капитуляция и верхов, и низов оппозиции сразу после неудачи в борьбе за большинство голосов, даже если уровень ее поддержки был довольно высоким (например, около 40 % в Перми). Известные отдельные случаи непреклонности, проявленной в таких городах, как Красноярск и Челябинск, служили исключениями из общего правила. Но в целом оппозиционеры редко шли на конфликт с принципом «единства» партии, они дисциплинированно подчинялись решениям конференций и съездов.

Информация об успехах оппозиции, степени ее поддержки в тех или иных партийных организациях являлась не просто дефицитным, но и «контрафактным» товаром на политическом рынке. Представления об удельном весе оппозиции конструировались преимущественно сторонниками большинства ЦК, целенаправленно и умело манипулировавшими информацией о ходе внутрипартийной борьбы через редакцию «Правды». Альтернативные ей «воображаемые карты» оппозиции были немногочисленны, неполны и неубедительны, служившие в этом отношении репрезентациями их собственной пространственной и политической разобщенности. В результате внутрипартийной борьбы произошло перекраивание карт политического пространства (как воображаемых, так и реальных), на которых оппозиции было отведено место меньшинства, раз и навсегда данное.

Поддержку оппозиции можно было разглядеть через сфокусированную победителями оптику «классового» видения лишь со стороны «мелкобуржуазных» социальных слоев и «непролетарских» регионов.

Альтернативным каналом политической коммуникации служили слухи и «секретные документы», циркуляция которых подрывала информационную монополию большинства ЦК. Слухи легко пересекали институциональные и географические границы, служа наиболее доступным в политическом быту «оружием слабых». Сотни, если не тысячи оппозиционеров, в особенности студентов, были вовлечены в конспиративные и полуконспиративные практики, в которых сторонники ЦК и следователи контрольных органов искали и находили улики фракционности. Аппарат приобрел богатый опыт контроля над нежелательной для него информацией.

Историки политической культуры могут повторить вслед за Игалом Халфином, что «семантика должна быть поставлена выше прагматики»¹⁵, — настолько значимыми предстают слова в политической борьбе. Но, пользуясь другими терминами Халфина, следует возразить: не только «реферативная», но и «коммуникативная» функция языка служит ключом к пониманию внутрипартийной политики. Одна и та же риторика могла утилитарно использоваться всеми сторонами — и в противоположных целях. Политическая культура внутрипартийной борьбы «говорила» через коммуникативные практики, в которых, в зависимости от ситуации, важную роль играли элементы делиберативной демократии, предполагавшей публичные обоснования, ориентированные на практический результат.

Противоборствующие стороны сходились в одном: в той или иной мере внутрипартийная дискуссия вдохнула в партию жизнь. Сторонники ЦК ощутили необходимость легитимировать свою аппаратную победу над оппозицией перед широкой партийной аудиторией, используя демократические механизмы. Фактор «предвыборных махинаций» в случае результатов голосований не следует переоценивать¹⁶. Выбранная аппаратом стратегия представляет собой своего рода «электоральный авторитаризм», которым политологи обозначают режим, укрепляющий себя за счет контролируемых выборов, пусть и реальной состоятельности и соревновательности, но все же несправедливой¹⁷. Конечно, это не означает, что победа ЦК была одержана честно и демократическим путем¹⁸. Выборы часто выглядели как своеобразный плебисцит. Но вместе с тем следует отбросить представления о всесии нарождающегося партаппарата и полной индифферентности рядовых членов партии. Оппозиционеры не столько оказались жертвами всевластного дискурса, в котором они, согласно Игалу Халфину, были неразрывны со своими будущими

могильщиками-сталинистами¹⁹, сколько проиграли по вполне конкретным правилам политической игры. В целом эти правила были общеизвестны: ясные лозунги и символы, мобилизация низовой поддержки, охват регионов, контроль над печатью, репрезентация собственных успехов, и т. д.

Все сказанное об оппозиции не означает, что в 1923 году ее сторонники всегда и во всем были радикально иными. Подобно архитипической «Верной оппозиции Ее Величества» в Великобритании, это была верная оппозиция ее величества Партии. Своеобразный партийный патриотизм не позволял большинству оппозиционеров отказываться от родного для них политического тела как ставшего чуждым и враждебным (как известно, многих эта идея не покидала и в годы сталинского террора). Политика в культуре большевиков вытеснялась полицией с соответствующей механистической дисциплиной, в контексте которой общественное мнение пропитывалось рационально-технократическим взглядом на дискуссии как на нечто отвлекающее от более важных дел. Все чаще выражалось недовольство спорами до хрипоты, хождениями по замкнутому кругу. Политэкономия времени накладывала дисциплинарные рамки на протяженность и глубину дискуссий, которые не могли длиться днями и ночами напролет. Не случайно самую острую критику вызывали требования оппозиционеров продлить дискуссию вплоть до съезда партии. Время оппозиции стремительно убегало.

ОТ АВТОРА

Мне, как и многим авторам, трудно удержаться от того, чтобы не рассказать историю появления своей книги. Эта монография — естественное продолжение диссертационного исследования. В 2009 году мне посчастливилось стать слушателем аспирантской программы факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. Параллельно я поступил в аспирантуру Санкт-Петербургского института истории РАН, где в 2014 году состоялась защита моей кандидатской диссертации. Этого бы не случилось без научного руководства Бориса Ивановича Колоницкого, доктора исторических наук, профессора ЕУСПб и ведущего научного сотрудника СПбИИ РАН, которому я выражаю огромную благодарность за внимательное и заботливое отношение к моей работе.

В 2010 году в «Свободном марксистском издательстве» в Москве вышла моя небольшая книжка «Троцкизм и левая оппозиция в РКП(б)», которая представляла собой несколько измененную и дополненную дипломную работу, защищенную годом ранее в Пермском государственном университете. Это был интересный и поучительный опыт, и я благодарен Кириллу Медведеву за предоставленную возможность. Однако решение было скоропалительным — ни по форме, ни по содержанию книжка не отвечала требованиям полноценного исследования. Б. И. Колоницкий с самого начала давал мне много мудрых советов, среди которых было и предостережение против ранней публикации. И может быть, я зря не послушал его, но зато именно эта небольшая книжка послужила поводом для знакомства с Глебom Альбертом (Gleb J. Albert), тогда аспирантом Билефельдского университета. Обмен идеями и литературой, начавшийся в период поездок в Москву для работы в архивах, и сейчас подпитывает мой исследовательский энтузиазм.

Я благодарен преподавателям факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, в том числе безвременно ушедшему из жизни Сергею Викторовичу Ярову, за вдохновляющие учебные курсы и диссертационные семинары. Среди прочих занятия по исторической антропологии и многочисленные беседы с профессором Михаилом Марковичем Кромом в огромной степени определили мои методологические ориентиры.

Не менее важным опытом послужило участие в оргкомитете ежегодной конференции «Конструируя советское?», когда я познакомился со многими замечательными коллегами. Из группы «конструкторов советского» мне хочется особо выделить Тимура Мухаматулина и Анну Иванову, которым я благодарен за помощь во время моей работы в московских архивах.

Аспирантура в Санкт-Петербургском институте истории РАН в самую лучшую сторону отличалась от подавляющего большинства других аналогичных российских учебных заведений. Присутственные дни были насыщены формальными и неформальными обсуждениями животрепещущих проблем истории, за что я благодарен сотрудникам Отдела революций и общественного движения России: заведующему отделом и директору института профессору Николаю Николаевичу Смирнову, кандидатам исторических наук Владимиру Юрьевичу Черняеву, Тамаре Александровне Абросимовой, Николаю Васильевичу Михайлову, Борису Борисовичу Дубенцову, Павлу Геннадиевичу Rogozному и Константину Андреевичу Тарасову.

С 2012 года, в рамках Программы развития партнерских центров Европейского университета в Санкт-Петербурге, мне выпала удача стать частью команды выпускников ЕУСПб, открывших Центр сравнительных исторических и политических исследований на базе Историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета. В результате коллективного исследования патрон-клиентских отношений в истории России и сопровождавших его плодотворных дискуссий родился текст, вошедший в эту книгу в виде отдельного раздела главы. Я благодарен коллегам по центру — Алексею Гилеву, Марии Завадской, Людмиле Кузнецовой, Алисе Клоц, Ирине Шевцовой, Марии Ромашовой, Андрею Семенову, Всеволоду Бедерсону и Еско Шмоллеру — за нашу дружную интеллектуальную «республику».

Мне хотелось бы также поблагодарить декана историко-политологического факультета ПГНИУ Игоря Константиновича Кириянова, который согласился стать научным редактором этой книги, и других коллег по кафедре новейшей истории России, в особенности Галину

Александровну Янковскую, Михаила Николаевича Лукьянова и Леонида Аркадьевича Обухова — за полезные советы.

Отдельная благодарность тем специалистам по ранней советской истории, с которыми я имел возможность спорить или соглашаться, в первую очередь рецензентам моей книги Игалу Халфину (Igal Halpin) и Алексею Гусеву, а также Саймону Пирани (Simon Pirani), Клейтону Блэку (Clayton Black), Брендану МакГиверу (Brendan McGeever), Яну Пламперу (Jan Plamper) и Тимофею Ракову. Я глубоко признателен Владлену Семеновичу Измозику, ставшему, наряду с А. В. Гусевым, моим оппонентом на защите диссертации, а также рецензентам автореферата Владиславу Шабалину и Владимиру Сапону.

Я благодарен за содействие сотрудникам архивохранилищ: Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального государственного архива Москвы (ЦГА Москвы), Российского государственного военного архива (РГВА), Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

Возможность углубленных научных исследований и академической мобильности была обеспечена щедрым финансированием Европейского университета в Санкт-Петербурге. Мои поездки в архивы и на конференции в разное время были поддержаны грантами, полученными от Германского исторического института в Москве, Ассоциации выпускников ЕУСПб и Фонда Михаила Прохорова, за что я им всем очень признателен.

Главный, неоценимый вклад и поддержку оказали члены моей семьи — Елизавета Жданкова и Татьяна Викторовна Резник, которым я выражаю свою безграничную благодарность.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- 1 *Rancière J. The Nights of Labor: The Workers' Dream in Nineteenth-Century France. Philadelphia, 1989.*
- 2 *Рансьер Ж.* На краю политического. М., 2006. С. 99–100.
- 3 В этом кратком обзоре я ссылаюсь на наиболее характерные издания, более подробно об историографии см: *Резник А. В.* Левая оппозиция в РКП(б): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.
- 4 *Носов А. П.* Советские историки о борьбе против троцкизма: Научно-аналитический обзор. М., 1977. С. 22.
- 5 «Оттепель» выразилась в расширении доступности партийных архивов, введении в оборот новых фактов, появлении сфокусированных на конкретных регионах или парторганизациях исследований: Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период. М., 1969; *Вяткин А. Я.* Разгром Коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп (ноябрь 1920–1925 гг.). Ч. 1. Л., 1966; *Дмитренко С. Л.* Борьба КПСС за единство своих рядов. М., 1976; *Климов Ю. Н.* Борьба большевиков Северо-Западной области против троцкизма в 1923–1924 гг. // Борьба Коммунистической партии против правого и «левого» оппортунизма (1909–1930). Межвуз. тематич. сб. Калинин, 1978. С. 92–113; *Московские большевики в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом. 1921–1929 гг.* М., 1969; *Мельников В. П.* Областные бюро ЦК РКП(б). Из опыта КПСС по идейному и организационному укреплению местных партийных организаций (1920–1925 гг.). М., 1981; *Примеров Е. В.* Борьба партии за ленинское единство своих рядов (1921–1924). Львов, 1979.
- 6 *Слаухин Н. А.* Разоблачение В. И. Лениным теории и практики троцкизма (1917–1924 гг.). М., 1977.

- 7 История Коммунистической партии Советского Союза / Под ред. П. Н. Поспелова. Т. 4, кн. 1. М., 1970. С. 305.
- 8 Борис Суварин, лидер компартии Франции, написал предисловие к французскому изданию брошюры Троцкого «Новый курс». В 1935 году отрекшийся от коммунизма историк стал генеральным секретарем Международного института социальной истории и опубликовал первую масштабную политическую биографию «Сталин: Исторический обзор большевизма». Уже 21 мая 1924 года по предложению Зиновьева русский перевод этого текста отпечатали в типографии ЦК и переслали всем членам ЦК и ЦКК (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 136–142; Экземпляр также доступен в Государственной публичной исторической библиотеке). Несмотря на свою краткость, документ примечателен наблюдениями над конструированием образа оппозиции ее оппонентами, чему посвящен один из разделов данной работы. Фрагменты его предисловия цитировались сторонниками ЦК во время разгрома оппозиции на XIII съезде партии (Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года: Среногр. отчет. М., 1963. С. 199–200).
- 9 Eastman M. Since Lenin Died. New York, 1925.
- 10 Deutscher I. The Prophet Unarmed. Trotsky: 1921–1929. London, 1959 (Русский перевод не содержит научной редакции и многих сносок оригинала: Дойчер И. Троцкий: безоружный пророк, 1921–1929. М., 2006). Дойчер справедливо считается автором наиболее талантливой «троцкистской» биографии, однако по ряду вопросов он расходился с Троцким и IV Интернационалом и после эмиграции в Великобританию оставил политику.
- 11 См., например: Broue P. The Political Struggles in Russia (1921–1929). London, 1987; Cliff T. Trotsky. Vol. 3. Fighting the Rising Stalinist Bureaucracy 1923–1927. London, 1991; Mandel E. Trotsky as Alternative. London, 1995. Из указанных авторов лишь П. Бруэ являлся профессиональным историком.
- 12 См. книгу патриарха «тоталитаристов» Ричарда Пайпса, впервые опубликованную в 1954 году: Pipes R. The Formation of the Soviet Union, Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge, 1964.
- 13 Carr E. H. The Interregnum: 1923–1924. London, 1954.
- 14 Daniels R. V. Conscience of the Revolution. Communist Opposition in the Soviet Russia. Cambridge, 1960.
- 15 Дэниэлс исходил из гипотезы, что партия была изначально «дуалистична» и что победа «реализма» (в виде «ленинизма») над оппозиционным «идеализмом» вела прямо к сталинизму.
- 16 В наиболее известной книге «тоталитаристского» направления в центр внимания поставлена идеология: Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М., 2002. В трудах «ревизионистов» акцентируются в основном социально-культурные аспекты: Fitzpatrick S. The Russian Revolution. New York, 1994; Siegelbaum L. H. Soviet State and Society Between Revolutions, 1918–1929. Cambridge, 1992.

- 17 См., например: *Шарапов Ю. П.* Из истории идеологической борьбы при переходе к нэпу: Мелкобуржуазный революционизм — опасность «слева». 1920–1923. М., 1990; *Суслов А. Б.* Борьба Уральских организаций РКП(б) с мелкобуржуазными группами и течениями в 1919–1927 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1989.
- 18 См., например: *Мельников В. П.* Политические дискуссии 20-х годов и их эволюция // Политические дискуссии в 20-е годы: Сб. науч. трудов. М., 1992. С. 3–34; *Самофалов Н. М.* Политическая дискуссия в РКП(б) 1923/24 гг. и партийная молодежь: последствия и уроки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; *Швецов В. В.* Дискуссия в РКП(б) 1923 года. М., 1992.
- 19 См., например: *Поташев А. Ф. В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий. Уроки идейной борьбы внутри правящей партии. (Историография вопроса).* Ростов-на-Дону, 1992.
- 20 Возможно, это единственный успешный пример: *Гарнюк С. Д.* Московская власть: Очерки истории партийных и советских органов. Март 1917 — октябрь 1993. М., 2014.
- 21 *Орлов И. Б.* Социально-экономические аспекты внутрипартийной дискуссии 1923–1924 годов. М., 1994; Россия нэповская. М., 2002.
- 22 Действительно, несмотря на довольно глубокое погружение Карра в оба вопроса, указанная научная проблема до сих пор ждет своего решения. Не вступая в полемику с Карром, Блэк отдал приоритет экономическому аспекту, вольно или невольно возвышая прагматические аспекты деятельности большинства ЦК над интересами борьбы за власть (*Black C. Legitimacy, Succession, and the Concentration of Industry: Trotsky and the Crisis of 1923 Re-Examined* // *Russian History/Histoire Russe*. 2000. Vol. 27, N 4. P. 397–416).
- 23 На базе документов Московского металлургического завода К. Мерфи продемонстрировал вариативность отношения рабочих к оппозиции (*Murphy K. J. Revolution and Counterrevolution: Class Struggle in a Moscow Metal Factory*. New York, 2007).
- 24 *Демидов В. В.* Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929. Новосибирск, 1994; *Олех Г. Л.* Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск, 1992.
- 25 *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2000; *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. См. также: *Резник А. В.* [Рецензия] // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 6. С. 266–269.
- 26 *Насенник Н. Г.* Внутрипартийная борьба 20-х годов и поражение оппозиции. Минск, 1997. С. 35–58; *Шубин А. В.* Вожди и заговорщики: Политическая борьба в СССР в 1920–1930-х годах. М., 2004.
- 27 *Сахаров В. А.* «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М., 2003.
- 28 Из идейно близких Сахарову авторов следует назвать Ю. Н. Жукова, печально известного бездоказательной теорией Сталина — противника

Большого террора. Опора на отдельные ранее не использованные архивные документы не уберегла автора от необоснованных, полуконспирологических утверждений (Жуков Ю. Н. Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1925 годы. М., 2014).

- 29 См. первую часть: *Роговин В. З.* Была ли альтернатива?: Троцкизм: взгляд через годы. М., 1992.
- 30 См., например: *Горинов М. М., Цакунов С. В.* Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2; *Донков И. П., Полещук Н. С.* Судьба большевика // Они не молчали. М., 1991. С. 86–101.
- 31 См., например: *Васецкий Н. А.* Троцкий: Опыт политической биографии. М., 1992; *Волкогонов Д. А.* Троцкий: Политический портрет. Кн. 2. М., 1992.
- 32 *Старцев В. И.* Троцкий Л. Д. Страницы политической биографии. Л., 1989.
- 33 *Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. Книга Третья: Оппозиционер. 1923–1929 гг. М., 2013; *Service R.* Trotsky: A Biography. Cambridge, 2009.
- 34 *Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. Книга Четвертая: Враг № 1. М., 2013. С. 463. См. обзор состояния биографики Троцкого: *Reznik A. V.* Lev Trotskii as the Mirror of the Russian Revolution // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2016. Vol. 17, N 1. P. 181–191
- 35 *Pirani S.* The Russian Revolution in Retreat, 1920–24. Soviet Workers and the New Communist Elite. London, 2008 (русский перевод: *Пирани С.* Русская революция в отступлении. М., 2013). Предисловие к русскому изданию написал А. В. Гусев — ведущий специалист по истории внутрипартийной оппозиции второй половины 1920-х годов (см.: *Goussev A.* Naissance de l'opposition de gauche // *Cahiers Leon Trotsky*. 1994. N 54. P. 5–39; *Гусев А. В.* Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 1920-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85–103).
- 36 *Halfin I.* Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh, 2007.
- 37 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923 г. М., 2004. Введение составителя сборника В. П. Вилковой, равно как и ее многочисленные детальные комментарии к документам представляют самостоятельный вклад в изучение вопроса. Характерно, что ранняя версия данного сборника была опубликована в США (*Vilkova V. (ed).* The Struggle for Power. Amherst, NY, 1996). Период 1924 года представлен лишь в виде подборки документов по чистке советских и вузовских ячеек («Атмосфера, создавшаяся за последнее время в партии, чрезвычайно тягостная». Чистка в РКП(б) 1924 года // Исторический архив. 2008. № 2. С. 130–176).
- 38 См. также переписку, вошедшую в другой сборник: Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. Сб. документов. М., 1996.
- 39 Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стеногр. отчет. М., 1963; Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: Стеногр. отчет. М., 1968;

- Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. М., 1924; Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стеногр. отчет. М.: Политиздат, 1963.
- 40 Это косвенно подтверждается тем, что аппарат ЦК для формирования полноценной информационной картины событий использовал материалы, публикуемые в газете: Сведения о ходе дискуссии по вопросам внутрипартийной демократии в парторганизациях по 8-е января 1924 г. (включит.) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 559.
- 41 Троцкий Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990.
- 42 Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М., 2001. Абрамович, Григоров, Павлов и Байтальский были в 1923–1924 годах студентами и не входили в «троцкистский» актив: Абрамович И. Л. Воспоминания и взгляды. Кн. 1: Воспоминания. М., 2004; Григоров Г. И. Повороты судьбы и произвол. Воспоминания. 1905–1927 годы. М., 2005; Павлов И. М. 1920-е: Революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб., 2001; *Baitalskii M. Notebooks for the Grandchildren: Recollections of a Trotskyist Who Survived the Stalin Terror.* Atlantic Highlands, 1995.
- 43 Андреев А. А. Воспоминания, письма. М., 1985; Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 2003; Микоян А. И. В начале двадцатых... М., 1975.
- 44 Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992.
- 45 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11, 33, 84, 171.
- 46 Некоторые собственноручные пометки Сталина на текстах этих сводок позволяют судить о том, что больше всего волновало его в дискуссии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 477). Наиболее важные дела по внутрипартийной борьбе хранятся в Российском государственном военном архиве (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 439, 443, 1253).
- 47 ПермГАНИ. Ф. 2, 90, 557, 579, 620, 1095, 1109.
- 48 Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб. Ф. 4, 6, 7, 9, 16, 80, 131, 984, 1850, 7354).
- 49 Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы. Ф. 3-П, 63-П, 67-П, 69-П, 80-П, 85-П, 88-П).
- 50 РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 4, 6–8; ЦГА Москвы. Ф. 2867-П. Оп. 1–3; ЦГАИПД СПб. Ф. 431, 433, 563, 568, 1059; Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 48. Оп. 1; Ф. 424. Оп. 1.
- 51 Стенографический отчет Пленума ЦКК РКП(б). М., 1924 // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 21.
- 52 РГАСПИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 4, 11; Ф. 52. Оп. 1. Д. 7, 57.
- 53 Там же. Ф. 610. Оп. 1. Д. 31, 47–49, 372. Например, дело № 31 содержит статьи и заметки, осуждающие статью Троцкого «Уроки Октября». Немаловажно то, что ячейка «Рабочей газеты» голосовала за большинство ЦК (Правда. 1924. 5 января).

- 54 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 856, 859–861; Оп. 85. Д. 529; Ф. 558. Оп. 11. Д. 713, 716–718, 754, 78, и др.
- 55 Там же. Ф. 323. Оп. 2. Д. 32–38.
- 56 Там же. Ф. 76.
- 57 См.: Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 1. М., 1990, и др.
- 58 В первую очередь — РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1.
- 59 Фонды Управления делами Народного комиссариата обороны и Революционного военного совета республики, в частности РГВА: Ф. 4. Оп. 14. Д. 15–19, 40, 42–45, 48–49; Ф. 33987. Оп. 1. Д. 126, 562, 569; Оп. 2. Д. 255, 259.
- 60 *Thompson E. P. The Making of the English Working Class. London, 1963.*
- 61 *Hunt L. Politics, Culture, and Class in the French Revolution. Berkeley; Los Angeles, 1984. P. 10.*
- 62 *Steinmetz W., Haupt H.-G. The Political as Communicative Space in History: The Bielefeld Approach / Writing Political History Today. Frankfurt; New York, 2013. P. 28.*
- 63 В составе команды Центра сравнительных исторических и политических исследований я участвовал в коллективном исследовательском проекте, посвященном роли политического клиентелизма как исторического и современного феномена.
- 64 *Plamper J. The History of Emotions: An Introduction. Oxford, 2015; Young G. Emotions, Contentious Politics, and Empire: Some Thoughts about the Soviet Case // Ab Imperio. 2007. N 2. P. 113–151.*

ГЛАВА I

- 1 *Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990. С. 220; Петроградская правда. 1923. 12 декабря; Правда. 1923. 13 декабря (автором последней был Бухарин).*
- 2 См. классические исследования: *Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989; Он же. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2008.*
- 3 Когда в декабре 1923 года вспыхнула внутрипартийная борьба, никого не удивляла такая риторика: «...а если на X съезде, когда гремели Кронштадтские пушки, кто-нибудь вышел бы и сказал: политика ЦК довела до Кронштадта... Если вы не ставили тогда так вопрос, и правильно его так не ставили, то не ставьте его так и теперь» (Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 года // РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 33. Л. 121 (Выступление Каменева). Призрак «Кронштадта» фигурировал и в других выступлениях).
- 4 Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стеногр. отчет. М.: Политиздат, 1963. С. 559–573.
- 5 *Halfin I. Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007. P. 22.*

- 6 См. классическое исследование: *Daniels R. V. Conscience of the Revolution. Communist Opposition in the Soviet Russia.* Cambridge, 1960.
- 7 См. пример активного использования понятия «общественное мнение» лидером фракции «Демократический централизм»: *Осинский Н.* Новые задачи строительства Советской Республики // Правда. 1919. 15 января. В разгар внутрипартийной борьбы Троцкий опубликовал обращение с любопытной характеристикой: «Общественное мнение трудящихся должно побудить всех этих людей вносить правильные взносы на дело облегчения участия инвалидов. Если в этой области нет юридического принуждения, то может и должно быть *моральное принуждение*, создаваемое общественным мнением всех добросовестных и честных граждан страны» (*Троцкий Л.* Нужно шире, прочнее, правильнее поставить дело помощи инвалидам // Правда. 1924. 3 января).
- 8 См. историко-социологическое исследование большевиков разного национального происхождения: *Riga L. The Bolsheviks and the Russian Empire.* Cambridge, 2012.
- 9 *Левин М.* Советский век. М., 2008.
- 10 См.: *Lewin M. Lenin's Last Struggle.* Ann Arbor, 2005. P. 12–16; *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008; и др.
- 11 *Истер Д. М.* Советское государственное строительство: Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2011. С. 55.
- 12 *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев». С. 175, 180, 294.
- 13 10 марта 1923 года последовал инсульт, лишивший Ленина возможности писать и диктовать.
- 14 *Троцкий Л.* Моя жизнь. С. 216; В. П. Вилкова в предисловии к сборнику документов утверждает, что беседа состоялась 11 октября 1922 года (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923 г. / Отв. сост. В. П. Вилкова. М., 2004. С. 12).
- 15 *Ленин В. И.* Письмо к съезду / Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 345; Он же. Добавление к письму от 24 декабря 1922 г. // Там же. С. 346, 349, 356–362.
- 16 Наиболее «радикальной» поправкой Троцкий назвал необходимость перенести тяжесть критики — и «настоящую борьбу» — на «великодержавный» уклон, а не противоположный ему уклон «национальный» (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 511. Л. 51–53). 20 марта Троцкий сформулировал директивы по национальному вопросу для Красной армии, в соответствии с которыми Политическое управление Красной армии издало отдельный циркуляр (Там же. Л. 102–104). Тройка не видела угрозы в декларативных действиях, но в практическом отношении не шло навстречу требованиям Ленина и Троцкого. Последний 28 марта обратил внимание Секретариата ЦК, что в протоколе заседания Политбюро не были упомянуты два его отклоненных предложения: Закавказская федерация искажает «советскую идею федерации, в смысле чрезмерного централизма»; меньшинство грузинской компартии не представляет «уклона»,

но их политика «имела оборонительный характер — против неправильной политики тов. Орджоникидзе» (Там же. Л. 118). В цикле статей, опубликованных в «Правде» в марте–мае 1923 года под общим названием «Мысли о партии», Троцкий защищал такой взгляд на национальную политику.

- 17 Вилкова В. П. Примечания // РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 170–171. О том, что Ленин «поручил» Троцкому озвучить их позицию по национальному вопросу, было известно в партийных кругах (см., например, выступление рядового оппозиционера: Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 года // РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 39. Л. 57).
- 18 Carr E. H. The Interregnum: 1923–1924. London: Penguin, 1954. P. 279.
- 19 Карр обратил внимание на тот факт, что во время празднования 25-летия партии в обширном документе, публиковавшемся в «Правде» 26–28 февраля и 1 марта 1923 года, Зиновьев был единственным из вождей, кого упомянули в связи с Лениным (Carr E. H. The Interregnum. P. 275–276).
- 20 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 129. Студент Института красной профессуры Григорий Григоров вспоминал услышанное от коллеги-философа Ольги Танхилович, бывшей, по его словам, «в курсе борьбы, происходившей в ЦК», что «...после XI съезда партии Сталин, пользуясь правами генсека, начал сколачивать группу из тех, кто настроен против Троцкого, Зиновьева и Каменева» (Григоров Г. И. Повороты судьбы и произвол... С. 299).
- 21 Доклад Г. Зиновьева на общегородском собрании бюро коллективов петроградской организации 15 декабря 1923 г. // Правда. 1923. 21 декабря.
- 22 Зиновьев Г. Что такое большевизм? // Правда. 1923. 30 января.
- 23 Григоров Г. И. Повороты судьбы и произвол. С. 300.
- 24 Выступали Владимир Кассиор, Валериан Осинский, Евгений Преображенский и по «национальному вопросу» — Христиан Раковский (Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: Стеногр. отчет. М., 1968. С. 101–105, 130–134, 139–146, 576–582). Карр назвал их выступления «оппозицией» (Carr E. H. The Interregnum. P. 286).
- 25 Впервые в партийной историографии это было озвучено (Ярославский Е. Краткие очерки по истории ВКП(б). М., 1928. С. 272).
- 26 В иерархии по результатам выборов ЦК Троцкий получил 35-е место, а не второе, как годом раньше (Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2000. С. 91–92).
- 27 Двенадцатый съезд РКП(б). С. 52.
- 28 Цит. по: Brovkin V. Russia after Lenin. Politics, Culture, and Society, 1921–1929. London; New York, 1998. P. 53. Бровкин, очевидно, имел в виду секретный циркуляр «Об исключенных из РКП», в котором ставилась задача борьбы с группами из «бывших членов партии, враждебно относящихся к РКП и Соввласти» (Павлюченков С. А. «Орден меченосцев». С. 290–291).

- 29 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 154 (Письмо Л. Д. Троцкого членам ЦК и ЦКК 8 октября 1923 г.).
- 30 Carr E. H. The Interregnum. P. 287. Как следует из другого пассажа его книги, Карр полагал, что Троцкий мог пойти на «раскол» и повести «рядовых» против «тройки» (Ibid. С. 315).
- 31 Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 315–317.
- 32 О дружбе с Раковским Троцкий писал в автобиографии, о дружбе с Преображенским — свидетельствовал Б. Суварин в беседе с Б. Лазичем: Суварин Б. О Ленине, Троцком и Сталине. [Paris], 1990. С. 19–20.
- 33 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 168 (Письмо Л. Д. Троцкого членам ЦК и ЦКК 10 октября 1923 г.).
- 34 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 33, 46.
- 35 Пирани С. Русская революция в отступлении. М., 2013. С. 287–293.
- 36 В районе Донбасса в забастовках участвовали 89,5 тыс. человек — в 10 раз больше, чем в 1922 году (Борисова Л. В. «Забастовка показала... чрезвычайное упорство и озлобленность рабочих» // Отечественные архивы. 2008. № 6. С. 77).
- 37 Богуславский «заклеймил позором рабочих за забастовку, но вместе с тем сказал, что Моссовет примет все зависящие [от него] меры к улучшению положения рабочих...» (цит. по: Борисова Л. В. «Мы бросили работу. Придите к нам на помощь...» Документы Центрального архива ФСБ России о забастовках московских текстильщиков в 1923 году // Российская история. 2010. № 4. С. 21).
- 38 Пирани С. Русская революция в отступлении. М., 2013. С. 184–187.
- 39 Там же. С. 281–284.
- 40 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 года // РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 38. Л. 68 (Выступление Сапронова).
- 41 От ЦКК РКП(б) // Правда. 1923. 2 декабря; Ярославский Ем. Что такое «Рабочая правда» // Правда. 1923. 19 декабря.
- 42 Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 3. О проекте поправок Троцкого см. далее.
- 43 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 52.
- 44 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 41.
- 45 Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 1. М., 1990. С. 90.
- 46 Конспект заключительной речи Л. Д. Троцкого на заседании пленума ЦК и ЦКК 26 октября 1923 г. // РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 262. Не известно, действительно ли «в ходе этих бесед вырабатывался текст» последующего группового заявления, как утверждает исследователь (Чернявский Г. И. Лев Троцкий. М., 2010. С. 333).
- 47 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 147–148. Против самой идеи расширения коллегий Троцкий не возражал, как следует из

- переписки с его заместителем Скиянским и Сталиным в августе 1923 года, он рассматривал варианты включения представителей национальностей, кавалерии (Буденный) и авиации (Розенгольц) (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 518. Л. 6).
- 48 Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 67. Это был не первый конфликт между тройкой и Троцким по вопросам военного ведомства, но впервые были предприняты решения, не считаясь с мнением наркома (Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство. С. 82–83).
- 49 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 258.
- 50 Там же. С. 150. В тот же день Троцкий отправил отдельное письмо членам Политбюро, в котором возмущался не только снятием с руководства военной промышленностью своего сторонника Ивана Смирнова, но и тем, что пришедший ему на смену Эйсмонт не приступил к работе.
- 51 Бажанов Б. Воспоминания... С. 68. В. П. Вилкова полагает, что именно этот документ тройки, а не письмо Троцкого 8 октября 1923 года положило начало первому, «верхушечному» этапу внутрипартийной дискуссии (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 149). Однако более справедливо мнение Бажанова о начале «открытой фазы» борьбы, потому что тройка, в отличие от Троцкого, не считала дискуссию возможной.
- 52 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 169 (Письмо Л. Д. Троцкого членам ЦК и ЦКК 10 октября 1923 г.).
- 53 Там же. С. 154–165. Правленный документ (т. н. отпуск) позволяет составить впечатление, насколько кропотливо Троцкий работал над итоговыми формулировками своего письма (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 518. Л. 78–101). Например, среди вычеркнутых им наиболее резких формулировок было: «...именно сейчас большинство ЦК готовится сделать последние выводы из своей политики, перенеся ее разрушительные методы внутри военной организации» (Там же. Л. 94).
- 54 Пирани С. Русская революция в отступлении. С. 310.
- 55 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 154.
- 56 *Deutscher I. The Prophet Unarmed. Trotsky: 1921–1929. London, 1959. P. 109.* По мнению Р. Дэниэлса, Троцкий, критикуя политику в отношении оппозиционных групп, надеялся заработать политический капитал (*Daniels R. V. The Conscience of the Revolution. P. 217*). На наш взгляд, теоретически это не противоречит его взглядам по существу вопроса. Л. Шапиро писал, что «враждебное отношение» к предложениям Дзержинского «явствует» из письма Троцкого 8 октября (*Шапиро Л. История коммунистической партии Советского Союза. Лондон, 1990. С. 397*).
- 57 РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 518. Л. 95.
- 58 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 169.
- 59 Там же. С. 172. Примечательно, что на этом заседании Николай Бухарин высказался о необходимости развития внутрипартийной демократии, о чем вскоре был вынужден напоминать Троцкий (Там же. С. 224–225).

- Сталин в это время был в отпуске в Кисловодске. В отправленной 11 октября телеграмме он выразил одновременно и уверенность, и готовность к схватке с Троцким: «Сердитый документ читал, по моему он не представляет ничего серьезного, но нужен, конечно, контр-документ, спокойный, не уничтожающий. В связи с документом абсолютно необходимо оставить и Куйбышева по ЦКК, и Рудзутака по секретариату [ЦК]. Думаю, что придется ускорить пленум. По состоянию здоровья думаю оставаться еще две недели, очень прошу не возражать...» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 67. Л. 11).
- 60 19 октября в письме в президиум ЦКК и Политбюро Троцкий заявил: «Для проверки собственной оценки создавшегося положения я ознакомил со своим письмом менее десятка ответственных товарищей, которые отдавали себе ясный отчет в том, что дело идет о внутривнутрипартийном строго секретном документе, который уже по международным причинам ни в коем случае не может получить широкого распространения, а стало быть, и стать платформой» (РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 195).
- 61 Там же. С. 193 (Записка В. М. Молотова членам и кандидатам в члены Политбюро 17 октября 1923 г.).
- 62 Этот пункт был принят большинством 7 против 2. Примечательно, что была внесена поправка: вместо категоричного указания на «платформу» предлагалась следующая формулировка: «...Некоторые из них пытаются использовать в качестве платформы...», причем за поправку голосовало 4 против 4 и 1 воздержавшегося (Там же. С. 174–175).
- 63 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 25. Л. 87. Приглашение губкома больше не фигурировало в партийных документах.
- 64 РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 176–177. Подробнее о ЦКК см.: глава III, 3.
- 65 РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 178–180. В целом абсолютное большинство членов ЦКК были настроены против оппозиции (см.: Примечание 6 // Там же. С. 222).
- 66 Письмо Л. Д. Троцкого в президиум ЦКК и Политбюро 19 октября 1923 г. // Там же. С. 194.
- 67 Б. Эннker утверждает, что Бухарин окончательно перешел на сторону «тройки» лишь после «сильного нажима со стороны Зиновьева», выразившегося в его выступлениях 11 декабря в Москве и 15 декабря в Петрограде (Эннker Б. Фомирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011. С. 82–83).
- 68 Г. И. Чернявский вопреки устоявшейся традиции утверждает, что под заявлением стояло сорок семь подписей, не приводя никаких аргументов и ссылаясь на устаревшую публикацию источника (Чернявский Г. И. Лев Троцкий. С. 335).
- 69 «Полагаю, что оба эти документа заинтересуют Вас со стороны характеристики известных настроений, — писал Троцкий. — Прошу Вас оба эти документа переслать Христиану Георгиевичу, сняв, если найдете нуж-

- ным, копию для Вашего собственного употребления» (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 518. Л. 98).
- 70 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 41.
- 71 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 183.
- 72 «Принципиальные» сторонники оппозиции были свободны от «демагогии», отметил в этой связи Э. Карр (*Carr E. H. The Interregnum*. P. 334).
- 73 *Priestland D. Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power, and Terror in Inter-War Russia*. Oxford, 2007. P. 160; *Carr E. H. The Interregnum*. P. 334.
- 74 *Серг В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М., 2001. С. 233.
- 75 Не существует и доказательств того, что «заявление обсуждалось и утверждалось на квартире Троцкого» (*Абрамов А.* Борьба партии против троцкизма в 1923–1924 гг. // *Пропаганда и агитация*. 1940. № 5–6. С. 36).
- 76 *Троцкий Л.* Моя жизнь. С. 215.
- 77 Антонов-Овсеенко попытался лишний раз подчеркнуть актуальность заявления: «Потребность в прямом и откровенном подходе ко всем нашим болячкам так назрела, что [я] целиком и полностью поддерживаю идею созыва указанного совещания...» (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 184).
- 78 Там же. С. 185.
- 79 Там же. С. 212 (Ответ членов Политбюро ЦК на письмо Л. Д. Троцкого от 8 октября 1923 года 19 октября 1923 года). Документ подписали также не входившие в Политбюро Калинин, Молотов и, с формальными поправками, которые были проигнорированы, Бухарин.
- 80 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 25. Л. 180.
- 81 Лобанов был единственным бывшим сторонником «Рабочей оппозиции». С. А. Павлюченков без ссылок на источники утверждал, что лидеры «Рабочей оппозиции» Шляпников и Медведев тоже поддержали «заявление» (*Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев». С. 302). Во время дискуссии Шляпников предлагал отдельные от оппозиционеров резолюции. Он также высказался в печати, дав понять, что не поддерживает ни большинство ЦК, ни оппозицию (*Шляпников А.* Наши разногласия // *Правда*. 1924. 18 января). 3 января 1924 года Шляпников направил в Политбюро и ЦКК заявление с протестом, в котором утверждал, что он послал рукопись в редакцию «Правды» 21 декабря, но ее забрал Бухарин. 10 января Политбюро в присутствии Шляпникова постановило напечатать рукопись с учетом некоего «состоявшегося обмена мнений» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 1–2; см. также: *Allen B. Alexander Shlyapnikov, 1885–1937: Life of an Old Bolshevik*. Leiden; Boston. 2015. P. 260–261).
- 82 *Deutscher I.* The Prophet Unarmed. P. 116.
- 83 Среди подписантов не оказалось весомого «троцкиста» Сергея Мрачковского, находившегося в Самаре в должности командующего Приволжским военным округом.

- 84 В 1928 году был опубликован роман Васильченко «Не той стороною», в котором была впервые показана история внутривнутрипартийной борьбы 1924–1927 годов. Автор стремился реалистично отразить быт и настроения ответственных партийных работников. В главном герое — оппозиционере Стебуне, переехавшем в 1924 году из Одессы в Москву, угадываются черты непримиримых украинских децистов, в числе которых ранее был сам Васильченко. В финальной сцене Стебун, незадолго до того потерпевший поражение на дискуссионном собрании, умирает от сердечного приступа, наступившего после перепалки со сторонником ЦК, который сказал ему в запале: «Но помните, что дойдете до того, что вас партия поставит к стенке!» (*Васильченко С. Не той стороною. М.; Л., 1928. С. 506*). Несмотря на политическую лояльность ЦК, книга была раскритикована, в том числе в литературном плане, и изъята из библиотек.
- 85 По содокладу Рафаила ячейка Отдела народного образования Моссовета 15 декабря 1923 года вынесла оппозиционную резолюцию (Резолюции // Правда. 1923. 19 декабря). За оппозицию также проголосовала ячейка Высших политико-просветительских курсов (Правда. 1924. 5 января). Славившийся своим юмором Давид Рязанов назвал Рафаила «попечителем Московского Учебного Округа» и «защитником интеллигенции» (XI Московская губернская конференция РКП(б). М., 1924. С. 159).
- 86 РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 273. Л. 34.
- 87 *Пирани С. Русская революция в отступлении. С. 313.*
- 88 *Dune E. M. Notes of a Red Guard. Champaign, 1993. P. 25.* Любопытно и то, что Каменев, выступая на партконференции Хамовнического района, в котором работал Шмидель, поставил его в один ряд «ответственных работников» с Преображенским и Сапроновым (Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 95).
- 89 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 647. Л. 112. Вероятно, упоминались П. Г. Кринкин, бывший член Сибирского подпольного комитета РКП(б), и подписант «Заявления» Муралов.
- 90 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 25. Л. 176.
- 91 Из доклада Преображенского на собрании курсов секретарей уездных комитетов партии (РКП(б)): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 334).
- 92 По мнению Р. Дэниэлса, «Заявление» было «даже более серьезным вызовом», так как его, в отличие от писем Троцкого, нельзя было просто свести к личным амбициям (*Daniels R. V. The Conscience of the Revolution. P. 219*). Однако оценивать эти документы в отрыве друг от друга не представляется возможным. Кроме того, позиция авторитетнейшего члена Политбюро, каковым являлся Троцкий, была как минимум равноценной на «шахматной доске» политического конфликта.
- 93 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 года // РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 37. Л. 24.

- 94 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 36. Л. 114; Стенограмма партконференции Замоскворецкого района (утреннее и вечернее заседания 5 января 1924 г.) // ЦГА Москвы. Ф. 67-П. Оп. 1. Д. 249. Л. 35; Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 96, 98.
- 95 *Albert G. «German October is approaching»: Internationalism, activists, and the Soviet State in 1923 // Revolutionary Russia. December 2011. Vol. 24, N 2. P. 129–130.*
- 96 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 187–190.
- 97 См. протокол за 3 января 1924 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 282. Л. 24.
- 98 Борис Суварин, на тот момент член ИККИ и ЦК ККП, вспоминал: «Проездом в Берлине я встретился с Радеком, он и рассказал мне о расколе, который произошел в Политбюро. Я навсегда запомнил сказанную им тогда фразу: “В Политбюро шесть человек против одного (Троцкого). Будем надеяться, что таким образом там установится равновесие”. Этими словами Радек подчеркнул факт огромного интеллектуального превосходства Троцкого над остальными. Но в то же время выразил надежду и на то, что существенные разногласия не перерастут в окончательный раскол» (Суварин Б. О Ленине, Троцком и Сталине. С. 16).
- 99 «Я заявляю»: Ультиматум Карла Радека в Политбюро ЦК РКП(б) // Источник. 1998. № 2. С. 44–45. В январе 1924 года Бела Кун направил копию своего письма Радеку, Сталину и Зиновьеву, в котором «напоминал» Радеку, что в личном разговоре, состоявшемся в конце декабря 1923 года, он выражал мнение, что 25 % состава нового ЦК должно формироваться если не из сторонников Троцкого, то из тех, «присутствие в ЦК которых прекратило бы изолированность тов. Троцкого» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 29. Л. 110).
- 100 Стенограмма Рогожско-Симоновской районной конференции РКП(б) 3–6 января 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 34. Л. 55; Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 27.
- 101 Большевицское руководство. Переписка. 1912–1927: Сб. документов. М., 1996. С. 281.
- 102 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 193–194.
- 103 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 685. Л. 41, 42.
- 104 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 201.
- 105 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 25. Л. 182. Известна телефонограмма Бухарина Сталину и Томскому, в которой он, в частности, требовал внести пункты о развитии демократии и устранить «все признаки газетного фельетона» (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 220). В итоге изменился только стиль документа.
- 106 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 223; 223–224.
- 107 В этом отношении следует упомянуть речь Рыкова, в которой он по вопросу о дискуссии выступил большим «демократом», чем оппонировав-

- ший ему Радек (Стенограмма Рогожско-Симоновской районной конференции РКП(б) 3–6 января 1924 г. ... Л. 64).
- 108 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 225.
- 109 См., например: *Троцкий Л.* Новый курс // *Правда*. 1923. 11 декабря.
- 110 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 229–230, 242.
- 111 Там же. С. 226, 231, 240.
- 112 *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. С. 79–82.
- 113 Эмоционально заряженной была и реакция Троцкого на обвинение в «неверии и незнании партии», которое он отверг «как ложное в своей умышленной оскорбительности» (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 240).
- 114 По словам Сапронова, Зиновьев якобы ответил: «...мы большинство ЦК, мы можем фракционное заседание устраивать» (Стенограмма партконференции Замоскворецкого района (утреннее и вечернее заседания 4 января 1924 г.) // ЦГА Москвы. Ф. 67-П. Оп. 1. Д. 248. Л. 93). См. подробнее о «частных совещаниях» в главе II, 2.
- 115 18 октября члены Политбюро, заслушав заявление Преображенского, Серебрякова и Сапронова, постановили, что список 10–12 представителей «сорока шести» будет составлен Секретариатом совместно с Преображенским и Серебряковым (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 685. Л. 33). На Пленуме присутствовали: Преображенский, Серебряков, И. Н. Смирнов, Яковлева, децисты Сапронов, Осинский, Муралов, В. Смирнов, Рафаил, Косиор, Стуков, а также бывшие члены «Рабочей оппозиции» Лобанов и Шляпников (*Примеров Е. В.* Борьба партии за ленинское единство своих рядов (1921–1924). Львов, 1979. С. 194).
- 116 Надежда Крупская в письме Зиновьеву 31 октября 1923 г. возмущалась «царившей» на Пленуме атмосферой, при которой его участники позволяли себе крайне резкие выпады (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 272). Позднее Преображенский будет говорить, ссылаясь на разговор с Крупской в начале декабря, что, несмотря на то что Крупская и Мария Ульянова (сестра Ленина) «по существу» были против оппозиции, они, тем не менее, «единогласно говорили», что «именем товарища Ленина» сторонники ЦК «прикрывали свои ошибки» (Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 111).
- 117 Протокол объединенного заседания политбюро ЦК КПУ с наличными членами и кандидатами ЦК и ЦКК 23 октября 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 89. Л. 117.
- 118 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 251–252.
- 119 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 91. По мнению Т. Крауса, на пленуме Троцкий был впервые обвинен в этом (*Краус Т.* Советский термидор: Духовные предпосылки сталинского поворота, 1917–1928. Будапешт, 1997. С. 143).
- 120 *Радек К.* Лев Троцкий — организатор побед // *Правда*. 1923. 14 марта; *Сущевский Я.* [Блюмкин Я. Г.]. День Троцкого // *Огонек*. 1923. № 1. С. 2–4;

- Рейснер Л. М. Свияжск // Пролетарская революция. 1923. № 6–7. С. 177–189. По свидетельству меньшевика Н. В. Валентинова, статью Радека восприняли как попытку возвысить Троцкого над остальными руководителями партии (Валентинов Н. В. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С. 97).
- 121 Ярославский Е. Л. Д. Троцкий — Антид Ото: литературная деятельность Л. Д. Троцкого в сибирской газете «Восточное обозрение» в 1900–1902 гг. // Сибирские огни. 1923. № 1–2. С. 113–126.
- 122 Eastman M. Since Lenin died. London, 1925. P. 17–27.
- 123 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 256–257. Безусловно, речь в первую очередь шла о Раковском и Преображенском. В целом же, по мнению Троцкого, «троцкистами» называли тогда всех «тех, кто не борется активно против Троцкого». И далее: «Всякий работник, работающий со мной и просто, без всяких там групповых или политических соображений... сейчас же тем самым берется под подозрение, как “троцкист”» (Там же. С. 256–257; 258).
- 124 Конспект заключительной речи Л. Д. Троцкого на заседании пленума 26 октября 1923 г. // Там же. С. 262–263. Исследователем справедливо указано, что Троцкий «говорил нервно, сбивчиво, отвлекался на смежные или даже посторонние вопросы» (Чернявский Г. И. Лев Троцкий. С. 337).
- 125 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 262–263.
- 126 Из речи Зиновьева на заседании ИККИ (Carr E. H. The Interregnum. P. 337).
- 127 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 261–262.
- 128 По мнению Э. Карра, именно в резолюции было наиболее четко прописано, что понимали оппозиционеры под «рабочей демократией» (Carr E. H. The Interregnum. P. 308). М. Горинов полагает, что Преображенский «...первым из большевиков выявил глубинные объективные корни бюрократизма в советском обществе. Он выводил их не из культурной отсталости российского пролетариата, как Ленин, не из императивов гражданской войны, как Осинский, а из особенностей базиса социализма как централизованной экономики» (Горинов М. Евгений Преображенский: Большевик из поповичей // Россия XXI. 2011. № 5. С. 102).
- 129 Разумеется, это не означало, что все оппозиционеры были противниками принципа «назначения» как такового (см., например, выступление Тер-Ваганяна, — Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 44).
- 130 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 266–269; 270–271.
- 131 Из речи на XI Московской партконференции 10–12 января (Содоклад т. Преображенского // Правда. 1924. 14 января).
- 132 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 785. Л. 25–26.
- 133 Позиция официальной историографии звучала так: «Своевременно разгадав замысел троцкистов, направленный на разрушение единства партии, ЦК РКП(б) отклонил вызов троцкистов на втягивание всей партии в дискуссию и открыл в начале ноября 1923 г. на страницах газеты “Правда” деловое обсуждение...» (Вяткин А. Я. Разгром Коммунистиче-

- ской партией троцкизма и других антиленинских групп (ноябрь 1920–1925 гг.). Ч. 1. Л., 1966. С. 102). В действительности же ЦК не принимал решения о «деловом обсуждении» в «Правде». По мнению В. П. Вилковой, фракционное «руководящее ядро» ЦК сделало все, для того чтобы «дискуссия, начавшаяся в верхнем эшелоне партийной власти, приобрела общепартийный характер» (РКП(б): Внутрипартийная борьба. С. 268). Это утверждение также представляется спорным. Скорее всего, «тройка» просто не имела четкого плана по борьбе с Троцким и оппозиционерами посредством внутрипартийной дискуссии.
- 134 Банков П. Руководство начинающим журналистам // Красный перец. 1923. № 9 (15 июля). С. 3.
 - 135 Зиновьев Г. Новые задачи партии // Правда. 1923. 7 ноября. Любопытно, что статья Троцкого, опубликованная в том же номере, была полностью посвящена внешним перспективам партии — революции в Германии (Троцкий Л. Год седьмой // Правда. 1923. 7 ноября). Троцкий, скорее всего, был не в курсе планов «тройки» объявить дискуссию 7 ноября.
 - 136 Зиновьев Г. Новые задачи партии. Не удивительно, что в советской историографии утверждалось: статья Зиновьева содержит «ряд принципиально неверных положений, оказавшихся на руку оппозиции» (Шапиро Л. История Коммунистической партии Советского Союза. С. 301).
 - 137 Демидов В. В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929. Новосибирск, 1994. С. 17. Он же. Дискуссии и внутрипартийная борьба в большевистских организациях Сибири (ноябрь 1919 г. — декабрь 1929 г.). Новосибирск, 1997. С. 17; Олех Г. Л. Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск, 1992. С. 130.
 - 138 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 47.
 - 139 Камень А. На повороте // Правда. 1923. 11 ноября, 13 ноября.
 - 140 Об этом Сталину писал Борис Магидов (Большевистское руководство. С. 282–286).
 - 141 Не отрицая профессионализма комитетчиков, Г. Я. утверждал, что «...у этих руководителей парторганизации выработалось сознательное или бессознательное убеждение, что им достаточно знать свое дело, но сами они могут остаться неизвестными партийной массе» (Г. Я. Новые решения или исполнение старых? // Правда. 1923. 16 ноября).
 - 142 Там же.
 - 143 Исп.[олнительная] комиссия Замрайкома РКП. Фактическая справка к статье Г. Я. // Правда. 1923. 20 ноября. Примечательно: авторы обозначили определенную осведомленность, к какой ячейке прикреплен Г. Я. Через месяц, 20 декабря, ячейка завода «Труженик» внесла в свою резолюцию поручение бюро ячейки «дать ответ на статью тов. Г. Я.» (Резолюции // Правда. 1923. 22 декабря).
 - 144 «...Никто никого не обвиняет, но все ищут практические мероприятия, которые приведут нас к цели [внутрипартийной демократии]»

- (*Не-замрайонец*. Аппарат обороняется. (К вопросу о новых задачах партии) // Правда. 1923. 21 ноября).
- 145 Климов Ф. О «новых задачах партии» // Правда. 1923. 18 ноября.
- 146 Розенталь К. Слово к порядку // Правда. 1923. 25 ноября.
- 147 Е. Э. Где же логика? // Правда. 1923. 29 ноября. Редакция констатировала: «Все тт., откликнувшиеся на статью тов. Розенталь, считают осуществление внутрипартийной рабочей демократии вполне своевременной задачей» (Своевременно ли? (Отклики на статью т. Розенталь) // Правда. 1923. 1 декабря).
- 148 Преображенский Е. О нашем внутрипартийном положении // Правда. 1923. 28 ноября.
- 149 См., например: «Т. Н. Пруслин, секретарь ячейки РКП линии Орша–Унечи, говорит о безразличном отношении к вопросам, обсуждающимся в ячейках, о том, что “тов. Преображенский метко выразился о существовании заговора молчания в партии” и считает необходимым осуществление внутрипартийной рабочей демократии» (Голос провинции (Из статей, поступивших в редакцию) // Правда. 1923. 8 декабря).
- 150 Обзор о деятельности и состоянии московской организации РКП(б) за 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 243. Л. 91.
- 151 По предложению Сталина «Правде» было рекомендовано рассылать членам Политбюро через секретариат ЦК «по возможности все или во всяком случае важнейшие из неопубликованных, но имеющихся в портфеле редакции статей по вопросам партийного строительства» (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 345). Об изменении редакционной политики см. далее и главу II.
- 152 Сапронов Т. В чем заключается очередная задача партии? // Правда. 1923. 8 декабря. В резолюции президиума ЦКК 7 января 1924 года утверждалось, что 44 % опубликованных статей исходили от оппозиции, правда, не ясно, за какой период (Дискуссия 1923 года. М., 1927. С. 44). На XI Московской партконференции 10–12 января Преображенский скажет, что «90 % были направлены против старого курса» (Содоклад т. Преображенского // Правда. 1924. 14 января).
- 153 Сапронов Т. В чем заключается очередная задача партии? // Правда. 1923. 8 декабря.
- 154 Там же.
- 155 Цит. по: Дискуссия на местах. (Роста) // Правда. 1923. 19 декабря.
- 156 По Троцкому, залогом успешной борьбы являлась «...самостоятельность мысли, проработка прошлого и настоящего собственными мозгами, независимость характера, чувство ответственности, правдивость перед собою и своим делом» (Троцкий Л. О казенщине, военной и всякой иной // Правда. 1923. 4 декабря).
- 157 В письме Николаю Муралову 19 августа 1923 г. Троцкий, в частности, писал, что его «в последнее время все больше беспокоит известный элемент “казенщины”, который проникает в литературу о Красной армии»

- (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 518. Л. 8–9). Троцкий приступил к статье 25 ноября, а закончил 2 декабря 1923 г. (Там же. Д. 267. Л. 202).
- 158 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1577. Л. 460б.
- 159 В частности, Троцкий писал: «Правильная постановка работ нашей государственной плановой комиссии (Госплан) является прямым и непосредственным подходом к более правильному и успешному разрешению вопросов смычки — не в отмену рынка, а на основе рынка». (*Троцкий Л. О смычке // Правда. 1923. 6 декабря. Статья была также опубликована на первой странице «Петроградской правды»*).
- 160 *Кружинов В. М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С. 146.
- 161 Стуков был «левым коммунистом» в 1918 году, примыкал к «децистам» в 1920–1921 годах. В сатирическом журнале он метко охарактеризован как «взломщик аппаратов, рецидивист» (*Красный перец. 1924. № 18. С. 2*).
- 162 Обзор о деятельности и состоянии московской организации РКП(б) за 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 243. Л. 91. Оппозиционер Петр Кутузов увидел гарантию в необходимости переизбрания «личного состава», а Тер-Ваганян — в возможности группироваться по взглядам (Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 31, 43).
- 163 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 92 (Записка Зиновьева Сталину 29 ноября 1923 г.).
- 164 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 293 (Заявление И. В. Сталина в Политбюро ЦК).
- 165 Об обстоятельствах заболевания гриппом см.: *Троцкий Л.* Моя жизнь. С. 238. В сугубо личном письме 14 декабря 1923 г. Троцкий писал: «... вот уже седьмая неделя, как я захворал и не выхожу из дому» (РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 13. Л. 320).
- 166 Обзор о деятельности и состоянии московской организации РКП(б) за 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 243. Л. 91. Сталин в письме Пятакову 22 ноября лаконично описал ситуацию: «У нас дела идут пока не дурно» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 785. Л. 37). В этом же письме Сталин объясняет, почему Пятаков должен вернуться на работу в Москву, и на этом их переписка обрывается.
- 167 Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 22–23.
- 168 Обзор о деятельности и состоянии московской организации РКП(б) за 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 243. Л. 91–92.
- 169 *Пирани С.* Русская революция в отступлении. С. 91–96.
- 170 О борьбе Мдивани в Грузии см.: *Smith J.* The Georgian Affair of 1922. Policy Failure, Personality Clash or Power Struggle? // *Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50, N 3. P. 519–544.*
- 171 Стенограмма собрания членов бюро ячеек Хамовнического района Москвы 6 декабря 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 32. Л. 1–86.

- 172 Стронник Троцкого Т. А. Аскадарьян писал Рязанову 29 ноября 1929 г.: «На мое предложение (Вам лично) выступить с объединенной резолюцией против доклада ЦК, Вы что-то сердитое сказали, внесли свою резолюцию отдельно, собрали голосов 17 (мы же более 200)» (цит. по: *Рокитянский Я. Г.* Гуманист октябрьской эпохи: Академик Д. Б. Рязанов — социал-демократ, правозащитник, ученый. М., 2009. С. 306–307).
- 173 «Мы ни на секунду не сомневаемся, — продолжал Каменев, — что Сапронов и иже с ними придут в момент, когда партия поворачивает, и попробуют этот поворот превратить во внутривпартийную революцию» (Заключительное слово Л. Б. Каменева в Университете им. Свердлова... Л. 37, 42).
- 174 РКП(б): Внутривпартийная борьба в двадцатые годы. С. 295
- 175 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 144. По словам Зиновьева, имелась стенограмма этих заседаний, но она не была обнаружена.
- 176 Р. Дэниэлс увидел в резолюции преобладающий вклад Троцкого, не пояснив, однако, в чем он заключался (*Daniels R. V. The Conscience of the Revolution.* Р. 223). Скорее можно говорить об использовании элементов риторики обеих сторон.
- 177 Сентябрьский (1923) пленум ЦК РКП(б) сформировал комиссию ЦК по внутривпартийному положению под председательством Молотова, и этот факт всегда использовался в советской историографии в качестве аргумента против претензий оппозиции. Представляется, что работа затянулась и была подстегнута разворачивавшейся борьбой за пределами ЦК. Доклад комиссии был заслушан на заседании Политбюро ЦК 29 ноября 1923 года. Политбюро приняло решение передать предложения комиссии В. М. Молотова на рассмотрение новой комиссии Политбюро в составе Сталина, Молотова, Бухарина, Куйбышева, Зиновьева, Троцкого и Томского. Срок работы был определен до 3 декабря. В решении также оговаривалось, что «в случае единогласия поручить комиссии утвердить переданный на ее рассмотрение документ и опубликовать его от имени ЦК» (РКП(б): Внутривпартийная борьба в двадцатые годы. С. 287).
- 178 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 136. Сталин вписал перед «различными тенденциями» уточнение «две». В опубликованной версии документа это не учтено (РКП(б): Внутривпартийная борьба в двадцатые годы. С. 286).
- 179 О попытке Троцкого дать «более острую формулировку» резолюции Каменев вскользь упомянул на XI Московской партконференции 10–12 января 1924 (Правда. 1924. 12 января).
- 180 Carr E. H. The Interregnum. P. 315.
- 181 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 17; Доклад Каменева в Военной академии... Л. 43.
- 182 РКП(б): Внутривпартийная борьба в двадцатые годы. С. 302. Сталин на Пленарном заседании ЦК 14 января 1924 года также отметил: Троцкий

- «...заявил, что, хотя он и голосует за эту резолюцию, тем не менее он не уверен, что она будет проведена, и не уверен, что некоторые консервативные элементы будут истолковывать ее в старом духе, в духе бюрократизма» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1102. Л. 9).
- 183 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 291.
- 184 Выписка из стенограммы выступления И. В. Сталина на расширенном собрании партийного актива Краснопресненского района г. Москвы (ответ на вопросы) 2 декабря 1923 г. // РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 284–285. 8 декабря Политбюро признало выступление Сталина ошибкой, совершенной из благих побуждений, акцентируя при этом «все большее распространение» запрещенных документов и распространение «нелепых слухов, имеющих целью подорвать авторитет ЦК» (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 294). Полную стенограмму с правками Сталина см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2569.
- 185 Так, Зиновьев, сообщив о том, что «против ЦК» высказались ячейки ОГПУ, Генштаба и курсантов, охраняющих Кремль, заявил, что «это означает гибель государства». В ответ Преображенский сказал, что «если это так, то государство ничего не стоит» (Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 95, 107). Каменев, в свою очередь, резюмировал: «ЦК нашей партии есть правительство и вне ЦК нет правительства... а потому критика ЦК есть критика правительства, и недопустимой является критика, исходящая от одного из командиров...» (Доклад Каменева в Военной академии... Л. 37); «Фракция внутри партии есть два правительства», — сказал один из участников прений в Петрограде (Протокол общего собрания к-ва РКП Горного института 19 декабря 1923 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 874. Л. 37).
- 186 РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 258. Л. 7а, 8–10.
- 187 Среди прочего отчетливо прозвучала переключка со статьей Сапронова 8 декабря, содержащая критику «школьного духа». И в первоначальном проекте, и в опубликованном Троцкий утверждал: «Нужен не педагогический, а политический подход» (*Троцкий Л. Новый курс* // Правда. 1923. 11 декабря).
- 188 Carr E. H. The Interregnum. P. 318.
- 189 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 29.
- 190 Метафору барометра можно было встретить и в политически нейтральных статьях. «Будь чувствителен, как барометр» — так была озаглавлена короткая заметка в рубрике «По рабфакам и ВУЗам» (Петроградская правда. 1923. 21 ноября).
- 191 Сапронов утверждал, что вначале письмо было отправлено в Краснопресненский район (наиболее крупный пролетарский район), а так как публикация в газетах задерживалась, Троцкий отправил письмо в Рогожско-Симоновский и Замоскворецкий районы (Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ...

- Л. 49). Согласно утверждению, прозвучавшему на XIII партконференции в январе 1924 года, письмо было зачитано уже на собрании 8 декабря в присутствии Сталина, а также и на собрании 9 декабря, где были Зиновьев и Каменев (*Carr E. H. The Interregnum*. P. 320).
- 192 Телефонограмма № 83 в редакцию газеты «Правда» // РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 13. Л. 317. Троцкий недвусмысленно указывал на этих противников: «До того, как было опубликовано постановление ЦК о новом курсе, бюрократившиеся представители аппарата считали самое упоминание о необходимости изменения внутрипартийной политики ересью, фракционностью и расшаткой дисциплины. Сейчас они также формально готовы принять новый курс “к сведению”, т. е. бюрократически свести его на нет» (*Троцкий Л. Новый курс* // Правда. 1923. 11 декабря).
- 193 *Троцкий Л.* Вопрос о партийных поколениях // Правда. 1923. 29 декабря.
- 194 *Троцкий Л.* Поколение Октября. М.: Молодая гвардия, 1923.
- 195 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 55. Подписант «Заявления сорока шести» Яковлева заявила, что Троцкий совершил «ошибку» по данному вопросу, но следом обрушилась критикой в адрес Рыкова, который, по ее мнению, совершил ошибку еще большую (Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 55).
- 196 Сталин ссылаясь на факт единогласного голосования за резолюцию, что давало надежду на конструктивный ход дискуссии (*Васютин В. Ф.* Об ошибках подлинных и мнимых (ЦК РКСМ и вопрос о внутрипартийной дискуссии, декабрь 1923 — январь 1924 года) // Позывные истории. М., 1982. Вып. 7. С. 229–231). Несмотря на обострение ситуации, 28 декабря Бюро ЦК РКСМ отклонило предложение о немедленном созыве пленума ЦК, назначив его на 17 января, т. е. на день проведения XIII конференции РКП(б), и в целом подтвердило свои прежние решения (*Дмитренко С. Л.* Сплоченными рядами: Комсомол в борьбе против троцкизма. М., 1987. С. 19–20).
- 197 *Долгов В. В.* Проблемы единства комсомола во внутрипартийной борьбе 20-х годов. М., 1989. С. 121.
- 198 Примечательно, что именно в «Новом курсе» Троцкий употребил само это понятие в последней строке постскриптума: «Партия пожнет результат в виде возросшей сплоченности и повышенного уровня партийной культуры».
- 199 Сталин подчеркнул следовавший далее пассаж: «Пассивное послушание, механическое равнение по начальству, безличность, прислужничество, карьеризм — из партии вон!» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1577. Л. 42об.).
- 200 *Троцкий Л.* Новый курс // Правда. 1923. 11 декабря.
- 201 РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 258. Л. 8.
- 202 *Троцкий Л.* Новый курс // Правда. 1923. 11 декабря.
- 203 Однако важно: Радек подчеркнул, что Троцкий был в согласии с Преображенским и Смирновым по вопросам планирования (Речь тов. Радека // Правда. 1923. 15 декабря; Стенограмма общего собрания бюро ячеек Московской организации РКП(б) 11 декабря 1923 г. ... Л. 41–42).

- 204 Carr E. H. The Interregnum. P. 320, 321.
- 205 Daniels R. V. The Conscience of the Revolution. P. 225.
- 206 Carr E. H. The Interregnum. P. 322.
- 207 Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года: Стенографический отчет. М., 1963. С. 185.
- 208 Речь тов. Преображенского // Правда. 1923. 16 декабря; Демидов В. В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929. Новосибирск, 1994. С. 28; Стенограмма общего собрания бюро ячеек Московской организации РКП(б) 12 декабря 1923 г. ... Л. 10; Стенограмма Рогожско-Симоновской районной конференции РКП(б) 3–6 января 1924 г. ... Л. 4.
- 209 РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 261. Л. 48.
- 210 В начале декабря покинули редакцию заведующий отделом и его заместитель в знак протеста против тенденциозного отбора и жесткого контроля за работой отдела партийной жизни. Вместо них Зиновьев прислал редактора «Петроградской правды» Г. И. Сафарова, а Сталин — своего помощника А. М. Назаретяна (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 345). Подробнее об этом см. в главе IV, 1.
- 211 Наша партия и оппортунизм // Правда. 1923. 13 декабря. В ответ на письмо Троцкого в Политбюро и Президиум ЦКК с требованием объяснений по поводу публикации в «Правде», Бухарин заявил, что действовал «на свой страх и риск», но, расценив «Новый курс» «как объявление войны», был уверен, что выражает линию ЦК. «...Письмо тов. Троцкого, широко используемое оппозицией, играет прямо пагубную роль», — заявил он вскоре членам Политбюро и Президиума ЦКК (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 308).
- 212 На ниве «политики памяти» был наиболее активен Ярославский (Тени прошлого // Правда. 1924. 6 января; Чего не следует забывать // Правда. 1924. 19 января) и вставший на сторону ЦК Бубнов (Об одном документе // Правда. 1924. 15 января; и др.).
- 213 Бедный Д. Про то же, про главное // Правда. 1924. 15 января. Уже 13 января на пленуме ЦКК другое стихотворение Бедного подверглось осуждению несколькими выступавшими, так как в «Петроградской правде» оно было опубликовано в начале января. «Мне Сосновский заявил прямо, что это было сделано с разрешения Политбюро, что будто бы члены Политбюро предварительно читали это стихотворение», — заявил Косарев (Стенографический отчет Пленума ЦКК РКП(б). М., 1924 // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 21. Л. 90).
- 214 Кружинов В. М. «Новый курс» Л. Д. Троцкого и большевистская элита Урала // Вестник Тюменск. гос. ун-та. 2013. № 2. С. 115.
- 215 Сталин И. О дискуссии, о тов. Рафаиле, о статьях т.т. Преображенского и Сапронова и о письме тов. Троцкого // Правда. 1923. 15 декабря.
- 216 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 78. Розенфельд — это настоящая фамилия Каменева, но в пользу опечатки (или оговорки самого Сапронова) говорит то, что в дискуссиях не было принято называть настоящие фамилии,

а жесткие административные методы Розенгольца не могли выветриться из памяти его бывшего оппонента Сапронова.

- 217 XI Московская губернская конференция РКП(б). С. 70.
- 218 Письмо петроградской организации членам нашей партии // Правда. 1923. 18 декабря. Подобное «письмо» Троцкому петроградские коммунисты принимали во время «дискуссии о профсоюзах» (РКП(б). Десятый съезд. С. 832–838). Но в отличие от 1921 года Троцкий не ответил на письмо.
- 219 На это обратил особое внимание Иосиф Бык, имя которого прозвучало в статье Сталина в связи с «воем» Хорезма. Статья Быка, написанная 18 декабря, так и не была опубликована во многом из-за резкости его суждений о Сталине. В постскриптуме Бык отметил: «Несмотря на мои многочисленные просьбы в течение года об отзыве, мотивированные тропической малярией, нажитой в Хорезме, тов. Сталин, к моему глубокому сожалению, не был тогда так чувствителен к “вою” Хорезма и допустил мое пребывание там свыше полутора года» (Бык И. К порядку // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 27. Л. 87–89). Еще более краткий ответ Альского на статью Сталина также не был опубликован (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 27. Л. 59–60).
- 220 Сапронов Т. О единстве и оппозиции // Правда. 1923. 16 декабря.
- 221 Работников А. Досадная параллель // Там же. 21 декабря; Ракитников А. Некто в белом в дискуссии // Там же. 22 декабря.
- 222 Сапронов Т. Против травли // Там же. 23 декабря. Соответствующее решение было вынесено Политбюро 29 декабря, так как статьи могли «неизбежно вызвать ответы в плоскости личных выпадов» (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 346).
- 223 Богуславский М. Письмо в редакцию // Правда. 1923. 20 декабря; Рафаил. Ответ тов. Сталину // Там же. 22 декабря.
- 224 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 27. Л. 116.
- 225 Там же. Л. 125. См. также статью Пятакова «В чем дело?» (Там же. Л. 126–135).
- 226 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 27. Л. 134. См. также статью Владимира Смирнова «О статье тов. Сталина и о “старой гвардии”» (Там же. Л. 135–142).
- 227 Правда. 1923. 18 декабря.
- 228 В постскриптуме к статье Троцкий отметил этот факт, но редакция объяснила задержку техническими трудностями. Историк Н. Петренко предположил, что уловку редакции разгадал Ленин. По словам очевидца, Ленин был разгневан и упрекал в чем-то ответственного секретаря «Правды» М. И. Ульянову (Петренко Н. Ленин в Горках — болезнь и смерть (Источниковедческие заметки) // Минувшее: Исторический альманах. Т. 2. М., 1990. С. 169).
- 229 22 декабря Троцкий отправил ответ партиячке вагонной мастерской московского участка Октябрьской железной дороги, в котором подчеркнул, что «величайшую опасность и для руководящего аппарата, и для массы рядовых членов» представлял «бюрократизм» (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 353).

- 230 *Троцкий Л.* Группировки и фракционные образования // Правда. 1923. 28 декабря.
- 231 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 377.
- 232 Далее в черновике было: «Нам нужно преемственное развитие, теоретическая традиция политики и организационных форм. Но в том то и суть, что скачки и потрясения оказываются тем более острыми, чем консервативнее и жестче аппарат, чем бюрократичнее подход...» (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 259. Л. 8).
- 233 *Троцкий Л.* Вопрос о партийных поколениях // Правда. 1923. 29 декабря.
- 234 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 328–342.
- 235 Если верить «Перечню резолюций, принятых по московским ячейкам», ячейка «курсов» в итоге поддержала Бухарина (Правда. 1924. 5 января).
- 236 См. главу IV, 1.
- 237 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 362.
- 238 Там же. С. 361–363.
- 239 Там же. С. 365.
- 240 Выделенное курсивом предложение было подчеркнуто в источнике, возможно, Каменевым (РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 66. Л. 36).
- 241 В июне 1923 г. Сталин предложил Антонову-Овсенко должность полпреда в Италии, а получив отказ, издевательски постановил ввести его в редколлегию журнала «Крестьянка» (*Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев». С. 317).
- 242 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 41.
- 243 *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев». С. 318, 320. С. А. Павлюченков не приводит ни единого аргумента в пользу этого старого обвинения, а далее фактически находит для себя «понятными мотивы Сталина по чистке командного состава Красной армии накануне войны» (Там же. С. 319).
- 244 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 13. Л. 318.
- 245 3 и 4 января 1924 г. в «Правде» вышла статья Молотова, полностью посвященная критике резолюции ячейки Штаба политического Управления, Штаба ЧОН и управления Военных сообщений МВО 14 декабря (*Молотов В.* Со ступеньки на ступеньку // Правда. 1924. 3 января, 4 января). Детальное рассмотрение документа и дискуссии вокруг него см. главы II, 2 и III, 1.
- 246 А. Зданович привел фактологическое опровержение конспирологической версии о подготовке Троцким «дворцового переворота» (*Зданович А.* «Теплая компания» «Красного Бонапарта». Был ли заговор военных в 1923 году? // Родина. 2008. № 12. С. 43–47). С. А. Павлюченков противоречит сам себе, рассуждая о коварных замыслах «военных оппозиционеров» и одновременно констатируя, что без санкции ЦК ни одно из воображаемых «планов» оппозиционеров не могло быть реализовано (*Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев». С. 322).
- 247 Резолюции // Правда. 1923. 19 декабря. А. В. Ракитин считал, что документ «противников ЦК» Антонов-Овсенко «отклонил» (*Ракитин А. В.* А. Ан-

- тонов-Овсеенко: Историко-биографический очерк. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1989. С. 292).
- 248 Впечатления участника собрания 16 партячек 1-ой объединенной военной школы имени ВЦИК // Правда. 1923. 21 декабря.
- 249 Бухарин в записке Троцкому 3 апреля 1923 г. аттестовал Дворжеца как «очень умного и, по-видимому, очень добросовестного товарища» и просил наркома расспросить его о болезненных явлениях в армии, в которых он был хорошо осведомлен. В ответ на просьбу Троцкого, Антонов-Овсеенко дал справку: «Тов. Дворжец, бывший Управдел Самарского Учредительского Правительства, является у меня ответственным секретарем (для особых поручений) с января с/г. Я чрезмерно удовлетворен его работой» (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 511. Л. 135–137). Историк Зданович считает, что Антонов-Овсеенко пытался удержать своего помощника от критики и написал резкое письмо Сталину под впечатлением опасений Дворжеца быть арестованным (Зданович А. «Теплая компания» «Красного Бонапарта». С. 45).
- 250 Антонов-Овсеенко приложил к письму рапорты указанных инспекторов ПУРа, а также сводку инспекторских поездок за ноябрь–декабрь 1923 г. (РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 64. Л. 77; 78–79) (здесь и далее приводятся номера страниц (листов) по очередности цитируемых фрагментов в тексте).
- 251 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 356; 355. Антонов-Овсеенко был вынужден защищаться на районной партконференции, в частности когда Зиновьев спросил, в чем состояли указанные «предрассудки». Он ответил, что из старой борьбы с Троцким большевики «вынесли определенное предубеждение по отношению к нему», а также в представлении о том, что «в борьбе с врагом все средства хороши» (Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г.... Л. 129). Пример того, как Антонов-Овсеенко мог воспевать большевизм в честь его 25-летия и при этом не упомянуть Троцкого, см.: Антонов-Овсеенко А. «Революционный держим шаг» // Политработник. 1923. 3–4. С. 1–2.
- 252 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 359.
- 253 10 лет спустя в письме Ярославскому он утверждал: «В оппозиции 23–27 годов я был примиренцем, а не активным фракционером. Старался примирить Троцкого и Сталина (“уговаривал” их). Защищал Троцкого, ибо опасался раскола партии (в чем искал опоры в так называемом “завещании Ленина»)» (цит. по: Ракитин А. В. Именем революции... (Очерки о В. А. Антонове-Овсеенко). М., 1965. С. 151).
- 254 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 377.
- 255 Любопытно, что Зиновьев использовал формулировку из черного варианта заявления Политбюро, в котором говорилось о «параллельном нелегальном для партии Московском комитете». В числе «пропагандистов» оппозиции были упомянуты Сапронов и Преображенский (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 28. Л. 62).

- 256 См. записку Рыкова с замечаниями к проекту заявления Политбюро 31 декабря (Там же. Л. 22).
- 257 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 38; Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 48.
- 258 Противопоставление «реформы» и «революции» — устойчивый мотив выступлений Каменева. «Тов. Троцкий вместо реформ предпочитал попытаться сделать в партии революцию», — скажет триумвир полгода спустя (Тринадцатый съезд РКП(б). С. 202).
- 259 XI Московская губернская конференция РКП(б). С. 36–57; Отредактированная версия: Содоклад т. Преображенского // Правда. 1924. 13 января.
- 260 XI Московская губернская конференция РКП(б). С. 64–67. Сталин назвал Рафаила «самым последовательным и самым законченным представителем нынешней оппозиции» (*Сталин И.* О дискуссии, о тов. Рафаиле, о статьях т.т. Преображенского и Сапронова и о письме тов. Троцкого // Правда. 1923. 15 декабря). Журнал «Красный перец» шутил: «Рафаил — в переводе с украинского означает: незаконопослушный. Если это слово прочесть наоборот, оно означает: “богуслав, потерявший бубен”» (Красный перец. 1924. № 18. С. 2). Под «богуславом» имелся в виду оппозиционер Богуславский.
- 261 Стенографический отчет Пленума ЦКК РКП(б). М., 1924 // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 21. Л. 95–96.
- 262 *Скоркин К. В.* Обречены проиграть. (Власть и оппозиция 1922–1934). М., 2011. С. 631.
- 263 Рукописные списки имен работников ОГПУ с указанием на их отношение к ЦК и оппозиции // РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 4. Д. 21. Л. 3–32, 39; *Троцкий Л. Д.* Преступления Сталина. М., 1994. С. 271.
- 264 Стенограмма заседаний пленума ЦК РКП(б) от 14–15 января 1924 года (с авторскими правками) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 107. Л. 61.
- 265 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 403–407.
- 266 Стенограмма заседаний пленума ЦК РКП(б) от 14–15 января 1924 года (с авторскими правками) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 108. Л. 212.
- 267 РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–5; Д. 105. Л. 1–11.
- 268 Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. М., 1924. С. 21–28.
- 269 Десятый съезд РКП (б). С. 573.
- 270 Тринадцатая конференция. С. 92–101, 112.
- 271 РГАСПИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.
- 272 *Гусев А. В.* Децисты — «пролетарская оппозиция» сталинизму // Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность: Материалы междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 3–4 ноября 2012 г.) М., 2014. С. 58.
- 273 *Иван Врачев (1898–1997)* был одним из немногих «троцкистов», которым удалось пережить все волны политического террора в СССР. В интервью в 1990 году Врачев так ответил на вопрос, к чему стремилась оппозиция:

- «Прежде всего, к возрождению демократии в партии — это основа основ. Мы выступали против назначенства, администрирования, против навязывания решений сверху и свертывания коллегиального руководства» («Я был сторонником Троцкого...» // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 96). О демократии см. в главе III, 1.
- 274 Стенограмма (неправленная) январского пленума ЦК РКП(б) 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 4. Л. 90.
- 275 Тринадцатая конференция. С. 127, 188.
- 276 *Троцкий Л.* Новый курс. М., 1924. С. 3–6.
- 277 РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 267. Л. 93.
- 278 Там же. Л. 102.
- 279 Там же. Л. 103, 108–109.
- 280 Возможно, как наиболее категоричные, были вычеркнуты такие фрагменты: «Как всякая машина, партийный аппарат неизбежно консервативен. Приводит эту машину в движение живая сила партии и руководимого ею класса. Толчки, которые идут снизу, в партийном аппарате принимают характер руководящих идей, лозунгов, политических заданий»; «В отчете ЦК 1922 г. указывалось на то, что среди старшего поколения много работников, которые не занимаются, не идут вперед и потому опережаются молодыми. Тогда такого рода свидетельства еще не были объявлены натравливанием молодежи на старую гвардию, так как это еще не вызывалось в тот момент потребностями кружковой борьбы. Но факт несомненный, хотя и печальный, что работа творческой мысли очень многих представителей старшего поколения все больше заменяется безапелляционной ссылкой на традицию, истолкование которой, конечно, составляет групповую прерогативу» (Там же. Л. 135–136).
- 281 Прибегая к метафоре ученичества, Троцкий вопрошал: «Исчерпывается ли ленинизм послушанием?» (*Троцкий Л.* Новый курс. С. 48).
- 282 На фабриках и заводах // Правда. 1924. 24 января. В то же время, согласно этому мини-репортажу, собрание 3-й типографии Транспечати, числившейся «оппозиционной», ограничилось траурной резолюцией.
- 283 *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. С. 171.
- 284 *Преображенский Е.* О нем // Правда. 1924. 24 января отклик Троцкого на фоне всех остальных выделялся малым объемом и отсутствием политической нагрузки (*Троцкий Л.* Ленина нет... // Правда. 1924. 24 января).
- 285 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 5.
- 286 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 92.
- 287 Если после съезда эти группировки не рассасываются, полагал Преображенский, «то это фракционный бред и уклон» (Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 109).
- 288 Общее представление о запутанной истории оглашения «Завещания Ленина» можно получить из книги В. А. Сахарова, версия которого, впрочем, тем менее аргументирована, чем более она отражает апологию

- Сталина (Сахаров В. А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М., 2003. С. 579–584).
- 289 Тринадцатый съезд РКП(б). С. 146. Любопытно, что Троцкий цитировал выступление Бухарина на районном собрании, что свидетельствует о культуре взаимного чтения большевистской верхушки.
- 290 Тринадцатый съезд РКП(б). С. 150–151.
- 291 Там же. С. 152.
- 292 Там же. С. 153, 155, 157.
- 293 Тринадцатый съезд РКП(б). С. 158–159.
- 294 Там же. С. 159, 163, 168.
- 295 Тринадцатый съезд РКП(б). С. 185, 193. Каменев заметил, что «речь тов. Преображенского была только продолжением речи тов. Троцкого, она была немного более откровенна, так как сказана менее опытным политиком» (Там же. С. 200).
- 296 Takiguchi J. Projecting Bolshevik Unity, Ritualizing Party Debate: The Thirteenth Party Congress, 1924 // *Acta Slavica Iaponica*. 2012. Т. 31. Р. 55–76.
- 297 См.: Троцкий Л. Д. Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года). Л., 1991; Corney F. Introduction: Anatomy of a Polemic / Corney F. (ed). *Trotsky's Challenge The «Literary Discussion» of 1924 and the Fight for the Bolshevik Revolution*. Leiden: Boston, 2015.
- 298 Чернявский Г. И. Лев Троцкий. С. 339.
- 299 Kotkin S. Stalin: Vol. I: Paradoxes of Power, 1878–1928. New York, 2014. P. 518.
- 300 Carr E. H. The Interregnum. P. 320.
- 301 Применительно к октябрю В. П. Вилкова пишет о «первом этапе дискуссии» (Вилкова В. П. От составителя // РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 20), а Д. С. Лоу — о «первом этапе борьбы Левого оппозиции» (Law D. S. The Left Opposition in 1923 // *Critique*. 1974. N 2. P. 38).

ГЛАВА II

- 1 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. / Отв. сост. В. П. Вилкова. М., 2004. С. 241.
- 2 Там же. С. 260.
- 3 Там же. С. 199. Ранее, 29 сентября 1923 г., Троцкий в ответном письме Ярославскому с «величайшим изумлением» объяснял, почему он не высказывается по вопросам «немецкой революции», а публикует статьи по вопросам литературы. Он подчеркнул, что написал статьи раньше, и прибавил: «Пока мы не начали открытой общей агитации [за революцию], статьи об искусстве, появляющиеся за моей подписью (причем враги не знают, когда они писались), являются весьма недурной маскировкой» (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 518. Л. 66). Судя по всему, это не убедило «старых товарищей».
- 4 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 13. Л. 101, 104; Троцкий Л. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М., 1923. Любопытно, что 4 июля Троцкий в письме своему помощнику ставил условие публикации статьи в дру-

- жественной «Красной нови» — в «наиболее короткий срок» (РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 13. Л. 145).
- 5 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 13. Л. 106.
- 6 Сами названия статей весьма показательны. См. по 2-му изданию (в скобках дата публикации в «Правде»): «Не о «политике» единой жив человек» (10 июля 1923), «Газета и ее читатель» (1 июля 1923), «Внимание к мелочам» (1 октября 1921), «Чтоб перестроить быт, нужно познать его» (11 июля 1923), «Водка, церковь и кинематограф» (12 июля 1923), «От старой семьи к новой» (13 июля 1923), «Семья и обрядность» (14 июля 1923), «Внимательность и вежливость как необходимая смазка бытовых отношений», также известная как «Кончик большого вопроса» (4 апреля 1923), «Борьба за культурность речи» (16 мая 1923), «Против просвещенного бюрократизма (а также и непросвещенного)» (14 августа 1923), «С какого угла подойти?» (17 августа 1923).
- 7 М. Нойманн замечательно сформулировал смысл кампаний: «Кампании были предназначены для достижения и закрепления определенных социальных, политических или экономических целей в ограниченном временном промежутке посредством интенсивной серии пропаганды, осуществленной профессиональными пропагандистами и добровольными активистами» (*Neumann M. The Communist Youth League and the transformation of the Soviet Union, 1917–1932. Abingdon, Oxon; New York, 2011. P. 104*).
- 8 Азаренко В. М. Большевицкая печать как инструмент внутрипартийной борьбы (1920–1928 гг.). Славянск-на-Кубани, 2008. С. 81.
- 9 Троцкий Л. Вопросы быта. 2-е изд. С. 5.
- 10 См.: Черновики с правкой Троцкого (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 262. Л. 65–128).
- 11 Kiaer C. *Imagine No Possessions: The Socialist Subjects of Russian Constructivism*. Cambridge, 2005. P. 53
- 12 Коммунистическая партия Великобритании опубликовала статью под заголовком «Man Does Not Live by Politics Alone» (*The Labour Monthly*. November 1923, Vol. 5, N 5. P. 259–268).
- 13 Троцкий Л. Не о «политике» единой жив человек // *Правда*. 1923. 10 июля.
- 14 Цит. по: Троцкий Л. Д. Не о «политике» единой жив человек. Отвечая некой Островской в письме 28 августа 1923 года, Троцкий сделал акцент на вопросе о кооперации: «Я совершенно согласен с Вами, что вопросы нового быта это на девять десятых вопросы кооперации. Коллективизация быта есть построение быта на кооперативных началах. Гибче и плодотворнее всего государство может воздействовать на быт, т. е. на его материальную основу через кооперативный аппарат. Жалею, что у меня не было тезисов Вашего прошлогоднего декабрьского доклада, когда я писал главу о семье. Надеюсь, однако, воспользоваться присланными Вами материалами в будущем. Может быть, удастся еще написать главу: быт и кооперация» (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 518. Л. 36).
- 15 Троцкий Л. Не о «политике» единой жив человек.

- 16 Тяжельникова В. С. «Военный синдром» в поведении коммунистов 1920-х годов // Военно-историческая антропология. М., 2002. С. 291–305.
- 17 Троцкий Л. Не о «политике» единой жив человек.
- 18 Важно и то, что Троцкий, призывая к большему «вниманию к бытовому факту», считал преждевременным прямое вмешательство государства и полагал, что необходимы «инициативные объединения и группировки» местного характера. Работа по преобразованию быта, писал он, «...не может не пройти через длительный период реформаторского “кустарничества”, которое в данных условиях будет играть прогрессивную роль» (Троцкий Л. Вопросы быта. С. 95).
- 19 Дойчер И. Троцкий: безоружный пророк. 1921–1929 гг. М., 2006. С. 182.
- 20 См., например: Carr E. H. *Socialism in one country*, 1924–1926. New York, 1960 (Глава «The Debate about Literature»).
- 21 В работах советских историков взгляды Троцкого на культуру удостоились следующих характеристик и ассоциаций: правый оппортунизм, меньшевизм, сменовеховство, нигилизм, капитулянтство, неверие и т. д. Происхождение взглядов Троцкого прямо выводилось из его дореволюционных работ и от «ревизионистов» II Интернационала. В. С. Павлов в своей диссертации, подводившей итоги изучения этой проблемы в советской историографии, заявил, что Троцкий, отрицавший возможность построения «пролетарской культуры», а также «социалистической культуры» в классовом обществе, даже отрицал, что переходный период является самостоятельной культурной эпохой. Еще более несуразно утверждение, что «троцкисты отрицали такую важнейшую функцию диктатуры пролетариата, как культурно-воспитательную» (Павлов В. С. Борьба Коммунистической партии против троцкизма по вопросам культурного строительства (1921–1927 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 68). В отношении историографии автор справедливо отметил, что «малоизученными» оставались «...вопросы борьбы с троцкизмом в области повышения общекультурного уровня трудящихся, ликвидации неграмотности, школьного строительства и по вопросам культурного строительства» (Там же. С. 28). Вклад Троцкого в изучение этих проблем совершенно не учитывался.
- 22 Wood E. A. *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*. Bloomington, 2000. P. 278.
- 23 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 241.
- 24 Троцкий Л. Кончик большого вопроса // Правда. 1923. 4 апреля.
- 25 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 195 (Заявление Петра Кутузова председателю собрания, 9 декабря 1923 г.).
- 26 Политический словарь. Краткое научно-популярное толкование слов. 2-е изд., доп. и испр. М., 1924. С. 336. Борис Эльцин, редактор сборника, был сторонником Троцкого.
- 27 См., например: РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 13. Л. 152, 180.
- 28 Троцкий Л. Д. Литература и революция. М., 1991.
- 29 Троцкий Л. . Пролетарская культура и пролетарское искусство // Правда. 1923. Любопытно, что Абрам Лежнев, оригинальный литературный кри-

тик из группы «Перевал», идейно наиболее близкой Троцкому и возглавляемой его сторонником Воронским, опубликовал статью, в которой обнаружил «предшественников» взглядов Троцкого на «пролетарскую культуру» в дискуссии по вопросам литературы, состоявшейся в социал-демократической прессе Германии в 1910–1912 годах (*Лежнев А.* Вопросы литературы и критики. М., 1926. С. 7–42).

- 30 О том, насколько разным могло быть восприятие работ Троцкого, можно судить по его письму Адольфу Иоффе 21 апреля 1924 года. Троцкий писал, что английский перевод «Вопросов быта», сделанный Зинаидой Венгеровой с его согласия, был сопровожден предисловием Николая Минского, которым автор был возмущен: «...он меня довольно неуклюже гриммирует (sic!) под “социального реформатора” во вкусе английского мещанства. Мою критику кружково-утопической постановки вопроса о пролетарской культуре он пытается истолковать в роде как бы моего примирения с буржуазной культурой» (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 522. Л. 154а).
- 31 Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 1. М., 1990. С. 81; РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 513. Л. 161.
- 32 *Троцкий Л.* Водка, церковь и кинематограф // Правда. 1923. 12 июля; РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 123–124; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 607. Л. 80–86.
- 33 РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 513. Л. 165–166.
- 34 Там же. Д. 518. Л. 12–13. В письме Пятакову Троцкий, уточняя его позицию по этому вопросу, закончил письмо словами: «Не хочу верить, будто Вы записались в цех революционных хриstopродавцев» (Там же. Л. 11). Письма Рыкову и Семашко были более формальными, а дружественному Серебрякову Троцкий предложил выявить отношение «руководящих элементов» профсоюзов и самому «черкнуть несколько слов» (Там же. Л. 16).
- 35 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 124. В письме Зиновьеву Сталин писал, что «некоторые товарищи ищут “удобного” повода для очередного шума», а Преображенский якобы сказал Сольцу, что «дело может дойти до раскола» (Там же. С. 123).
- 36 РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 518. Л. 31.
- 37 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 410.
- 38 РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 518. Л. 43.
- 39 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 25. Л. 170.
- 40 Троцкий писал: «Только решительный протест внутри ЦК и за его пределами приостановил эту попытку... Однако мысль о дальнейшей легализации водки Центральным Комитетом не отвергнута до сих пор. <...> Попытка превратить отрицательное отношение к легализации водки чуть ли не в преступление против партии и удаление из редакции центрального органа товарища, требовавшего свободы обсуждения этого гибельного плана, останется навсегда одним из самых недостойных моментов в истории партии» (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 161).

- 41 РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 535. Л. 891. Троцкий прочел лекции студентам Комуниверситета в мае–июне 1923 года (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 108).
- 42 Красный перец. 1924. № 18. С. 2. Секретарь Уральского бюро ЦК Харитонов писал Зиновьеву: «Со всех концов сообщают о прибытии свердловцев, которые всюду выступают за оппозицию. Эту силу нельзя недооценить» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 29. Л. 70).
- 43 Херсонская Е. (старшая). Дискуссия о быте в клубах // Коммунистическое просвещение. 1923. № 12. С. 89, 92.
- 44 «Наиболее благодатную почву статьи тов. Троцкого и призывы к практическому строительству нового быта нашли в рядах трудящейся молодежи. Почти каждая ячейка, каждый коллектив [Коммунистического союза] молодежи провели по крайней мере два или три собрания молодежи, где после обсуждения статей и после заслушивания докладов выносились резолюции и постановления о штрафах за ругательство, курение табаку и т. д.» (За новый быт // Известия. 1923. 3 октября).
- 45 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 15. Л. 131.
- 46 Правда. 1923. 18 ноября. С 1925 года Лелевич принадлежал к «новой» («ленинградской») оппозиции, был исключен из партии в 1928 г.
- 47 Григоров Г. Повороты судьбы и произвол. С. 329–330.
- 48 Красный студент. 1923. № 5–6; Октябрь мысли. 1923. № 6.
- 49 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 18. Л. 23, 25.
- 50 РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 518. Л. 45.
- 51 Карпинский В. Коренный вопрос эпохи «культурничества» // Правда. 1923. 12 июля. Не меньшей рекламой стала статья в главной государственной газете: Литовский О. Вопросы быта // Известия. 1923. 17 августа.
- 52 РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 273. Л. 33, 36, 42.
- 53 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 54. Л. 33; Троцкий Л. Д. . Сочинения. Т. XXI. Культура переходного периода. М.; Л., 1927. С. 365.
- 54 РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 273. Л. 119, 118.
- 55 Коммунистическое просвещение. 1923. № 12. С. 228.
- 56 Херсонская Е. (старшая). Дискуссия о быте в клубах // Коммунистическое просвещение. 1923. № 12. С. 89.
- 57 Лебедев Дм. Опять о быте // Рабочая газета. 1923. 12 июля.
- 58 Троцкий Л. Вопросы быта. С. 4.
- 59 РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 569. Л. 266.
- 60 В. Н. Вопросы быта (С чего начать) // Пролетарий. Ежемесячник Пермского Губкома. 1923. № 9–10. С. 10.
- 61 Лебедь Д. З. О быте // Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов / Под ред. А. А. Гусейнова и др. М., 1989. С. 297, 304.
- 62 При этом Мануильский посчитал правильным называть эпоху «культурнической», так как «...она будет и эпохой органического строительства коммунизма в тех странах, где пролетариат победит, но и эпохой гражданских войн и войн международных...» (Мануильский Д. З. Мысль вскользя о революции и чадающем быте // Партийная этика. С. 355). Впервые статья была опубликована 12 сентября в украинском журнале «Коммунист».

- 63 Е. З. В партийном клубе // Советская Сибирь. 1923. 11 ноября.
- 64 Демидов В. В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929. Новосибирск, 1994. С. 18.
- 65 Турицын И. В. Кадровая политика РКП(б) и периодическая печать (1921–1925 гг.). Армавир, 1998. С. 108. О «пустосвятстве» Троцкий писал в статье «С какого угла подойти» (Правда. 1923. 17 августа).
- 66 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 18. Л. 91–93.
- 67 Wood E. A. The Baba and the Comrade. P. 188–189.
- 68 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 18. Л. 42.
- 69 Виноградская П. Вопросы быта // Правда. 1923. 26 июля.
- 70 Троцкий Л. Против просвещенного бюрократизма (а также и непросвещенного) // Правда. 1923. 14 августа.
- 71 Письмо тов. Троцкого Отделу работниц ЦК РКП в день торжественного заседания // Коммунистка. № 12. 1923. С. 1. Следует отметить, что на страницах журнала в аналогичной форме выступили Зиновьев и Сталин.
- 72 Троцкий Л. Д. Письма из ссылки. М., 1995. С. 40; Фрезинский Б. Троцкий. Каменев. Бухарин. Избранные страницы жизни, работы и судьбы. М., 2015. С. 130–131. Учившийся с Виноградской в Институте красной профессуры Григоров утверждает: она «...считала, что в большевистской партии любая оппозиция заведомо обречена на поражение. Ее холодный рассудок отвергал все попытки, направленные на поддержание демократических норм в партии» (Григоров Г. Повороты судьбы и произвол. Воспоминания. Кн. 2. 1928–1972 гг. СПб., 2010. С. 23).
- 73 Троцкий Л. Вопросы быта. 2-е изд. М., 1923. С. 3. Первое издание «целиком разошлось» за два месяца, сообщали Троцкому из издательства (РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 13. Л. 142).
- 74 Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 183–191.
- 75 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 18. Л. 146–150, 159–160.
- 76 О жанре «писем во власть» см.: Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010. С. 22–43.
- 77 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 18. Л. 96–97.
- 78 Там же. Л. 26–27. Скорее всего, это Я. Н. Трахтман, прославившийся вскоре книгами по врачебно-санитарному просвещению.
- 79 РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 267. Л. 43.
- 80 Быт Красной армии и флота (По докладу т. Павловского) // Политработник. 1923. № 11. С. 173.
- 81 Дворжец Я. О Политсоставе // Политработник. 1924 № 1. С. 108–114.
- 82 См. список: Мищенко М. Партийно-политическая работа в Красной армии. Систематический указатель литературы за 1918–1928 гг. М.; Л., 1928. С. 28, 35–38.
- 83 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 18. Л. 145.
- 84 Там же. Л. 101–102.
- 85 См.: Правда. 1923. 24 июля.

- 86 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 18. Л. 59.
- 87 Там же. Л. 60–61. В одной из статей Троцкий дал своеобразный ответ на такую веру в свой авторитет: «Я уже упоминал о том, что “Рабочая газета” складывается почему-то поперек, а не вдоль (теперь это как будто изменено?)» (*Троцкий Л.* Против просвещенного бюрократизма (а также и непросвещенного) // Правда. 1923. 14 августа). Через год, выступая перед рабкорами, Троцкий дал ответ и на описанную проблему: «Рабкор написал о беспорядках и ждет — и ждет, чтоб их устранили. Но их не устраниют сразу. Вот тут-то и открывается только настоящее поле деятельности для рабкора. Самое простое после неудачи — махнуть рукой. Но рабкор-боец поступает иначе» (*Троцкий Л.* О критике и обличениях // Правда. 1924. 14 августа; РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 245. Л. 35).
- 88 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 17. Л. 334.
- 89 Старый и новый быт / Под ред. В. Г. Тан-Богораз. Л., 1924. С. 9. Богораз рассылал письма с просьбами о материальной помощи всем возможным адресатам.
- 90 РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 273. Л. 13. Авторы письма просили статью к 5 января 1924 г., но Троцкий получил его лишь 7 января.
- 91 Там же. Л. 13–14.
- 92 РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 518. Л. 20.
- 93 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 13. Л. 121.
- 94 Там же. Д. 54. Л. 185.
- 95 *Троцкий Л.* Искусство революции и социалистическое искусство // Правда. 1923. 29 сентября.
- 96 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 54. Л. 160. К этим вопросам Троцкий обратился вновь не ранее мая 1924 года, когда, вернувшись после длительного лечения, он выступил на совещании при ЦК РКП(б) по вопросам литературы (*Троцкий Л.* О художественной литературе и политике РКП // Печать и революция. 1924. Кн. 3. С. I–XIV).
- 97 *Зиновьев Г.* Новые задачи партии // Правда. 1923. 7 ноября.
- 98 Правда. 1923. 7 декабря.
- 99 *Троцкий Л.* Новый курс // Правда. 1923. 11 декабря.
- 100 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 240. Л. 22.
- 101 ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 874. Л. 36–36об.
- 102 *Бродянский Б.* Грани быта // Красный студент. 1923. № 11–12. С. 27–28.
- 103 *Бродянский Б.* От пассивной критики к активной работе // Там же. № 9–10. С. 32–33.
- 104 ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 175. Л. 1. Впоследствии Бродянский станет сценаристом и кинокритиком, заслуженным деятелем искусств Белорусской ССР (1935).
- 105 Материалы по самообразованию. Троцкий — Вопросы быта. Баку, 1924. С. 5.
- 106 *Троцкий Л.* Вопросы культурной работы. М., 1924. См. письма Троцкого в редакции газет в 1924 году (РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 32. Л. 8, 11, 13, 15, 18, 20, 27, и др.). В начале лета 1924 года доклад Троцкого «О новом быте

- и задачах деревенской молодежи» был издан отдельной брошюрой и, как сообщал секретарь редакции Юношеского отдела издательства «Новая Москва» в письме 25 октября 1924 года, «книжка моментально разошлась» (РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 30. Л. 36).
- 107 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 30. Л. 33.
- 108 Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. М., 2015. С. 75. Н. Б. Лебина ссылается на публикацию в журнале «Смена» (1926. № 3. С. 8). Политическая благонадежность этого комсомольского печатного издания в 1926 году не подлежала сомнению.
- 109 ЦГАИПД СПб. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. Л. 10, 12об.
- 110 Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1274. Л. 11, 14.
- 111 Albert G. «German October is approaching»: Internationalism, activists, and the Soviet State in 1923 // *Revolutionary Russia*. December 2011. Vol. 24, N 2. Любопытно, что в предисловии к своей новой книге «Поколение Октября», опубликованной в разгар борьбы в верхах 18 октября, Троцкий сослался на провинциальную партийную газету, в которой говорилось о неуместности занятий «вопросами быта» перед лицом исторических событий в Германии. Троцкий утверждал обратное (цит. по: *Троцкий Л. Д. Сочинения*. Т. XXI. С. 343).
- 112 Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 18.
- 113 См.: *Figes O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven, 1999. Ch. 3 (The Cult of the Leader); *Колоницкий Б. И. Керенский как «новый человек» и новый политик: к генеалогии культа личности // Человек и личность в истории России, конец XIX–XX век: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 года)*. СПб., 2013. С. 262–274.
- 114 См. в первую очередь: *Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе*. М., 2011.
- 115 Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика». С. 16–17.
- 116 Политический словарь. Краткое научно-популярное толкование слов. М., 1922. С. 11.
- 117 Стенограмма общего собрания бюро ячеек Московской организации РКП(б) 11 декабря 1923 г. ... Л. 71; Выступая в Калуге 22 февраля 1924 года, Калинин указал на роль «авторитетного возглавления» оппозиции Троцким (цит. по: *Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа*. М., 2000. С. 112).
- 118 Доклад Каменева в Военной академии... Л. 53.
- 119 *Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство*. С. 81; 51; 91. Любопытно, что на X съезде Троцкий получил 452 голоса, в то время как Сталин 458 и Ленин 479 (*Halfin I. Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928*. Pittsburgh, 2007. P. 344–345).
- 120 Цит. по: Дискуссия на местах // *Правда*. 1923. 22 декабря. Секретарь Новониколаевского губкома Заславский выражал такие же взгляды в закрытом письме Сталину в декабре 1923 года: «До сих пор сторонников

- Преображенского и Ко не было, вот если будет ответ Троцкого, это сумеет обнаружить неустойчивую публику. Преображенский сам по себе, разумеется, никого не сплотит» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 251. Л. 48).
- 121 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 20.
 - 122 Демидов В. В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929. Новосибирск, 1994. С. 102. Член ЦК Чехословацкой компартии Карл Крейбих, лично общавшийся с Троцким и Радеком в Москве, после XIII съезда РКП(б) написал статью для газеты «Форвертс», в которой выделил два момента «дисциплинированного действия»: первое — это «собственное убеждение, основанное на знании дела», второе — «подчинение авторитету, в данном случае партии». Крейбих свел «точку зрения оппозиции» к защите первого (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 210).
 - 123 Дискуссия на местах // Правда. 1924. 6 января.
 - 124 Приложение к обзору о внутрипартийной дискуссии в частях ВСВО // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 439. Л. 102об.
 - 125 Канатчиков С. История одного уклона. 5-е изд. Л., 1925. С. 6.
 - 126 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 205. Л. 27.
 - 127 Там же. Д. 207. Л. 2–5.
 - 128 Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 31.
 - 129 Наша партия и оппортунизм // Правда. 1923. 13 декабря; Вязьмитинова И. П. Дискуссии 1920-х годов и формирование сталинской вертикали власти // Россия в многополярном мире. Ульяновск, 2010. С. 134.
 - 130 Сталин И. О дискуссии, о тов. Рафаиле, о статьях т.т. Преображенского и Сапронова и о письме тов. Троцкого // Правда. 1923. 15 декабря. В своей контркритике Рафаил заметил, что секретарь ЦК «самое авторитетное лицо в партийных делах», поэтому он может «уничтожить» противника своим «авторитетом» (Рафаил. Ответ тов. Сталину // Правда. 1923. 22 декабря).
 - 131 Письмо петроградской организации членам нашей партии // Правда. 1923. 18 декабря.
 - 132 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 350.
 - 133 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 52.
 - 134 Встречались даже резолюции в поддержку ЦК, но с довольно резкими протестами «против статей как т. Сталина, так и т. Троцкого, которые дают пищу не партии, а контрреволюции» (Резолюция ячейки Высших политпросвет курсов 16 декабря 1923 г. // ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 11. Д. 85а. Л. 201).
 - 135 Обзор деятельности и состояния работы Московской организации за 1923 год // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 243. Л. 92.
 - 136 Протокол № 20 общего собрания ячейки РКП(б) при НКП 8 и 14 декабря 1923 г. // ЦГА Москвы. Ф. 1934-П. Оп. 1. Д. 6. Л. 26об.
 - 137 Там же. Л. 30об.–31; Д. 8. Л. 6.

- 138 Там же. Ф. 67-П. Оп. 1. Д. 230. Л. 83.
- 139 Протокол // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 207. Л. 77об.; *Гарнюк С. Д.* Московская власть. Очерки истории партийных и советских органов. Март 1917 — октябрь 1993. М., 2014. С. 166; Протокол № 69 общего закрытого собрания коллектива РКП(б) ГИМЗ 20 декабря 1923 года // ЦГАИПД СПб. Ф. 1850. Оп. 1. Д. 4. Л. 70–73об.; Правда. 1924. 5 января.
- 140 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 29. Л. 28. Среди подписавшихся под этой статьей был Федор Дингельштедт, о котором пойдет речь в главе, посвященной оппозиции в Хамовниках.
- 141 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 5 января 1924 г. ... Л. 24. Троцкий впоследствии вспомнил о Каменском только в одном качестве — как автора направленной против него статьи в «Правде», «за кулисами» которой, по его мнению, стоял Сталин (*Троцкий Л. Сталин.* Т. 2. М., 1990. С. 73). Однако в 1923 году Каменский, как показывает его рукопись статьи для «Правды», безусловно был на стороне оппозиции (*Каменский А.* Еще об аппарате и «аппаратчиках» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 29. Л. 51). Любопытно, что основным объектом полемики он избрал Бубнова, а в подтверждение своих слов цитировал Сталина.
- 142 РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 66. Л. 12, 29.
- 143 Правда. 1923. 29 декабря. Как сообщалось в том же номере, в Ярославле было принято схожее решение.
- 144 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 29. Л. 70.
- 145 Стенограмма Рогожско-Симоновской районной конференции РКП(б) 3–6 января 1924 г. ... Л. 39. После этого в аудитории раздалось шумное негодование: такие слова было слышать еще более оскорбительно от оратора, который честно сообщил о своем меньшевистском прошлом (16 лет в Бунде).
- 146 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 39.
- 147 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 96. Ср.: «Он резко выраженный индивидуалист. Это вы все знаете. Это дает ему силу в некоторых вопросах, но это является его ахиллесовой пятой» (Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 83).
- 148 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 143. Отличие от Ленина, по словам Зиновьева, состояло в невозможности озвучить колебания по тем или иным вопросам, так как Троцкий «сейчас же за это проберет вас песком и скажет, что вы бесхарактерный человек...» (Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 97).
- 149 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 83.
- 150 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 51.

- 151 Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стеногр. отчет. М., 1963. С. 170.
- 152 Доклад Каменева в Военной академии... Л. 46; 40.
- 153 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 211.
- 154 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 84; 73.
- 155 Росмер вспоминал, что возвращавшиеся в Москву коммунисты просили его рассказать о слухах Троцкому (*Rosmer A. Moscow under Lenin. New York; London, 1973. P. 207*).
- 156 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 28. Л. 59. Это предложение стояло между следующими: «Заслуг тов. Троцкого во время гражданской войны никто не думает отрицать» и «Но нельзя отрицать и того, что Красной Армией руководил ЦК партии, как целое» (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 376).
- 157 Стенограмма Рогожско-Симоновской районной конференции РКП(б) 3–6 января 1924 г. ... Л. 7; Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 41.
- 158 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 129; РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 355; Материалы о партийной дискуссии в Красной армии (Сводка ПУРа от 9 января 1924 года) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 477. Л. 42.
- 159 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 40. «Уберите кого хотите из ЦК, — говорил далее член ЦК Радек, — но вы должны усилить группу, способную быть мостом между вами и тов. Троцким...» (Там же. Л. 42).
- 160 Если доверять сведениям информатора Петроградского райкома, — 44-летний Митрофанов, бывший офицер, вступивший в партию в 1918 году и учившийся в Военно-топографической школе; помимо этого выступал «за группировки и фракции» (Список членов РКП(б) Петроградского района — сторонников оппозиции // ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 175. Л. 6).
- 161 Протокол № 29 общего собрания членов и кандидатов РКП(б) коллектива отдельного дивизиона подлодок 22 декабря 1923 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 874. Л. 32об.
- 162 Материалы о партийной дискуссии в Красной армии (Сводка ПУРа от 3 января 1924 года) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 477. Л. 64.
- 163 Материалы о партийной дискуссии в Красной армии (Сводка ПУРа от 18 января) // Там же. Л. 15.
- 164 Рожков А. Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 451. А. Ю. Рожков процитировал «совершенно секретную» телеграмму Троцкого военному командованию, к сожалению, без указания даты, но откровенно характеризующую если не опасение «бунта», как считает историк, то отсутствие общепризнанного «культа» военного ведомства уже до смерти Ленина: «Немедленно создайте секретно тройки для принятия всех

необходимых мер к предотвращению антисоветских выступлений...» (Там же. С. 445).

- 165 Пора прекратить. Ответ слушателей Свердловского университета, курсов секретарей укомов, красной профессуры, Социалистической академии, Свердловского рабфака и академии генштаба РККА (На открытое письмо студентов ВУЗов и рабфаков тов. Троцкому) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 51.
- 166 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 80.
- 167 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 25. В этой связи Каменеву было необходимо высказаться и по вопросу о форме критики, прозвучавшей в адрес Троцкого, в первую очередь из Петрограда и ЦК (Зиновьева и Сталина): «...не сбивайте вопроса о том, есть ли ошибка к вопросу о том, каким голосом было сказано об этой ошибке. Голосом было сказано грубым, а ошибка была. (Голос: «была»). Тогда зачем же болтать о голосе» (Там же. Л. 26).
- 168 Заключительное слово тов. Преображенского // Правда. 1924. 15 января; Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 145.
- 169 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 198. Для Осинского было важно подчеркнуть, что Троцкий первым поставил вопрос о замене продаэверстки про-дIALOGом (Там же. Л. 197).
- 170 Стенограмма Рогожско-Симоновской районной конференции РКП(б) 3–6 января 1924 г. ... Л. 43. В 1925 году Полонский получил должность секретаря Рогожско-Симоновского райкома.
- 171 Доклад Каменева в Военной академии... Л. 39.
- 172 Протокол № 14 общего собрания коллектива Эстонского педагогического института и рабфака 20 декабря // ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 874. Л. 35. Не известно, сколько голосов было отдано за это предложение, но в ячейке в целом, по данным Василеостровского райкома, за резолюцию ЦК и ЦКК голосовали 53 партийца, против 13 и 3 воздержались (Сводка о ходе дискуссии о внутрипартийной демократии по В. О. району // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 4879. Л. 56).
- 173 Протокол общего собрания членов и кандидатов партии коллектива Петроградского государственного университета 20 декабря 1923 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 874. Л. 29.
- 174 См.: Протокол неустановленного собрания в большой провинциальной парторганизации // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 204. Л. 137; *Halfin I. Intimate Enemies*. P. 128.
- 175 Стенограмма Рогожско-Симоновской районной конференции РКП(б) 3–6 января 1924 г. ... Л. 50.
- 176 Резолюция // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 204. Л. 114.
- 177 Призыв вышел из ячейки Госстраха, находящейся в «оппозиционном» Хамовническом районе (см.: Резолюции // Правда. 1923. 23 декабря).

- 178 Лозовский — Зиновьеву и Сталину 8 января 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 89. Л. 119.
- 179 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 66. Возможно, для Ротштейна это было важно в большей степени потому, что он занимался «осуществлением непосредственных контактов НКВД с нарождающимися организациями культурной дипломатии и пропаганды» (*Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015. С. 72).
- 180 РГАСПИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 11. Л. 92 (Ячейка при Высшей Тактическо-Стрелковой Школе имени III-го Коминтерна).
- 181 Сводка Политического Управления Реввоенсовета СССР № 200 26 января 1924 года // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 477. Л. 9.
- 182 Что говорят рабочие? (Из разговоров в Доме Союзов) // *Рабочая Москва*. 1924. 25 января (цит. по: *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. С. 207).
- 183 Стенограмма VII партийной конференции Василеостровского района 17–18 апреля 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5410. Л. 66.
- 184 Закрытое письмо секретаря Орловского губкома Разумова секретарю ЦК Сталину // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 254. Л. 34.
- 185 Протокол заседаний XI Московской губернской партконференции 10–12 января 1924 г. // ЦГА Москвы. Ф. 3-П. Оп. 5. Д. 1. Л. 5.
- 186 См. ответы на приглашения Сокольнической и Краснопресненской конференций (РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 51. Л. 227–228).
- 187 Подвойский в своем дневнике за 1924 год оставил следующую запись: «Троцкизм опасно быстро растет... Им питается комсомол и несоюзное юношество, пионеры, начальные школы, фабзавучи, рабфаки и вузы» (цит. по: *Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. Книга Третья: Оппозиционер. 1923–1929 гг. М., 2013. С. 113–114).
- 188 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 41. Л. 58–61. Примечательно, что Наркомпрос посчитал не целесообразным присваивать имя Троцкого, «так как рабфак этот не состоит в числе лучших рабфаков и не находится на достаточной высоте, чтобы с достоинством носить имя тов. Троцкого». Письмо было подписано оппозиционеркой Яковлевой (Там же. Л. 48).
- 189 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 55. Л. 23.
- 190 Стенограмма II Пермской Окружной Конференции 18–20 апреля 1924 года // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.
- 191 Стенограмма III Пермской окружной конференции РКП(б) 28 ноября — 1 декабря 1924 года // Там же. Д. 3. Л. 25.
- 192 ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5378. Л. 39.
- 193 XIV съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1926. С. 318.
- 194 *Троцкий Л.* Моя жизнь. С. 146.
- 195 Там же. С. 148.
- 196 Бюллетень Краснопресненской районной конференции РКП(б). № 1. М., 1924. С. 2; ЦГА Москвы. Ф. 3-П. Оп. 5. Д. 43. Л. 62, 64.
- 197 ЦГА Москвы. Ф. 63-П. Оп. 1. Д. 144. Л. 1.

- 198 ЦГА Москвы. Ф. 67-П. Оп. 1. Д. 248. Л. 1–4.
- 199 Резолюции // Правда. 1923. 22 декабря.
- 200 См.: *Фицпатрик Ш.* «Срывайте маски!» С. 41–86.
- 201 *Getty J. A.* Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition. New Haven, 2013. P. 159.
- 202 *Троцкий Л.* Новый курс // Правда. 1923. 11 декабря; РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 267. Л. 195.
- 203 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 73; *Демидов В. В.* Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929. Новосибирск, 1994. С. 26.
- 204 Протокол № 15 общего собрания ячейки РКП 1-ой Государственной обувной фабрики «Парижская коммуна» 16 ноября 1923 г. // ЦГА Москвы. Ф. 67-П. Оп. 1. Д. 223а. Л. 55.
- 205 В протоколе была указана фамилия Вугман. Возможно, это Самуил Юльевич Вугман, закройщик на фабрике кожгалантереи, который, по данным «Мемориала», был расстрелян 8 октября 1936 г. в Москве.
- 206 Протокол № 15 общего собрания ячейки РКП 1-ой Государственной обувной фабрики «Парижская коммуна» 16 ноября 1923 г. // ЦГА Москвы. Ф. 67-П. Оп. 1. Д. 223а. Л. 55об.
- 207 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 475. Л. 21об.
- 208 Далее Радек сказал: «Никогда не брал я на себя никакого (sic!) роли буфера. В политических вопросах занимаю позицию ясную, а если идет упрек о буфере, то он только может быть упреком со стороны товарищей, которые хотят, чтобы фракция была ясно очерчена» (Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 130).
- 209 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 45.
- 210 Стенограмма общего собрания бюро ячеек Московской организации РКП(б) 11 декабря 1923 г. ... Л. 26; Речь тов. Рафаила // Правда. 1924. 15 января.
- 211 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 342.
- 212 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 206. Именно по вопросу о плане у Радека, по его словам, не было «...никого примиренчества. Я хочу в этом вопросе открыто стать в явной оппозиции, и тут если хотите назвать меня оппозицией — делайте одолжение» (Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 123).
- 213 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 41.
- 214 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 57.
- 215 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 5 января 1924 г. ... Л. 32–34.
- 216 ЦГА Москвы. Ф. 192-П. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

- 217 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 98.
- 218 Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. М., 1924. С. 112.
- 219 Бюллетень VIII-й Кубано-Черноморской Областной конференции РКП(б). № 2. 29 апреля — 4 мая 1924 г. [Б.м.,] 1924. С. 18.
- 220 В своих воспоминаниях Павлов утверждал, что именно Герман ознакомил его с текстом «Заявления сорока шести», причем это случилось летом 1924 года, когда оба они боролись за соблюдение прав рабочих на заводе (*Павлов И. М. 1920-е: Революция и бюрократия. Записки оппозиционера*. СПб., 2001. С. 40–41).
- 221 Бюллетень VIII-й Кубано-Черноморской Областной конференции РКП(б). С. 48.
- 222 Герман не ограничился этим вопросом, перейдя к правам критики (Аболин не остался в долгу: «Товарищ Герман почему-то думает, что оппозиция должна быть однородной, т. е. если меня бьют по правилам французской борьбы 5 человек, — это значит меня бьют по-настоящему, а если один боксирует, другой бьет по-иному, — это не называется — бить меня... То, что был разнородной в рядах оппозиции, не говорит о том, что не было оппозиции. Сейчас многие товарищи... отрешиваются от оппозиции» (Там же. Л. 62).
- 223 Протокол общего собрания членов и кандидатов партии коллектива Петроградского гос. университета 20 декабря 1923 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 874. Л. 28.
- 224 Закрытое письмо секретаря Саратовского губкома за ноябрь — декабрь 1923 года // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 264. Л. 78об.
- 225 По словам автора, «преображенец» выдвигал требование выборности начальников партийного строительства и расширения прав дивизионных партконференций, а «троцкист» выборность отрицал (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 439. Л. 69об.).
- 226 Затем, согласно приведенным секретарем выдержкам, во время выступления в Симбирске студент-свердловец Филипп Ксенофонтов сказал: «Или: ты за доверие ЦК или нет, ты за резолюцию ЦК — или нет. Так ставить вопрос — это значит кастрировать нашу дискуссию» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 284. Л. 203). Любопытно, что вскоре Сталин использует книгу двадцатилетнего Ксенофонтова для своей первой «теоретической» работы о «ленинизме», поблагодарит его, но запретит ссылаться на его письма. В годы «Большого террора» Ксенофонтов погибнет (*Kotkin S. Stalin. P. 544–545*).
- 227 Протокол № 1 заседания Исполбюро совместно с парторганизаторами и ответственными руководителями парткружков 9 января 1924 г. // ЦГА Москвы. Ф. 459-П. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.
- 228 Резолюции // Правда. 1923. 23 декабря.
- 229 На X съезде это понятие употреблялось без кавычек в резолюции «Рабочей оппозиции» (Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стеногр. отчет. М., 1963. С. 529).

- 230 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 88. Сратник Сапронова по фракции децистов выражал сожаление, что «мы совершенно отвыкли уважать мнение своего товарища, инакомыслящего и относиться к нему с товарищеским доверием» (*Бык И. К. порядку* // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 27. Л. 87).
- 231 Партийная дискуссия и московская организация // Правда. 1923. 25 декабря.
- 232 Ленин В. И. Кризис партии // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 42. М., 1970. С. 243.
- 233 Правда. 1923. 29 декабря.
- 234 Там же. Скорее всего, эта формула была заимствована из статьи Сталина, в которой он сказал о «блоке» Троцкого с «демократическими центристами и частью левых коммунистов» (*Сталин И. О дискуссии...* // Правда. 1923. 15 декабря). В одной из неопубликованных в «Правде» статей автор-оппозиционер, критикуя статью Сталина, писал: «Конечно, оппозиция является сейчас “блоком”, включающим в себя довольно разнокалиберные элементы. Но если взять главное ядро, тт. Пятакова, Преображенского, Сапронова, Рафаила и др., то название “обиженных сапожников” по отношению к ним является совершенно неуместным» (*Пестковский С. По поводу письма т. Сталина* // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 27. Л. 73).
- 235 Цит. по: Демидов В. В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. С. 37.
- 236 Цит. по: Вязьмитинова И. П. Дискуссии 1920-х годов... С. 133.
- 237 ЦГА Москвы. Ф. 3-П. Оп. 11. Д. 85а. Л. 204.
- 238 Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стеногр. отчет. М., 1963. С. 497–498.
- 239 Красный перец. 1924. № 18. С. 2.
- 240 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 106–107.
- 241 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 284. Л. 135.
- 242 Стенограмма совещания актива Краснопресненского райкома РКП(б) 8 декабря 1923 года // ЦГА Москвы. Ф. 69-П. Оп. 1. Д. 138. Л. 33.
- 243 Бюллетень Краснопресненской районной конференции РКП(б). № 1–2. 4 января 1924 года. М., 1924. С. 5.
- 244 В научной литературе отмечается, что «махаевщина» была лишь одной из многих форм антиинтеллигентских настроений в дореволюционной России (см., например: Колоницкий Б. И. Интеллигент конца XIX — начала XX века: Проблемы идентификации (К постановке вопроса) // Социальная история: Ежегодник. 2010. СПб., 2011. С. 9–42).
- 245 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 52, 66; Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 97.
- 246 Список членов РКП(б) Петроградского района — сторонников оппозиции // ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 175. Л. 6.
- 247 Агентурно-осведомительная сводка ОПК ГПУ № 2 за 28 декабря 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 318. Л. 61об.

- 248 РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 84. Л. 4.
- 249 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 5 января 1924 г. ... Л. 32.
- 250 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 30. Рабочий с фабрики «Каучук» в своем эмоциональном выступлении отразил противоречивое восприятие политики через «классовую» оптику: «Мы все члены партии, я рабочий и вузовец тоже рабочий (голос: “не всегда”), а если не рабочий, то таких нужно выбрасывать» (Там же. Л. 97).
- 251 Там же. Л. 45. В неопубликованной «Правдой» статье М. Щукаря «О трех мыслях товарища т. Троцкого и одним поклёпе трех товарищей», под которой подписались еще 17 человек, также утверждалось, что Троцкий говорил «о молодежи, прошедшей через всю гражданскую войну» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 29. Л. 28).
- 252 Первое и второе мнение соответственно: *Service R. Trotsky: a Biography*. Cambridge. Cambridge, 2009. P. 308; *Halfin I. Intimate Enemies*. P. 328.
- 253 Заключительное слово Л. Б. Каменева в Университете им. Свердлова... Л. 23.
- 254 Там же. Л. 25.
- 255 *Истер Д. М. Советское государственное строительство: Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России*. М., 2011.
- 256 Крупнейший историк патрон-клиентских отношений А. Манчак употребляет понятие «хромая дружба», чтобы подчеркнуть неравный характер между патроном и клиентами (*Mączak A. Nierówna przyjaźń: układy klientalne w perspektywie historycznej*. Wrocław, 2003).
- 257 *Scott J. C. Patron-Client Politics and Political Change in Southeast Asia* // Schmidt S. W., Guasti L., Lande C. H., Scott J. C. (eds). *Friends, Followers, and Factions. A reader in Political Clientelism*. Berkeley, 1977. P. 124–125.
- 258 *Orlovsky D. T. Political Clientelism in Russia: The Historical Perspective* / Rigby T. H., Harasymiw B. eds., *Leadership Selection and Patron-Client. Relations in the USSR and Yugoslavia*. London, 1983. P. 175–199.
- 259 Попытка обобщающего анализа роли и места политического клиентелизма в истории СССР представлена в исследовании патронажа Брежневской эпохи: *Willerton J. P. Patronage and politics in the USSR*. Cambridge; New York, 1992.
- 260 *Getty J. A. Practicing Stalinism*.
- 261 *Rigby T. H. Early Provincial Cliques and the Rise of Stalin* // *Soviet Studies*. 1981. Vol. 33. N 1. P. 3–28.
- 262 *Monty C. Stalin as a Disloyal Patron Revisited*. Paper presented at ASEES convention. 2011.
- 263 *Getty J. A. Practicing Stalinism*. P. 158.
- 264 РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 384.
- 265 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 29. Л. 70.
- 266 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 32. Л. 28 (копия была направлена Мрачковскому).

- 267 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 29. Л. 117. При этом Пленум попросил, чтобы «руководящий политсостав дивизии (военком и начальдив) назначался обязательно по согласованию с губкомом» (Там же. Л. 116).
- 268 Новый глава ПУОКР расценил его выступления на партийном собрании как «стремление идейного укрепления оппозиционных настроений ячейки» и как демонстрацию того, что «оппозиция готовится и организуется к предстоящему партсъезду», а это было не верно (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 632. Л. 103).
- 269 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 195.
- 270 Там же. С. 212.
- 271 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 25. Л. 58–61. К заявлению, по просьбе Гольцмана, было приложено его заявление (Там же. Л. 62).
- 272 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 334.
- 273 *Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М., 2001. С. 233.
- 274 *Абрамов А.* Борьба партии против троцкизма в 1923–1924 гг. // Пропаганда и агитация. 1940. № 5–6. С. 36.
- 275 *Троцкий Л.* Моя жизнь. С. 215. Сосновский мог дать «справку», что он «беседовал» с Троцким в начале января, подтверждая его болезнь (Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 84). Зиновьев назвал Смирнова «приятелем» Преображенского (Стенограмма совещания актива Краснопресненского райкома РКП(б) 8 декабря 1923 г. ... Л. 83).
- 276 На то, что «значительную часть руководителей московской оппозиции составляют бывшие украинцы», обратил внимание первый секретарь ЦК КП(б)У Эммануил Квириг (На Украине // Правда. 1923. 30 декабря).
- 277 *Лапин Вл.* От слов к делу // Правда. 1923. 29 декабря.
- 278 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 4; Д. 25. Л. 60об.
- 279 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 334.
- 280 Децист Каменский, ранее упоминавшийся в связи с личным отношением к Троцкому и Сталину, указал на противоречия в конструировании «фракции»: «Мой приятель Андрей Сергеевич Бубнов, статьи которого помещаются, а мой ответ на эти статьи не помещают в “Правде”, тов. Бубнов где сейчас: с вами, тов. Бухарин, бывший левый коммунист — с вами. Троцкист Дзержинский — с вами. Основная группа» (Стенограмма партконференции Замоскворецкого района. 5 января 1924 г. ... Л. 26).
- 281 *Троцкий Л.* Господину председателю Совета министров Франции. 3 марта 1937 [Электронный ресурс] / Л. Д. Троцкий. Архив в 9 т.: Т. 8. — Режим доступа: http://lib.ru/TROCKIJ/Arhiv_Trotskogo_t8.txt
- 282 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 406.
- 283 Заключительное слово Л. Б. Каменева в Университете им. Свердлова... Л. 24.
- 284 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 38.

- 285 Троцкий Л. Кто руководит ныне Коминтерном? Houghton Library, Harvard University. bMs Russ 13 T-3129.
- 286 Так, Дж. Истер убедительно демонстрирует, что «переплетение формальных и неформальных ресурсов власти» являлось механизмом государственного строительства в послереволюционной России (Истер Д. М. Советское государственное строительство. С. 23).
- 287 Stone D. R. Shefstvo: Lev Trotsky and the Military Origins of Revolutionary Patronage // *Revolutionary Russia*. Vol. 19, N 1. 2006. P. 21–36.
- 288 Московский куст комбинированных предприятий был создан при Реввоенсовете Республики постановлением Политбюро 29 июля 1921 года по проекту Ленина. Москуст был организован на базе нескольких совхозов и взятых в аренду окрестных промышленных предприятий «...в целях соединения земледелия с промышленностью и создания хозяйственного целого с особой задачей проверки снизу правильности и целесообразности наших декретов, анализа условий найма и применения невоенной рабочей силы и т. д.» (Примечания / Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 53. М., 1970. С. 393).
- 289 Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 156. В 1922 году Троцкий просил Колегаева «помочь рабочим фабрик и заводов Куста принять достойное участие в демонстрации» 7 ноября, заготовив «необходимых знамен, плакатов и пр.» (Письмо Троцкого Колегаеву 7 сентября 1922 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 498. Л. 67). Работники завода «Красный поставщик» подчеркивали свою символическую поддержку Троцкого, делегируя его в Моссовет: «Мы второй раз посылаем в совет нашего испытанного вождя т. Троцкого» (Казаков. Вторично Троцкого // Рабочая Москва. 1923. 29 ноября).
- 290 Обвинение прозвучало в первом ответе членов Политбюро 19 октября на письма Троцкого 8 и 10 октября 1923 г. (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 213). В ответ на недоумение Троцкого по поводу привлечения имени Колегаева, автор первоначального проекта следующего коллективного письма членов Политбюро (от 31 декабря) сослался на Радека, якобы сообщившего это со слов самого Троцкого. Этот фрагмент не попал в итоговый текст (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 28. Л. 54).
- 291 РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 569. Л. 334. Во время перевыборов Моссовета Троцкий направил приветственное письмо в «Красный кожевник», общее собрание которого «под гром аплодисментов» приняло ответное письмо, в котором «рабочие слали свой привет председателю московского куста и вождю Красной армии» (Смирнов. Письмо депутата Троцкого // Рабочая Москва. 1923. 2 декабря).
- 292 О брокере см.: Scott J. C. Patron-Client Politics... P. 126–127.
- 293 РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 569. Л. 306об.
- 294 Там же. Л. 307.
- 295 Термин заимствован из: Scott J. C. Patron-Client Politics... P. 130.
- 296 Цит. по: Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 г. 2-е изд., испр. М., 2009. С. 141.

- 297 *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! С. 214.
- 298 *Троцкий Л.* «Как пахнет жизнь» // Правда. 1923. 17 ноября. Вскоре Безыменский поставит свою подпись под коллективной статьей «напостовцев» Леопольда Авербаха, Иллариона Вардина и других по вопросам политики в области литературы, которая противоречила взглядам Троцкого (Нейтралитет или руководство // Правда. 1924. 19 февраля).
- 299 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 30. Л. 10, 14. Троцкий опубликовал заявление комсомольцев в сборнике статей «Новый курс» несколькими днями позже.
- 300 О «привязанности» см.: *Scott J. C. Patron-Client Politics...* Р. 125.
- 301 *Истер Д. М.* Советское государственное строительство. С. 121.
- 302 Такие выводы, с опорой на Дж. Хоскинга и Г. Гилла, сделал Дж. Арч Гетти: *Getty J. A. Practicing Stalinism.* Р. 89.
- 303 *Scott J. C. Patron-Client Politics...* Р. 131.

ГЛАВА III

- 1 См. обложку: Дискуссионный сборник. М., 1923.
- 2 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 3.
- 3 *Воронков М. И.* Интеллигент и эпоха: Дневники, воспоминания, статьи (1911–1941 гг.). Рязань, 2013. С. 57. Член партии с 1917 года, Воронков занимал ответственные должности в Рязани, затем в Наркомпроде, был делегатом VIII съезда РКП(б).
- 4 *Яковлев Я.* Из неотложных практических задач партии // Правда. 1924. 11 января.
- 5 Цит. по: *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2000. С. 71.
- 6 Правда. 1923. 7 декабря.
- 7 Ситуация в армейских парторганизациях имела свои особенности и нуждается в отдельном рассмотрении. В московском военном округе, согласно докладу политуправления, «...уклон в сторону выборности политорганов и комиссаров, точнее перегиб палки в смысле слишком резкого расширения прав парторганизаций за счет комиссарского и политотдельского аппарата, имел место в незначительном количестве ячеек» (РГВА. Ф. 25883. Оп. 2. Д. 512. Л. 64). Причем, как отмечалось в этом и многих других отчетах, в прениях принимали участие почти исключительно политработники.
- 8 См. особенно: Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. См. также о тактике аргументации в пропаганде большевиков против Учредительного собрания: *Яров С. В.* Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М., 2014. С. 188–222.
- 9 РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 105. Л. 7; Д. 84. Л. 3; 2.
- 10 *Троцкий Л.* Группировки и фракционные образования // Правда. 1923. 28 декабря.

- 11 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 2; Там же. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 189; Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 31, 33.
- 12 Протокол общего собрания ячейки РКП(б) при I Образцовой типографии 5 декабря 1923 г. // ЦГА Москвы. Ф. 67-П. Оп. 1. Д. 229. Л. 37об.; Протокол общего собрания ячейки Московской государственной электрической трамвайной станции и подстанции 19 декабря 1923 г. // ЦГА Москвы. Ф. 67-П. Оп. 1. Д. 229. Л. 76–76об.; Протокол общего собрания ячейки РКП(б) Госспирт 12–13 декабря 1923 г. // ЦГА Москвы. Ф. 67-П. Оп. 1. Д. 229. Л. 105об.
- 13 Рукопись С. Пестковского «По поводу письма т. Сталина» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 27. Л. 73.
- 14 Там же. Д. 26. Л. 95, 107. «Верно ли это? — спросил знаток германского теоретика. — И почему Вы загнули палку с рабочей демократией, иллюстрируя [ее] “Рабочей Правдой”» (Там же).
- 15 *Абрамович И. Л.* Воспоминания и взгляды. Кн. 2: Взгляды. М., 2004. С. 68. Согласно Всесоюзной переписи 1926 года, Абрамович родился в 1900 году, был принят в РКП(б) в июле 1922 года во Владивостоке, где он работал в аппарате советских учреждений (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 1586. Л. 135).
- 16 *Сталин И.* Доклад о партийном строительстве на расширенном собрании Красно-Пресненского районного комитета с групповыми организаторами, членами дискуссионного клуба и бюро ячеек 2 декабря 1923 г. // Правда. 1923. 6 декабря.
- 17 Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 11–12. Каменев возвратился к этому сравнению через месяц на Хамовнической районной партконференции (Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 93–94).
- 18 Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 13.
- 19 Правда. 1923. 7 декабря.
- 20 Стенограмма общего собрания бюро ячеек Московской организации РКП(б) 11 декабря 1923 г. ... Л. 81; Речь тов. Зиновьева // Правда. 1923. 16 декабря; Стенограмма общего собрания бюро ячеек... Л. 92; Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 98.
- 21 Стенограмма общего собрания бюро ячеек Московской организации РКП(б) 11 декабря 1923 г. ... Л. 27; Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 58.
- 22 Сапронов направил письмо в фабричные ячейки одного из московских уездов 15 декабря. Судя по всему, Политбюро получило письмо и ответ на него только 4 февраля 1924 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 221–223).
- 23 Цит. по: *Демидов В. В.* Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929. Новосибирск, 1994. С. 22; Стенограмма партконференции

- Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 38; Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 40. Для «сведения счетов», утверждал Зорин, приходили «из других районов».
- 24 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 83.
- 25 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 25; Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 24, 42.
- 26 Rees E. A. Iron Lazar: a Political Biography of Lazar Kaganovich. London, 2013. P. 47.
- 27 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 14.
- 28 Рейн незадолго до того был снят с должности председателя Симбирского губисполкома и назначен заворгом ЦИК СССР. 13 октября он направил в ЦК письмо, в котором выражал тревогу по поводу внутривнутрипартийного положения и призвал к созыву «экстренного совещания всех подпольщиков» (РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. / Отв. сост. В. П. Вилкова. М., 2004. С. 173–174).
- 29 Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период / Под ред. В. Л. Игнатьева. М., 1969. С. 149.
- 30 Материалы по дискуссии в ячейках Замоскворецкого района для ЦК (таблица) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 204. Л. 82, 84, 86.
- 31 Резолюции // Правда. 1923. 21 декабря.
- 32 Там же. 22 декабря; Ан. В ячейке ОГПУ и МГО // Правда. 1923. 23 декабря.
- 33 Гарнук С. Д. Московская власть. Очерки истории партийных и советских органов. Март 1917 — октябрь 1993. М., 2014. С. 165.
- 34 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 124.
- 35 Стенограмма Рогожско-Симоновской районной конференции РКП(б) 3–6 января 1924 г. ... Л. 4.
- 36 Заявление Бреслава в президиум конференции // ЦГА Москвы. Ф. 3-П. Оп. 5. Д. 43. Л. 57.
- 37 Молотов В. Со ступеньки на ступеньку // Правда. 1924. 3–4 января; Он же. Жертвы фракционности? // Там же. 12 января; РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 37. Л. 87–88; ЦГА Москвы. Ф. 67-П. Оп. 1. Д. 248. Л. 28.
- 38 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 205. Л. 26.
- 39 Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 135.
- 40 Молотов В. Со ступеньки на ступеньку // Правда. 1924. 4 января.
- 41 Дурманов Н. В поисках фракционности // Там же. 12 января.
- 42 Молотов В. Жертвы фракционности? // Там же.
- 43 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 79. Оратор продолжил: «Целый ряд товарищей из оппозиции не будут этого отрицать. Я не против этого» (Там же).

- 44 *Рабочий С-ев*. Резолюции. В районах. В Рогожско-Симоновском районе (Впечатления рабочего) // Правда. 1923. 14 декабря; Отклики с мест // Там же. 23 декабря.
- 45 См. выступление Рыкова: Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 5.
- 46 Доклад Каменева в Военной академии (декабрь 1923 г.) // РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 66. Л. 64.
- 47 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 года // Там же. Д. 38. Л. 69; Там же. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 58.
- 48 Хамовники. Конференция // ЦГА Москвы. Ф. 3-П. Оп. 11. Д. 85а. Л. 122–126; Сводка о ходе дискуссии о внутрипартийном положении и по выборам на райпартконференцию по 29 декабря 1923 г. // Там же. Л. 10.
- 49 Протокол заседаний XI Московской губернской партконференции 10–12 января 1924 г. // ЦГА Москвы. Ф. 3-П. Оп. 5. Д. 43. Л. 5; 4.
- 50 «Он имел ввиду (sic!) сказать, что было бы политической ошибкой, если бы большинство стало снимать оппозиционеров со всех партийных постов», — писал Скворцов-Степанов (Партийная дискуссия и московская организация // Правда. 1923. 25 декабря).
- 51 Стенограмма заседаний Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 15; Л. 49. Радек, будучи умеренным оппозиционером, признавал, что «...большинство партии пока определенное (sic!), [поэтому] никакой пропорциональной системы мы в партию не вводим...» (Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 42).
- 52 XI Московская губернская конференция РКП(б). М., 1924. С. 78.
- 53 *Кадлубовский [К. Я.]*. Что обещают и что дают // Правда. 1924. 11 января.
- 54 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 131.
- 55 ЦГА Москвы. Ф. 3-П. Оп. 5. Д. 43. Л. 79 (Заявление было направлено Московской губернской партконференции).
- 56 Хамовники. Конференция // ЦГА Москвы. Ф. 3-П. Оп. 11. Д. 85а. Л. 122–126.
- 57 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 116.
- 58 ЦГА Москвы. Ф. 3-П. Оп. 5. Д. 43. Л. 36, 40, 42, 60–61, и др.; Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 53; Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 53; 71–72; 78; 77.
- 59 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 29. Л. 102.
- 60 Цит. по: *Якушев С. В.* Из истории создания партийных архивов в СССР // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 61–62.
- 61 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 400.
- 62 Так, некий Крамаров на закрытом собрании ячейки Госстроя 12 декабря 1923 года утверждал, что вина за непроведение резолюций XII съезда

- лежит на «грамотных» верхах, которые «не разъяснили резолюций низам» (ЦГА Москва. Ф. 67-П. Оп. 1. Д. 229. Л. 114).
- 63 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 99. Свой классовый статус работница сомнению не подвергла, наоборот, подчеркивала его, чтобы от имени класса призвать «верхи» прекратить «грызню».
- 64 Там же. Л. 82, 99.
- 65 Там же. Л. 101. Петроградский рабкор откровенно пересказал услышанное на 2-й табачной фабрике: «Из “низов” некоторые иногда и не ясно представляют, что там в Москве за “демократические споры”. — Прочтешь газету, да выбросишь — слишком умно и длинно написано, — обижается одна работница» (Единогласно за цельность партии // Петроградская правда. 1924. 4 января).
- 66 РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 74. Л. 67.
- 67 Протокол № 29 общего собрания членов и кандидатов РКП(б) коллектива отдельного дивизиона подлодок 22 декабря // ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 874. Л. 32об.
- 68 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 63.
- 69 Стенограмма общего собрания бюро ячеек Московской организации РКП(б) 11 декабря 1923 г. ... Л. 34. Впрочем, и один из других выступавших партийцев из низов прямо заявил, что рабочие не обладают необходимыми познаниями в марксизме и нуждаются в «повышении уровня социалистического сознания» для того, чтобы произвести смену аппаратчиков, как предлагал Сапронов (Там же. Л. 49).
- 70 Речь тов. Ярославского // Правда. 1923. 18 декабря. Секретарь МК РКП(б) Зеленский, ставя вопрос о прекращении или продолжении прений, отметил: «Товарищи, практика показала, что, если высказываются низовые работники, собрание их не слушает, а в списке низовые работники» (Стенограмма общего собрания бюро ячеек Московской организации РКП(б) 11 декабря 1923 г. ... Л. 84).
- 71 Речь тов. Калинина // Правда. 1923. 14 декабря. Калинин, согласно всему откровенным словам Каменева, не был «предупрежден о широкой демократии», которая была прописана в резолюции 5 декабря, и явно выражал скепсис по этому вопросу (Заключительное слово Л. Б. Каменева в Университете им. Свердлова... Л. 24).
- 72 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 17.
- 73 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 400.
- 74 Цит. по: Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011. С. 120; Отчет о деятельности Василеостровского райкома РКП за январь 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 123. Л. 8.
- 75 Обзор о состоянии и работе Калужской парторганизации за период апрель 1923 — март 1924 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 215. Л. 38.

- 76 Фигатнер — Догадову, 28 апреля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 205. Л. 1–10б.
- 77 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 82.
- 78 Стенографический отчет VI Уральской областной конференции РКП(б). Екатеринбург, 1924. С. 110–111.
- 79 Замоскворецкий райком РКП(б). Бюллетень III райпартконференции. № 1. 21 декабря 1924 г. М., 1924. С. 75.
- 80 Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. С. 327. Томский губком в такой степени демократизировал порядок выборов районных парторганов, что вскоре пожалел об этом, так как состав секретарей заметно «помолодел» и «интеллектуализировался» в партийном отношении (Куликов Э. А. Дискуссия 1923 года по партстроительству на страницах центральной печати и в Томской губернской парторганизации // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность: Сб. статей. Томск, 1991. С. 120).
- 81 Доклад Каменева в Военной академии... Л. 40. Выступая перед оппозиционной аудиторией, Каменев выступил даже более резко: «Если вы позволяете себе думать, что ЦК выродился в ряд клик, которые борются без всякого принципа, без всякой идеи за власть, то, повторяю, выхода другого нет, значит, наша партия с головы начала вонять и ее надо чистить» (Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 92).
- 82 Нарский И., Нагорная О. и др. Предисловие // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: Сб. статей. Челябинск, 2011. С. 11. Традиция историко-антропологического подхода к изучению слухов была заложена школой «Анналов», один из основателей которой, Марк Блок, испытывал влияние фронтового опыта: «Ложная информация всегда рождается из коллективных представлений, существовавших до ее появления. Она случайна только внешне, или, точнее, все, что в ней случайного, — это первоначальный повод, неважно какой, заставляющий работать воображение...» (цит. по: Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 89).
- 83 Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
- 84 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 192. Л. 27 (цит. по: Павлюченков С. А. «Орден меченосцев». С. 286).
- 85 Вопреки фактам Микоян утверждал в своих мемуарах, что до конца ноября о событиях в Москве он мог «только гадать или пользоваться ходившими... слухами» (Микоян А. И. В начале двадцатых... М., 1975. С. 348, 394). В действительности же он, будучи членом Юго-Восточного бюро ЦК, вместе с Ворошиловым направил 17 октября телеграмму в Мо-

- скую с предложением созвать экстренный пленум «в связи с последними письмами» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 25. Л. 98).
- 86 Магидов сожалел, что в «темноте и невежестве» находилось «огромное большинство ответственных партработников» (Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927: Сб. документов. М., 1996. С. 283).
- 87 Там же. С. 289. Интересно, что Магидов не был удостоен неформального «просвещения» относительно внутрипартийных раскладов, хотя 8 октября 1923 г. он выступал с докладом на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) (Там же. С. 286, прим. 1). Это лишнее подтверждение того, что в 1923 году далеко не все местные секретари входили в клиентелу генерального секретаря ЦК РКП(б).
- 88 Бобров А. Лучше поздно, чем никогда // Правда. 1923. 22 ноября. Возможно, автор этой статьи состоял в ячейке Московского института инженеров путей сообщения (см.: ЦГА Москвы. Ф. 3-П. Оп. 5. Д. 43. Л. 61).
- 89 РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 314. Л. 12; Не случайно в последнем пункте резолюции собрания ячейки ОГПУ, принятой ранее по докладу Бухарина, называлось «...недопустимым всякое стремление... подрывать доверие ЦК путем распространения нелепых слухов» (ЦГА Москвы. Ф. 85-П. Оп. 1. Д. 135. Л. 54).
- 90 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 39.
- 91 Агент ОГПУ также отметил отрицательное отношение Ландина к ЧК («имел с последней столкновения») и то, что «большой любитель выпить» (Там же).
- 92 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 4–5 (Письмо Жакова Ярославскому 23 октября 1923 г.).
- 93 Там же. Л. 2–3. В ходе последовавшей дискуссии большинство ячейки ИКП поддержало оппозицию. На это могло оказать влияние то, что среди лекторов института были Преображенский и Радек, а среди слушателей, многие из которых прошли гражданскую войну, высоким был авторитет Троцкого (*David-Fox M. Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks, 1918–1929. Ithaca; London, 1997. P. 152*).
- 94 Куликов Э. А. Дискуссия 1923 года по партстроительству. С. 113.
- 95 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 251. Л. 56 (С. В. Кассиор секретарям ЦК РКП(б) 19 декабря 1923 г.).
- 96 Там же. Оп. 171. Д. 26. Л. 114 (Лебедь Сталину 4 декабря 1923 г.).
- 97 Там же. Л. 103.
- 98 Там же. Оп. 33. Д. 277. Л. 21. Оппозиционер в Иркутске так прокомментировал это: «Нет ничего удивительного, что в Томске был задержан студент с письмом Троцкого. Запретный плод всегда манит. Если бы и было своевременно поставлено на обсуждение ячеек, то нам бы не пришлось сталкиваться с подобными явлениями» (*Демидов В. В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. С. 101*).
- 99 Стенографический отчет VI Уральской областной конференции РКП(б). С. 9; 10–15.

- 100 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 29. Л. 71. Представ 7 января перед Контрольной комиссией КП Грузии, Кобахидзе отказался от своих слов, заявив, что получил документы от неустановленного партийца из Замоскворецкого района Москвы (Там же. Л. 105).
- 101 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 352.
- 102 Закрытое письмо секретаря Кубано-Черноморского обкома Аболина в Бюро Секретариата ЦК РКП(б) 24 декабря 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 239. Л. 50, 53.
- 103 Пленум Самарского губкома 8 января 1924 г. в заключение просил ЦК опубликовать те документы, обнародование которых «не повредит нашему международному положению». Отдельным постановлением было указано «...необходимым ознакомить более активные, ответственные круги партии с положением в партии, в связи с тем, что, с одной стороны, — оппозиция пользуется слухами, а с другой — не опубликование документов ЦК» (Там же. Оп. 171. Д. 29. Л. 117–118).
- 104 Сапронов лично передавал эти записки Троцкому (и предполагал, что Каменев поступал так же), что повлияло на желание Троцкого выступить в печати (Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 48).
- 105 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 103.
- 106 А. Шабион — Молотову 13 декабря 1924 г. // Там же. Л. 201.
- 107 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 284; 294; 389.
- 108 Там же. С. 291 (Записка М. Н. Лядова И. В. Сталину 7 декабря 1923 г.).
- 109 Протокол № 64 заседания пленума Оббюр ячеек РКП(б) ун-та Свердлова 29 ноября 1923 г. // ЦГА Москвы. Ф. 459-П. Оп. 1. Д. 18. Л. 10–11. На собрании 1 декабря бюро посчитало «...необходимым вести самую решительную борьбу со всякого рода клеветническими слухами, которые распространяются отдельными студентами» (Там же. Л. 12об.). Но и через две недели, как показывает протокол заседания, ситуация не изменилась (Там же. Л. 15).
- 110 *Halfin I. Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928.* Pittsburgh, 2007. P. 125.
- 111 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 56.
- 112 Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 64–65, 125.
- 113 О клевете и сплетне // Правда. 1923. 19 декабря. Основываясь на этой статье, редакция сибирской газеты поместила свою передовую статью, в которой сделала упор на использовании слухов зарубежной печатью. «Нужно знать, как спорить. Нужно уметь спорить», — наставлял автор статьи с длинным названием «Как была использована клевета и сплетня врагами коммунистической партии и пролетариата» (Советская сибирь. 1924. 6 января).

- 114 «Давайте эту сплетню, не проверенные слухи, факты, которые не могут быть проверены по документам, и не станем примешивать к нашей деловой дискуссии» — заключил Каменев (Стенограмма общего собрания бюро ячеек Московской организации РКП(б) 11 декабря 1923 г. ... Л. 2).
- 115 Там же. Л. 80. Сапронов согласился, но комиссия, судя по всему, так и не была создана.
- 116 Там же. Л. 89. Каменев ссылался на оппозиционера из Института красной профессуры Дингельштедта. 4 марта 1924 г. Сталин написал записку председателю комиссии партконференции Хамовнического района Беккеру по вопросу о заявлении Сапронова по статье Ленина о Рабкрине, в которой также охарактеризовал утверждение Дингельштедта «либо сплошным вымыслом, либо фракционным вымыслом его автора» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 126. Л. 60).
- 117 Там же. Л. 91. Бухарин в те же дни высказался очень похоже (см.: Стенограмма Рогожско-Симоновской районной конференции РКП(б) 3–6 января 1924 г. ... Л. 22–23, 30).
- 118 Протокол № 29 общего собрания членов и кандидатов РКП(б) коллектива отдельного дивизиона подлодок 22 декабря // ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 874. Л. 32об.
- 119 Стенограмма Рогожско-Симоновской районной конференции РКП(б) 3–6 января 1924 г. ... Л. 50.
- 120 Бюллетень Краснопресненской районной конференции РКП(б). 1924. № 2. М., 1924. С. 1–2; Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 88.
- 121 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 45.
- 122 Стенограмма Рогожско-Симоновской районной конференции РКП(б) 3–6 января 1924 г. ... Л. 5. В другом месте Радек говорил о «травле Троцкого». Когда он возмущался разговорами о том, что «Троцкий стремится к единовластию в партии», и из зала спросили «где это говорят?», он сразу ответил: на заседании пленума ЦК и в документах большинства ЦК (Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 3).
- 123 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 220–221.
- 124 Известия ЦК КПСС. № 11. 1989. С. 184–187.
- 125 Южак представился как член партии с 1913 года и бывший член Президиума Бакинского комитета партии, где успел побывать председателем Комиссии по чистке.
- 126 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 11–25.
- 127 Известия ЦК КПСС. № 11. 1989. С. 188–190; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 120, 122–125.
- 128 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 121.

- 129 Известия ЦК КПСС. № 11. 1989. С. 192. Телеграмма, судя по всему, действительно не существовала, но в подобном прямом требовании со стороны Секретариата ЦК не было необходимости.
- 130 Доклад Л. Б. Каменева в Университете им. Свердлова... Л. 13.
- 131 «Атмосфера, создавшаяся за последнее время в партии, чрезвычайно тягостная». Чистка в РКП(б) 1924 года // Исторический архив. 2008. № 2. С. 134. Любопытно, что тогда же Кутузов дал понять: он не знает, какие письма Троцкого ходят по рукам — поддельные или не поддельные (Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 31).
- 132 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 195–195об.
- 133 Например, в резолюции ячейки при фабрике учебных пособий Московского отдела народного образования был пункт: «Мы предлагаем всем товарищами передавать в ЦКК всех коммунистов (!), занимающихся распространением ложных слухов и тем дезорганизующих наши ряды» (ЦГА Москвы. Ф. 3-П. Оп. 11. Д. 85а. Л. 189).
- 134 Докладчик также выразил опасения, что «наши враги... под видом оппозиции» могли «рассылать свои толкования о наших внутрипартийных разногласиях» (Доклад тов. Куклина о дискуссии о внутрипартийном строительстве // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5377. Л. 2).
- 135 Протокол Президиума Ленинградской ГК от 25 апреля 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 137. Л. 126. Кушаков назвал имя Виктора Виктора — активного члена оппозиционной группы рабфака Университета (подробнее о ней см. в главе III, 3).
- 136 Так, Секретариатом Президиума ЦКК 15 февраля 1924 года был исключен из партии на 6 месяцев некий Исаков, причем заявление на него написал секретарь Сокольнического райкома («Атмосфера, создавшаяся за последнее время в партии, чрезвычайно тягостная». Чистка в РКП(б) 1924 года // Исторический архив. 2008. № 2. С. 135).
- 137 Секретарь обкома так аргументировал эту суровую меру: «...молодому товарищу, который не знает, что такое конспирация, это было бы легче спросить» (Бюллетень VIII-й Кубано-Черноморской Областной конференции РКП(б). № 2. 29 апреля — 4 мая 1924 г. [Б.м.,] 1924. С. 61).
- 138 Протокол № 29 заседания партколлегии ЦКК РКП(б) от 21 августа 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 772. Л. 133.
- 139 Протокол № 13 заседания Ленинградской губернской проверочной комиссии 24 апреля 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 568. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.
- 140 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 21.
- 141 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 40.
- 142 *Троцкий Л.* Новый курс. С. 5.
- 143 Секретариат Президиума ЦКК предложил ЦК указать партийным комитетам, что в случае обнаружения у них документов «впредь будут приниматься суровые меры партийного взыскания» («Атмосфера, создавшаяся за последнее время в партии, чрезвычайно тягостная». С. 136–137).

- 144 Цит. по: *Корунаев А. В.* Борьба с троцкизмом в партиячках вузов Москвы и Ленинграда. Депонированная рукопись, хранящаяся в ИНИОН РАН. М., 1988. С. 20.
- 145 Интервью В. З. Роговина с О. А. Догардом, бывшим участникомлевой оппозиции // Тетради рабочего и революционного движения. Дайджест. Вып. 1. М., 2002. С. 35.
- 146 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 28. Л. 53–54.
- 147 Сталин жаловался на Пленуме ЦК РКП(б) 14 января 1924 года: «Молодежь, которая именно потому, что она молодежь, живет не по расчету, а ищет правду, — эта молодежь то и дело осаждает на собраниях членов ЦК, требуя от них разъяснений насчет секретных решений» (цит. по: РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 389).
- 148 Стенографический отчет Пленума ЦК РКП(б). М., 1924 // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 21. Л. 75.
- 149 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 31.
- 150 Для советской историографии, служившей проводником взглядов партийного руководства, это было понятие «борьбы с троцкизмом» (см., например: *Вяткин А. Я.* Разгром Коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп (ноябрь 1920–1925 гг.). Ч. 1. Л., 1966; Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма. М., 1975; *Шмелев А. И.* Исторический опыт борьбы ленинской партии против троцкизма за построение социализма в СССР (1923–1927 гг.) Л., 1984).
- 151 *Bartos O. J., Wehr P. E.* Using Conflict Theory. Cambridge, 2002. P. 13, 22.
- 152 *Carr E. H.* The Interregnum: 1923–1924. London, 1954. P. 326–327, 329–330, 332, 337. Из современных исследований «конфликта Секретариата с ПУРОм» см.: *Павлюченков С. А.* «Орден мечаосцев». С. 314–325.
- 153 *Кружинов В. М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С. 5. Однако в целом исследование В. М. Кружинова представляет собой широкий панорамный обзор без достаточного внимания к механике конфликтов на уровне «низов».
- 154 *Шабалин В. В.* «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2013. № 2 (22). С. 159–166. См. также: *Getty J. A.* Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition. New Haven, 2013.
- 155 *Bartos O. J., Wehr P. E.* Using Conflict Theory. P. 14.
- 156 Созданию Контрольной комиссии был посвящен всего лишь один из небольших пунктов резолюции «Об очередных задачах партийного строительства» IX конференции РКП(б) 22–25 сентября 1920 года (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, и пленумов ЦК. 1898–1953. Изд. 7-е. М., 1953. С. 511–512). Вскоре на X съезде А. А. Солыц в докладе о деятельности КК признался, что участникам конференции не были ясны задачи нового органа партии. Тем не менее за несколько

- месяцев она рассмотрела около 200 дел (Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стеногр. отчет. М., 1963. С. 57).
- 157 Там же. С. 127.
- 158 Правда. 1921. 22 марта, — цит. по: Десятый съезд РКП (б). С. 839.
- 159 КПСС в резолюциях и решениях... С. 638.
- 160 Краснов А. В. ЦКК-РКИ в борьбе за социализм (1921–1934 гг.). Иркутск, 1973. С. 49.
- 161 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 178–180. В целом абсолютное большинство членов ЦКК были настроены против оппозиции (Там же. С. 222).
- 162 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 93.
- 163 Секретарь Киевского губкома КП(б)У Варейкис докладывал в ЦК РКП(б) о «шаткой» позиции губернской КК, «которая, по существу дела, если не формулировала, то прикрывала оппозиционную платформу» (РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 384).
- 164 Там же. С. 262. Член ЦКК и МК Е. О. Бумажный, отдельно выделив вопрос о негативном отношении оппозиционеров к ЦКК, почему-то обратился к эпизоду о том, как Преображенский раскритиковал статью Ярославского... в служебной столовой! (Стенографический отчет Пленума ЦКК РКП(б) 28–30 марта 1924 г. С. 65–66).
- 165 В этой резолюции 1-й государственной фабрики электрических ламп отчетливо звучал призыв к чисткам (см.: Резолюции // Правда. 1923. 23 декабря).
- 166 Районные КК в 1923–1924 годах находились в процессе становления и, как можно предположить исходя из просмотренных документов Петрограда–Ленинграда и Екатеринбурга–Свердловска, не рассматривали «оппозиционные» дела.
- 167 В советской историографии, следовавшей политической позиции «большинства ЦК», укоренилось мнение, что в этой крупнейшей парторганизации столицы внутрипартийная борьба была «особенно ожесточенной» (Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма. М., 1975. С. 304).
- 168 Шумская И. К вопросу о задачах партии // Правда. 1923. 8 декабря. В том же номере была опубликована программная статья Сапронова «В чем заключается очередная задача партии?».
- 169 Протокол собрания группировки Краснопресненского райкома 4 декабря 1923 г. // ЦГА Москвы. Ф. 3. Оп. 11. Д. 85а. Л. 460б.
- 170 Стенограмма совещаний актива Краснопресненского райкома РКП(б) 8 декабря 1923 г. ... Л. 21–22.
- 171 Преисполненное пафоса завершение речи о наступающих изменениях вызвало бурное одобрение: «...и не дадим никому запугивать партию (Аплодисменты шумные и продолжительные)» (Там же. Л. 22).
- 172 Там же. Л. 23–24. На другом собрании, состоявшемся в те же дни, Сапронов утверждал, что Беленький обещал «вытащить» против него «материал», т. е., судя по всему, пожаловаться в контрольные органы (Стено-

- грамма общего собрания бюро ячеек Московской организации РКП(б) 11 декабря 1923 г. ... Л. 25).
- 173 Стенограмма совещаний актива Краснопресненского райкома РКП(б) 8 декабря 1923 г. ... Л. 25. Впрочем, выступивший позднее Цветков подробно остановился на критике фракционного оппозиционера на собрании этой ячейки (Типографии № 16) (Там же. Л. 31).
- 174 Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 1–138.
- 175 «Он заявил на Замоскворецкой конференции намеками, что будто бы тов. Троцкий сидит в ЦК взаперти, физически отстранен, — а после того, как его заставили поправиться, он дал поправку такими недомолвками, что все-таки было понятно, что он будто бы отстранен» (Стенографический отчет Пленума ЦКК РКП(б). М., 1924 // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 21. Л. 83). Кутузов в итоге предстал перед контрольными органами партии и был снят с должности.
- 176 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 5 января 1924 г. ... Л. 14.
- 177 Протокол № 110 заседания парттройки Центральной проверочной комиссии при партколлегии ЦКК от 15 сентября 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 6. Л. 45.
- 178 При этом было отдельно отмечено, что такое решение было принято еще 21 июня 1923 года, но по ходатайству ЦК его дело неоднократно пересматривали (см.: Постановление президиума ЦКК РКП о Г. С. Биткере // Правда. 1924. 13 января).
- 179 Московские большевики в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом. 1921–1929 гг. / Под ред. А. Н. Пономарева. М., 1969. С. 81.
- 180 Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. М., 1924. С. 128.
- 181 Биткер был восстановлен в партии только в ноябре 1925 года (*Скоркин К. В.* Обречены проиграть. (Власть и оппозиция 1922–1934). М., 2011. С. 525).
- 182 Протокол № 1 заседания партколлегии МКК от 1 февраля 1924 г. // ЦГА Москвы. Ф. 2867-П. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.
- 183 Протокол № 17 заседания партколлегии МКК от 7 февраля 1924 г. // Там же. Л. 18.
- 184 Протокол № 39/а заседания пленума партколлегии МКК 7 марта 1924 г. // Там же. Л. 53.
- 185 В одном из популярных учебных пособий М. В. Ходяков назвал процитированное высказывание «типичным», что, на наш взгляд, несправедливо даже в отношении большинства партийной молодежи (Новейшая история России. 1914–2005: учебное пособие / Под ред. М. В. Ходякова. М., 2007. С. 175).
- 186 Протокол № 39/а заседания пленума партколлегии МКК 7 марта 1924 г. ... Л. 53–54.
- 187 Там же.

- 188 В 1927 году Мартынов был исключен из партии (см.: Список исключенных за фракционно-раскольническую деятельность МКК за период с 15 ноября 1927 г. // ЦГА Москвы. Ф. 2867-П. Оп. 1. Д. 111. Л. 34).
- 189 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 88.
- 190 *Иванов В. М.* Борьба партии против антиленинских течений и групп в период строительства социализма (1921–1929 гг.) Л., 1973. С. 54.
- 191 Протокол № 11 заседания пленума Петроградской губернской контрольной комиссии РКП от 3-го января 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 5377. Л. 1; Выдержка из резолюции протокола заседания пленума Петроградского райкома от 16 января 1924 года // Там же. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5378. Л. 11.
- 192 Протокол № 51 заседания пленума Ленинградской ГKK от 11 апреля 1924 г. // Там же. Ф. 563. Оп. 1. Д. 137. Л. 100. Заявления фигурантов дела обнаружены не были.
- 193 Краткие биографические справки по обоим см.: Протокол № 58 заседания пленума Ленинградской ГKK от 7 мая 1924 г. // Там же. Л. 127. Кроме того, согласно биографическим данным, до 1924 года Харечко был заведующим отделом печати Северо-Западной области (*Скоркин К. В.* Обречены проиграть. С. 732).
- 194 Утверждение прозвучало от делегата с Донбасса (Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года: Стенографический отчет. М., 1963. С. 182).
- 195 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 184, 445.
- 196 С точки зрения ГубКК, ситуация была следующей: «Степанов оказался наиболее активным, твердым и настойчивым. Для привлечения к работе оппозиции сторонников он пошел на то, что уверил т.т. о связи его с РКК и ГKK, указывая, что и там есть сторонники оппозиции. С этой целью он сочинил бумажку и выдал ее за полученные им якобы из ГKK материалы дела на тов. Харечко. Кроме того, он предлагал переиздать брошюру тов. Троцкого “Новый курс” с дополнениями и заменой некоторых мест для большего усиления и вообще вел себя весьма не воздержанно. Это показалось опасным для Харечко, так как могло повести к провалу и привлечению их всех» (Протокол № 58 заседания пленума Ленинградской ГKK от 7 мая 1924 г. ... Л. 127об.).
- 197 Там же.
- 198 Секретарь Ленинградской ГKK Клинов в ЦКК, без даты // Там же. Л. 129.
- 199 *Скоркин К. В.* Обречены проиграть. С. 732.
- 200 Протоколы № 116–127 (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–43).
- 201 ЦДОСОС. Ф. 424. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.
- 202 *Краснов А. В.* ЦКК–РКИ... С. 50. См. также: *Лютков Л. Н.* Партия правящей бюрократии в начале нэпа. Провинция. (Симбирская губернская организация РКП(б) в 1921–1923 гг.). Ульяновск, 2004.
- 203 В своем письме Сталину секретарь губкома просил ускорить процесс принятия мер (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 105–105об.).

- 204 Протокол № 165 заседания парттройки партколлегии ЦКК РКП(б) от 10 апреля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 19. Л. 76.
- 205 Он возглавил правление треста «Русские самоцветы» (*Скоркин К. В.* Обречены проиграть. С. 718).
- 206 Протокол № 165 заседания парттройки партколлегии ЦКК РКП(б) от 10 апреля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 19. Л. 77. В дальнейшем Азарх поддерживала линию ЦК, в 1928 году получила орден Красного Знамени, участвовала в Гражданской войне в Испании, стала супругой известного «генерала Лукача» Мате Залке, а с 1947 по 1954 год находилась в заключении из-за знакомства с сестрой жены Сталина Анной Аллилуевой.
- 207 Протокол № 165 заседания парттройки партколлегии ЦКК РКП(б) от 10 апреля 1924 г. ... Л. 77.
- 208 Случай И. И. Куликова, 1900 года рождения, по происхождению крестьянина, члена партии эсеров с мая по сентябрь 1917 года (Протокол № 98 заседания парттройки Центральной проверочной комиссии при партколлегии ЦКК от 28 августа 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 773. Л. 21–22).
- 209 Протокол № 7 заседания партколлегии Уральской ОБКК 14 февраля 1924 г. // ЦДООСО. Ф. 424. Оп. 1. Д. 3. Л. 11–12; Протокол № 170 заседания парттройки партколлегии ЦКК РКП(б) от 17 апреля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 19. Л. 103.
- 210 *Кружинов В. М.* Политические конфликты. С. 151–155; *Скоркин К. В.* Обречены проиграть. С. 552. Любопытно, что Гаевский записался на прием к Сталину 15 июля 1924 года, но не известно, был ли он принят (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 408. Л. 1).
- 211 Фигатнер — Догадову, 28 апреля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 205. Л. 106.–2.
- 212 Тринадцатый съезд РКП(б). С. 182.
- 213 ЦГА Москвы. Ф. 2867–П. Оп. 3. Д. 17. Л. 21. Среди прочих был упомянут известный в будущем плакатист Густав Клуцис, которому было вынесено порицание за непосещение собраний бюро, членом которого он был избран после дискуссии. Упоминалось заявление, что Клуцис, «...чтобы провести свои рисунки для печатания в “Молодой гвардии”, скрыл и не показал работ своих товарищей» (Там же. Л. 22 об.). Работой комиссии по чистке в ячейке ВХУТЕМАС возмущалась Варвара Арманд, узнавшая, что ее не исключили из-за «имени ее матери» Инессы Арманд (Там же. Л. 27 об.).
- 214 Тринадцатый съезд РКП(б). С. 841.
- 215 Протокол № 21 заседания комиссии по проверке непролетарского состава членов и кандидатов РКП(б) Центрального городского района от 26 мая 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 8051. Л. 106., 126б.
- 216 Троцкий утверждал, что во время выступления Зиновьева его не было в зале (РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 51. Л. 115). Делегат съезда Иосиф Славин, согласно одному из многих доносов на него, во время голосования за резолюцию просидел в уборной (за это студенткой-троцкисткой он был

- объявлен «гнилым интеллигентом»). В первый год Большого террора его обвинили в том, что в 1923–1924 годах, находясь на ответственной комиссарской должности в Чите, он поддерживал оппозицию, хотя и не выступал открыто (*Черушев Н. С.* 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М., 2003. С. 325).
- 217 «Атмосфера, создававшаяся за последнее время в партии, чрезвычайно тягостная». С. 161–163. Московской контрольной комиссией был исключен из партии «как идеологически чуждый элемент» другой секретарь Троцкого — И. Н. Познанский (ЦГА Москвы. Ф. 2867-П. Оп. 3. Д. 57. Л. 4).
- 218 Протокол комиссии по проверке личного состава членов и кандидатов РКП ячейки Профинтерна 25 ноября 1924 г. // ЦГА Москвы. Ф. 2867-П. Оп. 3. Д. 212. Л. 236.
- 219 Ярославский — Радеку, 7 января 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 29. Л. 109. Секретариат ЦКК занялся этим вопросом после того, как Радек не ответил на письменное обращение Зиновьева 17 декабря. На Пленуме ЦК 14–15 января 1924 года Радек признал, что был не прав, когда вынес обсуждение «германского вопроса» на собрание ИКП (РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 406).
- 220 РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 400, 406.
- 221 Козер Л. А. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 71.
- 222 Гусев С. О работе РКП и ЦКК // Пролетарская революция. 1923. № 21–22 (60–61). С. 35.
- 223 Данный подход противоположен традиции изучения «психологии толпы», когда эмоции выводятся из «аффективных бессознательных форм» политической картины мира (см.: *Лившин А. Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010. С. 13).
- 224 Reddy W. M. The Navigation of Feeling: a Framework for the History of Emotions. Cambridge, U.K.; New York:, 2001. P. 55.
- 225 См.: *Rosenwein B.* Worrying about Emotions in History // The American Historical Review. 2002. N 3 (107). P. 842.
- 226 См.: *Gammerl B.* Emotional styles — concepts and challenges // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. 2012. N 16, Issue 2. P. 161–175.
- 227 Halfin I. Intimate Enemies. P. 356.
- 228 Политический словарь. 1924. С. 380.
- 229 Стенограмма заседаний Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 45, 64; Стенограмма заседаний Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 87; Правда. 1923. 30 декабря.
- 230 Красный перек. 1923. № 17. С. 7.
- 231 Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 13–14, 82.
- 232 Стенограмма совещания актива Краснопресненского райкома РКП(б) 8 декабря 1923 г. ... Л. 41.
- 233 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 103.

- 234 Этот концепт ввел У. Редди в статье: *Reddy W. M. Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions* // *Current Anthropology*. N 38/3. 1997. P. 327–51.
- 235 Статья М. Е. Писицына «Оценка дискуссии», не опубликованная «Правдой» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 29. Л. 23).
- 236 Тринадцатый съезд РКП(б). С. 105–106.
- 237 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 37.
- 238 Там же. Л. 4, 128. Начало второго дня омрачилось серьезным конфликтом. Представитель большой делегации курсантов школы ВЦИК заявил, что их делегация встретила «недружелюбное отношение», в частности, Антонов-Овсенко якобы назвал их «дурачем и приказал замолчать». Глава Политуправления, обвиненный в «начальственных привычках», прерываемый шумом, призвал к «дисциплинированности» и предложил заслушать его заявление после выступлений по докладам (Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 5 января 1924 г. ... Л. 1–2).
- 239 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 2.
- 240 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 91; 81; 73.
- 241 Заключительное слово Л. Б. Каменева в Университете им. Свердлова... Л. 2, 16.
- 242 Там же. Л. 9, 14; Доклад Каменева в Военной академии... Л. 53.
- 243 Доклад Каменева в Военной академии... Л. 40. Все понимали, что речь идет в первую очередь не столько об оппозиции, сколько о Троцком: «Нас травили и не так, так что разговорами о травле нас не испугать, а вот против травли вы выработали одно спокойное, деловое объяснение, и всегда это нас вызволяло. Вот если мы спокойно и хладнокровно скажем — т. Троцкий сделал ошибку...» (Там же. Л. 62).
- 244 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 43; Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 91.
- 245 Ан. В ячейке ОГПУ и МГО // Правда. 1923. 23 декабря. Переполненная уверениями лояльности, резолюция собрания 1-й московской школы территориального отделения ОГПУ 22 декабря была принята его 1118 участниками *единогласно* (Резолюции // Правда. 1923. 25 декабря). На статью в Центральном органе партии мог ориентироваться автор статьи о дискуссии ленинградских чекистов, также отметивший «монотонность» речей оппозиционеров (*Ф. Р-ский. Страж пролетарской диктатуры* // Петроградская правда. 1924. 5 января).
- 246 Сводка хода дискуссии о внутрипартийной демократии к 10 февраля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 284. Л. 1.
- 247 Доклад Каменева в Военной академии... Л. 66. Понятие «лихорадки» вошло в активное употребление на XIII съезде РКП(б); так, например, Каменев употребил словосочетание «лихорадка дискуссии» (Тринадца-

- тый съезд РКП(б). С. 206). О популярности понятия можно судить и по характерной статье из журнала Истпарта (Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б)) (см.: *Лепешинский П.* «Партийная лихорадка» 20 лет тому назад // Пролетарская революция. 1924. № 2. С. 23–45).
- 248 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 123.
- 249 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 23. Тогда же Радек вопрошал: «Почему вы, товарищи, если фракции так опасны, а они опасны, почему вы не применяете резолюцию X съезда, не переходите к репрессивным мерам...»
- 250 Там же. Л. 1–2; 102; Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 114–115; 52; Стенограмма совещания актива Краснопресненского райкома РКП(б) 8 декабря 1923 г. ... Л. 85.
- 251 Стенограмма совещания актива Краснопресненского райкома РКП(б) 8 декабря 1923 г. ... Л. 86. В этом же ключе прозвучало выступление Радека на одной из конференций, когда он, известный партийный шутник, иронизировал по поводу Томского: «Я знаю, что когда он будет меня крыть, то будет крыть очень любезно, сейчас он, озлобленный дискуссией, говорит мне: убирайся, говорит, из этого коридора, не желаю жить с тобой в одном коридоре. Это он мне не официально предложил» (Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 128).
- 252 XI Московская губернская конференция РКП(б). С. 68. С этого же начал свое заключительное слово Сапронов: «Тов. Каменев вчера в кулуарах говорил о том, что, мол, мы все истощились физически, давайте на этой конференции особенно не кричать, не шуметь, а надорванными головными связками поспокойнее обсудим те или другие вопросы...» (Там же. 72).
- 253 Стенограмма заседаний Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 113; Стенограмма заседаний Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 52.
- 254 Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 25.
- 255 Там же. Л. 24; Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 108; 50; 82.
- 256 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1923 г. ... Л. 27.
- 257 РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 154.
- 258 Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 93.
- 259 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 33; Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 73, 81.
- 260 «Оппозиция вновь пытается попытать счастья и вносит “добавление” к резолюции, отрицающее в основном последнюю. Но оппозиции не

- везет и ее “добавление” проваливается с треском под смех собрания» (Ф. Р-ский. Страж пролетарской диктатуры // Петроградская правда. 1924. 5 января).
- 261 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 87; 35.
- 262 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 5 января 1924 г. ... Л. 31.
- 263 Френкель — Троцкому 15 декабря 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 232–238. Автор отметил нежелательность публикации письма и выразил надежду на ответ Троцкого.
- 264 Заключительное слово Л. Б. Каменева в Университете им. Свердлова... Л. 22; Доклад Каменева в Военной академии... Л. 61.
- 265 Список товарищей, выступающих против линии Центрального комитета по вопросам внутрипартийной демократии // ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 175. Л. 2.
- 266 Случай Александра Яковлева, 1900 года рождения, члена РКП(б) с ноября 1920 г., слушателя Военно-инженерной академии. Хотя он был комвзводом и комроты, но в боях не участвовал. Обвинение было сравнительно мягким: «Партработу не ведет. Примыкал к оппозиции и считает дискуссию не совсем тактичной. Чувствуется уклон в карьеризм при отсутствии партработы». Социальное происхождение усугубило дело: отец был «капитаном буксирных пароходов», а сам он окончил Нижегородский дворянский институт (Протокол № 1 заседаний тройки по проверке непролетарского состава коллектива Военно-инженерной академии Центрального городского района Ленинградской организации РКП(б) 11 апреля 1924 г. // Там же. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 8051. Л. 53). Районная комиссия подтвердила постановление (Там же. Л. 10).
- 267 Случай Михаила Эдельштейна, 1898 г.р., члена РКП(б) с июня 1918 г., слушателя Военно-инженерной академии. Он также был аттестован как «интеллигент»: «Сын учителя... Воспитывался у деда торговца старьем, был у него приказчиком». Опасно было и членство в «Поалей Цион» (Еврейская социал-демократическая рабочая партия, существовала с 1900 по 1928 г.) в 1917 году. Но в 1924 году больше значило то, что он «партработу вел, был секретарем райкома в Москве... В боях участвовал, будучи секретарем Комиссара полка, ранен в ногу. Был в конной дивизии на партийной работе» (Протокол № 1 заседаний тройки... Л. 52об.). М. И. Эдельштейн стал инженером, пережил репрессии, его внучка, Анна Азари, была послом Израиля в России.
- 268 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 67, 69. Про «особую психологию» Зиновьев говорил ранее и на Замоскворецкой партконференции (Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 34).
- 269 *Старый воробей*. Дискуссия на пролетарском // Петроградская правда. 1924. 4 января.

- 270 Григорян А. Из итогов дискуссии // Там же. 8 января.
- 271 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 40–41; 42.
- 272 Например, с точки зрения Землячки, нужно было, чтобы коммунист, «...придя после дискуссии, не в состоянии был выпить того стакана вина, к которому его до сих пор тянуло» (Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 99–100).
- 273 Стенограмма заседаний Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 74.
- 274 Бобровская Ц. Памяти молодого товарища — устойчивого партийца // Правда. 1924. 4 января.
- 275 Там же. 3 января.
- 276 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 91.
- 277 Правда. 1924. 4 января. См. также: Правда. 1923. 29 декабря (Резолюция была принята собранием бюро ячеек екатеринбургской организации с участием ответственных работников); Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 27.
- 278 Долой фракционность! (Ответ Ц. О. тов. Троцкому) // Правда. 1923. 29 декабря; Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 89; 132–133; Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 5 января 1924 г. ... Л. 30; Бюллетень Краснопресненской районной конференции РКП(б). 1924. № 1–2. М., 1924. С. 32; 5; Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 99.
- 279 Яковлев Я. Из неотложных практических задач партии // Правда. 1924. 11 января.
- 280 Мартынов А. Кризис в РКП и его преодоление // Коммунистический интернационал. 1924. № 1. С. 542.
- 281 Григоров Г. И. Повороты судьбы и произвол. С. 354–356.
- 282 Бюллетень VIII Всеукраинской конференции Коммунистической партии (большевиков) Украины. 15 мая 1924 г. № 2. С. 80. Когда подписантка «Заявления сорока шести» Евгения Бош, после продолжительной болезни, покончила с собой 5 января 1925 года, Преображенский написал теплый некролог, в котором ясно просматривались оппозиционные мотивы: «Евгения Богдановна прямо, честно и открыто защищала всегда то, что считала правильным и нужным для дела партии и революции. Она органически не могла кривить душой, оппортунистически приспосабливаться ко взглядам, которые считала неверными, все время оставаясь дисциплинированным членом партии» (*Преображенский Е. Евгения Богдановна Бош // Пролетарская революция. 1925. № 2. С. 15*).
- 283 Следует отметить, что Ярославский, обращаясь к проблеме самоубийств на Пленуме ЦКК в октябре 1924 г., заявил, что для самоубийц-коммунистов не было «...общей причины для всех. Каждый отдельный случай приходится разбирать индивидуально» (цит. по: *Лебина Н. Б. Советская*

повседневность: нормы и аномалии. М., 2015. С. 368). См. также масштабное исследование политизации смыслов самоубийства в СССР: *Pinnow K. M. Lost to the Collective: Suicide and the Promise of Soviet Socialism, 1921–1929*. Ithaca, 2009.

284 Правда. 1924. 5 января.

ГЛАВА IV

- 1 КПСС. Справочник. М., 1963. С. 193; *Вяткин А. Я. Идеино-политический и организационный разгром троцкизма (1921–1928 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1970. С. 21.*
- 2 *Lenoe M. E. Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers*. Cambridge, 2004. P. 72.
- 3 Понятие «mental map» (или «kognitive Landkarte»), введенное психологом Э. С. Толманом в 1948 г., подверглось в ряде работ буквальному переводу — как «ментальная карта», что не совсем корректно, так как слово «ментальность» употребляется в русском языке в контекстах, совершенно отличных от «mentality». Э. Саид, говоря об определенном восприятии пространства через тексты, изображения и дискурсы, разработал концепт «воображаемых географий», прямо перекликающийся с концептом «воображаемых сообществ», под которыми Б. Андерсон понимал нации (*Said E. W. Orientalism*. New Delhi, 1978; *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1991). Воображаемая карта, как ее определили родоначальники теории географ Р. М. Доунз и психолог Д. Сти, это «созданное человеком изображение части окружающего пространства», соответствующая практика картографии с теми способностями разума, «которые дают нам возможность собирать, упорядочивать, хранить, вызывать из памяти и перерабатывать информацию об окружающем пространстве» (цит. по: *Шенк Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней // Новое литературное обозрение. 2001. С. 43*). Ф. Б. Шенк, говоря о рецепции этого понятия географией и исторической наукой, констатировал: «Группы людей, сообщества и коллективы также создают специфические в историческом и культурном отношении представления о пространственной структуре окружающего мира, который они видят или могут вообразить себе» (Там же).
- 4 От редакции // Правда. 1923. 14 декабря.
- 5 Обращение ЦК // Там же. 15 декабря.
- 6 На следующий день было дано указание корреспондентам РОСТА: «Телеграфируйте наиболее выдающиеся резолюции [по] партстроительству [в] связи [с] дискуссией» (цит. по: *Азаренко В. М. Большевицкая печать как инструмент внутривнутрипартийной борьбы (1920–1928 гг.)*. Славянск-на-Кубани, 2008. С. 101).
- 7 Секретари были обязаны посылать ежемесячные двухстраничные закрытые письма в Оргбюро ЦК с января 1922 года. Согласно крупнейше-

- му исследователю аппарата ЦК Павлюченкову, «чем стандартнее и обширнее становилась информация, поступавшая в Оргинструкторский отдел, тем менее в ней содержалось характерного и неординарного материала... Реальную информацию и ответ на нее находили уже особые доверенные каналы» (Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. С. 215). Подробнее об этом в региональном контексте см.: Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007.
- 8 Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 66.
 - 9 В документах Политбюро отложилась одна краткая сводка Инструкторско-информационного подотдела МК о ходе дискуссии на момент 10 декабря, но соотношение сил в ней представлено не в «панических» красках (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 26. Л. 197–198).
 - 10 *Hincks D.* Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923–1924 // *Soviet Studies*. 1992. Vol. 44, Issue 1. P. 140.
 - 11 Правда. 1923. 12 декабря.
 - 12 Волков И. Решение партийной Москвы // Правда. 1923. 13 декабря.
 - 13 ЦГА Москвы. Ф. 3–П. Оп. 11. Д. 85а. Л. 190; Рукопись Л. Д. Розенблюма «О первом в дискуссии» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 29. Л. 64–65).
 - 14 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 50–51.
 - 15 *Рабочий С–ев*. В Рогожско–Симоновском районе. (Впечатления рабочего) // Правда. 1923. 14 декабря.
 - 16 Там же. Характерно, что из 6 опубликованных резолюций не было ни одной оппозиционной.
 - 17 Там же. 15 декабря.
 - 18 Там же. Этот прием стал объектом сатиры: «“От редакции” — или “Спрятался месяц за тучку”. Статьи и сообщения от таинственных незнакомцев. Очень удобно для полемики» (Красный перец. 1924. № 18. С. 2).
 - 19 Правда. 1923. 15 декабря.
 - 20 К. Дискуссия по ячейкам Красной Пресни // Там же. 15 декабря.
 - 21 Резолюции // Там же. 22 декабря.
 - 22 Сафаров Г. Рабочий Питер против фракционной игры // Там же. 18 декабря; Из Петрограда // Там же. 19 декабря. В одном из номеров можно было узнать, что в Артиллерийской академии лояльная ЦК резолюция была принята 39 голосами против 19, причем «...из 10 выступавших ораторов большинство высказалось против содержания и тона письма петроградской организации» (По Петрограду // Там же. 23 декабря).
 - 23 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 27. Л. 119.
 - 24 Материалы о партийной дискуссии (Сводка ПУРа 9 января) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 477. Л. 42; Ходоровский И. На дискуссии (Впечатления) // Правда. 1923. 18 декабря. Подробнее о конфликте Ходоровского и Мартынова см. в главе III, 3.

- 25 В самой верхушке большинства ЦК царило напряжение из-за информационной политики. 28 ноября 1923 года Сталин написал записку Зиновьеву, Бухарину, Молотову и Рудзутаку: «Решительно протестую против царящего в “Правде” (в отделе дискуссии) беспорядка, дающего возможность Вигилянским, Преображенским и Ко обливать грязью партию. Не могу понять, почему статья Преображенского была пущена с ведома т. Зиновьева и почему сама дискуссионная статья т. Зиновьева появилась без ведома хотя бы Секретариата ЦК» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 776. Л. 17).
- 26 Статья Вигилянского, опубликованная в «Правде», была отчетливо оппозиционной (*Вигилянский Н.* Ударная задача партии // *Правда*. 1923. 27 ноября).
- 27 От ЦКК РКП(б) // Там же. 23 декабря.
- 28 Там же.
- 29 Судя по всему, это Израиль Иосифович Агол (1891–1937). До октября 1917 года бундовец, затем большевик, член ЦИК Белоруссии, участник Гражданской войны. С 1921 года сотрудничал в газетах «Правда» и «Труд». Окончил медицинский факультет МГУ в 1923 году. Активный участник философских дискуссий по вопросам естествознания, последователь А. М. Деборина. Академик Всеукраинской АН, генетик. Арестован в 1936 году как «вредитель». Оставил воспоминания о детстве в Бобруйске (*Агол И.* Хочу жить; *Агол В.* Так и жили. М., 2011). Написал хвалебную рецензию на книжку Иннокентия Стукова «Стратегия и тактика классовой борьбы пролетариата» для органа МК РКП(б) (Спутник коммуниста. 1923. № 25. С. 289–294).
- 30 От ЦКК РКП(б) // *Правда*. 1923. 23 декабря. Необходимо отметить, что других источников, касающихся этой «темной» истории, не обнаружено, однако в пользу ее достоверности говорят воспоминания Бажанова.
- 31 Вопросы Учраспреда, стоящие на совещании Зав. отделами 3-го января 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 282. Л. 22; По данным Орграспреда, Константинов был назначен в Госиздат (Там же. Оп. 34. Д. 737. Л. 39). Он остался упорным оппозиционером, неоднократно подвергался аресту и был расстрелян 27 ноября 1937 года. 30 августа 2015 года на доме 33 по Большому Афанасьевскому переулку в Москве была установлена памятная табличка гражданской инициативы «Последний адрес».
- 32 Редакция также утверждала, что число оппозиционных статей и резолюций «...с каждым днем уменьшается, причем таковые поступают преимущественно из нерабочих ячеек, а возрастает... в пользу ЦК, на 99 проц. поступающих из заводских и фабричных ячеек как центров (Питер, Москва), так и мест». «Кроме того, — говорилось далее, — лежит неразобранным большое число резолюций, вынесенных в Москве в пользу линии ЦК, ожидающих появления в печати» (Заявление «Правды» // *Правда*. 1923. 19 декабря).
- 33 Резолюции // Там же. Похожее по звучанию требование содержала резолюция Шелкотреста (Резолюции // Там же. 20 декабря).

- 34 Понятие «буфер» вошло в обиход во время «дискуссии о профсоюзах» 1920–1921 годов, в особенности на X съезде РКП(б) в марте 1921 года. «Буферной» называлась позиция группы большевиков во главе с Н. И. Бухариным между фракциями В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. Впоследствии оказалось важным, что Ленин активно проводил мысль о близости «буферов» к фракции Троцкого. В контексте событий 1923–1924 годов «буферным» считалось в первую очередь решение, обходящее наиболее острые вопросы: о доверии линии ЦК или об отношении к группировкам и фракциям, персонально к Троцкому. 5 января «Правда» охарактеризовала «буферные» резолюции как «обходящие вопрос о линии и ограничивавшиеся практическими предложениями» (Правда. 1924. 5 января).
- 35 Резолюции // Правда. 1923. 19 декабря. Недовольство политикой райкома выражалось и в других резолюциях, публиковавшихся в «Правде». Любопытно также, что 23 декабря появилась критическая резолюция собрания ячейки при Краснопресненском райкоме: «Между тем резкие выступления некоторых членов (Сталин) против “инакомыслящих” т.т. сводятся к ограничению принципов демократического централизма. Общее собрание ячейки находит, что резкое отношение к оппозиции, ведущееся под флагом борьбы против фракционности, грозит свести на нет постановление ЦК...» (Там же. 23 декабря).
- 36 *Лавин Вл.* От слов к делу // Там же. 29 декабря.
- 37 Бюллетень Краснопресненской районной конференции РКП(б). 1924. № 1–2. М., 1924. С. 42; Правда. 1924. 4 января.
- 38 *Егоров В.* На Краснопресненской районной партконференции // Правда. 1924. 9 января.
- 39 Резолюции // Правда. 1923. 20 декабря.
- 40 В выпуске «Правды» 16 декабря, в разделе «По ячейкам. Резолюции», среди прочих была публикация с длинным заголовком: «Резолюция тов. Сапронова, принятая большинством голосов на ячейке 1-й московской фабрики Гознак в количестве 200 чел., как добавление к резолюции ЦК и ЦКК от 7 декабря 1923 г. Общее собрание ячейки состоялось 8 декабря 1923 г. Присутствовало 150 чел., и [резолюция] утверждена единогласно на общем собрании ячейки от 14 декабря 1923 г.» (Правда. 1923. 16 декабря). Далее следовала оппозиционная «резолюция ячейки 16-й типографии, предложенная тов. Дробнисом» и принятая «большинством в 5 голосов».
- 41 Примечательно, что далее следовала «Резолюция, предложенная тов. Колпаковым, — принята[я] как дополнение». В подавляющем числе случаев принималась одна-единственная резолюция. Факт же принятия, наряду с оппозиционной, резолюции-«дополнения» может рассматриваться как проявление «демократизма» со стороны оппозиционно настроенного большинства (Там же).
- 42 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 51.
- 43 Резолюции // Правда. 1923. 20 декабря.

- 44 Пролетарские центры за крепость и единство партии // Правда. 1923. 21 декабря.
- 45 Резолюции // Там же. На дискуссионном собрании Свердловского университета 17 декабря Каменев возмущался словами Сосновского о том, что с 14 декабря «Правда» стала «Неправдой» (Заключительное слово Л. Б. Каменева в Университете им. Свердлова... Л. 16).
- 46 В номере 20 декабря уже была опубликована их резолюция по более общей проблематике «нового курса».
- 47 Сафаров Г. Фракция «добродетельных» // Правда. 1923. 21 декабря.
- 48 Резолюции // Там же. 22 декабря. Любопытно, что оппозиционную резолюцию приняла ячейка рабфака им. Бухарина, однако ее текст не был опубликован (Перечень резолюций, принятых на московских ячейках // Там же. 25 декабря). В отличие от московской, «Петроградская правда» не отметила специально факт поражения оппозиции на дискуссии в Троцке (Гатчине) (Петроградская правда. 1924. 11 января).
- 49 От редакции // Правда. 1923. 23 декабря.
- 50 30 декабря список в «Правде» не публиковался.
- 51 Из представленного списка 22 резолюции за ЦК и 9 за оппозицию, сообщалось в примечании редакции, были ранее опубликованы 25 декабря 1923 г.; при этом причины указаны не были. Как бы то ни было, соотношение новых резолюций было тем же самым: 69 и 31 %.
- 52 15 резолюций числились «буферными».
- 53 1 резолюция числилась «буферной».
- 54 *Hincks D.* Support for the Opposition in Moscow. P. 144.
- 55 Стенограмма партконференции Замоскворецкого района... 4 января 1924 г. ... Л. 96. «Правда» не опубликовала заметку Сапронова «Необходимые разъяснения», в которой дается подробный анализ редакторской техники и ответственности за неправильность информации на Бюро МК (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 27. Л. 119–122).
- 56 *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 77.
- 57 Так, например, явно ошибочно, на одном уровне, была указана «Ячейка академии Социального Воспитания» в столбце голосовавших «за ЦК» и «за оппозицию» (Правда. 1924. 5 января).
- 58 Там же. 12 января. Так было прокомментировано краткое заявление секретаря ячейки издательств «Московский рабочий» и «Рабочая Москва», которое было принято по предложению Стукова.
- 59 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 53.
- 60 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 34.
- 61 Партийная дискуссия и московская организация // Правда. 1923. 25 декабря.
- 62 В районах // Правда. 1924. 1 января.
- 63 Правда. 1924. 6, 9 и 10 января.

- 64 Это отразило реальный уровень поддержки оппозиции в ячейках района: 18 % оппозиционных резолюций (23 из 128), согласно списку (дата составления не ясна) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 204. Л. 88–90).
- 65 Правда. 1924. 15 января.
- 66 Ярославский Ем. Итоги борьбы // Там же. 10 января. В «Петроградской правде» статья появилась 13 января.
- 67 Вардин Ил. Итоги // Правда. 1924. 12 января. Вардин оперировал теми же данными, что и Зеленский в своем докладе. Однако секретарь московского губкома не говорил о «пролетарских» студентах за ЦК, а также был вынужден ответить на вопрос о соотношении сил в ячейках служащих (181 за ЦК, 57 за оппозицию) и военных (71 и 22 соответственно) — эти не слишком выгодные факты Вардин не упомянул (XI Московская губернская конференция РКП(б). М., 1924. С. 135).
- 68 Калинин М. По дискуSSIONным углам // Правда. 1924. 17 января. Примечательно, что в последующих номерах сообщений об опечатках не появилось.
- 69 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7–8 января 1924 г. ... Л. 129.
- 70 Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. М., 1924. С. 131.
- 71 Исключительно московским рабочим ячейкам уделит внимание Преображенский (Там же. С. 147).
- 72 Там же. С. 133. Ранее, выступая на партконференции Замоскворецкого района 4 января 1924 года, Сапронов начал содоклад с опровержения слов Зиновьева о 5 % поддержки оппозиции. Но и тогда кроме Москвы и Юзовки Сапронов упомянул лишь Киев и Одессу (Стенограмма партконференции Замоскворецкого района 4 января 1924 г. ... Л. 86).
- 73 Калинин М. По дискуSSIONным углам.
- 74 Hincks D. Support for the Opposition in Moscow. P. 144.
- 75 Рогожско-Симоновский район. Советские ячейки // ЦГА Москвы. Ф. 3-П. Оп. 11. Д. 85а. Л. 86.
- 76 Сокольники. Советские ячейки // Там же. Л. 97.
- 77 Правда. 1923. 25 декабря.
- 78 Правда. 1924. 3 января. НКПС затем отдал свой голос в поддержку линии ЦК по экономической политике (Там же. 15 января). Нарком НКПС Дзержинский в письме Сталину сообщал, что Политсекретариат НКПС оказался «в руках оппозиционера Львова», и предложил распустить его (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 726. Л. 39).
- 79 Правда. 1924. 9 января.
- 80 Правда. 1923. 29 декабря. Через 5 лет специальная комиссия докладывала, что в 1923 году «подавляющее большинство ячеек, с руководящим административным персоналом и бюро ячейки, не исключая и секретаря, являлись оппозиционерами» (Заключение комиссии по изучению вопроса о выполнении директив XV съезда ВКП(б) об идейном воздействии на рядовых членов оппозиции и очищении партии от всех явно

- неисправимых элементов троцкистской оппозиции // ЦГА Москвы. Ф. 2867-П. Оп. 1. Д. 112. Л. 95).
- 81 Правда. 1924. 5 января.
- 82 Там же. 3 января, 5 января. Собрание ячейки 4 января 1924 года приняло оппозиционную резолюцию (ЦГА Москвы. Ф. 192-П. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-2).
- 83 Резолюция о дискуссии о новых задачах партии общего собрания ячейки Наркомтруда 14 декабря 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 206. Л. 8.
- 84 Если верить словам Ярославского, Иван Смирнов, известный военно-политический лидер («Сибирский Ленин», организатор разгрома войск Колчака), уделял большое внимание военным: «...в военных ячейках выступает товарищ Иван Никитич Смирнов и говорит: “Как, зачем выражать доверие Центральному Комитету? Это совершенно не нужно”» (Тринадцатая конференция. С. 123).
- 85 Афоризмы и изречения великих людей // Красный перец. 1924. № 18. С. 14.
- 86 *Hincks D.* Support for the Opposition in Moscow. P. 143.
- 87 Бюллетень Краснопресненской районной конференции РКП(б). М., 1924. № 1-2. С. 4-5.
- 88 Тринадцатая конференция. С. 190.
- 89 Там же. С. 123.
- 90 В то же время глава ПУРа Антонов-Овсеенко, отвечая на обвинения во фракционности, заявил, со ссылкой на сторонника ЦК, что из 8 военных академий лишь в двух были приняты оппозиционные резолюции (РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 314. Л. 20об.).
- 91 Материалы о партийной дискуссии в Красной армии (Сводка ПУР от 9 января) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 477. Л. 42.
- 92 *Калинин М.* По дискуссионным углам // Правда. 1924. 17 января.
- 93 *Hincks D.* Support for the Opposition in Moscow. P. 144.
- 94 ЦГА Москвы. Ф. 3-П. Оп. 11. Д. 85а. Л. 79-80, 85, 92, и др.
- 95 *Hincks D.* Support for the Opposition in Moscow. P. 145-146.
- 96 *Ibid.* P. 142.
- 97 Правда. 1924. 5 января.
- 98 *Плеханов А. М.* ВЧК-ОГПУ: отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики, 1921-1928. М., 2006. С. 264. Согласно письмам секретарей провинциальных парторганизаций, оппозиционную резолюцию вынесла ячейка ОГПУ в Рязани, активным оппозиционером в Иркутске был замначальника ГПУ (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 261. Л. 31; Д. 211. Л. 41).
- 99 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 62.
- 100 *Шлёгель К.* Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918-1945). М., 2004. С. 454.
- 101 Стенограмма заседания Бауманской районной конференции РКП(б) 7-8 января 1924 г. ... Л. 69; 132; Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8-10 января 1924 г. ... Л. 127-128.

- 102 Представляется, что все стороны конфликта следовали негласному консенсусу в отношении недопустимости вовлечения армии в политические конфликты.
- 103 В. М. Азаренко обратила внимание на то, что обсуждение проблем партийной прессы длилось очень недолго. Причиной тому послужила публикация 2 декабря сообщения ЦКК о разгроме оппозиционной «Рабочей группы», которая отстаивала свободу печати (Азаренко В. М. Большевицкая печать как инструмент внутрипартийной борьбы. С. 107). Представляется, что большинство сторонников оппозиции, воспринимало проблему партийной печати как подчиненную более широкому кругу вопросов.
- 104 «У нас существует только пародия на партийную демократию». Письмо И. В. Сталину кандидата в члены ВКП(б) С. Б. Захарова. 1926 г. // Исторический архив. 2007. № 6. С. 11.
- 105 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 34.
- 106 Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях... С. 784. Продолжение было вычеркнуто из исходного черновика: «Беспринципные нападки на центральный орган партии должны рассматриваться как нападение на основную линию партии» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 30. Л. 83).
- 107 Банков П. На местах // Красный перец. 1923. № 17. С. 16.
- 108 Стенограмма заседаний Замоскворецкой районной партконференции 6–9 декабря 1923 г. ... Л. 25.
- 109 В 1927 году Мотовилиха впервые была объединена с Пермью.
- 110 Сведения о количестве ячеек и количестве членов и кандидатов РКП(б) по райкомам Пермского округа на 1 января 1924 года // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. Л. 39.
- 111 Отчет о партийно-организационной работе Пермского окружкома РКП(б) за период с 1 ноября 1923 г. по 1 апреля 1924 г. // Там же. Л. 93. См. также распределение ячеек по кустам: Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 205. Л. 37.
- 112 Аликина Н. А. Дон Кихот пролетарской революции. Пермь, 2006.
- 113 Отчет инструктора пермского губкома. 1923 г. // ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 55. Л. 1.
- 114 Письмо И. П. Румянцева в губком 19 октября 1923 г. // Там же. Ф. 620. Оп. 1. Д. 429. Л. 74об.–75об.
- 115 Письмо И. П. Румянцева в губком, Уралбюро и ЦК 19 октября 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 307.
- 116 В октябрьском отчете Румянцев сообщал: «Но как бы не был недоволен рабочий сейчас чем либо, отношение его к Советской Власти и РКП не меняется, так что теперь его оппозиция, если можно так сказать, даже приятна, она вполне законна и служит показанием критического отношения рабочих к строительству, тем паче что разъяснение парторганов считается теперь как самое авторитетное, и они всегда соглаша-

- ются, злой демагогии и обывательского нытья среди рабочих стало совсем мало, а растет сознательное критическое отношение с целью лишь подтолкнуть ту или иную организацию» (ПермГАНИ. Ф. 620. Оп. 1. Д. 429. Л. 62об.). 20 ноября президиум райкома обсуждал вопрос «о ненормальностях взаимоотношений рабочих с администрацией», но эти проблемы, видимо, не имели политической нагрузки (Там же. Д. 424. Л. 58).
- 117 Протокол Пленума райкома № 2. Октябрь. 1923 // ПермГАНИ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 205. Л. 28об.
- 118 25 сентября 1923 года бюро Пермского губкома приняло «Инструкцию о плановой работе ячеек», согласно которой «...райкомы, прежде чем запрашивать план работы, должны выслать на места руководящие указания об очередности партийных задач и важности выдвигаемых вопросов в связи с общим положением промышленности, сельского хозяйства, а также исходя из местных условий...» (Там же. Ф. 557. Оп. 4. Д. 81. Л. 28).
- 119 Протокол пленума райкома № 2. Октябрь. 1923 // Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 205. Л. 28об. Ситуация по району № 2 не могла сильно отличаться от 3-го, в котором, согласно проведенному в августе 1923 года «контрольному дню», из 350 человек (исключая ответственных работников) «марксистски развитых» было 4 человека, в то время как «требующих прохождения школы политграмоты» — 244 партийца! (Там же. Ф. 557. Оп. 4. Д. 103. Л. 69).
- 120 Протокол I Пермской окружной конференции РКП(б) // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 4–5.
- 121 «Уклоны происходят главным образом среди самых ответственных работников, т. к. они, будучи хорошо обеспечены, могут лишний раз выпить, заводить своих лошадей и разъезжать в международных вагонах, чего, конечно, не может сделать рядовой коммунист» (Там же. Л. 6).
- 122 Там же. Л. 10.
- 123 Из характеристики, данной А. И. Баранову в 1925 году секретарем окружкома: «Член РКП(б) с 1917 года, работник губернского масштаба по партийной и профессиональной отрасли. Марксистски хорошо подготовлен, в работе живой, энергичный, в политической обстановке ориентируется. В дальнейшем целесообразно использовать на профессиональной работе» (Там же. Оп. 2. Д. 212. Л. 8).
- Секретная телеграмма секретаря окружкома в ЦК РКП(б) и комфракцию в ЦК профсоюза металлистов 20 декабря 1923 года содержала противоречивую оценку: «Тов. Баранов снят с работы в райкоме [профсоюза] металлистов вследствие того, что он по своему характеру не подходит для работы среди металлистов, так как действовал иногда без ведома райкома, самостоятельно, что раздражало рабочих, и на этой почве были конфликты и осложнения с мотовилихинскими рабочими, и до настоящего времени к нему чувствуется отрицательное отношение» (Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 56). Других свидетельств «раздражения» рабочих Барано-

вым не обнаружено, что позволяет предположить, что такая характеристика могла быть дана в условиях внутривнутрипартийной борьбы.

- 124 «Наша ячейка на заводе должна начать рассматривать себя как коммунистическую фракцию всего завода» (Зиновьев Г. Новые задачи партии // Правда. 1923. 7 ноября).
- 125 Протокол городской конференции РКП(б) 2 декабря 1923 г. // ПермГАНИ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 204. Л. 66–67.
- 126 Баранов А. Очередные задачи партии // Пролетарий. 1923. № 11–12. С. 11.
- 127 Протокол расширенного пленума пермского горрайкома РКП(б) совместно с бюро ячеек и членами партии 22 декабря 1923 г. // ПермГАНИ. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 155. Л. 47.
- 128 Там же. Л. 47, 89.
- 129 Там же. Л. 76.
- 130 Там же. Л. 75.
- 131 Ленский заявил на пленуме, что «не нужно скрывать... что ячейки отпихивали от хозяйственной жизни» (Протокол расширенного пленума пермского горрайкома РКП(б) совместно с бюро ячеек и членами партии 22 декабря 1923 г. // Там же. Л. 89).
- 132 Там же. Л. 57.
- 133 Там же. Л. 65.
- 134 Там же. Л. 79–80. Протокол записан неграмотно и тенденциозно, например: «Тов. Юдин приводит несколько на этот счет фактов, которые носят чрезвычайно малый характер и не по существу», «Подробно останавливается на возражение ему кое-кого (из оппозиционеров? — А. Р.)».
- 135 Секретарь Горрайкома передал Окружной контрольной комиссии наиболее интересные цитаты под грифом «совершенно секретно». Так, в одном постановлении звучало утверждение, что Боровский подрывал авторитет партии тем, что имел несколько рысаков (Там же. Л. 53).
- 136 Там же. Л. 73; 64; 85.
- 137 Там же. Л. 77.
- 138 Родился в 1902 году в Кунгуре, член РКП(б) с 1919 года. Исполнял обязанности заведующего Усольским политпросветом, осенью 1923 года был секретарем Пермского уездного комитета. Расстрелян 26 мая 1937 года в Москве (ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 82. Л. 94).
- 139 Там же. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 155. Л. 77–77об.
- 140 В докладе ячейки электростанции за январь–март 1924 года секретарь отметил «солидный практический стаж» Шнейдермана (Там же. Д. 95. Л. 103об.).
- 141 Дискуссия на местах // Правда. 1923. 23 декабря.
- 142 ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 19–19об.
- 143 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 29. Л. 71.
- 144 ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 82. Л. 2. Матвеев, 1894 г.р., член партии с 1918 г., был сыном известного пермского социал-демократа-интернационалиста П. А. Матвеева.
- 145 Там же. Ф. 90. Оп. 4. Д. 718. Л. 38.

- 146 Протокол собрания членов и кандидатов РКП(б) II куста горрайкома 3 января 1924 г. // ПермГАНИ. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 86. Л. 36.
- 147 Протокол собрания членов и кандидатов РКП(б) III куста 3.1.1924 // Там же. Л. 56.
- 148 Пермские градоначальники. Пермь, 2008. С. 146.
- 149 В характеристике, данной Сигову секретарем партийной ячейки, утверждалось, что за ним «никаких уклонов от большевистской линии не замечалось» (ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 212. Л. 92).
- 150 Об «угрозе ленинизму в выступлениях тов. Преображенского» скажет один из сторонников ЦК (Там же. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 86. Л. 57).
- 151 Там же. Л. 57об.
- 152 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 78об.
- 153 Протокол районного собрания Мотовилихи 3 января 1924 г. // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 15.
- 154 Шубин Сергей Степанович (1892–1934), рабочий-слесарь, в РКП(б) с 19.07.1917 г., на 1924 год — секретарь ячейки Сталелитейного цеха Мотовилихинского завода (ПермГАНИ. Учетная карточка образца 1926 г. на Шубина С. С.).
- 155 Протокол районного собрания Мотовилихи 3 января 1924 г. // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 15. Возможно, автор прямо ссылался на тот факт, что в 1922 году Сапронова сняли с должности секретаря Уралбюро ЦК.
- 156 Бурылов Георгий Петрович (1884–?), в партии с 1.08.1917 г., рабочий (столяр модельного цеха ММЗ), в 1918–1920 годах рядовой РККА, в 1920–1922-м приказчик, с 1922 по 1930 год столяр; далее работал десятником, зам. начальника, учетчиком, токарем, модельщиком (ПермГАНИ. Учетная карточка образца 1926 г. на Бурылова Георгия Петровича).
- 157 «Федулова выступала против ЦК, а сама являлась чистейшим бюрокра- том в своей работе», — сказал в заключение Советников (Протокол рай- онного собрания Мотовилихи 3 января 1924 г. // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 15).
- 158 Там же. Л. 14–14об.
- 159 Протокол I Мотовилихинской районной партийной конференции 9 ян- варя 1924 г. // Там же. Л. 81–82.
- 160 Информационный отчет пермского окружкома за декабрь 1923 — ян- варь-февраль 1924 года // Там же. Д. 11. Л. 14.
- 161 Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Пермский край: документы и материалы: 1917–1940. Т. 1. Пермь, 2008. С. 447.
- 162 Стенограмма Рогожско-Симоновской районной конференции РКП(б) 3–6 января 1924 г. ... Л. 60.
- 163 Письмо Корсукова Михайлову 4 января 1924 г. // ПермГАНИ. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 131. Л. 254.
- 164 Секретарь горрайкома привел в качестве исключения ячейку завода «Старый бурлак» (Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 78об.).
- 165 Там же. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 86. Л. 65.

- 166 Протокол районного собрания Мотовилихи 3 января 1924 г. // Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 15.
- 167 Стенограмма заседания Сокольнической районной конференции 7–8 января 1924 г. ... Л. 98.
- 168 *Вайнштейн А. Е.* В Хамовниках // Первое десятилетие: воспоминания ветеранов партии — москвичей. М., 1982. С. 231.
- 169 Состав баз и секретарей ячеек Хамовнического райкома РКП(б) на 15 октября 1923 г. // ЦГА Москвы. Ф. 669-П. Оп. 11. Д. 4. Л. 9–10.
- 170 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 72; Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 213.
- 171 Там же. Т. II. 8–10 января 1924 г. ... Л. 217.
- 172 ЦГА Москвы. Ф. 3-П. Оп. 5. Д. 43. Л. 72. Представители 2-го МГУ также пожаловались, что не получили ни одного делегатского места (Там же. Л. 71).
- 173 Там же. Л. 80.
- 174 Протокол общего объединенного собрания ячеек РКП(б) при пекарнях МСПС 16 января 1924 г. // Там же. Ф. 88-П. Оп. 1. Д. 199. Л. 38.
- 175 Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 53.
- 176 Резолюция общего собрания ячейки Разведота 11 января 1924 г. // ЦГА Москвы. Ф. 3-П. Оп. 11. Д. 85а. Л. 462.
- 177 Там же. Л. 463; *Гарнюк С. Д.* Московская власть. Очерки истории партийных и советских органов. Март 1917 — октябрь 1993. М., 2014. С. 170.
- 178 Протокол № 1 объединенного заседания старого и нового состава райкома от 13 января 1924 г. // ЦГА Москвы. Ф. 88-П. Оп. 1. Д. 184. Л. 1.
- 179 Там же. Л. 2.
- 180 *Вайнштейн А. Е.* В Хамовниках. С. 231.
- 181 Протокол № 1 объединенного заседания старого и нового состава райкома от 13 января 1924 г. // ЦГА Москвы. Ф. 88-П. Оп. 1. Д. 184. Л. 2.
- 182 Протокол № 3 заседания Хамовнического райкома от 12 февраля 1924 г. // Там же. Л. 6.
- 183 Резолюция // Там же. Ф. 3-П. Оп. 11. Д. 85а. Л. 468.
- 184 Протокол общего объединенного собрания ячеек РКП(б) при пекарнях МСПС 16 января 1924 г. // Там же. Ф. 88-П. Оп. 1. Д. 199. Л. 38.
- 185 Протокол № 1 заседания исполнительного бюро Хамовнического района РКП от 19 января 1924 г. // Там же. Д. 186. Л. 1.
- 186 Протокол № 2 заседания исполнительного бюро Хамовнического района РКП от 23 января 1924 г. // Там же. Л. 2; Протокол № 3 заседания исполнительного бюро Хамовнического района РКП от 25 января 1924 г. // Там же. Л. 3. На собрании 4 февраля по предложению Максимовского постановили просить агитпроп ЦК освободить Жакова от антирелигиозной работы «ввиду перегруженности его основной работой в райкоме» (Протокол № 4 от 4 февраля 1924 г. // Там же. Л. 4).
- 187 Протокол № 4 заседания исполнительного бюро Хамовнического района РКП от 4 февраля 1924 г. // Там же. Л. 4–4об.
- 188 Протокол № 3 заседания Хамовнического райкома от 12 февраля 1924 г. // Там же. Д. 184. Л. 5об. Шляхман заявил, что «нашел» список в орготделе и передал его Юревичу (Там же. Л. 6об.).

- 189 Постановление партколлегии МКК по разбору конфликта между Жакowym и Юревичем // Правда. 1924. 21 февраля.
- 190 Протокол № 3 заседания Хамовнического райкома от 12 февраля 1924 г. // ЦГА Москвы. Ф. 88-П. Оп. 1. Д. 184. Л. 5.
- 191 Там же. Выступивший в прениях Ширяев заявил, что Шляхман и Гутман «...всегда игнорировали нас и смотрели недоверчиво; вот эта ненормальность заставила нас поставить вопрос об их снятии с работы» (Там же. Л. 5об.).
- 192 Там же. Л. 5об.
- 193 Там же. К этому же свелось и выступление Сапронова (Там же. Л. 5об.-6).
- 194 Там же. Л. 6.
- 195 Там же. Л. 5об. Заявление было внесено в протокол по предложению председателя собрания.
- 196 Протокол общего собрания членов и кандидатов Хамовнического района 15 февраля 1924 г. // ЦГА Москвы. Ф. 88-П. Оп. 1. Д. 190. Л. 6-6об. Вскоре Дрожжин, в качестве секретаря, расскажет, что по вопросу об отношении к резолюции XIII конференции РКП(б) Максимовский предложил «просто принять к сведению и перейти к очередным делам», но его поддержало лишь 70 человек (Стенограмма III Хамовнической районной партконференции (Т. II) // Там же. Д. 174. Л. 116).
- 197 Перелом // Комячейка. 1924. 18 марта.
- 198 Протокол общерайонного собрания членов и кандидатов РКП Хамовнического района 16 февраля 1924 г. // ЦГА Москвы. Ф. 88-П. Оп. 1. Д. 174. Л. 7-10.
- 199 Стенограмма III Хамовнической районной партконференции (Т. II) // Там же. Л. 49.
- 200 Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период / Под ред. В. Л. Игнатьева. М., 1969. С. 148.
- 201 Протокол № 4 заседания Хамовнического райкома от 21 февраля 1924 г. // ЦГА Москвы. Ф. 88-П. Оп. 1. Д. 184. Л. 6.
- 202 Там же. Л. 6-7.
- 203 Там же. Л. 7об.
- 204 Там же.
- 205 Стенограмма III Хамовнической районной партконференции (Т. II) // Там же. Д. 174. Л. 71.
- 206 Правда. 1924. 13 мая.
- 207 Стенограмма III Хамовнической районной партконференции (Т. I) // ЦГА Москвы. Ф. 88-П. Оп. 1. Д. 173. Л. 42, 44.
- 208 Там же. Л. 44. Требование умеренности Каменев так же подчеркнул в следующем пассаже: «Если кто-нибудь находит, что та работа, которая сейчас проводится по почти удвоению состава партии, по приему и переработке членов партии, если это в чьем-нибудь мозгу отражается, как “шитье”, то я должен сказать, что это любитель очень сильных ощущений» (Там же. Л. 45).
- 209 В частности, он сказал: «Наши ячейки были без руководящего партийного органа в течение полутора-двух месяцев» (Стенограмма III Хамов-

- нической районной партконференции (Т. II) // ЦГА Москвы. Ф. 88-П. Оп. 1. Д. 174. Л. 49). В итоге Артюхов призвал, чтобы конференция «потребовала» от Дрожжина «открыто» и «откровенно» дать оценку работе оппозиционного райкома (Там же. Л. 50).
- 210 Там же. Л. 49. Интересно, что во время «чистки» Артюхов был исключен из партии. В письме в его защиту, направленном в МКК, руководители райкома комсомола не могли не сделать акцент на его активной борьбе с оппозицией (Там же. Ф. 2867-П. Оп. 3. Д. 57. Л. 46).
- 211 Стенограмма III Хамовнической районной партконференции (Т. II) // Там же. Ф. 88-П. Оп. 1. Д. 174. Л. 69.
- 212 Там же. Л. 118.
- 213 Судя по всему, стенографистка не услышала остальные слова из-за поднятого шума. Дрожжин назвал «упреки» в том, что «конференция принимает решения под сурдинку, недостойным...» (Там же. Л. 141).
- 214 См. доклад о работе РКК и его обсуждение на заседании райкома 17 июля 1924 г. (Там же. Д. 184. Л. 18–19).
- 215 Записки, поданные на собрании членов и кандидатов РКП Хамовнического района 12 июня 1924 г. по докладу тов. Рыкова о XIII съезде // Там же. Д. 190. Л. 18.
- 216 Там же. Л. 27–30.
- 217 Любопытно, что на пленуме райкома 27 ноября 1924 г. в защиту Троцкого выступил студент 1-го МГУ, который оговорился, что во время дискуссии 1923 года он был на стороне ЦК (*Гарнук С. Д.* Московская власть. С. 173).
- 218 Стенограмма III Хамовнической районной партконференции (Т. II) // ЦГА Москвы. Ф. 88-П. Оп. 1. Д. 174. Л. 81. Кроме того, Вайнштейн заявила, что секретарь ячейки Гознака «отшивал» комсомольцев–сторонников ЦК (Там же).
- 219 Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1923–1938 гг.: В 3 т. Т. 2. 1926–1927 гг. М., 2007. С. 96. В 1921–1925 годах Котов был секретарем Сокольнического райкома Москвы.
- 220 *Halfin I.* Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh, 2007. P. 167.
- 221 *Каменев Л.* Статьи и речи. М., 1927. Т. 10. С. 19; Стенограмма заседаний Хамовнической районной партконференции. Т. I. 7 января 1924 г. ... Л. 24.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- 1 Этой точки зрения придерживались такие разные исследователи, как: *Carr E. H.* Interregnum: 1923–1924. London, 1954; *Daniels R. V.* Conscience of the Revolution. Communist Opposition in the Soviet Russia. Cambridge, 1960; *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008.
- 2 *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев». С. 303.
- 3 *Пирани С.* Русская революция в отступлении. М., 2013. С. 304–305.

- 4 Стенограмма общего собрания бюро ячеек Московской организации РКП(б) 11 декабря 1923 г. ... Л. 94.
- 5 Тройка намеренно не воспользовалась возможностью проведения полноценного расследования «фракционной деятельности». Документы Центрального архива ФСБ, в случае получения доступа к ним исследователей, позволили бы ответить на вопрос о «фракционности» оппозиции.
- 6 Ср.: «Лозунги демократизации партийной жизни находили отклик в партийной массе, не посвященной в истинные мотивы выступления оппозиции» (Павлюченков С. А. «Орден меченосцев». С. 303).
- 7 Сосновский Л. Письмо Троцкому / Архив Троцкого. Т. 2. Харьков, 2001. С. 93.
- 8 Стенограмма Рогожско-Симоновской районной конференции РКП(б) 3–6 января 1924 г. ... Л. 54.
- 9 Daniels R. V. The Conscience of the Revolution. Communist Opposition in the Soviet Russia. Cambridge, 1960. P. 230.
- 10 В письме Троцкого в Политбюро 15 марта 1933 года, ставшем последней тщетной попыткой оппозиционера наладить отношения, предлагалось «...открытое и честное сотрудничество исторически возникших фракций с целью превращения их в течения партии и их дальнейшего растворения в ней» (Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 55).
- 11 Павлюченков С. А. «Орден меченосцев». С. 323.
- 12 Пирани С. Русская революция в отступлении. С. 322–323.
- 13 Carr E. H. The Interregnum. P. 335–336.
- 14 Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Лев Троцкий. Книга Третья: Оппозиционер. 1923–1929 гг. М., 2013. С. 30.
- 15 Halfin I. Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh, 2007. P. 77.
- 16 С. Пирани кратко упомянул о «предвыборных махинациях», со ссылкой на архивные дела Замоскворецкого района Москвы, не пояснив при этом, как он пришел к таким выводам (Пирани С. Революция в отступлении. С. 319).
- 17 Levitsky S., Way L. A. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War. New York, 2010. P. 5.
- 18 Некоторые выводы специалистов по «внутрипартийной демократии» современных политических партий демократических обществ могли бы удовлетворить и Сталина: «Реальными правителями партий являются и должны являться... лидеры» партии. Внутрипартийная демократия, по их мнению, «является центральной для концепции демократии массовой партии, но потенциально враждебна последней» (Cross W. P., Katz R. S. The Challenges of Intra-Party Democracy. Oxford, 2013. P. 172).
- 19 Halfin I. Intimate Enemies. P. 327.

ХРОНИКА

- 23–25 сентября 1923 — Пленум ЦК РКП(б)
8, 10 октября 1923 — Письма Троцкого в ЦК и ЦКК
15 октября 1923 — «Заявление сорока шести» в Политбюро
25–26 октября 1923 — Расширенный Пленум ЦК
7 ноября 1923 — Начало дискуссии в «Правде»
20 ноября 1923 — Выступление Стукова на общегородском собрании группировки и секретарей Московского комитета
28 ноября 1923 — Публикация статьи Преображенского «О нашем внутрипартийном положении» в «Правде»
2 декабря 1923 — Выступление Преображенского на общем собрании Института красной профессуры
— Выступление Сталина на расширенном собрании партийного актива Краснопресненского района
3 декабря 1923 — Дискуссионное собрание Бауманской районной парторганизации принимает резолюцию Преображенского
4 декабря 1923 — Статья Троцкого «О казенщине, военной и всякой иной»
5 декабря 1923 — Принятие резолюции ЦК и ЦКК «О партстроительстве»
— Троцкий пишет черновик письма к партийным совещаниям
6 декабря 1923 — Статья Троцкого «О смычке»
— Дискуссионное собрание членов бюро ячеек Хамовнического района
6, 9 декабря 1923 — Партийное совещание Замоскворецкого района
7 декабря 1923 — Публикация резолюции «О партстроительстве»

- 8 декабря 1923 — Статья Сапронова
- 9 декабря 1923 — Письмо Троцкого в ЦК
- 11 декабря 1923 — Публикация письма Троцкого к партийным совещаниям «Новый курс» в «Правде»
- Выступление Сталина на заседании бюро ЦК РКСМ
- Дискуссионное собрание членов бюро ячеек и активных работников Московской организации РКП(б)
- 13 декабря 1923 — Передовая статья «Наша партия и оппортунизм» в «Правде»
- Письмо Троцкого в Политбюро и Президиум ЦКК, заявление Бухарина по тем же адресам
- 13, 15 декабря 1923 — Публикация статьи Сталина «О дискуссии, о тов. Рафаиле, о статьях тт. Преображенского и Сапронова и о письме тов. Троцкого»
- 14 декабря 1923 — Пленум МК
- Заявление 8 членов Политбюро
- Выступления Преображенского и Бухарина на дискуссионном собрании курсов уездных секретарей
- 15 декабря 1923 — Принятие «Заявления Петроградской организации членам нашей партии»
- 16 декабря 1923 — Дискуссионное собрание в Институте красной профессуры
- 17 декабря 1923 — Постановление Политбюро «Против обострения внутрипартийной борьбы»
- Дискуссионное собрание Коммунистического университета им. Свердлова
- 18 декабря 1923 — Публикация в «Правде» постановления Политбюро от 17 декабря 1923 и «Заявления Петроградской организации» от 15 декабря
- Дискуссионное собрание ячеек 1-й объединенной школы им. ВЦИК в Кремле
- 19–20 декабря 1923 — Дискуссионное собрание ОГПУ и МГО
- 20 декабря 1923 — Расширенное собрание Краснопресненского района
- 22 декабря 1923 — Письмо Троцкого в партачку вагонной мастерской московского участка Октябрьской железной дороги
- 25 декабря 1923 — Публикация резолюции ЦК «Об очередных задачах экономической политики»
- 27 декабря 1923 — Письмо Антонова-Овсеенко в Президиум ЦКК и Политбюро

- Дискуссионные собрания, посвященные экономической политике, в районных парторганизациях Москвы
- 29 декабря 1923 — Заявление Троцкого, Пятакова и Радека в Политбюро
- Заседание членов бюро ячеек и активных работников Москвы
- 31 декабря 1923 — Постановление ПБ о заявлении Троцкого, Пятакова, Радека; Ответ 9 членов и кандидатов Политбюро на письмо Троцкого 23 октября 1923
- 3–4 января 1924 — Краснопресненская районная партконференция
- 3–6 января 1924 — Рогожско-Симоновская районная партконференция
- 4–5 января 1924 — Замоскворецкая районная партконференция
- 6 января 1924 — Сессия Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала
- 7–8 января 1924 — Бауманская и Сокольническая районные партконференции
- 7–10 января 1924 — Хамовническая районная партконференция
- 10–12 января 1924 — XI Московская губернская партконференция
- 12–13 января 1924 — Пленум ЦКК
- 14–15 января 1924 — Пленум ЦК
- 16–18 января 1924 — XIII конференция РКП(б)
- 21 января 1924 — Смерть Ленина
- 23–31 мая 1924 — XIII съезд РКП(б)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Азгитпроп* — Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б)
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВСВО — Восточно-Сибирский военный округ
Всерокомпом — Всероссийский комитет помощи больным и раненым красноармейцам
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские
ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный комитет
ВЦСПС — Всероссийский центральный совет профсоюзов
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГКК — Губернская контрольная комиссия
Главвоенпром СССР — Главный военно-промышленный комплекс СССР
Главконцеском — Главный комитет по делам о концессиях и акционерных обществах
Главполитпросвет — Главный политико-просветительный комитет Наркомпроса РСФСР
Главэнерго — Главное электротехническое управление ВСНХ СССР
Горрайком — Городской районный комитет РКП(б)
Госиздат — Государственное издательство РСФСР
Госплан — Государственная плановая комиссия СССР
ГПУ — Государственное политуправление НКВД РСФСР
Губком — Губернский комитет РКП(б)
Губсовпартишкола — Губернская советская партийная школа
Дальбюро — Дальневосточное бюро ЦК РКП(б)
Женотдел — Отдел по работе среди женщин
ИКП — Институт красной профессуры
ИНИОН РАН — Институт научной информации по общественным наукам РАН
ИРИ РАН — Институт российской истории РАН

- КК* — Контрольная комиссия
Коминтерн — Коммунистический Интернационал
Комсомол — см. РКСМ
КП(б)У — Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КПУ — Коммунистическая партия Украины
Лениздат — Ленинградское книжно-газетное издательство
МВО — Московский военный округ
МГО — Московское губернское отделение ГПУ
МГУ — Московский государственный университет
МК — Московский комитет РКП(б)
МКК — Московская контрольная комиссия
ММЗ — Мотовилихинский механический завод
МОНО — Московский отдел народного образования
Наркомат — Народный комиссариат
Наркомвнешторг — Народный комиссариат внешней торговли СССР
Наркомвнудел — Народный комиссариат внутренних дел СССР
Наркоминдел — см. НКИД
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
Наркомтруда — Народный комиссариат труда
Наркомюст — Народный комиссариат юстиции
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКИД — Народный комиссариат иностранных дел СССР
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения СССР
ОГИ — Объединенное гуманитарное издательство
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
Окружком, ОК — Окружной комитет РКП(б)
Орграспред[отдел] — Организационно-распределительный отдел ЦК ВКП(б)
ПермГАНИ — Пермский государственный архив новейшей истории
Политбюро, ПБ — Политическое бюро РКП(б)
Политиздат — Центральное издательство политической и историко-партийной литературы СССР
Полпредство — Полномочное дипломатическое представительство СССР
Предупрофбюро — Председатель профсоюзного бюро
ПРИВО — Приволжский военный округ
Профинтерн — Профсоюзный интернационал
ПУОКР — Политическое управление военного округа
ПУР — Политическое управление армии
Райком — Районный комитет РКП(б)
РАН — Российская академия наук
РВСР — Революционный военный совет Республики (Реввоенсовет)
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА — Российский государственный военный архив
Реввоенсовет — Революционный военный совет (РВСР)

- Ревком* — Революционный комитет
РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция
РККА — Революционный комитет Красной армии
РКП(б) — Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РКСМ — Российский Коммунистический союз молодежи
РОССПЭН — Издательство «Российская политическая энциклопедия»
РОСТ — Российское телеграфное агентство
СНК — Совет Народных комиссаров
Уком — Уездный комитет РКП(б)
УлГТУ — Ульяновский государственный технический ун-т
Учраспред — Учетно-распределительный отдел
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ЦГА Москвы — Центральный государственный архив Москвы
ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК — Центральный комитет
ЦКК — Центральная контрольная комиссия
ЦО — Центральный (печатный) орган
ЧК — Чрезвычайная комиссия
ЧОН — Части особого назначения
Югосталь — трест угольной промышленности Донбасса в 20-е годы XX века

ЛИТЕРАТУРА

1. Архивы

*Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ)
Российский государственный архив социально-политической истории
(РГАСПИ)*

*Российский государственный военный архив (РГВА)
Центр документации общественных организаций Свердловской об-
ласти (ЦДООСО)*

*Центральный государственный архив историко-политических до-
кументов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб)*

Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы)

2. Опубликованные документы

XI Московская губернская конференция РКП(б). М., 1924.

*«У нас существует только пародия на партийную демократию». Пись-
мо И. В. Сталину кандидата в члены ВКП(б) С. Б. Захарова. 1926 г. //*
Исторический архив. 2007. № 6. С. 4–14.

*«Я заявляю»: Ультиматум Карла Радека в Политбюро ЦК РКП(б) // Ис-
точник. 1998. № 2. С. 44–45.*

Архив Троцкого. Т. 2. Харьков: Око, 2001.

*Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927.
Т. 1. М.: Терра, 1990.*

*«Атмосфера, создавшаяся за последнее время в партии, чрезвычай-
но тягостная». Чистка в РКП(б) 1924 года // Исторический архив.
2008. № 2. С. 130–176.*

*Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927: Сб. документов.
М.: РОССПЭН, 1996.*

- Борисова Л. В. «Забастовка показала... чрезвычайное упорство и озлобленность рабочих» // Отечественные архивы. 2008. № 6. С. 77–83.
- Борисова Л. В. «Мы бросили работу. Придите к нам на помощь...» Документы Центрального архива ФСБ России о забастовках московских текстильщиков в 1923 году // Российская история. 2010. № 4. С. 14–23.
- Бюллетень VIII Всеукраинской конференции Коммунистической партии (большевиков) Украины. 15 мая 1924 г. № 2.
- Бюллетень VIII-й Кубано-Черноморской Областной конференции РКП(б). 29 апреля — 4 мая 1924 г. [Б. м.,] 1924.
- Бюллетень Краснопресненской районной конференции РКП(б). Пятница 4-го января 1924 г. М.: Красная новь, 1924. № 1–2.
- Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М.: Политиздат, 1959.
- Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: Стеногр. отчет. М.: Политиздат, 1968.
- Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стеногр. отчет. М.: Политиздат, 1963.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, и пленумов ЦК. 1898–1953. Изд. 7-е. М., 1953.
- Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Пермский край: документы и материалы: 1917–1940. Т. 1. Пермь: Банк культурной информации, 2008.
- Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов / Под ред. А. А. Гусейнова и др. М.: Политиздат, 1989.
- РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923 г. / Отв. сост. В. П. Вилкова. М.: РОССПЭН, 2004.
- Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). 1923–1938 гг.: В 3 т. Т. 2. 1926–1927 гг. М.: РОССПЭН, 2007.
- Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. М.: Красная новь, 1924.
- Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стеногр. отчет. М.: Политиздат, 1963.
- Corney F. (ed). Trotsky's Challenge The «Literary Discussion» of 1924 and the Fight for the Bolshevik Revolution. Leiden: Boston, 2015.
- Vilkova V. (ed). The Struggle for Power: Russia in 1923. Amherst, NY: Prometheus Press, 1996.

3. Газеты и журналы

- Известия. 1923.
- Коммунистическое просвещение. 1923.
- Коммунистка. 1923.
- Комячейка: Орган МК РКП(б). 1924.
- Красный перец. 1923.

Красный студент. 1923.

Огонек. 1923.

Петроградская правда. 1923.

Политработник. 1923; 1924.

Правда. 1923–1924.

Пролетарий: Ежемесячник Пермского Губкома. 1923.

Пролетарская революция. 1923.

Рабочая газета. 1923.

Сибирские огни. 1923.

Советская Сибирь. 1923.

4. Специальные тексты

КПСС. Справочник. М.: Политиздат, 1963.

Материалы по самообразованию. Троцкий — Вопросы быта. Баку: Бакинский рабочий, 1924.

Миценко М. Партийно-политическая работа в Красной армии. Систематический указатель литературы за 1918–1928 гг. М.; Л.: Госиздат, 1928.

Политический словарь: Кратк. науч.-поп. толкование слов / Под общ. ред. Б. М. Эльцина. М.: Главполитпросвет, 1922.

Политический словарь: Кратк. науч.-поп. толкование слов / Под общ. ред. Б. М. Эльцина. 2-е изд., доп. и испр. М.: Красная новь, 1924.

Старый и новый быт / Под ред. В. Г. Тан-Богораз. Л.: Госиздат, 1924.

5. Публицистика, мемуарная и художественная литература, сочинения государственных и политических деятелей

Абрамович И. Л. Воспоминания и взгляды. Кн. 1: Воспоминания. М.: Крук-Престиж, 2004.

Абрамович И. Л. Воспоминания и взгляды. Кн. 2: Взгляды. М.: Крук-Престиж, 2004.

Агол И. Хочу жить; *Агол В.* Так и жили. М.: Аграф, 2011 (издано одной книгой).

Андреев А. А. Воспоминания, письма. М.: Политиздат, 1985.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992.

Вайнштейн А. Е. В Хамовниках // Первое десятилетие: воспоминания ветеранов партии — москвичей. М.: Московский рабочий, 1982.

Валентинов Н. В. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М.: Современник, 1991.

Васильченко С. Не той стороною. М.; Л.: Госиздат, 1928.

- Воронков М. И. Интеллигент и эпоха: Дневники, воспоминания, статьи (1911–1941 гг.). Рязань: Трибунский П. А., 2013.
- Григорьев Г. И. Повороты судьбы и произвол: Воспоминания. 1905–1927 годы. М.: ОГИ, 2005.
- Григорьев Г. Повороты судьбы и произвол: Воспоминания. Кн. 2. 1928–1972 гг. СПб.: Карелико, 2010.
- Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М.: Вагриус, 2003.
- Канатчиков С. История одного уклона. 5-е изд., доп. Л.: Прибой, 1925.
- Ленин В. И. Добавление к письму от 24 декабря 1922 г. // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 346.
- Ленин В. И. Кризис партии // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1970. С. 234–244.
- Ленин В. И. Письмо к съезду // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 343–348.
- Лелешинский П. «Партийная лихорадка» 20 лет тому назад // Пролетарская революция. 1924. № 2. С. 23–45.
- Микоян А. И. В начале двадцатых... М.: Политиздат, 1975.
- Павлов И. М. 1920-е: Революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб.: Петербург — XXI век, 2001.
- Серг В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.: Праксис; Оренбург: Оренбург. кн., 2001.
- Суварин Б. О Ленине, Троцком и Сталине. [Paris:] Allia, 1990.
- Сущевский Я. [Блюмкин Я. Г.]. День Троцкого // Огонек. 1923. № 1. С. 2–4.
- Троцкий Л. Вопросы быта: Эпоха «культурничества» и ее задачи. М.: Красная новь: Главполитпросвет, 1923.
- Троцкий Л. Вопросы быта: Эпоха «культурничества» и ее задачи. 2-е изд. М.: Красная новь, 1923.
- Троцкий Л. Поколение Октября. М.: Молодая гвардия, 1923.
- Троцкий Л. Вопросы культурной работы. М.: Госиздат, 1924.
- Троцкий Л. Новый курс. М.: Красная новь, 1924.
- Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. XXI. Культура переходного периода. М.; Л.: Госиздат, 1927.
- Троцкий Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т. 2. М.: Книга, 1990.
- Троцкий Л. Д. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. (Подготовлено по изданию 1923 г.).
- Троцкий Л. Д. Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года). Л.: Лениздат, 1991.
- Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. М.: Изд-во гум. литературы, 1994.

- Троцкий Л. Д. Письма из ссылки. М.: Изд-во гум. литературы, 1995.
- Троцкий Л. Господину председателю Совета министров Франции. 3 марта 1937 [Электронный ресурс] / Л. Д. Троцкий. Архив в 9 т.: Т. 8. Режим доступа: http://lib.ru/TROCKII/Arhiv_Trotskogo_t8.txt, дата обращения: 14.09.2016.
- «Я был сторонником Троцкого...» // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 93–104.
- Ярославский Е. Л. Д. Троцкий — Антид Ото: литературная деятельность Л. Д. Троцкого в сибирской газете «Восточное обозрение» в 1900–1902 гг. // Сибирские огни. 1923. № 1–2. С. 113–126.
- Ярославский Е. Краткие очерки по истории ВКП(б). 2-е изд. Ч. 2. М.; Л.: Госиздат, 1928.
- Baitalskii M. Notebooks for the Grandchildren: Recollections of a Trotskyist Who Survived the Stalin Terror. Atlantic Highlands: Humanities Press, 1995.
- Dune E. M. Notes of a Red Guard. Urbana, Ill.: University of Illinois Press, 1993.
- Rosmer A. Moscow under Lenin. New York; London: Monthly Review Press, 1973.

6. Исследовательская литература

- Абрамов А. Борьба партии против троцкизма в 1923–1924 гг. // Пропаганда и агитация. 1940. № 5–6. С. 31–43.
- Азаренко В. М. Большевицкая печать как инструмент внутрипартийной борьбы (1920–1928 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2008.
- Аликина Н. А. Дон Кихот пролетарской революции: Документальная повесть о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП(б) за свободу слова и печати (1920–1922 гг.). Пермь: Пушка, 2006.
- Борьба Коммунистической партии против правого и «левого» оппортунизма (1909–1930). Межвуз. тематич. сб. / Под ред. Л. И. Быстровой. Калинин: Изд-во Калининск. гос. ун-та, 1978. С. 92–113.
- Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период / Под ред. В. Л. Игнатьева. М.: Мысль, 1969.
- Васецкий Н. А. Троцкий: Опыт политической биографии. М.: Республика, 1992.
- Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010.
- Волгогонов Д. А. Троцкий: Политический портрет. Кн. 2. М.: Новости, 1992.

- Вязьмитинова И. П. Дискуссии 1920-х годов и формирование сталинской вертикали власти // Россия в многополярном мире: поиск путей инновационного и креативного развития: сб. науч. трудов IV Всерос. науч.-практич. конф., г. Ульяновск, 16–17 ноября 2010 г. Ульяновск: УлГТУ, 2010. С. 128–137.
- Вяткин А. Я. Разгром Коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп (ноябрь 1920–1925 гг.). Ч. 1. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1966.
- Вяткин А. Я. Идейно-политический и организационный разгром троцкизма (1921–1928 гг.): Автореф. дис.... докт. ист. наук. Л., 1970.
- Гарнюк С. Д. Московская власть: Очерки истории партийных и советских органов. Март 1917 — октябрь 1993. М., 2014.
- Голицын С. М. Записки уцелевшего. М.: Орбита, 1990.
- Горин М. Евгений Преображенский: Большевик из поповичей // Россия XXI. 2011. № 5. С. 102.
- Горин М. М., Цакунов С. В. Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2. С. 23–42.
- Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. 2-е изд., испр. М.: РОССПЭН, 2009.
- Гусев А. В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 1920-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85–103.
- Гусев А. В. Децисты — «пролетарская оппозиция» сталинизму // Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность: Материалы междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 3–4 ноября 2012 г.). М., 2014. С. 53–61.
- Демидов В. В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929. Новосибирск: СКЦ, 1994.
- Дмитренко С. Л. Борьба КПСС за единство своих рядов. М.: Политиздат, 1976.
- Дмитренко С. Л. Сплоченными рядами: Комсомол в борьбе против троцкизма. М.: Молодая гвардия, 1987.
- Дойчер И. Троцкий: безоружный пророк, 1921–1929. М.: Центрполиграф, 2006.
- Долгов В. В. Проблемы единства комсомола во внутрипартийной борьбе 20-х годов. М.: Молодая гвардия, 1989.
- Донков И. П., Полещук Н. С. Судьба большевика // Они не молчали. М., 1991. С. 86–101.
- Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Жуков Ю. Н. Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1925 годы. М.: Аква-Терм, 2014.

- Зданович А.* «Теплая компания» «Красного Бонапарта». Был ли заговор военных в 1923 году? // Родина. 2008. № 12. С. 43–47.
- Иванов В. М.* Борьба партии против антиленинских течений и групп в период строительства социализма (1921–1929 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.
- Истер Д. М.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН, 2011.
- Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма.* М.: Мысль, 1975.
- Исторический очерк внутрипартийной борьбы послеоктябрьского периода.* 2-е изд. М.; Л.: Московский рабочий, 1931.
- История Коммунистической партии Советского Союза* / Под ред. П. Н. Поспелова. Т. 4, кн. 1. М., 1970.
- Климов Ю. Н.* Борьба большевиков Северо-Западной области против троцкизма в 1923–1924 гг. // Борьба Коммунистической партии против правого и «левого» оппортунизма (1909–1930). Межвуз. тематич. сб. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1978. С. 92–113.
- Козер Л. А.* Функции социального конфликта. М., 2000.
- Колоницкий Б. И.* Интеллигент конца XIX — начала XX века: Проблемы идентификации (К постановке вопроса) // Социальная история: Ежегодник. 2010. СПб.: Алетейя, 2011. С. 9–42.
- Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- Колоницкий Б. И.* Керенский как «новый человек» и новый политик: к генеалогии культа личности // Человек и личность в истории России, конец XIX–XX век: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 года). СПб.: Нестор-История, 2013. С. 262–274.
- Корунаев А. В.* Борьба с троцкизмом в партийных вузов Москвы и Ленинграда. Депонированная рукопись, хранящаяся в ИНИОН РАН. М., 1988.
- Краснов А. В.* ЦКК–РКИ в борьбе за социализм (1921–1934 гг.). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973.
- Краус Т.* Советский термидор: Духовные предпосылки сталинского поворота, 1917–1928. Будапешт: Меценат, 1997.
- Кружинов В. М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень: Изд-во Тюменск. гос. ун-та, 2000.
- Кружинов В. М.* «Новый курс» Л. Д. Троцкого и большевистская элита Урала // Вестник Тюменск. гос. ун-та. 2013. № 2. С. 113–120.
- Куликов Э. А.* Дискуссия 1923 года по партстроительству на страницах центральной печати и в Томской губернской парторганизации //

- Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность: Сб. статей. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1991.
- Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Левин М. Советский век. М.: Европа, 2008.
- Лежнев А. Вопросы литературы и критики. М.: Круг, 1926.
- Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010.
- Люттов Л. Н. Партия правящей бюрократии в начале нэпа. Провинция. (Симбирская губернская организация РКП(б) в 1921–1923 гг.). Ульяновск: Симбирск. кн., 2004.
- Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002.
- Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
- Мельников В. П. Областные бюро ЦК РКП(б). Из опыта КПСС по идейному и организационному укреплению местных партийных организаций (1920–1925 гг.). М.: Мысль, 1981.
- Мельников В. П. Политические дискуссии 20-х годов и их эволюция // Политические дискуссии в 20-е годы: Сб. науч. трудов. М.: ЛУЧ, 1992. С. 3–34.
- Московские большевики в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом. 1921–1929 гг. / Под ред. А. Н. Пономарева. М.: Московский рабочий, 1969.
- Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М.: ИВИ РАН, 2000.
- Насенник Н. Г. Внутрипартийная борьба 20-х годов и поражение оппозиции. Минск: Веды, 1997.
- Новейшая история России. 1914–2005: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. М. В. Ходякова. М.: Юрайт, 2007.
- Носов А. П. Советские историки о борьбе против троцкизма: Научно-аналитический обзор. М., 1977.
- Олех Г. Л. Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992.
- Орлов И. Б. Социально-экономические аспекты внутрипартийной дискуссии 1923–1924 годов. М.: ИРИ РАН, 1994.
- Павлов В. С. Борьба Коммунистической партии против троцкизма по вопросам культурного строительства (1921–1927 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
- Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М.: Собрание, 2008.

- Петренко Н.* [Равдин Б. Н.] Ленин в Горках — болезнь и смерть. (Источниковедческие заметки) // Минувшее: Исторический альманах. Т. 2. М.: Феникс, 1990. С. 143–287.
- Пирани С.* Русская революция в отступлении. М.: Новый хронограф, 2013.
- Плеханов А. М.* ВЧК—ОГПУ: отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики, 1921–1928. М.: Кучково поле, 2006.
- Поташев А. Ф. В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий. Уроки идейной борьбы внутри правящей партии. (Историография вопроса).* Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1992.
- Примеров Е. В.* Борьба партии за ленинское единство своих рядов (1921–1924). Львов: Вища школа, 1979.
- Рабинович А.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М.: Прогресс, 1989.
- Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М.: Новый хронограф, 2008.
- Ракитин А. В.* Именем революции... (Очерки о В. А. Антонове-Овсеенко). М.: Политиздат, 1965.
- Ракитин А. В.* В. А. Антонов-Овсеенко: Историко-биографический очерк. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Лениздат, 1989.
- Рансьер Ж.* На краю политического. М.: Практика, 2006.
- Резник А. В.* [Рецензия] // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 266–269.
- Резник А. В.* Левая оппозиция в РКП(б): Дис.... канд. ист. наук. СПб., 2014.
- Роговин В. З.* Была ли альтернатива?: Троцкизм: взгляд через годы. М.: Терра, 1992.
- Рожков А. Ю.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Рокитянский Я. Г.* Гуманист октябрьской эпохи: Академик Д. Б. Рязанов — социал-демократ, правозащитник, ученый. М.: Собрание, 2009.
- Россия эпохальная / Под ред. С. А. Павлюченкова.* М.: Новый хронограф, 2002.
- Самофалов Н. М.* Политическая дискуссия в РКП(б) 1923/24 гг. и партийная молодежь: последствия и уроки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Сахаров В. А.* «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М.: Изд-во МГУ, 2003.
- Скоркин К. В.* Обречены проиграть. (Власть и оппозиция 1922–1934). М.: ВивидАрт, 2011.
- Слаухин Н. А.* Разоблачение В. И. Лениным теории и практики троцкизма (1917–1924 гг.). М.: Мысль, 1977.

- Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: Сб. статей / [редкол.: И. В. Нарский и др.]. Челябинск, 2011.
- Старцев В. И. Троцкий Л. Д. Страницы политической биографии. Л.: Знание, 1989.
- Суслов А. Б. Борьба Уральских организаций РКП(б) с мелкобуржуазными группами и течениями в 1919–1927 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1989.
- Турицын И. В. Кадровая политика РКП(б) и периодическая печать (1921–1925 гг.). Армавир: АГПИ, 1998.
- Тяжельникова В. С. «Военный синдром» в поведении коммунистов 1920-х годов // Военно-историческая антропология. М., 2002. С. 291–305.
- Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Лев Троцкий. Книга Третья. Оппозиционер. 1923–1929 гг. М.: Центрполиграф, 2013.
- Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Лев Троцкий. Книга Четвертая: Враг № 1. М.: Центрполиграф, 2013.
- Фицпатрик Ш. «Срывайте маски»! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011.
- Фрезинский Б. Троцкий. Каменев. Бухарин. Избранные страницы жизни, работы и судьбы. М.: Новый хронограф, 2015.
- Чернявский Г. И. Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010.
- Черушев Н. С. 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М.: Вече, 2003.
- Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб.: Европейский Дом, 2007.
- Шабалин В. В. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестник Пермск.ун-та. Сер. «История». 2013. № 2 (22). С. 159–166.
- Шапиро Л. История коммунистической партии Советского Союза. Лондон: Оверсайс, 1990.
- Шарапов Ю. П. Из истории идеологической борьбы при переходе к нэпу: Мелкобуржуазный революционаризм — опасность «слева». 1920–1923. М.: Наука, 1990.
- Швецов В. В. Дискуссия в РКП(б) 1923 года. М.: Знание, 1992.
- Шенк Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней // Новое литературное обозрение. 2001. С. 42–61.
- Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945). М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Шмелев А. И. Исторический опыт борьбы ленинской партии против троцкизма за построение социализма в СССР (1923–1927 гг.). Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1984.

- Шубин А. В. Вожди и заговорщики: Политическая борьба в СССР в 1920–1930-х годах. М.: Вече, 2004.
- Эннкер Б. Фомирование культа Ленина в Советском Союзе. М.: РОССПЭН, 2011.
- Якушев С. В. Из истории создания партийных архивов в СССР // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 50–65.
- Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М.: РОССПЭН, 2014.
- Albert G. 'German October is approaching': Internationalism, activists, and the Soviet State in 1923 // *Revolutionary Russia*. December 2011. Vol. 24, N 2. P. 111–142.
- Allen B. Alexander Shlyapnikov, 1885–1937: Life of an Old Bolshevik. Leiden; Boston: Brill, 2015.
- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1991.
- Bartos O. J., Wehr P. E. *Using Conflict Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Black C. Legitimacy, Succession, and the Concentration of Industry: Trotsky and the Crisis of 1923 Re-Examined // *Russian History/Histoire Russe*. 2000. Vol. 27, N 4. P. 397–416.
- Broue P. *The Political Struggles in Russia (1921–1929)*. London: J. Archer, 1987.
- Brovkin V. *Russia after Lenin. Politics, Culture and Society, 1921–1929*. London; New York: Taylor & Francis, 1998.
- Carr E. H. *Socialism in One Country, 1924–1926*. New York: Macmillan, 1960.
- Carr E. H. *The Interregnum: 1923–1924*. London: Penguin, 1954.
- Cliff T. *Trotsky*. Vol. 3. *Fighting the Rising Stalinist Bureaucracy 1923–1927*. London: Bookmarks, 1991.
- Daniels R. V. *Conscience of the Revolution. Communist Opposition in the Soviet Russia*. Cambridge: Harvard University Press, 1960.
- David-Fox M. *Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks, 1918–1929*. Ithaca, London: Cornell University Press, 1997.
- Deutscher I. *The Prophet Unarmed. Trotsky: 1921–1929*. London: Oxford University Press, 1959.
- Eastman M. *Since Lenin Died*. New York: Boni and Liveright Publishers, 1925.
- Figes O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven: Yale University Press, 1999.
- Fitzpatrick S. *The Russian Revolution*. New York: Oxford University Press, 1994.
- Gammerl B. Emotional styles — concepts and challenges // *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*. 2012. N 16, Issue 2. P. 161–175.

- Getty J. A. *Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition*. New Haven; London: Yale University Press, 2013.
- Goussev A. *Naissance de l'opposition de gauche* // *Cahiers Leon Trotsky*. 1994. N 54. P. 5–39.
- Halfin I. *Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007.
- Hincks D. *Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923–1924* // *Soviet Studies*. 1992. Vol. 44, Issue 1. P. 137–152.
- Hunt L. *Politics, Culture, and Class in the French Revolution*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1984.
- Kiaer C. *Imagine No Possessions: The Socialist Subjects of Russian Constructivism*. Cambridge: MIT Press, 2005.
- Kotkin S. *Stalin. Vol. I: Paradoxes of Power, 1878–1928*. New York: Penguin Press, 2014.
- Law D. S. *The Left Opposition in 1923* // *Critique*. 1974. N 2. P. 37–52.
- Lenoe M. E. *Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers*. Cambridge: Harvard University Press, 2004.
- Levitsky S., Way L. A. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War*. New York: Cambridge University Press, 2010.
- Lewin M. *Lenin's Last Struggle*. 2nd ed. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005.
- Mandel E. *Trotsky as Alternative*. London: Verso, 1995.
- Monty C. *Stalin as a Disloyal Patron Revisited*. Paper presented at ASEES convention. 2011.
- Murphy K. J. *Revolution and Counterrevolution: Class Struggle in a Moscow Metal Factory*. Chicago: Haymarket Books, 2007.
- Neumann M. *The Communist Youth League and the transformation of the Soviet Union, 1917–1932*. Abingdon; Oxon; New York: Routledge, 2011.
- Orlovsky D. T. *Political Clientelism in Russia: The Historical Perspective* // Reddy W. M. *The Navigation of Feeling: a Framework for the History of Emotions*. Cambridge, U.K.; New York: Cambridge University Press, 2001.
- Pinnow K. M. *Lost to the Collective: Suicide and the Promise of Soviet Socialism, 1921–1929*. Ithaca, 2009.
- Pipes R. *The Formation of the Soviet Union, Communism and Nationalism, 1917–1923*. Cambridge: Harvard University Press, 1964.
- Pirani S. *The Russian Revolution in Retreat, 1920–24. Soviet Workers and the New Communist Elite*. London: Routledge, 2008.
- Plamper J. *The History of Emotions: An Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Priestland D. *Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power, and Terror in Inter-War Russia*. New York: Oxford University Press, 2007.

- Rancière J.* The Nights of Labor: The Workers' Dream in Nineteenth-Century France. Philadelphia: Temple University Press, 1989.
- Rees E. A.* Iron Lazar: a Political Biography of Lazar Kaganovich. London: Anthem Press, 2013.
- Reznik A. V.* Lev Trotskii as the Mirror of the Russian Revolution // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2016. Vol. 17, N 1. P. 181–191.
- Riga L.* The Bolsheviks and the Russian Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Rigby T. H.* Early Provincial Cliques and the Rise of Stalin // *Soviet Studies*. 1981. Vol. 33, N 1. P. 3–28.
- Rigby T. H., Harasymiw B.* (eds.). Leadership Selection and Patron-Client. Relations in the USSR and Yugoslavia. London Macmillan, 1983. P. 175–199.
- Rosenwein B.* Worrying about Emotions in History // *The American Historical Review*. 2002. N 3 (107). P. 821–845.
- Said E. W.* Orientalism. New Delhi: Penguin Books, 1978.
- Scott J. C.* Patron-Client Politics and Political Change in Southeast Asia // Schmidt S. W., Guasti L., Lande C. H., Scott J. C. (eds). Friends, Followers, and Factions. A reader in Political Clientelism. Berkeley, 1977. P. 123–146.
- Service R.* Trotsky: a Biography. Cambridge: Harvard University Press, 2009.
- Siegelbaum L. H.* Soviet State and Society Between Revolutions, 1918–1929. Cambridge: Harvard University Press, 1992.
- Smith J.* The Georgian Affair of 1922. Policy Failure, Personality Clash or Power Struggle? // *Europe-Asia Studies*. 1998. Vol. 50, N 3. P. 519–544.
- Steinmetz W., Haupt H.-G.* The Political as Communicative Space in History: The Bieliefeld Approach // *Writing Political History Today*. Frankfurt: Campus; New York, 2013.
- Stone D. R.* Shefstvo: Lev Trotsky and the Military Origins of Revolutionary Patronage // *Revolutionary Russia*. 2006. Vol. 19, N 1. P. 21–36.
- Takiguchi J.* Projecting Bolshevik Unity, Ritualizing Party Debate: The Thirteenth Party Congress, 1924 // *Acta Slavica Iaponica*. 2012. T. 31. P. 55–76.
- Thompson E. P.* The Making of the English Working Class. London: Victor Gollancz, 1963.
- Willerton J. P.* Patronage and politics in the USSR. Cambridge; New York, 1992.
- Wood E. A.* The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington: Indiana University Press, 2000.
- Young G.* Emotions, Contentious Politics, and Empire: Some Thoughts about the Soviet Case // *Ab Imperio*. 2007. N 2. P. 113–151.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Аболин А. К. 121, 164, 165, 322
(102)
Абрамов А. 279 (75), 313 (274)
Абрамович И. Л. 146, 272 (42), 316
(15)
Абросимова Т. А. 266
Авербах Л. Л. 315 (298)
Аверин В. К. 134
Автономов С. И. 180
Агол В. И. 337 (29)
Агол И. И. 211, 337 (29)
Азаренко В. М. 297 (8), 335 (6), 342
(103)
Азари А. 333 (267)
Азарх Р. М. 186
Александров Б. В. 184
Аликина Н. А. 342 (112)
Альберт Г. 265
Альский А. О. 33, 34, 59, 291 (219)
Андерсон Б. 335 (3)
Андреев А. А. 78, 272 (43)
Андрейчин Г. 149
Антонов-Овсеенко В. А. 33, 35,
65–67, 69, 86, 110, 135, 176,
180, 279 (77), 292 (241),
293(249–253), 331 (238), 341
(90), 351
Арманд В. 329 (213)

Арманд И. 329 (213)
Артюхов 253, 348 (209–210)
Аскадарьян Т. А. 287 (172)

Б

Бажанов Б. Г. 15, 28, 206, 207, 216,
217, 272 (44), 277 (48–51),
336 (8), 337 (30), 339 (56)
Баранов А. И. 229–231, 234–236,
238–240, 343 (123), 344
(126)
Барков 249
Бедерсон В. Д. 266
Бедный Д. (Придворов Е.А.) 59,
105, 290 (213)
Безыменский А. И. 88, 139, 140,
315 (298)
Беккер И. М. 170, 323
Беленький Г. Я. 150, 178, 179, 213,
326 (172)
Белобородов А. Г. 33, 34, 37, 38, 44,
59, 135, 259
Биткер Г. С. 180, 327 (178)
Блинов М. П. 163
Блок М. 320 (82)
Блэк К. 267
Блюмкин Я. Г. 282 (120)
Бобров А. 321 (88)
Богуславский М. С. 26, 33, 34, 59,

- 68, 135, 218, 276 (37), 291
(223), 294 (260)
Борисова Л. В. 276 (36–37)
Боровский А. С. 234, 236, 237, 344
(135)
Бош Е. Б. 33, 334 (282)
Брежнев Л. И. 130
Бреслав Б. А. 33, 35, 134, 150, 151,
317 (36)
Брестман 197
Бродянский Б. Л. 100, 302 (102–
103)
Брыков А. П. 93
Бубнов А. С. 134, 135, 163, 247, 290
(212), 305 (141), 313 (280)
Буденный С. М. 114, 277 (47)
Бумажный Е. О. 326 (164)
Бурылов Г. П. 238, 241, 345 (156)
Бухарин Н. И. 31, 58, 60, 63, 76, 88,
105, 117, 120, 124, 150, 154,
157, 158, 163, 169, 184, 189,
192, 194, 196, 210, 211, 273
(1), 277–279 (59, 67, 81), 281
(105), 287 (177), 290 (211),
292 (235), 293 (249), 296
(289), 301 (72), 313 (280),
321 (89), 323(117), 337 (25),
338 (34), 339 (48), 351
Бык И. М. 33, 59, 214, 291 (219),
311 (230)
- В**
Ваганьян В. А. 33, 35, 68, 150, 283
(129), 286 (162)
Вайнштейн А. Е. 242, 244, 245, 254,
346 (168, 180)
Валентинов Н. В. 283 (120)
Вардин И. В. 71, 218, 219, 222, 315
(298), 340 (120)
Варейкис И. М. 131, 168, 170, 326
(163)
Васецкий Н. А. 271 (31)
Васильченко С. Ф. 33, 35, 134, 280
(84)
Васютин В. Ф. 289 (196)
Венгерова З. А. 299 (39)
Венедиктов А. Г. 33, 35
Верт Н. 320 (82)
Вигилянский Н. Д. 211, 212, 337
(26)
Виктор В. В. 184
Вилкова В. П. 271 (14), 275 (17), 277
(51), 284 (133), 296 (301)
Виноградская П. С. 94, 95, 301 (69)
Волков И. 336 (12)
Волкогонов Д. А. 271 (31)
Воробьев (студент) 250
Воронков М. И. 143, 315 (3)
Воронский А. К. 33, 35, 99, 299 (29)
Ворошилов К. Е. 28, 94, 130, 164,
320 (85)
Врачев И. Я. 71, 180, 294 (273)
Вугман С. Ю. 309 (205)
Вязьмитинова И. П. 304 (129), 311
(236)
Вяткин А. Я. 268, 283 (133), 325
(150), 335 (1)
- Г**
Гаврилов (Пермь) 229
Гаевский П. И. 187, 329 (210)
Гарнюк С. Д. 270, 305 (139), 317
(33), 346 (177)
Герман Г. Г. 123, 310 (220, 222)
Герсон В. Л. 162
Гетти Д. А. 130, 315 (302)
Гилев А. В. 266
Гилл Г. 315 (302)
Глазман М. С. 189
Голицын С. М. 314 (289)
Голубева В. 94
Гольцман А. З. 33, 135, 313 (271)
Гончаров Н. К. 44
Гопнер С. И. 202

Горинов М. М. 271 (30), 283 (128)
Горлов Н. М. 99
Горяева Т. М. 314 (296)
Григоров Г. И. 89, 202, 272 (40),
275 (23), 300 (47), 301 (72),
334 (281)
Григорян А. 334 (270)
Гулый К. М. 78
Гусев А. В. 267, 271 (35), 294 (272)
Гусев С. И. 31, 177, 330 (222)
Гутман 248, 347 (191)

Д

Данишевский К. Х. 33, 34
Дворжец Я. С. 66, 96, 293 (249),
301 (81)
Деборин А. М. 337 (29)
Демидов В. В. 12, 270, 284 (137),
290 (208), 301 (64), 304
(122), 309 (203), 311 (235),
316 (23), 321 (98)
Дзержинский Ф. Э. 17, 26, 27, 29,
69, 149, 159, 162, 194–196,
200, 223, 255, 277 (56), 313
(280), 340 (78)
Дингельштедт Ф. Н. 170, 171, 252,
253, 305 (140), 323 (116)
Дмитренко С. Л. 268 (5), 289 (196)
Догадов А. И. 320 (76), 329 (211)
Догард О. А. 174, 325 (145)
Дойчер И. 11, 34, 84, 269 (10), 298
(19)
Долгов В. В. 289 (197)
Донков И. П. 271 (30)
Доунз Р. М. 335 (3)
Дробнис Я. Н. 33, 34, 134, 150, 179,
213, 247, 262, 338 (40)
Дрожин И. В. 244, 249, 250, 251,
253, 347 (196), 348 (213)
Дубенцов Б. Б. 266
Дуне Э. 71
Дурманов Н. 317 (41)

Дэвид-Фокс М. 308 (179)
Дэниэлс Р. В. 11, 269 (16), 277 (56),
280 (92), 287 (176)

Е

Егоров В. 338 (38)
Елькин Г. Г. 230

Ж

Жаков М. П. 33, 134, 162, 163, 175,
244, 245, 247, 248, 251, 321
(92), 346 (186), 347 (189)
Жданкова Е. А. 267
Жив М. З. 198
Жуков Ю. Н. 271 (28)

З

Завадская М. А. 266
Залке М. 329 (206)
Заславский П. С. 93, 303 (120)
Захаров С. Б. 342 (104)
Зданович А. А. 292 (246), 293 (249)
Зеленский И. А. 30, 50, 207, 319
(70), 340 (67)
Землячка Р. С. 200, 334 (272)
Зиновьев Г. Е. 23, 24, 28, 31, 40,
43, 45, 46, 49, 50, 52, 53, 55,
57, 59, 60, 66, 67, 68, 70, 79,
99, 105, 107, 108, 110, 112,
113, 115–117, 125, 128, 130,
132, 142, 145, 146, 148, 149,
151, 157, 163, 165, 166, 173,
175, 177, 184, 189, 191–195,
197–201, 210, 211, 214, 221,
224, 229–231, 236, 241, 244,
255, 269 (8), 275 (19, 21–22),
278 (67), 281–284 (99, 114,
116, 126, 136–136), 286–290
(163, 175, 177, 185, 191, 210),
293 (251, 255), 299–302 (35,
42, 71, 97), 305 (148), 307
(167), 308 (178), 313 (275),
316 (20), 329 (216), 330

(219), 333 (268), 337 (25),
340 (72), 344 (124), 349

Зорин С. С. 149, 317 (23)

И

Иванов В. М. 328 (190)

Иванова А. С. 266

Ивашкин В. В. 249

Игнатъев В. Л. 317 (29)

Измозик В. С. 267

Иоффе А. А. 299 (30)

Исаков 324 (136)

Истер Д. М. 142, 274 (11), 312
(255), 314 (286), 315 (301)

Истман М. 10, 11, 42

К

Каганович Л. М. 23, 150, 154, 198,
201, 272 (43)

Казарьянц Л. С. 181, 184

Кайер К. 83

Кадлубовский К. Я. 318 (53)

Калинин М. И. 102, 116, 121, 150,
158, 173, 207, 219–221, 279
(79), 303 (77), 319 (71), 340
(68), 341 (92)

Каменев Л. Б. 16, 17, 23, 24, 27, 31,
37, 40, 51–55, 57, 58, 60, 65,
68, 103, 104, 107, 108, 110,
112, 113, 117, 120, 129, 147,
149, 152, 160, 165, 168–171,
177, 192–196, 198, 231, 232,
242, 244, 252, 255, 273 (3),
275 (20), 280 (88), 287–290
(173, 179, 185, 191, 216), 292
(240), 294 (258), 296 (295),
301 (72), 303 (118), 306
(152), 307 (167), 312 (253),
313 (283), 316 (17), 318–320
(46, 71, 81), 322–324 (104,
114, 116, 130), 331–333

(241–243, 247, 252, 264), 339
(45), 347 (208), 348 (221)

Каменев С. С. 28

Каменский А. З. 106, 305 (141), 313
(280)

Камень А. 284 (140)

Канатчиков С. И. 103, 254, 304 (125)

Карпинский В. А. 90, 300 (51)

Карр Э. 11, 270 (22), 275 (19, 24),
276 (30), 279 (72), 283 (128)

Карчевский 95

Кассиор В. В. 33, 275 (24); см.

Косиор В. В.

Кассиор С. В. 93, 321 (95)

Кванталиани Е. А. 164

Квириг Э. И. 103, 313 (276)

Керенский А. Ф. 303 (113)

Киров С. М. 105

Кирьянов И. К. 266

Климов Ф. 285 (145)

Климов Ю. Н. 268 (5)

Клоц А. А. 266

Клуцис Г. Г. 329 (213)

Кнорин В. Г. 247

Кобахидзе А. 164, 322 (100)

Коваленко Е. Г. 198

Коваленко П. А. 33, 35

Коганович П. К. 34, 134, 135

Козер Л. А. 190, 330 (221)

Козловский 119

Колегаев А. Л. 138, 314 (289–290)

Коллонтай А. М. 83, 94

Колоницкий Б. И. 102, 161, 265,
303 (113, 115), 311 (244),
320 (83)

Колчак А. В. 341 (84)

Константинов А. А. 211, 212, 337
(31)

Корсуков 345 (163)

Корунаев А. В. 325 (144)

Косарев А. В. 181, 290 (213)

Косиор В. В. 34, 64, 70, 150, 247,
282 (115)
Косиор С. В. 163
Коткин С. 78
Котов В. А. 254
Краснов А. В. 326 (160), 328 (202)
Краус Т. 282 (119)
Крейбих К. 304 (122)
Крестинский Н. Н. 31, 33, 36, 70,
134
Кринкин П. Г. 36, 280 (89)
Кром М. М. 266
Кружинов В. М. 286 (160), 290
(214), 325 (153), 329 (210)
Крупская Н. К. 282 (116)
Ксенофонов Ф. А. 187, 310 (226)
Кузнецов Н. В. 26
Кузнецова Л. А. 266
Куйбышев В. В. 23, 31, 170, 171,
177, 188, 278 (59), 287 (177)
Куклин А. С. 324 (134)
Куликов И. И. 329 (208)
Куликов Э. А. 320 (80), 321 (94)
Кун Б. 281 (99)
Кутузов П. 171, 172, 179, 286
(162), 298 (25), 324 (131),
327 (175)
Кушаков В. А. 172, 324 (135)

Л

Лазич Б. 276 (32)
Ландин 162, 321 (91)
Лапин Вл. 338 (277)
Ларин Ю. 191
Лашевич М. М. 28
Лебедев П. П. 28
Лебедь Д. З. 92, 163, 300 (61), 321
(96)
Лебина Н. Б. 303 (108), 334 (283)
Левин М. 22, 274 (9)
Левитин М. Ф. 135
Лежнев А. З. 298 (29), 299 (29)

Лейснер 110
Лелевич Г. 88, 300 (46)
Ленин В. И. 10, 13, 21, 23–25, 30,
32, 36, 40, 41, 59, 60, 73, 75,
80, 83–85, 102, 103, 108,
110, 112, 114, 115, 117, 124,
126, 133, 142, 146, 149, 158,
159, 161, 168–170, 174,
181, 195, 197, 199–202, 228,
238, 239, 245, 255, 270 (19,
27), 274–276 (13, 15–17,
19, 32), 278 (67), 281–283
(98, 112, 115, 116, 120, 128),
291 (228), 293 (253), 295
(283–284, 288), 296 (288),
303 (114, 119), 305 (108),
306 (164), 308 (182), 311
(232), 314 (288), 319 (74),
323 (116), 338 (34), 341 (84),
352

Ленский Ф. К. 232, 344 (131)
Лепешинский П. Н. 332 (247)
Лепсе И. И. 116
Лившин А. Я. 301 (76), 330 (223)
Лин И. 90
Линои М. 204
Лобанов М. И. 33, 34, 282 (115)
Лозовский С. А. 113, 114, 308 (178)
Локацков Ф. И. 33
Лукиянов 247
Лукиянов М. Н. 267
Луначарский А. В. 34, 83, 98, 221,
250
Лутовинов Ю. Х. 52, 202
Люксембург Р. 146
Люттов Л. Н. 328 (202)
Лядов М. Н. 166, 322 (108)

М

Магидов Б. И. 161, 284 (140), 321
(86)
МакГивер Б. 267

Максимовский В. Н. 33–35, 71,
243–245, 247–251, 253, 255,
346 (186), 347 (196)

Малиа М. 269 (16)

Мануильский Д. З. 93, 300 (62)

Манцев В. Н. 69

Маркс К. 55, 146, 147

Мартин Т. 276 (31)

Мартынов А. С. 202, 334 (280)

Мартынов Д. И. 181, 183, 184, 211,
328 (188), 336 (24)

Матвеев М. П. 236, 344 (144)

Матвеев П. А. 344 (144)

Мдивани Б. Г. 51, 247, 286 (170)

Медведев К. Ф. 265

Медведев С. П. 27, 279 (81)

Мельников В. П. 268 (5), 270 (18)

Мельничанский Г. Н. 247

Месяцев П. А. 33

Мехлис Л. З. 181

Микоян А. И. 94, 130, 164, 272
(43), 320 (85)

Минкин А. Е. 33, 164

Минский Н. М. 299 (30)

Михайлов (студент) 200

Михайлов Н. В. 266

Михайлов О. А. 229, 230, 232,
236–238, 240, 345 (163)

Молотов В. М. 22, 24, 125, 144,
151, 152, 163, 165, 177, 244,
278 (61), 279 (79), 287 (177),
292 (245), 317 (37, 40, 42),
322 (106), 337 (25)

Мрачковский С. В. 132, 279 (83),
312 (266)

Муралов Н. И. 28, 31, 33, 35, 36, 75,
87, 96, 110, 115, 128, 221, 245,
280 (89), 282 (115), 285 (157)

Муранов М. К. 157

Мухаматулин Т. А. 266

Мясников Г. И. 26, 37, 228,
237–239

Н

Нагорная О. С. 320 (82)

Назаретян А. М. 64, 211, 216, 217,
290 (210)

Назаров 36, 68, 154

Назаров О. Г. 270 (25), 275 (26),
277 (48), 303 (117), 315 (5)

Нанейшвили В. И. 92, 229, 230,
232, 236, 239

Нарский И. В. 320 (82)

Насенник Н. Г. 270 (26)

Невский В. И. 181

Немцов Н. 153

Николаев Н. И. 33, 35

Николай II 147, 258

Нойманн М. 297 (7)

Носке Г. 239

Носков (Пермь) 238

Носов А. П. 268 (4)

О

Обухов Л. А. 267

Олех Г. Л. 12, 270 (24), 284 (137)

Орджоникидзе Г. К. 23, 111, 275
(16)

Орлов В. А. 234, 236

Орлов И. Б. 270 (21)

Орлов Н. А. 186

Осинский В. В. 24, 33, 34, 37, 64,
68, 72, 112, 120, 171, 262,
274 (7), 275 (24), 282 (115),
283 (128), 307 (169)

П

Павлов В. С. 298 (21)

Павлов И. М. 272 (42), 310 (220)

Павлюк 173

Павлюченков С. А. 270 (25), 274
(12), 275 (28), 279 (81), 292
(241, 246), 320 (80, 84), 325
(152), 336 (7), 348 (1, 2),
349 (6)

Певзнер И. М. 231, 232
 Пестковский С. 311 (234), 316 (13)
Петренко Н. 291 (228)
 Пирани С. 13, 18, 257, 267, 271 (35),
 276 (35, 38), 277 (54), 280
 (87), 286 (169), 348 (3), 349
 (12, 16)
 Писицын М. Е. 331 (235)
Плампер Я. 267
 Плетнев В. Ф. 99
Плеханов А. М. 341 (98)
 Плеханов Г. В. 35
 Подвойский Н. И. 308 (187)
 Познанский И. Н. 330 (217)
Полещук Н. С. 271 (30)
 Полонский В. И. 112, 113, 169, 307
 (170)
 Полюдов Е. В. 135
 Попов 211, 247
Поспелов П. Н. 269 (7)
Поташев А. Ф. 270 (19)
 Преображенский Е. А. 25, 30,
 32–34, 36, 44, 45, 47, 49–52,
 57, 58, 63, 64, 67–71, 75, 76,
 78, 79, 86, 87, 95, 103, 112,
 113, 120, 121, 124–126, 133,
 134, 138, 142, 147, 149, 150,
 154, 155, 156, 166, 169, 171,
 178, 179, 191, 192, 194–196,
 201, 208–210, 212–214, 217,
 218, 227, 231, 232, 238, 240,
 243, 247, 257, 258, 261, 262,
 271 (30), 275 (24), 276 (32),
 280 (88, 91), 282 (115, 116),
 283 (123, 128, 131), 285 (148,
 149, 152), 288–290 (185, 203,
 208, 215), 293–296 (255, 259,
 260, 284, 287, 295), 299 (35),
 304 (120, 130), 307 (168),
 311 (234), 313 (275), 321
 (93), 326 (164), 334 (282),
 337 (25), 340 (71), 345 (150),

350, 351

Примеров Е. В. 268 (5), 282 (115)
 Пруслин Т. Н. 285 (149)
 Пузаков А. М. 33
 Пятаков Г. Л. 28, 33, 34, 38, 39, 45,
 59, 61, 64, 69, 70, 78, 86, 103,
 137, 142, 146, 171, 247, 258,
 286 (166), 291 (225), 299
 (34), 311 (234)

Р

Рабинович А. 273 (2)
 Работников А. 59, 291 (221)
 Радек К. Б. 36, 38, 39, 42, 57, 58, 64,
 65, 67, 69, 78, 95, 107, 110,
 111, 113, 117, 119, 124, 137,
 145, 151, 153, 155, 169, 171,
 174, 179, 189, 195, 197, 198,
 201, 217, 219, 224, 240, 254,
 257, 258, 262, 281–283 (98,
 99, 107, 120), 289 (203), 304
 (122), 306 (159), 309 (309,
 212), 314 (290), 318 (51), 321
 (93), 323 (122), 330 (219),
 332 (249), 352
 Разумов О. М. 308 (184)
Ракитин А. В. 292 (247), 293 (253)
 Ракитников А. 291 (221)
Раков Т. Н. 267
 Раковский Х. Г. 25, 27, 29, 32, 36,
 38, 39, 65, 78, 86, 90, 133,
 137, 275 (24), 276 (32), 278
 (69), 283 (123)
Рансьер Ж. 268 (2)
 Раскольников Ф. Ф. 87, 137
 Рафаил (Фарбман Р. Б.) 33–35,
 61, 67, 68, 99, 119, 120,
 134, 149, 156, 196, 197,
 209, 212, 262, 280 (85), 282
 (115), 291 (215), 294 (260),
 304 (130), 309 (210), 311
 (234), 351

- Редди У. М.* 191
Резник А. В. 268 (3), 270 (25)
Рейн Р. П. 150, 213, 247, 317 (28)
Рейснер Л. М. 42, 283 (120)
Ригби Т. 130, 141
Роговин В. З. 271 (29), 325 (145)
Рогозный П. Г. 266
Рожков А. Ю. 306 (164)
Розенберг (студентка) 50
Розенблюм Л. Д. 336 (13)
Розенгольц А. П. 33, 35, 59, 277 (276), 291 (216)
Розенталь К. 47, 285 (146)
Рокитянский Я. Г. 287 (172)
Ромашова М. В. 266
Ронис-Кантовский А. К. 181
Росмер А. 110
Ротштейн Ф. А. 114, 308 (179)
Рудзутак Я. Э. 278 (59), 337 (25)
Румянцев И. П. 228, 342 (114)
Рыков А. И. 31, 36, 39, 41, 67, 70, 86, 143, 150, 154, 169, 170, 193, 195, 218, 281 (107), 289 (195), 294 (256), 299 (34), 318 (45), 348 (215)
Рязанов Д. Б. 52, 117, 145, 146, 195, 280 (85), 287 (172)
- С**
Саид Э. 335 (3)
Самофалов Н. М. 270 (18)
Сапон В. П. 267
Сапронов Т. В. 27, 30, 33, 34, 36, 41, 42, 46, 49, 52, 55, 57, 59–61, 67, 68, 70, 75, 79, 107, 113, 120, 121, 124, 126, 128, 137, 145, 148–150, 153, 155, 156, 158, 165, 168–171, 195, 207–216, 219, 220, 238, 240, 242–245, 247–251, 253, 257, 258, 261, 262, 276 (40), 280 (88), 282 (114, 115), 285 (152, 153), 287 (173), 288 (187), 290 (215), 291 (220, 222), 293 (255), 294 (260), 304 (130), 311 (230, 234), 316 (22), 319 (69), 322 (104), 323 (115, 116), 326 (168, 172), 332 (252), 338–340 (40, 55, 72), 345 (155), 347 (193)
Сафаров Г. И. 106, 210, 290 (210), 336 (22), 339 (47)
Сахаров В. А. 13, 270 (27), 296 (288)
Седых С. Н. 229, 237
Семашко Н. А. 86, 87, 299 (34)
Семенов А. В. 266
Серебряков Л. П. 32–35, 67, 68, 70, 71, 86, 134, 153, 166, 282 (115), 299 (34)
Серж В. 15, 32, 272 (42), 279 (74), 313 (273)
Сигов И. И. 237, 345 (149)
Сильгин (Пермь) 239
Скворцов-Степанов И. И. 154, 249
Склянский Э. М. 28, 86, 277 (47)
Скоркин К. В. 294 (262), 327 (181), 328 (193, 199), 329 (205)
Скотт Дж. 142
Славин И. Е. 329 (216)
Сламинин Н. А. 268 (6)
Смирнов А. П. 161
Смирнов В. М. 33, 34, 52, 61, 62, 67, 146, 198, 247, 282 (15), 289 (203), 291 (226)
Смирнов И. Н. 30–35, 51, 133, 150, 153, 247, 277 (50), 282 (115), 341 (84)
Смирнов Н. Н. 266
Советников М. А. 232, 238, 239, 345 (157)
Сологуб (Украина) 86
Сольц А. А. 83, 89, 299 (35), 325 (156)

Сосновский Л. С. 32, 33, 35, 36,
121, 125, 128, 133, 150, 179,
198, 258, 290 (213), 313
(275), 339 (45), 349 (7)

Сталин И. В. 10, 15, 17, 22–24, 28,
31, 39–41, 45, 50, 51, 53, 54,
55–57, 59–61, 64–67, 69–71,
75, 81, 86, 94, 105–107, 113,
117, 130, 132, 140–142,
146, 161–166, 171, 174,
177, 181, 186, 194, 195, 198,
206, 223, 225, 235, 236, 244,
255, 258, 269 (8), 270 (25,
28), 272 (44, 46), 275 (20,
26), 277 (47), 278 (59), 281
(98, 99, 105), 284–294 (140,
151, 163, 164, 166, 177, 178,
182, 184, 191, 196, 199, 210,
215, 219, 241, 243, 249, 253,
260), 296 (288), 299 (35),
301 (71), 303–305 (119, 120,
130, 134), 307 (167), 308
(178, 184), 310 (226), 311
(234), 313 (280), 315 (5), 316
(13, 16), 321–323 (96, 108,
116), 325 (147), 328 (203),
329 (206, 210), 336–340 (8,
25, 35, 56, 78), 342 (104),
349–351 (18)

Старцев В. И. 271 (32)

Стеклов Ю. М. 119

Степанов Н. И. 184, 185, 198, 318
(50), 328 (196)

Сти Д. 335 (3)

Стуков И. Н. 30, 33, 50, 52, 57, 61,
163, 173, 210, 247, 282 (115),
286 (161), 337 (29), 339 (58),
350

Суварин Б. 119, 269 (8), 276 (32),
281 (98)

Суслов А. Б. 270 (17)

Сырчиков (Пермь) 228

Т

Тан-Богораз В. Г. 97, 98, 302 (89)

Танхилович О. 275 (20)

Тараканов В. Я. 237

Тарасов К. А. 266

Теплов Н. П. 186, 187

Толман Э. С. 335 (3)

Томпсон Э. П. 18

Томский М. П. 31, 119, 145, 208,
281 (105), 287 (177), 332
(251)

Трахтман Я. Н. 96, 301 (78)

Троцкий Л. Д. 9, 11, 13, 15, 17–21,
23–25, 27–36, 38–45,
49–51, 53–60, 62, 63, 64,
65, 66–73, 75–79, 81–90,
92–108, 110–119, 123–125,
128–135, 137–142, 145,
146, 149, 157, 162–166, 168,
170–174, 176, 177, 189, 190,
192, 193, 195, 197, 198, 200,
202, 207, 209, 210, 214, 215,
221, 222, 231, 235–237, 240,
242, 243, 254, 257–259, 261,
262, 269–273 (8, 10, 19, 31–
33, 41, 53, 57), 273–296 (1,
7, 14, 16, 17, 20, 26, 29, 30,
32, 33, 42, 46, 47, 48, 50–53,
56, 59, 60, 66, 68, 69, 75,
76, 79, 92, 98, 99, 109, 113,
119–121, 123, 124, 133, 135,
156, 157, 159, 165, 172, 176,
177, 179, 182, 187, 191–195,
198, 200, 202, 203, 211, 214,
218, 228–230, 233, 246, 249,
251, 253, 258, 260, 263, 276,
281, 284, 289, 295, 297, 298),
296–315 (3, 4, 9, 13–15, 17,
18, 21, 24, 26, 28–32, 34, 40,
41, 44, 53, 58, 65, 70–73,
87, 90, 95–96, 99, 105, 106,
111, 117, 119, 120, 122, 130,

134, 141, 148, 155, 156, 159,
164–165, 167–169, 187, 188,
194, 202, 234, 251, 275, 280,
281, 285, 289–291, 298,
299), 315 (10), 321–324
(93, 98, 104, 122, 131, 142),
327–331 (175, 196, 216, 217,
243), 333 (263), 334 (277),
338 (34), 348 (217), 349 (7),
350–352

Труба (Икряннистова М. Ф.) 245
Трубленко 201
Турицын И. В. 301 (65)
Тяжельникова В. С. 298 (16)

У

Угланов Н. А. 78, 103
Ульянова М. И. 282 (116), 291
(228)
Устимчик Ф. Г. 184

Ф

Фарбман Р. Б.; см. Рафаил
Федулова Н. А. 239, 345 (157)
Фельштинский Ю. Г. 13, 271, 308
(187), 349 (14)
Фигатнер Ю. П. 159, 188, 320 (76),
329 (211)
Фицпатрик Ш. 140, 301 (74), 309
(200), 315 (297)
Фонченко 245, 247
Фрезинский Б. Я. 301 (72)
Френкель А. А. 198, 333 (157)
Фридман 107
Фрунзе М. В. 44

Х

Халфин И. 13, 18, 191, 263, 267
Хант Л. 19
Харечко Т. И. 33, 134, 184, 185,
187, 328 (193)
Харитонов М. М. 103, 107, 115,

132, 159, 236, 300 (42)

Хинкс Д. 207, 219, 222
Ходоровский И. И. 183, 184, 336
(24)
Ходяков М. В. 327 (185)
Хоскинг Дж. 315 (302)

Ц

Цакунов С. В. 271 (30)

Ч

Чернышов М. П. 237
Чернявский Г. И. 13, 78, 271 (33),
276 (46), 278 (68), 283 (124),
296 (298), 308 (187), 349 (14)
Черняев В. Ю. 266
Черушев Н. С. 330 (216)
Чистиков А. Н. 336 (7)
Чучин Ф. Г. 36

Ш

Шабалин В. В. 267, 325 (154)
Шадунц С. К. 89
Шапиро Л. 277 (56), 284 (136)
Шарапов Ю. П. 270 (17)
Швецов В. В. 270 (18)
Шевцова И. К. 266
Шенк Ф. Б. 335 (3)
Шестов 166, 168
Шиврин (Пермь) 239
Ширяев 244, 245, 347 (191)
Ширяева 244
Шлёгель К. 341 (100)
Шляпников А. Г. 162, 279 (81), 282
(115)
Шляхман 247, 248, 253, 346 (188),
347 (191)
Шмидель О. К. 33, 35, 36, 244, 245,
247, 280 (88)
Шмоллер Е. 266
Шнейдерман Л. Н. 235, 236, 240,
34 (140)

Шпагин А. А. 229
Шубин А. В. 270 (26)
Шубин С. С. 238, 239, 345 (154)
Шумская И. Л. 178, 179, 189, 326
(168)

Щ

Щукарь М. 106, 312 (251)

Э

Эдельштейн М. И. 333 (267)
Эйсмонт Н. Б. 277
Эльцин Б. М. 33–35, 247, 298 (26)
Эльцин В. Б. 172, 199
Энгельс Ф. 146, 147
Эннкер Б. 278 (67), 282 (112), 295
(283), 303 (114), 308 (182),
319 (74)

Ю

Юдин (Пермь) 344 (134)
Южак И. Б. 171, 323 (125)
Юревич Э. И. 245, 247, 248, 251,
254, 346 (188), 347 (189)
Юркин 192

Я

Яковлев А. А. 333 (266)
Яковлев Я. А. 202, 315 (4), 334 (279)
Яковлева В. Н. 33–35, 41, 282 (115),
289 (195)
Якушев С. В. 318 (60)
Янковская Г. А. 267
Яров С. В. 266, 315 (8)
Ярославский Е. М. 27, 31, 42, 57,
126, 134, 156, 158, 163, 175,
177, 201, 218, 220, 221, 275
(25), 276 (41), 283 (121), 290
(212), 293 (253), 296 (3), 319
(70), 321 (92), 326 (164), 330
(219), 334 (283), 340 (66), 341
(84)

А

Albert G. 265, 281 (95), 303 (111)
Allen B. 279 (81)
Anderson B. 335 (3)

В

Baitalskii M. 272 (42)
Bartos O. J. 325 (151, 155)
Black C. 267, 270 (22)
Broue P. 269 (11)
Brovkin V. 275 (28)

С

Carr E. H. 269 (13), 275 (19, 24), 276
(30), 279 (73), 283 (128), 287
(180), 288 (188), 289 (191),
290 (204, 206), 296 (300),
298 (20), 325 (152), 348 (1),
349 (13)
Cliff T. 269 (11)
Corney F. 296 (297)
Cross W. P. 349 (18)

Д

Daniels R. V. 269 (14), 274 (6), 277
(56), 280 (92), 287 (176), 290
(205), 348 (1), 349 (9)
David-Fox M. 321 (93)
Deutscher I. 269 (10), 277 (56), 279
(82)
Dune E. M. 280 (88)

Е

Eastman M. 269 (9), 283 (122)

Ф

Figes O. 303 (113)
Fitzpatrick S. 269 (16)

Г

Gammerl B. 330 (226)
Getty J. A. 309 (201), 312 (260), 315
(302), 325 (154)
Goussev A. 271 (35)

H

- Halfin I.* 267, 271 (36), 273 (5), 303 (119), 307 (174), 312 (252), 322 (110), 330 (227), 348 (220), 349 (15)
Haupt H.-G. 273 (62)
Hincks D. 336 (10), 339 (54), 340 (74), 341 (86, 93, 95)
Hunt L. 273 (61)

K

- Katz R. S.* 349 (18)
Kiaer C. 297 (11)
Kolonitskii B. 303 (113)
Kotkin S. 296 (299), 310 (226)

L

- Law D. S.* 296 (301)
Lenoe M. E. 335 (2)
Levitsky S. 349 (17)
Lewin M. 274 (10)

M

- Mączak A.* 312 (256)
Mandel E. 269 (11)
McGeever B. 267
Monty C. 312 (262)
Murphy K. J. 270 (23)

N

- Neumann M.* 297 (7)

O

- Orlovsky D. T.* 312 (258)

P

- Pinnow K. M.* 335 (283)
Pipes R. 269 (12)
Pirani S. 267, 271 (35)
Plamper J. 267, 273 (64)
Priestland D. 279 (73)

R

- Rancière J.* 268 (1)
Reddy W. M. 330 (224)

- Rees E. A.* 317 (26)
Reznik A. V. 271 (34)
Riga L. 274 (8)
Rigby T. H. 312 (258, 261)
Rosenwein B. 330 (225)
Rosmer A. 306 (155)

S

- Said E. W.* 335 (3)
Scott J. C. 312 (257), 314 (292, 295), 315 (299)
Service R. 271 (33), 312 (252)
Siegelbaum L. H. 269 (16)
Smith J. 286 (170)
Steinmetz W. 273 (62)
Stone D. R. 314 (287)

T

- Takiguchi J.* 296 (296)
Thompson E. P. 273 (60)

W

- Way L. A.* 349 (17)
Wehr P. E. 325 (151)
Willerton J. P. 312 (259)
Wood E. A. 298 (22), 301 (67)

Y

- Young G.* 23 (64)

SUMMARY

ALEXANDER REZNIK

TROTSKY AND THE COMRADES: THE LEFT OPPOSITION AND POLITICAL CULTURE OF THE RCP(B), 1923–1924

EUSP Press, 2017, 384 p.

This book critically examines the Left Opposition in the Bolshevik party. This group, which is widely known as the “Trotskyist Opposition”, began to form in 1923–1924, when the Party experienced a severe political conflict that took the form of a public confrontation between two political trends related to issues of intra-party practice and economic policies. These problems of party and government leadership led to the friction and then split the party in 1926–1928. Already by 1923 the majority of members of both the Central Committee and the Opposition had become the ideological and organizational cores of their respective groups, which then combined into stable or situational coalitions. In examining these processes, the author addresses key issues of the Soviet political history of the 1920s.

The book draws on significant new archival research and offers an anthropological approach to understanding the political culture of the Early Soviet era. Moving beyond conventional explanations of the struggle for power in the USSR, the author focuses not only on the Leon Trotsky and his primary foes from the Party (Stalin, Zinoviev and others), but also reconstructing the opposition as the complex phenomena, which exposes how broad political communication functioned in the limited space of the Soviet politics.

The author reconsiders the main reasons and phases of the intra-party struggle, political views and individual roles of the oppositionists, in order to explain why the Opposition failed. Focusing not only on the traditional

subjects of political history, such as leaders, power apparatus and program texts, the author reveals the rank-and-file's role, as well as the instrumentations, meanings and tactics of their "grass-root" politics. The author's approach allows readers to look beyond the dichotomies of open and closed, the upper and lower classes, formal and informal, and so on, drawing our attention not only to the relations between democracy and conflicts but also to rumors and secrecy, clientelism, and emotions.

Such analysis is possible because the political opposition of 1923–1924 was heterogeneous in composition, and informal in organizing support for reform in the party. In a practical sense, there were two oppositions — the leaders' opposition and the masses' opposition — and, correspondingly, oppositions within the party among the elites and among the rank and file. Members of this coalition were united situationally as a result of their critical attitude toward party policy and more resolute support for "democratization" of the inner-party regime. As a result, the opposition was largely an abstract concept; its image was a shaky and sometimes elusive phantom. Being independent of its founders, its numerous actors constantly reconstructed the political spectacle of which they were a part.

The history of the Opposition makes it possible to take a fresh look at the features of policy in the first decade of Soviet power. Through such analysis, this work argues that policy cannot be reduced to the actions of the power elites or the impersonal mechanism of the party-state.

Научное издание

Александр Валерьевич Резник

ТРОЦКИЙ И ТОВАРИЩИ:

**левая оппозиция и политическая культура РКП(б),
1923–1924 годы**

Серия «Эпоха войн и революций»; вып. 10

Научный редактор серии *Б. И. Колоницкий*

Редактор, корректор *Е. И. Васьковская*

Верстка *Л. В. Васильева*

Дизайн *А. Ю. Ходот*

Подписано в печать 02.02.2017

Формат 60х90 1/16. Печать офсетная

Усл. печ. л. 24. Тираж 700 экз.

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге

191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А

e-mail: books@eu.spb.ru

тел.: +7 812 386 7627

факс: +7 812 386 7639

Сайт и интернет-магазин Издательства:

www.eupress.ru

Отпечатано в типографии ООО «Аллегро»

196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28

тел./факс (812) 388-9000

e-mail: marketingberesta@yandex.ru

Заказ № 1016.

В серии «Эпоха войн и революций» вышли

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ПОСЛАНИЯ ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ И ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ АДМИРАЛУ А.В. КОЛЧАКУ. Ноябрь 1918 — ноябрь 1919 гг.: Сб. документов / сост. и науч. ред. *В.В. Журавлев*. — 2012. — 624 с.

«ПРЕТЕРПЕВШИЙ ДО КОНЦА СПАСЕН БУДЕТ»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / В. П. Шелепина, Н. А. Щербачева, М. А. Сливинская, Е. И. Лакиер, А. В. Линден; сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. О. Р. Демидовой. — 2013. — 262 с.

Ник Барон. **КОРОЛЬ КАРЕЛИИ. ПОЛКОВНИК Ф. ДЖ. ВУДС И БРИТАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ В 1918–1919 гг.:** история и мемуары / пер. с англ. А. Голубева. — 2013. — 346 с.

Джордж Генри Паттерсон. **С ИУДЕЯМИ В ПАЛЕСТИНСКОЙ КАМПАНИИ** / пер. с англ. А. Глебовской, науч. ред. и коммент. В. Кельнера. — 2014. — 254 с.

Илья Эренбург. **ЛИК ВОЙНЫ. ВОСПОМИНАНИЯ С ФРОНТА, 1919, 1922–1924. ГАЗЕТНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И СТАТЬИ, 1915–1917** / подгот. изд. Б. Я. Фрезинского. — 2014. — 350 с.

Пол Фассел. **ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И СОВРЕМЕННАЯ ПАМЯТЬ** / пер. с англ. А. Глебовской. — 2015. — 470 с.

Генерал граф Рюдигер фон дер Гольц. **МИССИЯ В ФИНЛЯНДИИ И ПРИБАЛТИКЕ** / пер. с нем., вступ. ст., коммент. Л. Ланника. — 2015 — 318 с.

Ханну Иммонен. **МЕЧТЫ О НОВОЙ РОССИИ. ВИКТОР ЧЕРНОВ (1873–1952)** / пер. с англ. Е. Шраги. — 2015. — 486 с.

Анатолий Шмелев. **ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА КОЛЧАКА (1918–1919 гг.).** — 2017. — 266 с.

Александр Резник. **ТРОЦКИЙ И ТОВАРИЩИ: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 гг.** — 2017. — 382 с.

Готовятся к изданию

Константин Тарасов. **СОЛДАТСКИЙ БОЛЬШЕВИЗМ:** военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне в 1917–1918 гг.

Марсей Гурный. **ВЕЛИКАЯ ВОЙНА ПРОФЕССОРОВ.** Наука о человеке (1912–1923) / пер. с польск. Н. Поляковой

Грегори Фриз. **«ГУБИТЕЛЬНОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ».** Российская Церковь и падение империи: сборник статей / пер. с англ. А. Глебовской